

2025. Vol. 18. Is. 2

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2025. T. 18. № 2

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина,
358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record III No. ΦC77-76487

Published six times a year

Founding Institution: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
канд. филол. наук *А. Т. Баянова* (Россия, г. Элиста);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн: *Д. В. Татнинов*

Компьютерная верстка: *А. Н. Когданов*

Ответственный секретарь: *И. Б. Манджиева*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Cand. Sc. (Philol.) *A. Bayanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia); Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia); Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *R. Saryaeva*

Translator: *S. Dzhaqrunov*

Design: *Dz. Tatminov*

Page layout: *A. Kogdanov*

Executive Secretary: *I. Mandzhieva*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Беделова Г. С., Жумагулов К. Т., Масимханулы Д., Абиденкызы А.</i> Деятельность итальянских купцов в Персии в эпоху монгольского владычества	280
	<i>Волкова Д. В., Склярова Е. К., Топчий И. В., Горбунова Л. Н.</i> Тибетский вопрос во внешней политике Великобритании (1858–1904): методы экспансии и финансирование	297
	<i>Помозова Н. Б., Литвак Н. В., Касаткин П. И.</i> Внешнеполитические концепции Китая и марксистский подход к госкапитализму	311
Отечественная история	<i>Азнабаев Б. А., Рахимов Р. Н., Валеева А. Ф., Шебетовская Д. А.</i> Башкирские посольства к русскому царю XVII–XIX вв.: от консенсуса к ритуалу	324
	<i>Команджаев Е. А., Ольдеева Д. А.</i> Особенности рассмотрения уголовных дел в суде Зарго в Калмыкии в середине XIX в. (на примере дел, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия)	342
	<i>Излученко Т. В., Гергилев Д. Н., Дудин П. Н., Нестеренко Д. Н.</i> Трансформация миграционной системы «Россия – Центральная Азия» под влиянием глобальных процессов XXI в.: проблемы моделирования	353
Археология	<i>Бабенко В. А., Колесникова М. Е.</i> Позднекочевническое погребение из курганного могильника «Озек-Суат – 5» в Нижнем Прикумье	373
Источниковедение	<i>Лебедева И. А., Саитбатталов И. Р., Манцерев А. А.</i> Конволют Кииковых: суфийское знание и письменная культура мусульман Урало-Поволжья в поздней имперской России	393
	<i>Аюшеева М. В., Ванчикова Ц. П.</i> История взаимодействия хори-бурят с властью по летописи Р. Санжиева	410
Этнология и антропология	<i>Дампилова Л. С.</i> Традиционные коды в обрядах для бездетных семей	421
Языкознание	<i>Ишкильдина Л. К., Бускунбаева Л. А., Хабибуллина З. А.</i> Фонетические особенности кодовых переключений в башкирском языке	433
	<i>Экба З. Н.</i> Названия объектов неживой природы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах	444
	<i>Норманская Ю. В.</i> Маторский язык ближе к ненецкому или к камасинскому?	464
	<i>Аль Дауд Д., Козеренко Е. Б.</i> Моделирование вариативности языковой картины мира русского и арабского языков на основе параллельных корпусных данных (на примере сказок «Тысяча и одна ночь»)	483
Фольклористика	<i>Кузьмина Е. Н.</i> Междисциплинарность в эдиционной практике (на примере томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»)	499

CONTENTS

General History	<i>Bedelova G. S., Zhumagulov K. T., Massimkhanuly D., Abidenkyzy A.</i> Activities of Italian Merchants in Mongol Persia	280
	<i>Volkova D. V., Sklyarova E. K., Topchiy I. V. Gorbunova L. N.</i> The Tibetan Question in British Foreign Policy, 1858–1904: Expansion Methods and Funding Sources	297
	<i>Pomozova N. B., Litvak N. V., Kasatkin P. I.</i> China’s Foreign Policy Concepts and the Marxist Approach to State Capitalism	311
National History	<i>Aznabaev B. A., Rakhimov R. N., Valeeva A. F., Shchebetovskaya D. A.</i> Bashkir Embassies to the Russian Tsar, Seventeenth–Nineteenth Centuries: From Consensus to Ritual	324
	<i>Komandzhaev E. A., Oldeeva D. A.</i> Particulars of Criminal Proceedings at Kalmykia’s Zargo in the Mid-Nineteenth Century: Analyzing Files of Cases from the National Archive of Kalmykia	342
	<i>Izluchenko T. V., Gergilev D. N., Dudin P. N., Nesterenko D. N.</i> Transformation of the Russia–Central Asia Migration System amid Twenty-First Century Global Processes: Problems of Modeling	353
Archaeology	<i>Babenko V. A., Kolesnikova M. Ye.</i> Ozek-Suat-5 Mound Grave Field: Excavating One Late Nomadic Burial in the Lower Kuma	373
Source Studies	<i>Lebedeva I. A., Saitbattalov I. R., Mantseriev A. A.</i> The Kiyikov Convolute: Sufi Knowledge and Written Culture of Muslims in the Ural-Volga Region of Late Imperial Russia	393
	<i>Ayusheeva M. V., Vanchikova Ts. P.</i> The Sanzhiev Chronicle: A History of Interaction between Khori Buryats and Russian Authorities	410
Ethnology & Anthropology	<i>Dampilova L. S.</i> The Connection between Actional and Verbal Codes in Buryat Rituals for Childless Families	421
	<i>Ishkildina L. K., Buskunbaeva L. A., Habibullina Z. A.</i> Phonetic Features of Code-Switching in Bashkir Discourse	433
	<i>Ekba Z. N.</i> Arab-Persian Loanwords in Bashkir and Its Dialects: Names of Inanimate Objects	444
Linguistics	<i>Normanskaja J. V.</i> Is Mator Closer to Nenets or to Kamas?	464
	<i>Al Dawood J., Kozerenko E. B.</i> Parallel Corpus Data in Variability Modeling of Russian and Arabic Linguistic Worldviews: Analyzing Texts of One Thousand and One Nights	483
	<i>Kuzmina E. N.</i> Folklore Jewels of Siberia and Russia’s Far East: Interdisciplinarity in Editorial Practices of One Publication Series	499
Folklore Studies		

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 2, Pp. 280–296, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(5)»12/14»
DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-280-296

Деятельность итальянских купцов в Персии в эпоху монгольского владычества

Гульжан Сейдуалиевна Беделова¹, Калкаман Турсунович Жумагулов²,
Дукен Масимханулы³, Айнур Абиденкызы⁴

¹ Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)

кандидат исторических наук, ассоциированный профессор

 0000-0002-0632-7835. E-mail: [gulzhanbedelova\[at\]gmail.com](mailto:gulzhanbedelova[at]gmail.com)

² Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-9072-6344. E-mail: [kalkaman.zhumagulov\[at\]kaznu.kz](mailto:kalkaman.zhumagulov[at]kaznu.kz)

³ Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова (д. 29, ул. Курмангазы, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

доктор филологических наук, профессор, директор

 0000-0003-2986-1499. E-mail: [masimkhan-63\[at\]mail.ru](mailto:masimkhan-63[at]mail.ru)

⁴ Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова (д. 29, ул. Курмангазы, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

PhD, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-0109-4347. E-mail: [ainurbai-67\[at\]mail.ru](mailto:ainurbai-67[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Беделова Г. С., Жумагулов К. Т., Масимханулы Д., Абиденкызы А., 2025

Аннотация. Введение. В статье рассматривается деятельность итальянских купцов в Персии в середине XIII–XIV вв. в условиях монгольского владычества. Авторы анализируют экономическую, дипломатическую и социальную роль итальянцев в торговых сетях Ильханата, а также факторы, способствовавшие интеграции европейских купцов в монгольскую экономическую модель. Основное внимание уделяется финансовым вопросам, взаимодействию итальянских купцов с местной элитой и монгольскими властями, а также причинам упадка их присутствия в данном регионе. *Цели и задачи.* Исследование представляет собой комплексный анализ ита-

льянской торговой деятельности, основанный на изучении нотариальных документов и контрактов, а также выявлении взаимосвязи между торговой активностью и политическими изменениями в Ильханате. В ходе работы продемонстрировано, что итальянские купцы выполняли не только коммерческие функции, но и играли значительную роль в дипломатических процессах, содействуя переговорам между монгольскими правителями и европейскими державами. *Материалы и методы.* Материалы исследования включают такие источники, как нотариальные документы, связанные со сделками и долговыми обязательствами, торговые контракты, завещания итальянских купцов, дипломатическая переписка между европейскими монархами и правителями Ильханата, а также хроники западных и восточных авторов. Исследование проводилось на основании как опубликованных источников, так и архивных материалов, требующих специальной атрибуции и анализа. Использование междисциплинарного подхода, включающего методы исторического, экономического и социального анализа, позволило выявить особенности итальянской торговой стратегии в Персии. Выявлены механизмы адаптации итальянцев к монгольской системе управления, включая практики партнерства с местной элитой и участие в институционализированных формах торговли. Важным *результатом* работы стало уточнение факторов, приведших к снижению итальянского влияния, включая изменение религиозной политики Ильханата, эволюцию торговых маршрутов. Авторы подчеркивают, что опыт итальянских купцов в Персии демонстрирует, как в условиях динамичных политических и экономических изменений можно было не только сохранить, но и успешно использовать возможности для межкультурного и межрегионального обмена. Сделан *вывод* о том, что деятельность итальянских купцов оставила заметный след в истории средневековой торговли, показав, что личные инициативы, адаптация к новым условиям и умелое сочетание коммерческих и дипломатических интересов могут стать мощным двигателем исторических перемен.

Ключевые слова: торговля, дипломатия, Ильханат, итальянские купцы, торговые общины, межкультурный обмен, экономическая интеграция

Благодарность. Исследование подготовлено в рамках реализации программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Ранняя и средневековая история, культура Тюркского мира по новым уникальным материалам Ватикана и стран Западной Европы» (ИРН BR24993132).

Для цитирования: Беделова Г. С., Жумагулов К. Т., Масимханулы Д., Абиденкызы А. Деятельность итальянских купцов в Персии в эпоху монгольского владычества // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 2. С. 280–296. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-280-296

Activities of Italian Merchants in Mongol Persia

Gulzhan S. Bedelova¹, Kalkaman T. Zhumagulov²,
Duken Massimkhanuly³, Ainur Abidenkyzy⁴

¹ Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc (History), Associate Professor

 0000-0002-0632-7835. E-mail: gulzhanbedelova[at]gmail.com

² Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-9072-6344. E-mail: Kalkaman.Zhumagulov[at]kaznu.kz

³ R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (29, Kurmangazy St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Director

 0000-0003-2986-1499. E-mail: masimkhan-63[at]mail.ru

⁴ R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (29, Kurmangazy St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

PhD, Leading Research Associate

0000-0003-0109-4347. E-mail: ainurbai-67[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Bedelova G. S., Zhumagulov K. T., Massimkhanuly D., Abidenkyzy A., 2025

Abstract. *Introduction.* The article deals with activities of Italian merchants in Mongol Persia (mid-thirteenth to late fourteenth centuries). The work analyzes economic, diplomatic and social impacts of Italians in trade networks of the Ilkhanate, as well as some factors that facilitated the integration of European merchants into the Mongol economic model. Particular attention is paid to financial issues, the interaction of Italian merchants with local elites and Mongol authorities, reasons behind the decline of their presence in the region. *Goals.* The study examines notarial documents and trade contracts for certain interconnections between trade endeavors and political changes in the Ilkhanate to provide a comprehensive analysis of the Italian commercial activities. As is shown herein, Italian merchants played not only commercial roles but also contributed significantly to diplomatic processes via facilitating negotiations between Mongol rulers and European powers. *Materials and methods.* The paper focuses on notarial documents relating to transactions and debt obligations, commercial contracts, wills of Italian merchants, diplomatic correspondence between European monarchs and rulers of the Ilkhanate, chronicles by Western and Eastern authors. The research involves both published and archival materials, the latter to have required special efforts of attribution and analysis. The employed interdisciplinary approach comprising historical, economic, and social analysis tools makes it possible to identify key aspects of Italian trade strategies in Persia. The work highlights some mechanisms of adaptation to the Mongol administrative system, including partnerships with local elites and participations in institutionalized forms of trade. *Results.* A most essential achievement is that the paper clarifies the factors behind the decline of Italian influence, such as shifts in the Ilkhanate's religious policy and modifications of trade routes. It is emphasized that the experiences of Italian merchants in Persia illustrate how — in a context of dynamic political and economic changes — they were able not only to sustain but also to successfully leverage opportunities for cultural and regional exchange. *Conclusions.* The investigated activities of Italian merchants did leave a significant mark on the history of medieval trade, and demonstrate that personal initiatives, adaptation to new conditions, and a skillful combination of commercial and diplomatic interests could serve as powerful drivers of historical transformations.

Keywords: trade, diplomacy, Ilkhanate, Italian merchants, trade communities, cultural exchange, economic integration

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. IPH BR24993132 'Ancient and Medieval History, Culture of the Turkic World: Analyzing Newly Discovered Materials from Vatican City and Western European Countries'.

For citation: Bedelova G. S., Zhumagulov K. T., Massimkhanuly D., Abidenkyzy A. Activities of Italian Merchants in Mongol Persia. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 280–296. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-280-296

1. Введение

Современные исследования показывают, что нашествия кочевых народов не только могли приводить к разрушениям, но и способствовали появлению важных экономических и культурных изменений. Особенно об этом свидетельствует период после завоеваний монголов, когда контроль над тор-

говыми путями от Китая до Средиземного моря способствовал усилению связей между регионами. Ярким примером таких процессов стало участие итальянских купцов в торговых сетях, сформированных в период монгольского господства. Их деятельность позволяет глубже понять механизмы ранней глобализации и значение межкультурного

обмена в развитии международных торговых отношений, что остается актуальным и в современном мире.

Целью данного исследования является комплексное рассмотрение деятельности итальянских купцов в Персии в середине XIII–XIV вв., их экономической, дипломатической и социальной роли в системе монгольского господства, а также выявление факторов, способствовавших интеграции европейских торговцев в монгольскую экономическую модель и последующему снижению их влияния. Авторы сосредоточили внимание на следующих задачах: анализ торговых, финансовых механизмов — исследование форм контрактов, типов товаров и экономических стратегий итальянских купцов; изучение взаимодействия с монгольскими властями — определение роли итальянских купцов в дипломатии Ильханата, выявление практик партнерства и способов завоевания доверия местной элиты; оценка влияния политических, экономических факторов, выявление причин упадка итальянской торговли в регионе — изучение воздействия внешних конфликтов, религиозных преобразований и административных изменений в Ильханате на итальянскую торговлю, рассмотрение эволюции торговых общин, а именно анализ институционального оформления генуэзского и венецианского присутствия в Персии, изучение факторов, приведших к сокращению итальянского влияния в Персии.

Историография вопроса охватывает несколько направлений. Во-первых, эта группа исследователей [Balard 1978; Richard 1999; Allsen 2001; Park 2012], которые рассматривают этот процесс, изучая торговые механизмы и институциональное оформление торговых общин. Здесь основная масса исследований посвящена именно форме и способам торговли: типам контрактов (*colleganza* / *commenda*), структуре торговых общин генуэзцев и венецианцев, их взаимодействию с караванными путями и локальными рынками. Этот аспект изучен наиболее полно, есть как общие синтезы, так и детальные разборы отдельных документов и практик. Во-вторых, это работы, которые фокусируются на интеграции купцов в эко-

номическую модель Монгольской империи [Di Cosmo 2005; Enkhbold 2019]. Исследователи анализируют, как европейские купцы приспосабливались к монгольской системе управления, участвовали в институтах ортачества и ориентировались на предпочтения монгольской элиты. Концепция «ортак» и влияние локальных экономических норм описаны достаточно подробно, но единичные примеры требуют углубленного сравнительного анализа. Третье направление — дипломатический аспект торговли [Richard 1970; Spuler 1955]. Отдельные работы рассматривают роль купцов-дипломатов в переговорах Ильханата с Западом, анализируют миссии Бускарелло де Гизольфи, Периччоло (Изол) и других. Дипломатическая функция купцов хорошо документирована на уровне отдельных биографий и эпизодов, но мало синтезов, связывающих эти миссии с общей торговой стратегией. Четвертое направление связано с религиозной политикой Ильханата и ее влиянием на торговлю [Gilman, Klimkeit 2023; Pubblici 2022]. Исследователи рассматривают, как переход ильханов в ислам (Газанхан), а затем усиление нетерпимости (Олджейту, Абу Саид) отражались на безопасности и положении западных купцов. Тема освещена на макроуровне, подробно не анализируется, как именно отдельные указы повлияли на торговлю. Таким образом, проблема изучена многопланово, но остаются значимые пробелы в ряде финансовых вопросов и в анализе взаимодействия с местными элитами, которые стали темой нашего исследования. Авторы статьи попытались свести четыре основных направления существующих работ, обобщая и систематизируя знания по теме, одновременно обозначив для себя точки для последующих исследований.

2. Материалы и методы исследования

В статье использованы методы исторического исследования, включающие анализ письменных источников, сравнительно-исторический, структурно-функциональный методы и метод контекстуального анализа. Метод количественного анализа применялся при изучении финансовых контрактов, упоминаний о товарах и денежных

суммах, отраженных в нотариальных актах. Контекстуальный метод используется для выявления взаимосвязи между торговой активностью итальянцев и политическими изменениями в Ильханате, а также для оценки дипломатической роли купцов. Междисциплинарный подход проявляется в привлечении данных из экономической истории и политической истории монгольских завоеваний. Источниковая база работы состоит из первичных письменных источников XIII–XIV вв., таких как нотариальные документы, касающиеся сделок и долговых обязательств, торговые контракты, завещания итальянских купцов [Cecchetti 1883; Codex Cumanicus 1880; DVL 1880; MHP 1838; ASG; Kohler 1899], документы о назначении консулов, дипломатическая переписка между европейскими монархами и правителями Ильханата, а также хроники западных и восточных авторов [Mosheim 1741; Il Milione 1912; Atâ-Malek Juvayni 1958; Abdu-llah Wassaf 1871; Van den Wyngaert 1929; Горский, Трепавлов 2022]. Исследование проводилось на основании как опубликованных источников, так и архивных материалов, требующих специальной атрибуции и анализа.

3. Анализ торговых, финансовых механизмов

Как убедительно продемонстрировал в своем исследовании Т. Олсен, характер движения людей, идей и товаров по территории Азии в эпоху монгольского владычества в значительной степени определялся предпочтениями, потребностями и интересами монгольской элиты. Китайские и западно-азиатские ученые (вероятно, и европейцы, в том числе торговцы) находились при монгольских дворах не только из научного интереса, но и, прежде всего, в силу желания монголов оценить практическую значимость, эффективность и ценность различных культурных традиций. Этот процесс охватывал разнообразные сферы и проходил через механизмы фильтрации и адаптации, в которых монгольские правители играли ключевую роль. Они регулировали эти процессы, создавая условия, при которых определенные группы людей, идеи и

товары перемещались по Евразии с разной скоростью и в различных масштабах [Allsen 2001: 189–211].

Примером такого движения торговцев и продажи товаров может служить город Тебриз, который уже в XIII в. стал важным торговым центром, особенно для генуэзцев и венецианцев. Известно, что Марко Поло посещал Тебриз в 1293 г. и 1294 г., а в начале следующего века там существовала венецианская торговая община [Cecchetti 1883: 161]. Но «Первое свидетельство пребывания западных купцов в Тебризе относится к 1264 г. Это завещание венецианского купца Пьетро Вильони, помеченное 12 декабря 1264 г.» [Свет 1968: 54]. Пьетро Вильони составил свое завещание в городе Тебриз. Оно написано на языке, близком к итальянскому, смешанном с латинскими словами и венецианским диалектом, содержит сведения о товарах, которыми торговал П. Вильони. Эти товары были весьма ценными: помимо драгоценных металлов, упоминаются горный хрусталь и агаты.

Бартоломео Чеккетти пишет: «О семье Вильони нам известно несколько лиц, начиная с 1103 года, по документам, хранящимся в архивах монастырей S. Giorgio Maggiore, S. M. degli Angeli di Murano, S. Zaccaria, S. Salvatore, а также по одному кодексу из библиотеки Marciana и Archivio Notarile. В той же папке № 292, где хранится завещание Пьетро Вильони, также содержится завещание его отца Витале, составленное 2 мая 1285 года нотариусом Маттео Креценцио, священником из церкви Сан-Моисе. Витале на тот момент был уже в преклонном возрасте и проживал в районе S. Moisò» [Cecchetti 1883: 161–162].

Документ представляет собой детальный инвентарный список имущества П. Вильони, которое он называл «мои вещи и чужие вещи» (*le cose mie et altrui*), что указывает на совместное владение с другими купцами и финансирование с использованием общего капитала из Венеции. В итальянских торговых республиках было широко распространено заключение соглашений, в которых зачастую участвовали члены одной семьи или близкие родственники. Одной из наиболее популярных форм таких договоров

была *colleganzia* (в Венеции) или *commenda* (в других республиках), представлявшая собой контракт, по которому стороны совместно инвестировали в торговые предприятия, разделяя риски и прибыли [Kypta et al. 2019: 158–159].

Опись имущества П. Вильони целесообразно разделить на две составные части. В первой части представлен перечень разнообразных товаров общего назначения, при этом их стоимость, за исключением жемчуга, оцененного в восемьдесят тебризских безантов, не указана. В числе упомянутых предметов значатся два ящика с сахаром, двадцать одна бобровая шкура, а также значительный объем европейских тканей, суммарная длина которых достигала приблизительно трех километров: «Также у меня есть 63 тюка ломбардского полотна, общим весом 780 кантаров¹, и один тюк немецкого полотна, весом 25 кантаров (460 локтей)²... У меня также имеется 8 тюков белого полотна из Венеции, один тюк жатого полотна (70 локтей)... Также у меня есть 5 тюков белого полотна из Венеции и 4 куса грубого полотна (75 локтей)... Кроме того, у меня имеется 21 мех бобров, принадлежащих лично мне, и неочищенный сахар в двух тюках, каждый по 12 кантаров. У меня также есть 188 золотых монет Тавриза, мелкий жемчуг весом 100 единиц, а также 59 золотых монет Тавриза» [Cecchetti 1883: 164–165].

Во второй части завещания представлен обширный каталог роскошных предметов, которые составляют значительную часть содержания документа. П. Вильони специально указал, что в случае его смерти эти вещи должны быть проданы в Тебризе, и оценил их общую стоимость примерно в четыре тысячи тебризских безантов [Cecchetti 1883: 164–165]. Исследователи в целом принимают то, что предметы П. Вильони были предназначены для продажи. Это подтверждается структурными особенностями

документа, указанием фиксированных цен на конкретные предметы и участием других купцов в данном предприятии [Molà 2012: 139–140].

Среди предметов, упомянутых в инвентаре, особенно выделяются шахматные доски: «У меня есть двойная игральная доска для игры в тавлеи и шахматы, искусно сделанная из горного хрусталя, яшмы, серебра, драгоценных камней и жемчуга. Также у меня есть другая игральная доска, с одной стороны предназначенная для шахмат, а с другой для игры в „амарелле“, выполненная из горного хрусталя, яшмы, серебра, камней и жемчуга» [Cecchetti 1883: 163].

В завещании упоминается ряд предметов, изготовленных из свинцового стекла и горного хрусталя, отличающихся высоким уровнем художественной обработки [Cecchetti 1883: 163–164]. Большая часть перечисленных в инвентаре предметов, вероятно, была приобретена у европейских производителей, что подтверждается указанием П. Вильони на их принадлежность не только ему, но и его согражданам, свидетельствуя о существовании коммерческого соглашения.

Как отмечает Л. Мола, значительная часть данного инвентаря, вероятно, имеет связь с венецианским стекольным производством, которое было объединено в гильдию в 1284 г. [Molà 2012: 139]. П. Вильони упоминает яшму, сардоникс, агат и гелиотроп, которые в средние века рассматривались как разновидности некристаллического кварца без четких различий [Holmes 1934: 198].

В последующие приблизительно двадцать лет после завещания П. Вильони наблюдается сравнительный дефицит сохранившихся источников, фиксирующих присутствие и деятельность итальянских торговцев в Персии. Данный факт можно частично объяснить нестабильной политической ситуацией в Византийской империи, а также военными конфликтами между Генуей и Венецией. Эти противостояния, вероятно, привели к дестабилизации торговых маршрутов Черного и Средиземного морей, что в свою очередь могло затруднить или сделать менее привлекательными коммерческие экспедиции итальянских купцов вглубь Евразийского континента.

¹ Кантар — мера веса, использовавшаяся в различных странах Ближнего Востока и Средиземноморья. В разных странах имела различное значение: от 45 до 320 кг. Например, в Генуе равнялась 47,65 кг.

² Локоть — мера длины, равняется половине английского ярда.

С начала 1280-х гг. фиксируется рост числа коммерческих документов, среди которых самым ранним, по наблюдению М. Баларда, является договор Л. ди Рекко. М. Балард также упоминает о продаже рубинов из региона Бадахшан, сделка зарегистрирована в Генуе в 1283 г. Драгоценные камни принадлежали некому Оспинелло делла Кроче, купцу, находившемуся в Тебризе [Balard 1978: 139].

В период с 1285 г. по 1290 г. ряд генуэзских представителей, включая известного Бускарелло де Гизольфи, принимали участие в дипломатических миссиях, инициированных ханом Аргуном и направленных к Папе Римскому с целью содействия формированию христианско-монгольского союза против Египта [Balard 1978: 139]. Эти контакты свидетельствуют о возрастающем стратегическом значении генуэзского торгового поста в Тебризе, который в этот период переживал активное развитие.

В марте 1291 г. в Генуе были заключены три финансовых договора, по которым выплаты должны были производиться в Тебризе после прибытия первого торгового каравана. В 1292 г., в июне, июле и сентябре, были подписаны еще четыре подобных соглашения на общую сумму 1 762 генуэзских золотых монеты. Помимо этого, были оформлены два торговых заказа, один из которых включал пять небольших тюков ткани из Реймса. В 1293 г. семья Малочелло создала торговое партнерство (*societas*) с купцом Лучето де Мари и тремя другими генуэзцами, чтобы вместе вести бизнес в Тебризе [Balard 1978: 139].

Отдельные архивные записи свидетельствуют о том, что имущество генуэзских купцов, скончавшихся в Тебризе, иногда отправлялось обратно в Геную. Однако настоящий расцвет торгового пункта начался только после 1300 г. К 1304 г. Генуэзская республика уже официально назначила консула — Раффо Паллавизино. В Тебризе работали нотариусы: в 1303 г. — Джованни ди Бертоно, а затем Джованнини ди Партиссоло из Реджо, который называл себя «писцом генуэзской общины в Тебризе» и вел документацию в местном караван-сарая «*de nautos*» с 1307 г. по 1311 г. Позднее, с 1328 г.

и, по меньшей мере, до 1344 г., в городе работал еще один писец — Ацеллино Романо [Balard 1978: 140].

Марко Поло посетил Тебриз в 1273 г. во время своего путешествия в Китай, а затем вновь оказался в городе в 1294 г. на обратном пути в Европу. Во время второго визита он отметил, что в городе было много генуэзских купцов, которых привлекло обилие драгоценных товаров: «...*Народ в Торисе (Тебриз) торговый и занимается ремеслами; выделываются тут очень дорогие, золотые и шелковые ткани. Торис на хорошем месте; сюда свозят товары из Индии, из Бодака [Багдада], Мосула, Кремозора и из многих других мест; сюда за чужеземными товарами сходятся латинские купцы. Покупаются тут также драгоценные камни, и много их здесь. Вот где большую прибыль наживают купцы, что приходят сюда*» [Минаев 1955: 60]. Эти слова в полной мере передают богатство города, Тебриз был важным перевалочным пунктом для западных торговцев и узловым центром торговых путей, соединявших Переднюю Азию, Причерноморье и Персидский залив.

Следует отметить, что имеющиеся данные свидетельствуют о том, что Аргун-хан проявлял особый интерес к развитию связей с генуэзцами, что в конечном итоге способствовало созданию постоянного торгового пункта. К 1304 г. Генуя уже имела хорошо зарекомендовавшее себя представительство в городе, включая консульство, нотариуса и возможно даже «*fonduk*» или «*fondaco*» (фондако — своего рода торговый пост или фактория, где купцам разрешалось останавливаться и хранить товары) [Balard 1978: 140].

До 1290-х гг. итальянское присутствие в Ильханате, по-видимому, опиралось главным образом на самостоятельные предприятия отдельных купцов и авантюристов [Cecchetti 1883: 161–165; Balard 1978: 139]. Подобно П. Вильони, эти торговцы использовали свой предыдущий опыт работы в Анатолии и на портовых узлах Леванта, работавший в контактах с крестоносными общинами. Очевидно, что их экспедиции преследовали не только коммерческие цели, связанные с развитием торговли с Ильхана-

том, но также способствовали налаживанию дипломатических и политических контактов с монгольскими правителями.

Фактически в период правления Хулагу, Абаги, Аргуна христианство пользовалось благосклонностью ильханов. Первая жена Хулагу была христианкой, и многие военные и административные чиновники Ильханата приняли несторианство [Mosheim 1741: 79]. Со стороны латинян путешествия в Персию могли быть стимулированы слухами о принятии христианства ильханами. В течение 1270–1280-х гг. экспедиции европейцев способствовали, на наш взгляд, значительному притоку латинян на территорию Ильханата. В Персии эти купцы и искатели приключений нередко оказывались на службе у ильханов, выполняя дипломатические поручения или военные функции наемников. При монгольском дворе традиционно стирались четкие грани между обязанностями купцов, придворных, дипломатов и чиновников. В то же время итальянские купцы чаще всего принадлежали к аристократическим и обеспеченным слоям общества, отличались высоким уровнем грамотности, а также превосходно владели несколькими языками. Их опыт в дальних путешествиях делал их идеальными посланниками и посредниками.

В период правления Аргуна и Газана итальянские купцы стали основными посредниками в передаче информации и дипломатических сообщений на Запад. В ранний период существования Ильханата (1256–1284) монгольские дипломатические миссии на Запад преимущественно возглавлялись монашеством, в частности францисканцами, а также чиновниками, занимавшими бюрократические должности в государственном аппарате. Однако начиная с середины 1280-х гг. эту функцию все чаще начали выполнять купцы, в особенности итальянского происхождения. К концу XIII – началу XIV в. именно они в подавляющем большинстве случаев руководили дипломатическими миссиями Ильханата в Европу. Эта практика сохранялась вплоть до правления Олджейту (1304–1316), когда последние зафиксированные посольства были отправлены к Папе Римскому в 1305 г. [Mosheim 1741: 80–93].

Итальянские дипломаты и торговцы часто совмещали официальные дипломатические миссии с личными коммерческими интересами. Так, генуэзский купец Бускарелло де Гизольфи, сопровождая английского посланника, воспользовался возможностью для инвестирования 600 фунтов серебра в Генуе. Аналогично венецианский посол Микеле Дольфин, подписавший в 1320 г. договор между Венецией и Ильханатом, во время своей поездки в Персию также занялся урегулированием своих финансовых дел, включая взыскание долгов в Трапезунде [ASG].

4. Взаимодействие с монгольскими властями и местными элитами

Завоевывая расположение монгольских ханов, итальянские купцы не только стремились к личному обогащению, но и пытались интегрироваться в монгольскую экономическую систему, устанавливая личные политические и экономические связи с монгольской аристократией. Часто привезенные ими товары предназначались не только для обмена, но и в качестве даров с целью завоевания расположения монгольской аристократии. Такой подход не был редким в европейских взаимоотношениях с монголами. Исследователи отмечают, что в период монгольской экспансии практика дарения подарков претерпела значительные изменения, превращаясь из ритуала гостеприимства в форму политического подчинения. Подношение даров монгольскому правителю или чиновнику стало не только выражением уважения, но и способом признания их власти и получения защиты, фактически приобретая характер даннических отношений [Qiu 2020: 202–227].

Конечно, в средние века граница между дипломатическим обменом подарками и местной данью в большинстве случаев была размыта, хотя в целом символическое значение этих двух действий было довольно схожим: подтверждение верности или подчинения более могущественному правителю. Фактически в представлении монгольского правителя любой дар от иностранных правителей воспринимался как дань, которую также можно было рассматривать как фор-

му взаимного обмена, подобно дипломатическому дарообмену. Более того, в большинстве случаев разница между посланниками и торговцами была неочевидной. Это можно объяснить не только монгольской традицией назначать зажиточных купцов своими посланниками, но и тем, что монгольская дипломатия зачастую имела коммерческую цель. Чаще всего среди имущества, привезенного миссиями, определенная часть преподносилась в качестве дипломатических даров, а остальное рассматривалось как капитал для торговли [Juvaynī, I 1958: 78–79; Jūzjānī, II 1881: 966–967; Rachewiltz 2004: 181].

Европейские купцы и миссионеры осознавали важность даров в общении с монголами, о чем свидетельствует Плано Карпини, отмечавший их необходимость для посланников и вынужденный оправдываться за отсутствие подарков от Папы Римского: *«И когда мы прибыли в орду, нас спросил ... Элидегар, чем мы хотим поклониться, то есть какие дары мы ему хотим вручить. Мы ему ответили, ... что господин папа не послал даров»* [Горский, Трепавлов 2022: 177].

Исследователи, в частности Николо Ди Космо, анализируя в своих исследованиях нотариальные акты, отмечают, что итальянские купцы хорошо понимали монгольские обычаи. Например, в 1291 г. генуэзский купец Пьетро де Брайно нанял сокольничего и отправился ко двору Аргун хана, привезя с собой несколько соколов в качестве даров. Сокольничему было обещано значительное вознаграждение в 800 аспров — это была крупная инвестиция, направленная на то, чтобы завоевать расположение монгольского хана, успешно доставив этих птиц ко двору ильханов [Di Cosmo 2005: 400].

Марко Поло также упоминал случаи обмена дарами между братьями Поло и ханом Берке. Братья преподнесли Берке-хану всю свою коллекцию драгоценностей, и в ответ он одарил их товарами, стоившими вдвое больше полученного: *«Он принял все драгоценности, которые они привезли, с большой благодарностью, и это ему очень понравилось. Взамен он подарил им другие ценности, которые стоили не меньше. Эти*

товары были отправлены на продажу в те края и были проданы по хорошей цене» [II Milione 1912: 2].

Особый интерес представляет практика ортаков — форма коммерческого сотрудничества, которая развивалась между монгольской аристократией и купцами. Тюрко-монгольские правители не только привлекали торговцев на службу, но и активно участвовали в торговых операциях, становясь их компаньонами в коммерческих предприятиях, известных как «ортаки». Эта практика началась с Чингис-хана и распространилась на его преемников. Чингизиды вкладывали средства в торговлю, предоставляя купцам привилегии, используя дипломатические миссии для экономической выгоды и добиваясь особых условий для своих «ортаков».

Характер этой коммерческой ассоциации стал предметом значительных споров. Однако есть исследования, которые раскрывают ее нюансы [Allsen 1989: 114–115]. Первые упоминания о соглашениях, связанных с ортаками, содержатся в «Сокровенном сказании монголов». С расширением Монгольской империи эта практика укреплялась, а участие монгольской аристократии в евразийской торговле через ортаки, особенно с уйгурскими и мусульманскими купцами, получило широкое распространение, о чем свидетельствуют китайские источники [Park 2012: 109–110].

Женщины из монголо-персидской элиты вкладывали доходы от дани и добычи в собственные ортаки, отмечает Рашид ад-Дин [Enkhbold 2019: 533]. Персидские источники описывают деятельность мусульманских ортаков, работавших при дворе хана Монке, приводя множество эпизодов, свидетельствующих об их торговой активности в Китае до 1260 г. [Atâ-Malek Juvayni 1958: 209–211]. Торговцы-ортаки играли важную роль в морской торговле, спонсируемой государством [Park 2012: 110].

Как отмечает Томас Олсен, институт ортачества не редко проявлялся через систему дарообмена, которая фактически скрывала крупные коммерческие сделки. Система ортака изначально служила не столько экономической выгоде знати, сколько привлечению торговцев к сотрудничеству с мон-

гольской властью [Allsen 1989: 120]. Одно из таких событий описывает Джувейни при дворе Угедея: «Затем торговцы возвращались и объявляли цены на свои товары; и по приказу Каана, какой бы ни была цена, его чиновники должны были поднять ее на 10 % и выплатить деньги торговцам» [Atâ-Malek Juvayni 1958: 214].

Джувейни также много раз упоминает дары в своем труде, хотя лишь изредка описывает, что именно было дарено или получено: «Каану принесли драгоценный пояс, украшенный драгоценными камнями. Он осмотрел его и обвязал вокруг талии» [Atâ-Malek Juvayni 1958: 221].

В более поздней хронике персидский чиновник Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Фазлаллах Ширази пишет: «подарки в виде тканей, драгоценностей, дорогих одеяний и охотничьих леопардов, достойные его королевского одобрения, а также десять туманов (сто тысяч монет) золота были даны ему из главной казны, чтобы использовать их в качестве капитала для торговли. Фахру-д-дин Файд получил необходимые припасы для своего путешествия на кораблях и джонках, загрузив их собственными товарами, а также огромным количеством драгоценностей и жемчуга» [Abdu-llah Wassaf 1871: 45].

Итальянские торговцы старались стать частью монгольской системы торговли и обмена ценностями, возможно, становясь ортаками, для чего перенимали местные обычаи и практики дарения (систему ортак в «Codex Cumanicus» приравнивали к латинскому слову *socius*, означающему коммерческого партнера) [Codex Cumanicus 1880: 114]. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что на протяжении нескольких десятилетий они добивались в этом значительного успеха, выстраивая высокий уровень сотрудничества с монгольской аристократией и, в некоторых случаях, с самими ханами. Есть несколько примеров того, как итальянские купцы не просто доставляли сообщения от монгольских ханов, но и говорили, что постоянно работали на них.

Одной из наиболее примечательных личностей среди итальянских купцов, состоявших на монгольской службе, можно

назвать уроженца Пизы по имени Периччоло, известного также под именами Изол де Анастасио Бофети, Иолус, Чол или просто Изол. Продолжительность его деятельности при дворе ильханов значительно превосходила аналогичные примеры, а упоминания о нем встречаются в источниках на протяжении более двадцати лет.

Жан Ришар упоминает два послания Папы Николая IV, направленные Изолу, в которых понтифик выражает признательность за оказанные им услуги, а также за содействие, которое он, используя свое высокое положение при дворе Ильханов, мог предоставить миссионерам в Персии [Richard 1970: 186–194]. Однако исследователь не учитывает другой документ, предположительно, относящийся к 1289 г. Речь идет о сообщении группы из десяти францисканцев, вернувшихся в Рим после десяти лет, проведенных в Персии. Согласно их свидетельству, Изол за время длительного пребывания в регионе добился как значительных материальных выгод, так и авторитета среди монголов, активно способствуя их обращению в христианство [Mosheim 1741: 77]. Как отмечает Жан Ришар, Изол хорошо знал торговые пути и морские маршруты. Именно благодаря его информации в 1300 г. Папа Бонифаций VIII отлучил от церкви нескольких купцов, которые тайно вели торговлю с Египтом, нарушая запреты [Richard 1970: 188]. В 1301 г. Изол дважды упоминается в реестрах генуэзского нотариуса Ламберто ди Самбуцето, где он фигурирует как знатные мужи Чиолус Бофети и Золус де Анастасио (*nobilis vir Ciolus Bofeti and Zolus de Anastasio*) [Kohler 1899: 34–37].

Еще один генуэзский купец или банкир, Томмазо де Анфузи, хотя и не имел знатного титула, был избран монгольскими правителями для сопровождения несторианского монаха Раббан Саумы в его дипломатической миссии в Европу в 1287 г. Раббан Саума, пребывавший в Генуе в течение лета 1287 г. и зимы 1287–1288 гг., посетил дворы французского короля Филиппа IV Красивого и английского короля Эдуарда I. Завершив свою миссию, он вернулся на Восток, доставив послания от Папы Николая IV [Borbone 2009: 241–245].

В начале 1289 г. Папа Римский отправил Иоанна Монтекорвино на Восток с письмами для Аргуна. В путешествии его спутниками были купец Петр Лукалонго, который после торговли на Ближнем Востоке направился в Южный Китай, и монах-доминиканец Николай Пистойский. В июле 1289 г. Иоанн Монтекорвино, признанный в историографии основателем первых христианских миссий на территории Китая, покинул город Риети. Можно предположить, что маршрут его путешествия пролегал из Тебриза и далее через акватории Персидского залива и Индийского океана. Уже в 1291 г. экспедиция достигла монгольской столицы Ханбалык [Van den Wyngaert 1929: 352].

В тот же год было направлено еще одно посольство под руководством итальянского купца Бускарелло де Гизольфи. Его миссия заключалась в передаче предложений о координации действий против мамлюков. Можно предположить, что главной целью дипломатической миссии являлось скорейшее получение ответа от Папы Римского и правителей Англии и Франции. В документе упомянут купец, обозначенный как «Мускерил» (Muskeril), с указанием его должности «хорчи», что подразумевает его принадлежность к ханской личной охране [Spuler 1955: 229–230].

Бускарелло де Гизольфи был снабжен папским рекомендательным письмом, адресованным английскому королю, и в течение того же года прибыл в Лондон. Спустя менее месяца он направился во Францию ко двору короля Филиппа Красивого, где передал монарху послание монгольского хана, сопроводив его собственноручно подготовленным сокращенным переводом на французский язык. В 1291 г. английский король Эдуард направил в Персию посольство во главе с дворянином Годфри из Лэнгли, а Бускарелло де Гизольфи снова сопровождал миссию. Они отправились из Генуи и прибыли в Персию в начале 1292 г. Однако к тому моменту хан Аргун скончался, а его преемник Гайхату не проявил интереса к переговорам с европейцами. После этого посольства Бускарелло де Гизольфи на достаточно долгое время исчезает из исторических источников. Павиот в своем исследовании ссылается на нотариальный акт 1317 г., в котором упоминается

Аргон де Гизольфи, сын Бускарелло. Выбор имени «Аргун» для сына, вероятно, служит наиболее явным свидетельством преданности и признательности купца своему покровителю [Paviot 1991: 112–113].

Томмазо Уджи из Сиены, вероятно, заменил Бускарелло в последнем этапе дипломатической переписки между монголами и европейскими державами, происходившей в промежутке между 1303 г. и 1307 г. В своих посланиях хан Олджейту называет его «меченосцем» или «илдучи» (*ilduchi*) [Richard 1999: 46]. В 1305 г., выполняя дипломатическую миссию при папском дворе, Уджи также выступил в качестве свидетеля в торговом споре между персидским и венецианским купцами. Кроме того, он сыграл важную роль в посредничестве при заключении официального соглашения между Венецией и Ильханатом [DVL 1880: 222].

5. Политико-экономические факторы и упадок итальянской торговой активности на территории Персии

После 1303 г. военные неудачи Ильханата на сирийском направлении и постепенная утрата интереса к расширению территорий в Левантийском регионе в течение XIV в. сопровождались заметными переменами в характере торговых и экономических контактов между ильханами и итальянскими торговцами. Венеция и Генуя, в частности, начали регулировать деятельность своих торговых представителей в Тебризе, что свидетельствует о пересмотре их торговой стратегии. Генуэзское ведомство *Officium Gazarie*, отвечающее за торговлю в Черноморском регионе, расширило свою юрисдикцию на Тебриз, передав управление консулу и совету опытных купцов [МНР 1838: 222–223]. Венеция также официально закрепила свое присутствие посредством соглашений, заключенных в 1306 г. и 1320 г., а к 1324 г. назначила собственного консула [DVL 1880: 173, 192, 209]. Данные регламенты, в частности регулировавшие торговые отношения с местным населением, свидетельствуют о стремлении итальянских республик усилить контроль над своей деятельностью в регионе на фоне меняющейся внутренней обстановки в Ильханате. Посте-

пенное ослабление связей прослеживается с периода правления Газан-хана (1295–1304). Его принятие ислама во многом отражало широкое распространение этой религии среди монгольской и персидской элиты. Далее при его преемнике Олджейту христианские источники фиксируют усиление религиозной нетерпимости и рост преследований. Это демонстрируют различные указы, которые Газан обнародовал для подавления христиан [Pubblici 2022: 186–193].

После неудачной кампании Ильханата против мамлюков в 1313 г. Олджейту переориентировал военные усилия на защиту северных и восточных границ, что снизило стратегическую значимость «франкского альянса» с христианскими государствами Леванта. Впоследствии этот союз окончательно распался, когда его преемник, Абу Саид (1316–1335), заключил мирное соглашение с мамлюками в 1322 г. При его правлении отношение к христианам ухудшилось, и к 1330 г. Римская церковь в Ильханате практически исчезла [Gilman, Klimkeit 2023: 143].

При правлении Абу Саида начала формироваться негативная тенденция в отношении христианских купцов, в частности итальянских [Gilman, Klimkeit 2023: 143]. Это изменение было обусловлено рядом факторов, среди которых ключевым являлось отсутствие очевидных экономических преимуществ для Персии от торговли с Европой. В результате монголо-персидская аристократия стала воспринимать итальянских торговцев как менее значимых с точки зрения дипломатии и стратегии. Такое изменение восприятия привело к снижению заинтересованности Ильханата в поддержке и приеме европейских купцов.

Несмотря на усиливающееся религиозное напряжение, итальянские торговые общины продолжали активно действовать в Персии в начале XIV в. Это, вероятно, стало возможным благодаря политике правителей Ильханата в предыдущие годы. К 1305 г. в городе Тебризе уже проживало значительное число генуэзцев и венецианцев. Понимая важность официального оформления их присутствия и регулирования отношений с Ильханатом, Венеция и Генуя с 1305 г. ини-

цировали заключение ряда соглашений [DVL 1880: 47].

Понять содержание этих договоров сложно, так как не хватает информации о событиях того времени. Тем не менее в них есть общая черта — они выражают беспокойство по поводу притеснения купцов монгольскими властями. Это подтверждается конфликтом 1306 г., после которого Венеция и Ильханат заключили соглашение [DVL 1880: 47]. Договор был заключен для защиты венецианских торговцев, чтобы они могли безопасно вести дела и оставаться экономически независимыми. В нем оговаривались правила, запрещающие принудительную продажу их товаров, а также гарантировался возврат имущества купца его семье или партнерам в случае его смерти: *«Кроме того, если какой-либо наш венецианец умрет на территории нашей Империи, никто из тех, кто собирает налоги, и никакое другое лицо не может и не должно вмешиваться в распоряжение его имуществом или предъявлять на него какие-либо претензии, кроме старшего среди упомянутых венецианцев»* [DVL 1880: 174]. Эти факты показывают, что монгольская знать возможно использовала недобросовестные методы в торговле и пыталась заставить купцов работать по правилам, похожим на систему ортак: *«Кроме того, в любом городе или месте нашей Империи наши венецианцы не могут быть вынуждены платить налог (tomagar) или продавать свои товары без их согласия. Более того, таможенные чиновники (tomagazi) данного города или места обязаны, если наш венецианец захочет уехать со своим товаром или отправить его в другое место, предоставить ему такую возможность по его желанию»* [DVL 1880: 173].

Разобраться в правилах, установленных Officium Gazarie для Генуи, довольно сложно. С начала 1310-х гг. генуэзские власти начали вводить ограничения на торговлю в Тебризе. Купцы могли торговать не дольше четырех месяцев подряд, но перед этим должны были получить специальное разрешение от консула. Им разрешалось использовать исключительно наличные средства и товары, импортированные из Италии, а также вести строгий учет всех транзакций. Что-

бы предотвратить мошенничество, сумма наследства для иностранцев, сопровождавших генуэзских торговцев, не могла превышать двух тысяч тебризских безантов. Контролировать сделки, связанные с использованием выючных животных, поручалось консулу и трем опытным представителям (*boni homines*) генуэзской общины. Купцам запрещалось также объединять капиталы с местными жителями или создавать с ними торговые партнерства. Подобные, хотя и менее структурированные ограничения, вероятно, действовали и в других торговых республиках [МНР 1838: 222].

Эти новые правила стали серьезным изменением по сравнению с прежними выгодными условиями, которые генуэзцы имели при дворе Ильханата. Это ставит под вопрос природу введенных ограничений: были ли они инициированы самими генуэзцами либо являлись результатом приказов монгольских ханов.

Венецианский документ от 1324 г. показывает, как менялось отношение правителей Ильханата к итальянцам. В своем письме венецианский консул Марко де Молино выражает обеспокоенность слабой дисциплиной среди венецианской общины в Тебризе и отмечает возрастающие риски ведения торговли в регионе [DVL 1880: 192]. В письме рассказывается о венецианском купце Франческо Квирини, который нарушил запрет консула и заключил сделку с «сарацинским» купцом. Его соотечественники сообщили об этом венецианским властям, и Квирини был оштрафован на крупную сумму. В ответ он подал жалобу на этого торговца и заявил следующее: *«Госпожа, я пришел сюда, чтобы принести пользу вашей земле, хотел купить товары по высоким ценам и с хорошей выгодой, но венецианцы не позволили мне этого сделать, избили меня и причинили мне ущерб. Поэтому дайте мне людей из вашей свиты, чтобы я мог избить их, схватить и привести к вам»* [DVL 1880: 193]. Ответ был жестким: арестовали тех, кто сообщил о нарушении, и потребовали с них огромный выкуп.

После кончины Абу Саида в 1335 г. Ильханат распался на несколько княжеств, возглавляемых влиятельными аристократичес-

кими родами. Крах Ильханата значительно затормозил дипломатические и торговые связи с Европой. Региональные династии, такие как Шейбаниды и Джалаириды, скорее всего, не проявляли интерес к Леванту и не придерживались масштабных геополитических устремлений ранних Ильханов.

6. Заключение

Деятельность итальянских купцов в Персии эпохи монгольского владычества оказалась гораздо более многогранной, чем можно было бы ожидать. Эти торговцы успешно использовали свой богатый опыт, лингвистические и культурные навыки, чтобы не только вести прибыльную торговлю, но и становиться посредниками в международных переговорах между Востоком и Западом. Они начали активно действовать в Персии уже в середине XIII в., что подтверждается документальными свидетельствами (например, завещанием Пьетро Вильони 1264 г.). Итальянские торговцы энергично внедрялись в монгольскую экономическую систему, заключая партнерства с местной аристократией, что позволяло им получать доступ к редким товарам и заключать выгодные торговые контракты. Практика дарообмена и установления личных связей с монгольскими правителями оказалась эффективным инструментом для итальянских купцов. Эти жесты доверия и взаимной выгоды не только способствовали укреплению экономических позиций, но и создавали предпосылки для политического диалога между различными культурами и государственными системами.

Что касается Ильханата, то их готовность привлекать купцов в качестве посредников в дипломатических контактах обуславливалась рядом факторов. Прежде всего, монгольская элита традиционно поддерживала тесные связи с купечеством, осознавая их значимость не только в экономическом, но и в политическом контексте. Вместе с тем деятельность итальянских купцов при дворе была продиктована, прежде всего, прагматическими соображениями, т. е. личными интересами, а не религиозной преданностью или приверженностью интересам итальянских республик. Подобная модель по-

ведения характерна для итальянских торговых общин в восточном Средиземноморье и гармонично вписывалась в политическую динамику монгольского двора, где борьба за влияние и ресурсы была обычным явлением.

До 1289 г. дипломатические контакты между Монгольской империей и Европой в значительной степени находились под контролем духовенства, как западного, так и монгольского. Однако стремление папы и несториан обратить монголов в христианство нередко препятствовало конструктивному взаимодействию, что подтверждается перепиской Аргуна и Папы Николая IV [Thanase 2013: 46]. Из-за этого правители Ильханата, вероятно, предпочитали работать с более практичными партнерами, так как религиозные вопросы затрудняли военные союзы. Вместе с тем итальянские купцы, движимые коммерческими интересами, оказались более надежными посредниками, поскольку не предъявляли религиозных требований. Наделение отдельных представителей престижными политическими должностями также свидетельствовало о стремлении властей установить связи с их сообществами. В свою очередь эти влиятельные купцы использовали свое положение

для укрепления позиций своих общин, что способствовало формированию взаимовыгодных соглашений.

Однако, несмотря на первоначальные успехи, со временем меняющаяся политическая конъюнктура, усиление религиозных противоречий и смена стратегических приоритетов монгольской власти привели к утрате выгодных условий для ведения торговли. Ограничения, вводимые как монгольскими властями, так и представителями итальянских республиканских государств, свидетельствовали о том, что динамика международных отношений стала менее благоприятной для независимых купеческих инициатив.

Таким образом, опыт итальянских купцов в Персии демонстрирует, как в условиях динамичных политических и экономических изменений можно было не только сохранить, но и успешно использовать возможности для межкультурного и межрегионального обмена. Их деятельность оставила заметный след в истории средневековой торговли, показав, что личные инициативы, адаптация к новым условиям и умелое сочетание коммерческих и дипломатических интересов могут стать мощным двигателем исторических перемен.

Источники

- Горский, Трепавлов 2022 — История монголов: Текст, перевод, комментарии / под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова; подгот. лат. текста П. В. Лукина, пер. с лат. А. А. Вовина, П. В. Лукина, коммент. А. А. Горского, П. В. Лукина, С. А. Масловой, Р. Ю. Почекаева, В. В. Трепавлова; вступит. ст. А. А. Горского, В. В. Трепавлова. М.: ИДВ РАН, 2022. 383 с.
- Abdu-llah Wassaf 1871 — *Abdu-llah Wassaf. Tazjiyatu-l Amsar wa Tajriyata-l Asar. The History of India as Told by its own Historians. The Muhammadan Period / The posthumous papers of the late Sir H. M. Elliot edited and continued by John Dowson. Vol. 3. London: Trübner & Co, 1871. Pp. 24–54.*
- ASG — Archivio di Stato di Genova, Esposizioni Virtuali. Buscarello Ghisolfi [электронный ресурс] // URL: <http://www.>

Sources

- Pian del Carpine G. History of the Mongols. A. Gorsky, V. Trepavlov (text prep., transl., etc.) et al. Moscow: Institute of Far Eastern Studies (RAS), 2022. 383 p. (In Russ. and Lat.)
- Wassaf A. Tazjiyatu-l Amsar wa Tajriyata-l Asar. In: The History of India as Told by Its Own Historians. The Muhammadan Period (Posthumous Papers of the Late Sir H. M. Elliot). J. Dowson (ed.). Vol. 3. London: Trübner & Co, 1871. Pp. 24–54. (In Eng.)
- Buscarello Ghisolfi. On: State Archive of Genoa (online exposition). Available at: <http://www.archiviodi5statogenova.beniculturali.it/index.>

- archiviodi5statogenova.beniculturali.it/index.php?it/253/buscarello-ghisolfi (дата обращения: 15.01.2025).
- Atâ-Malek Juvayni 1958 — *Atâ-Malek Juvayni. The History of the World Conqueror / Translated from the text of Mirza Muhammad Qazvini by John Andrew Boyle. Vol. 1. Oxford Road, Manchester: Manchester University, 1958. 361 p.*
- Cecchetti 1883 — *Cecchetti B. Testamento di Pietro Vioni veneziano fatto a Tauris (Persia) MCCLXIV, X Dicembre // Archivio Veneto. Vol. 26. Venezia: Archivio Veneto, 1883. Pp. 161–165.*
- Codex Cumanicus 1880 — *Codex Cumanicus / Comes Géza Kuun (ed.). Budapest: Budapestini Scient. Academiae Hung, 1880. 395 p.*
- DVL 1880 — *Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia a. 1300–1350 / G. M. Thomas (ed.). Venetia: Sumptibus societatis, 1880. 356 p.*
- Il Milione 1912 — *Il Milione secondo il testo della “crusca” reintegrato con gli altri codici italiani, by Marco Polo / Dante Olivieri (ed.). Bari: Laterza, 1912. 317 p.*
- Jūzjānī, I 1881 — *Juvaynī ‘A.-M. Genghis Khan: The History of the World Conqueror. Vol. I. Trans. J. A. Boyle. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958. Pp. 78–79.*
- Jūzjānī, II 1881 — *Jūzjānī M. al-S. Tabakāt-i-Nasirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia... Vol. II. Trans. H. G. Raverty. London: Gilbert & Rivington, 1881. Pp. 966–967.*
- Kohler 1899 — *Kohler Ch. Documents inédits concernant l’orient latin et les croisades (XII–XIV siècle) // Revue de l’orient latin. Vol. 7. Paris: E. Leroux, 1899. Pp. 34–37.*
- MHP 1838 — *Monumenta Historiae Patriae / edita iussu regi Caroli Alberti, Leges Municipales, edited by Regia Deputazione di Storia Patria. Torino: Deputazione di Storia Patria, 1838. 1774 p.*
- Mosheim 1741 — *Mosheim J. Historia Tartarorum ecclesiastica: Adiecta est Tartoriae asiaticae secundum recentiores geographos in mappa delineatio. Leipzig: Weygand, 1741. 216 p.*
- Rachewiltz 2004 — *The Secret History of the Mongols. Trans. Igor de Rachewiltz. 2 vols. Leiden-Boston: Brill, 2004. 1347 p.*
- php?it/253/buscarello-ghisolfi (accessed: 15 January 2025). (In Ital.)
- Juvayni A.-M. The History of the World Conqueror. J. A. Boyle (transl.). Vol. 1. Manchester: Manchester University Press, 1958. 361 p. (In Eng.)
- Cecchetti B. Testamento di Pietro Vioni veneziano fatto a Tauris (Persia) MCCLXIV, X dicembre. In: Archivio Veneto. Vol. 26. Venice: Archivio Veneto, 1883. Pp. 161–165. (In Ital.)
- Codex Cumanicus. C. G. Kuun (ed.). Budapest: Hungarian Academy of Sciences, 1880. 395 p. (In Lat.)
- Diplomatarium veneto-levantinum: Sive acta et diplomata res venetas graecas atque levantis illustrantia. 1300–1350. G. M. Thomas (ed.). Venice: Sumptibus Societatis, 1880. 356 p. (In Lat.)
- Polo M. Il Milione. D. Olivieri (ed.). Bari: G. Laterza & Figli, 1912. 317 p. (In Ital.)
- Juvayni A.-M. Genghis Khan: The History of the World Conqueror. Vol. 1. J. A. Boyle (transl.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958. Pp. 78–79. (In Eng.)
- Jūzjānī M. al-S. Tabakāt-i-Nasirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia... Vol. 2. H. G. Raverty (transl.). London: Gilbert & Rivington, 1881. Pp. 966–967. (In Eng.)
- Kohler Ch. Documents inédits concernant l’Orient latin et les croisades (XIIe–XIVe siècle). In: Revue de l’Orient Latin. Vol. 7. Paris: E. Leroux, 1899. P. 34–37. (In Fr.)
- Alberti R. C. (ed.) Monumenta Historiae Patriae: Leges Municipales. Torino: A. Taurinorum, 1838. 1774 p. (In Lat.)
- Mosheim J. Historia Tartarorum ecclesiastica: Adiecta est Tartoriae Asiaticae secundum recentiores geographos in mappa delineatio. Leipzig: F. C. Weygand, 1741. 216 p. (In Lat.)
- The Secret History of the Mongols. I. de Rachewiltz (transl., comment., etc.). In 2 vols. Leiden, Boston: Brill, 2004. 1347 p. (In Mong. and Eng.)

Van den Wyngaert 1929 — Sinica Franciscana. Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Vol. 1 / edited by Anastasius Van den Wyngaert. Firenze: Quaracchi, 1929. 352 p.

Van den Wyngaert A. (ed.) Sinica Franciscana. Vol. 1: Itinera et relations Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Firenze: Apud Collegium S. Bonaventurae, 1929. 352 p. (In Lat.)

Литература

Минаев 1955 — Книга Марко Поло / пер. со старофранц. текста И. П. Минаева; ред. и вступит. ст. И. П. Магидовича. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1955. 376 с.

Свет 1968 — После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий / пер., введ. и примеч. Я. М. Света. М.: Наука, 1968. 237 с.

Allsen 1989 — *Allsen T. Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200–1260* // *Asia Major*. Vol. 2:2. Taiwan: Academia Sinica, 1989. Pp. 83–126.

Allsen 2001 — *Allsen T. Culture and Conquest in Mongol Eurasia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 245 p.

Balard 1978 — *Balard M. La Romanie génoise (XIIe-début du XVe siècle) I* // *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. Nuova serie. Vol. 18:1. Rome: École française de Rome Palais Farnese, 1978. 496 p.

Borbone 2009 — *Borbone P. Storia di Mar Yahballaha e di Rabban Sauma Cronaca siriana del XIV Secolo*. Moncalieri: Lulu Press, 2009. 392 p.

Di Cosmo 2005 — *Di Cosmo N. Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts* // *Mongols, Turks, and Others*. Vol. 11 / R. Amitai and M. Biran (ed.). Leiden: Brill, 2005. Pp. 391–424. DOI: 10.1163/9789047406334_019

Enkhbold 2019 — *Enkhbold E. The Role of the Ortoq in the Mongol Empire in Forming Business Partnerships* // *Central Asian Survey*. Vol. 38:4. 2019. Pp. 531–547. DOI: 10.1080/02634937.2019.1652799

Gilman, Klimkeit 2023 — *Gilman I., Klimkeit H.-J. Christians in Asia before 1500*. London: Routledge, 2023. 391 p.

Holmes 1934 — *Holmes U. T. Mediaeval Gem Stones* // *Speculum*. Vol. 9:2. 1934. Pp. 195–204. DOI: 10.2307/2846596

References

Polo M. The Travels of Marco Polo. I. Minaev (transl.), I. Magidovich (ed., foreword). Moscow: Geographical Literature Press, 1955. 376 p. (In Russ.)

Garmsen O. M. (ed.) After Marco Polo: Travels of Westerners in the Three Indias. Ya. Svet (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka — GRVL, 1968. 237 p. (In Russ.)

Allsen T. Mongolian princes and their merchant partners, 1200–1260. *Asia Major*. 1989. Vol. 2. No. 2. Pp. 83–126. (In Eng.)

Allsen T. Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 245 p. (In Eng.)

Balard M. La Romanie génoise (XIIe-début du XVe siècle) I (Atti della Società Ligure di Storia Patria. Nuova serie 18/1). Rome: École française de Rome; Geneva: Società Ligure di Storia Patria, 1978. 496 p. (In Fr.)

Borbone P. (ed.) Storia di Mar Yahballaha e di Rabban Sauma. Cronaca siriana del XIV secolo. Moncalieri: Lulu Press, 2009. 392 p. (In Ital.)

Di Cosmo N. Mongols and merchants on the Black Sea frontier in the thirteenth and fourteenth centuries: Convergences and conflicts. In: Amitai R., Biran M. (eds.) *Mongols, Turks, and Others*. Vol. 11. Leiden: Brill, 2005. Pp. 391–424. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1163/9789047406334_019

Enkhbold E. The role of the ortoq in the Mongol Empire in forming business partnerships. *Central Asian Survey*. 2019. Vol. 38. No. 4. Pp. 531–547. (In Eng.) DOI: 10.1080/02634937.2019.1652799

Gilman I., Klimkeit H.-J. Christians in Asia before 1500. London: Routledge, 2023. 391 p. (In Eng.)

Holmes U. T. Mediaeval gem stones. *Speculum*. 1934. Vol. 9. No. 2. Pp. 195–204. (In Eng.) DOI: 10.2307/2846596

- Kypta et al. 2019 — *Kypta U., Bruch J., Skambraks T.* Methods in Premodern Economic History: Case Studies from the Holy Roman Empire, c. 1300–c. 1600. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 509 p.
- Molà 2012 — *Molà L.* Venezia, Genova e l'Oriente: i mercanti italiani sulle Vie della Seta tra XIII e XIV secolo // Sulla Via della Seta. Antichi sentieri tra Oriente e Occidente / M. Norell (ed.). Turin: Codice Edizioni, 2012. Pp. 124–166.
- Park 2012 — *Park H.* Mapping the Chinese and Islamic Worlds: Cross-Cultural Exchange in Pre-modern Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 276 p.
- Paviot 1991 — *Paviot J.* Buscarello de Ghisolfi, marchand génois intermédiaire entre la Perse mongole et la Chrétienté latine (fin du XIIIe – début du XIVe siècles) // La Storia dei Genovesi. Vol. 11. 1991. Pp. 107–117.
- Pubblici 2022 — *Pubblici L.* Mongol Caucasia: Invasions, Conquest, and Government of a Frontier Region in Thirteenth Century Eurasia (1204–1295). Vol. 41. Leiden: Brill, 2022. 265 p.
- Qiu 2020 — *Qiu Y.* Gift-Exchange in Diplomatic Practices during the Early Mongol Period // Diplomacy in the Age of Mongol Globalization. Eurasian Studies / F. Fiaschetti (ed.). Vol. 17:2. Leiden: Brill, 2020. Pp. 202–227. DOI: 10.4000/abstractairanica.53737
- Richard 1970 — *Richard J.* Isol le Pisan: un aventurier franc gouverneur d'une province mongole? // Central Asiatic Journal. Vol. 14:1/3. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1970. Pp. 186–194.
- Richard 1999 — *Richard J.* The Crusades (c. 1071–1291). Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 516 p.
- Spuler 1955 — *Spuler B.* Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350. Berlin: Akademie-Verlag, 1955. 579 s.
- Thanase 2013 — *Thanase T.* Les Mongols et le monde dans les registres de la papauté au XIIIe siècle: l'écriture d'une histoire // La correspondance entre souverains, princes et cités-États / D. Aigle, S. Péquignot (ed.). Turnhout: Brepols, 2013. Pp. 77–100.
- Kypta U., Bruch J., Skambraks T. Methods in Premodern Economic History (Case studies from the Holy Roman Empire, c. 1300–c. 1600). Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 509 p. (In Eng.)
- Molà L. Venezia, Genova e l'Oriente: I mercanti italiani sulle Vie della Seta tra XIII e XIV secolo. In: Norell M. (ed.) Sulla Via della Seta. Antichisentier tra Oriente e Occidente. Turin: Codice Edizioni, 2012. Pp. 124–166. (In Ital.)
- Park H. Mapping the Chinese and Islamic Worlds: Cross-Cultural Exchange in Pre-Modern Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 276 p. (In Eng.)
- Paviot J. Buscarello de Ghisolfi, marchand génois intermédiaire entre la Perse mongole et la Chrétienté latine (fin du XIIIe – début du XIVe siècles). In: La Storia dei Genovesi. Vol. 11. 1991. Pp. 107–117. (In Ital.)
- Pubblici L. Mongol Caucasia: Invasions, Conquest, and Government of a Frontier Region in Thirteenth-Century Eurasia (1204–1295) [Brill's Inner Asian Library 41]. Leiden: Brill, 2022. 265 p. (In Eng.)
- Qiu Y. Gift-exchange in diplomatic practices during the early Mongol period. In: Fiaschetti F. (ed.) Diplomacy in the Age of Mongol Globalization (Eurasian Studies 17/2). Leiden: Brill, 2020. Pp. 202–227. (In Mong.) DOI: <https://doi.org/10.4000/abstractairanica.53737>
- Richard J. Isol le Pisan: un aventurier franc gouverneur d'une province mongole? *Central Asiatic Journal*. 1970. Vol. 14. No. 1/3. Pp. 186–194. (In Fr.)
- Richard J. The Crusades (c.1071–1291). Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 516 p. (In Eng.)
- Spuler B. Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350. Berlin: Akademie-Verlag, 1955. 579 p. (In Germ.)
- Thanase T. Les Mongols et le monde dans les registres de la papauté au XIIIe siècle: l'écriture d'une histoire. In: Aigle D., Péquignot S. (eds.) La correspondance entre souverains, princes et cités-États. Turnhout: Brepols, 2013. Pp. 77–100. (In Fr.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 2, Pp. 297–310, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК/UDC 94(410)

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-297-310

Тибетский вопрос во внешней политике Великобритании (1858–1904): методы экспансии и финансирование

Диана Владимировна Волкова¹, Елена Константиновна Склярова²,
Инна Владимировна Топчий³, Людмила Николаевна Горбунова⁴

¹ Донской государственный технический университет (д. 1, пл. Гагарина, 344003 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

кандидат философских наук, доцент

0000-0002-8722-9670. E-mail: volkovadiana@mail.ru

² Южный Федеральный университет (д. 105/42, ул. Б. Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

0000-0002-0751-5838. E-mail: affina18@mail.ru

³ Донской государственный технический университет (д. 1, пл. Гагарина, 344003 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

кандидат философских наук, доцент

0000-0001-9174-3077. E-mail: innavt2009@mail.ru

⁴ Донской государственный технический университет (д. 1, пл. Гагарина, 344003 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

кандидат философских наук, доцент

0009-0002-3822-8417. E-mail: liudmiladgtu@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2025

© Волкова Д. В., Склярова Е. К., Топчий И. В., Горбунова Л. Н., 2025

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается тибетский вопрос во внешней политике Британии в 1858–1904 гг. Проблема комплексно не исследовалась в отечественной историографии в контексте парламентских дебатов по вопросу методов и источников финансирования экспансии Тибета. Колониальная политика Британии была направлена на расширение ее торговли с

Тибетом, обеспечение доступа к месторождениям и вытеснение Китая, Непала и России. Все эти поставленные проблемы мотивируют историков искать истоки многовековых противоречий этих стран, преемственности внешней политики. *Цель* данного исследования — анализ тибетского вопроса во внешней политике Британии в контексте методов и финансирования экспансии. *Задачи* исследования предполагают рассмотрение позиций членов парламента и правительства Британии, пытавшихся с помощью колониальных методов нарушить изоляцию Тибета, несмотря на растущие международные противоречия. *Материалы и методы*. Исследование предпринято на основе парламентских дебатов и законов Британии, документов личного происхождения, периодической печати и международных договоров. В работе применялись историко-генетический и историко-сравнительный методы исследования. *Выводы*. В эпоху королевы Виктории шло становление нового курса внешней политики Британии, направленного на развитие торговли с Тибетом, вытеснение Китая, Непала и России в этом регионе. Военно-разведывательные действия в Тибете, цинично называемые в парламенте «миссия», стали продолжением викторианской политики в Индии, Непале и Китае. Методами миссии стали военные действия, разведка, размещение постоянного представителя Британии, проникновение на территории, прилегающие к Индии, Непалу и Китаю. Военно-научная экспансия финансировалась парламентом на основе викторианского закона 1858 г., из доходов, получаемых благодаря колонизации Индии. В состав колониальных войск входили гуркхи, патанцы, индийские геодезисты, британские хирурги, картографы и разведчики. Минимальные затраты, нарушение изоляции Тибета, военные действия обосновывались в парламенте, как миссия и защита национальных интересов Индии и Британии.

Ключевые слова: Тибет, Китай, Непал, Монголия, Великобритания, Индия, Россия, внешняя политика

Для цитирования: Волкова Д. В., Склярова Е. К., Топчий И. В., Горбунова Л. Н. Тибетский вопрос во внешней политике Великобритании (1858–1904): методы экспансии и финансирование // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 2. С. 297–310. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-297-310

The Tibetan Question in British Foreign Policy, 1858–1904: Expansion Methods and Funding Sources

*Diana V. Volkova*¹, *Elena K. Sklyarova*², *Inna V. Topchiy*³, *Liudmila N. Gorbunova*⁴

- ¹ Don State Technical University (1, Gagarin Sq., 344003 Rostov-on-Don, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor

 0000-0002-8722-9670. E-mail: volkovadiana[at]mail.ru

- ² Southern Federal University (105/42, B. Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-0751-5838. E-mail: affina18[at]mail.ru

- ³ Don State Technical University (1, Gagarin Sq., 344003 Rostov-on-Don, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor

 0000-0001-9174-3077: E-mail: innavt2009[at]mail.ru

- ⁴ Don State Technical University (1, Gagarin Sq., 344003 Rostov-on-Don, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor

 0009-0002-3822-8417. E-mail: liudmiladgtu[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2025

© Volkova D. V., Sklyarova E. K., Topchiy I. V., Gorbunova L. N., 2025

Abstract. *Introduction.* The article examines the Tibetan question in British foreign policy between 1858 and 1904. In Russian historiography, the issue was never comprehensively approached in the context of parliamentary debates over expansion methods and funding sources in Tibet. Britain's colonial policy was aimed at expanding its trade with Tibet, providing access to oil fields, and displacing China, Nepal, and Russia. The identified points keep motivating historians to seek for the beginnings of centuries-old contradictions between the nations that have shaped somewhat foreign policy continuities. *Goals.* The study attempts an analysis into the Tibetan question as part of the British international agenda in the context of expansion techniques and funding aspects. To facilitate this, the paper shall consider the then positions of parliament members and government officials who — despite the growing international resistance — tended to use colonial ideologies and methods for a break in the isolation of Tibet. *Materials and methods.* The work employs the historical genetic and comparative methods to focus on publications of parliamentary debates and British laws, documents of personal origin, periodicals and international treaties. *Results and conclusions.* The era of Queen Victoria witnessed the shaping of a new course in British foreign policy that would lead to further development of trade with Tibet, displacement of China, Nepal and Russia from the region. The military intelligence activities in Tibet, cynically referred to in Parliament as 'the Mission', proved a continuation of Victorian policy in India, Nepal and China. The Mission's methods included military operations, intelligence duties, the deployment of Britain's permanent representative, and penetrations into territories adjacent to India, Nepal, and China. The military and scientific expansion was funded by the Parliament following the Victorian Act 1858 — from revenues collected through India's colonization. The colonial forces were compiled from Gurkhas, Pathans, Indian surveyors, British surgeons, cartographers and intelligence officers. Minimal costs, violation of Tibet's isolation, and military actions were justified in the Parliament as a mission supposed to protect the national interests of both India and Great Britain.

Keywords: Tibet, China, Nepal, Mongolia, Great Britain, India, Russia, foreign policy

For citation: Volkova D. V., Sklyarova E. K., Topchiy I. V. Gorbunova L. N. The Tibetan Question in British Foreign Policy, 1858–1904: Expansion Methods and Funding Sources. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 297–310. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-297-31

1. Введение

Международные конфликты, нарушение государственного суверенитета, разведывательные операции и аннексии стали частью формирования внешней политики многих стран мира. Тибет был объектом экспансии Британии, направленной на расширение коммерции, а также вытеснение Китая, Непала и России из этого региона. В британской историографии первые исследования, посвященные «миссии» Британии в Тибет, опубликованы в Оксфорде. Посол Британии в Тибете Ч. Бенч, получив разрешение Далай-ламы на публикацию книги, отметил, что «миссия в Лхасу» началась с согласия Китая в 1885 г., став частью «военных экспедиций» Британии в Тибет [Bench 1924: 59]. И. Барроу отразил деятельность британской разведки, связанной с составлением карт и получением информации о ситуации в Азии

[Barrow 2003: 27]. В университете Кембриджа совместно с «Международной ассоциацией изучения Тибета» исследованы архивы экспедиции Ф. Янгхасбенда [Phuntsho 2012: 121]. Индийский журнал, осуждая колониальный режим, указал на 1885 год как начало продвижения миссии Британии в Тибет, которая привела к аннексии долины Чумби [Kiernan 1955: 31, 50]. Ученые США отмечали, что получение данных разведки Британии для продвижения в Тибет началось в 1863 г. [Waller 1990: 29].

В России исследования, посвященные проникновению Британии в Тибет, появились в XX в. Русский исследователь П. К. Козлов отмечал, что Тибет интересовал больше всех британцев и русских. Первые «следили за действиями вторых, вторые — за действиями первых» [Козлов 19076: 230]. Внимание историков СССР концентрирова-

лось на опыте дипломатии, позициях России в Азии [Покровский 1923]. В монографии, опубликованной Институтом востоковедения АН СССР, завоевания охарактеризовали как «экспансию в Тибетском районе Китая» [Леонтьев 1956: 4]. В постсоветский период предметом исследований стала имперская политика Британии в теократическом Тибете [Лопатин 2007: 148], конфликтов «Дуги нестабильности», протянувшейся через Тибет в контексте «Большой Игры» [Сергеев 2012: 49, 436]. Действия вице-королей Индии анализировались в контексте способов обретения новых рынков для Британии [Сидорова 2023: 117]. Фокусом новых работ стал тибетский вопрос во внешней политике России и Британии, основанный на изучении воспоминаний начальника канцелярии Императорского Двора А. А. Мосолова [Монгуш 2023: 41]. Однако парламентские дебаты по тибетскому вопросу использованы фрагментарно в историографии, оставляя часть методов и финансирования экспансии, особенностей преемственности внешней политики и международных отношений недостаточно рассмотренными.

Целью данного исследования является анализ тибетского вопроса во внешней политике Британии в контексте методов экспансии и финансирования в 1858–1904 гг.

2. Материалы и методы исследования

Исследование предпринято на основе парламентских дебатов и законов Британии, документов личного происхождения, периодической печати и международных договоров XIX – начала XX вв. Их анализ позволил представить эволюцию внешней политики Британии, а также международных отношений Тибета, Китая, Монголии, Непала, Индии, Британии и России впервые в контексте методов и финансирования экспансии. На основе парламентских дебатов, введенных в научный оборот впервые, а также законов Британии, работ путешественников, врачей и разведчиков, а также использования историко-генетического и сравнительного методов исследования доказано, что тибетский вопрос стал продолжением колониальной политики Британии в Индии и Китае, а также военно-разведывательных операций на

основе предшествующего опыта аннексий и в то же время противостояния России.

3. От викторианской политики мира с Тибетом к началу экспансии

В XIX в. всем иностранцам был запрещен въезд в Тибет согласно приказу императора Китая, который гласил, что ни один «монгол, индостанец, патанец или ференги (европеец) не должен быть допущен в Тибет» [Уоддел 1906: 12]. Но в эпоху королевы Виктории началась его экспансия. В США отмечали, что в 1863 г. начались разведывательные операции Британии для продвижения в Тибет [Waller 1990: 29]. Началось изучение перспектив торговли с Тибетом, строительство дороги через Сикким к тибетской границе до перевала Джелап в долину Чумби осуществлялось в данное время [Kiernan 1955: 31]. В 1885 г. дорога была проложена. Конвенция 1890 г., подписанная в Калькутте, признала протекторат Британии над Сиккимом [Convention 1890: 105]. Новый договор санкционировал торговлю в Ятунге на тибетской стороне, открыв его для Британии с 1894 г. Границы Сиккима с Тибетом, места пастбищ были одобрены уполномоченными, назначенными правительствами Британии и Китая. Правительство Индии получило право направлять в Тибет своих представителей для наблюдения за торговлей. Импорт и экспорт (оружия, боеприпасов, ликероводочных изделий, наркотических средств, соли) разрешались на условиях, которые правительство этих стран считало целесообразным для себя [Regulations 1893: 107]. Оба договора были подписаны в Индии.

Британия продолжила политику расширения своего влияния в Тибете. В парламенте отметили, что Тибет, как страна, граничащая с Индией, не должна находиться в изоляции¹. Колониальная политика цинично называлась «миссия в сердце Тибета» [Hansard's 1904a: 1110], «миссия в интересах Индии» [Hansard's 1904b: 494], «военная экспедиция» [Bench 1924: 59–67], «Тибет-

¹ Индия осуществляла торговлю в небольших объемах с Афганистаном, Тибетом, Непалом, западными провинциями Китая [Крючков и др. 2022: 203].

ская пограничная комиссия» [Walton 1905: 419]. В парламенте признали, что «военный эскорт» сопровождал Афганскую комиссию 1885 г., Бирмано-китайскую комиссию 1897 г. Поэтому для Британии «не было ничего необычного в том, чтобы отправить вооруженный эскорт» в Тибет «с мирной целью заключения конвенции» [Hansard's 1904a: 1128]. В России миссию назвали «полюбопытством» «с применением горной артиллерии» [Козлов 1907а: 530–533], а в СССР — «экспансией» [Леонтьев 1956: 4]. Подобную политику Британии в период опиумных войн в парламенте цинично называли «экспедицией в Китай» [Жуковец и др. 2024: 476].

Конвенцию 1890 г. подписал вице-король Индии Г. Лэнсдаун. Заняв пост министра иностранных дел Британии, он указал, что между тибетцами и Британией существуют 2 вопроса — о торговле и границе. По его мнению, первый считался одной из главных обязанностей правительства — «не жалеть усилий для развития торговли», которая велась во всех частях мира, но вопрос границ имел иную природу, поскольку при соседстве «нецивилизованных стран» Британии «нравится, когда нет четких границ... В Тибете нецивилизованная страна выступила против цивилизованной» [Hansard's 1904a: 1144]. Он отметил, что, подписав Конвенцию, Британия была осторожна, чтобы «не навязать тибетцам торговлю», не принимая до 1893 г. никаких мер, объяснив политику Индии желанием навязать тибетцам индийский чай. Лорд подчеркнул, что в отношении торговли велась «политика терпения и примирения», но в итоге пограничные столбы «разрушены», Британии запретили торговать, а тибетцы построили стену рядом с тем местом, где договорились о создании торгового центра. Это была «не тарифная, а каменная стена», а из-за провала политики терпения Британия пришла к выводу «принять предложение Индии, прибегнув к более энергичной политике» [Hansard's 1904a: 1145–1146].

Российские исследователи отмечали, что в Ятунге была воздвигнута стена для создания преграды в коммерческих стремлениях Британии. Члены миссии вышли из

леса, в котором ночевали, увидели «стену, построенную поперек дороги в высоту, равную прилежащих горных склонов» [Козлов 1907а: 537].

Пересмотр викторианской политики и проблем, препятствующих продвижению Британии в Тибет, начался в эпоху короля Эдуарда VII. По мнению британских ученых, это был «новый вид политики» [Kiernan 1955: 51]. По мнению же русских географов — «насильственное вторжение» [Козлов 1907б: 231]. Заместитель министра по делам Индии, президент «Королевского Азиатского общества» Рей, представляя в парламенте Либеральную партию, отметил, что согласен с подходом бывшего вице-короля Индии Элгина — избегать трений в Тибете. Но новый вице-король Дж. Керзон готов оставить Тибету земли, на которые тот претендовал, но при условии, что Фари будет открыт для торговцев из Индии. В письме правительства Бенгалии его предупредили, что тибетцы не согласятся на открытие, поскольку это нанесет ущерб монополии тибетских торговцев, которые боялись трений с Британией, желая их избежать, а также из-за «неприязни тибетцев к въезду на их территорию всех иностранцев» [Hansard's 1904a: 1110–1111].

Три попытки Дж. Керзона провести переговоры с Далай-ламой провалились, письма возвратились не открытыми [Bench 1924: 56]. Вице-губернатор Бенгалии указал, что бесполезно пытаться установить связь с властями Тибета через посредника, хотя «вакил Бутана дважды привлекался» для этого. «Далай-лама не мог принять письмо, не посоветовавшись с амбаном» [Hansard's 1904a: 1112], указав, что ему запрещено писать письма иностранному правительству, поскольку ламы, сехаффи и амбанцы заключили соглашение в том, что письма не должны направляться без консультации с амбаном [Hansard's 1904a: 1112]. Ламы Тибета «проклинали англичан», объявив о нападении, а после столкновений корреспондент Э. Кендлер писал, что они «подавлены тем, что случилось: „молитвы, амулеты, заклинания, святейшие из их святых, все их обмануло... Они шли с опущенными головами, разочарованные в своих богах“» [Козлов

1907a: 530–531]. Далай-лама письменно обратился к начальнику миссии «с просьбой остановить движение, оставить монастыри в покое, который определен свыше» [Козлов 1907a: 539]. Но Ф. Янгхасбенд, выполняя указания Дж. Керзона, продолжил путь в Лхасу в сопровождении военного эскорта.

Британцев постигло разочарование в Лхасе, которая «построена людьми, а не феями; ее улицы не были вымощены золотом... страшно грязны» [Козлов 1907a: 535]. Их разочарование, грязь на улицах, распространение оспы и инфекционных заболеваний в Тибете подтверждала пресса Австралии [Tibet 1933: 8]. Британцы не нашли в Тибете Махатмы, который бы указал дорогу к «высшим областям знания и мудрости», которых они прежде не знали, а с точки зрения возглавлявшего их Ф. Янгхасбенда их «религия забавна и самая испорченная, но не самая чистая форма буддизма» [Козлов 1907a: 537]. Далай-лама при поспешном отъезде из Лхасы оставил печать Ти-Римпочэ, который был признан правителем, главным при переговорах с Ф. Янгхасбендом. При этом последний, по свидетельству П. К. Козлова, оставил о Ти-Римпочэ нелестную оценку, якобы «его научные познания „ограничивались знанием стихов из священных книг, заученных в зубрежку“» [Козлов 1907a: 536–537]. Ф. Янгхасбенд был плохого мнения о тибетцах, считая, что средний уровень настоятелей монастырей и главных лам был ниже, а монахи Лхасы были «испорченными, грязными, сладострастными», их жизнь «подавлялась суровым режимом» [Козлов 1907a: 537]. В парламенте указали на «религиозный фанатизм» тибетцев [Hansard's 1904a: 496]. Но спустя несколько лет Ч. Бенч подчеркнул свою дружбу с Далай-ламой [Bench 1924: 59].

Поводом британской экспансии была попытка «Индийской чайной ассоциации» внедрить индийский чай в Тибете. В парламенте лорд Рей привел мнение правительства Бенгалии, что попытка «оказалась бесплодной из-за препятствий лам», а тибетцы «предпочли низкокачественный китайский чай» [Hansard's 1904a: 1112]. Он указал на трудности для британских торговцев, ко-

торые могут привести к «перенаправлению тибетской торговли в Непал» [Hansard's 1904a: 1113], считая политику изоляции Тибета, анахронизмом, поскольку около границ Британской Индии существовало государство, с которым не поддерживались отношения, заявив, что такая ситуация «не может продолжаться вечно» [Hansard's 1904a: 1112–1113].

4. Международные противоречия России, Китая и Британии в Тибете

В парламенте Британии во время дебатов упоминалось секретное соглашение, согласно которому, по слухам, правительство России якобы получило полномочия вмешательства в дела Тибета. Приводилось сообщение Китая, что «соглашение не было предметом обсуждения между правительством России и Китая»; были лишь заверения российского посла А. К. Бенкендорфа, что «не было соглашения о Тибете, ни с Тибетом, ни с Китаем», а правительство склонно вступить в обсуждение международных отношений в точках соприкосновения интересов [Hansard's 1904a: 1114]. Британо-индийским военным кругам угроза русского нашествия была выгодна, она оправдывала «английский милитаризм» [Покровский 1923: 335]. Лорд Рей указал, что Британии присуще, что когда страна продвигается вперед, «к России должно быть недоверие, а когда продвигается Россия, недоверие должно быть к Англии. Но есть дружеское намерение Британии вступить в обсуждение, пытаясь навсегда устранить причины взаимных подозрений, которых не должно быть между державами, имеющими огромные, не обязательно конфликтующие интересы в Азии» [Hansard's 1904a: 1115].

Связующим звеном между Россией и Тибетом были буддисты, почитающие Далай-ламу. Его влияние распространялось «на Тибет, Монголию и миллионы людей, проживающих в Азии и России» [Bench 1924: 52]. В депеше маркиза Вальтера Таунли 1903 г. говорилось, что правительство России не может «отделаться от ощущения», что вторжение войск Британии в Тибет было рассчитано на то, чтобы вызвать волнения в Азии [Hansard's 1904a: 1126]. Ситуация

считалась неблагоприятной в момент, когда Россия была склонна к обсуждению британо-российских отношений. Страны собрались «мирно обсудить тибетский вопрос», поскольку и у России были свои интересы в Тибете. Каждый новый этап Большой игры «сместал ее фокус: от конфликтной зоны в персидско-афганском пограничном пространстве» через «Северо-Западную провинцию Индии к Тибету» [Сергеев 2012: 22].

Пост заместителя министра по делам Индии до 1903 г. занимал граф А. Хардвик. Представляя Консервативную партию в парламенте, он подчеркнул, что Британия могла отказаться от надежд установить отношения с Тибетом, укрепляя границы, чтобы «противостоять любой враждебной акции. Это была бы неразумная политика», и она никогда не проводилась ни одним вице-королем. Правительство Британии «признавало сюзеренитет Китая над Тибетом» [Hansard's 1904a: 1125–1126], а миссия в Хамбаджонг направлена с согласия Китая. Тибет 14 лет игнорировал Конвенцию, препятствуя торговле, но «нельзя игнорировать посягательства на территории Британии» [Hansard's 1904a: 1126]. Тибетцы отказались поддерживать отношения с Британией, а итогом их общения с Россией стало внушение чувства, что они «не боятся Англии», а «за ними стоит мощь России» [Hansard's 1904a: 1127].

Сюзеренитет Китая над Тибетом был проблемой для торговли Британии. В парламенте отмечали, что Китай заявлял, что в любом вопросе Тибет может действовать так, как хочет, а британская миссия уполномочена тратить деньги свободно, но нельзя заставить тибетцев покупать британские товары. Предложение Дж. Керзона гласило, что правительство Китая должно быть информировано, что Британия может вести переговоры только в Лхасе, а коммерческая миссия начнет работу весной, чтобы встретиться там с послом Китая и Тибета. Дж. Керзон рассматривал сюзеренитет как «конституционную фикцию — политическое притворство, которое поддерживалось из удобства для обеих стран», предлагая, что переговоры должны коснуться границ Сиккима, отношений с Тибетом, что должно завершиться «назначением посто-

янного представителя Британии, который будет проживать в Лхасе» [Hansard's 1904a: 1116]. Но правительство Тибета наложило вето на это предложение.

Министр по делам Индии, член Консервативной партии лорд Дж. Гамильтон еще в 1901 г. выразил мнение, что пренебрежение Конвенцией 1890 г. требует применения решительных мер, а предложение направить вооруженную миссию в Лхасу, создав там резиденцию, оправдано, как законный ответ на действия Тибета. Еще в 1903 г. он указал, что правительство Британии «осознавало, что иностранное влияние в Тибете нарушит международные отношения», расценивая это как давление на отношения между Индией и Непалом. Возникли обстоятельства, которые «налагали обязательство изменить отношения» с правительством Индии [Hansard's 1904a: 1117]. Но правительство Британии не могло рассматривать этот вопрос, как касающийся только Индии и Тибета. Позиция Китая в отношениях с державами мира за последние годы настолько изменилась, что необходимо было учесть новые условия при принятии решений, затрагивавших территорию, которая рассматривалась Китаем как его провинция. Правительство Британии было далеко от того, чтобы рассматривать сюзеренитет как конституционную фикцию, считая Тибет провинцией Китая. Поэтому, прежде чем санкционировать курс, который мог быть расценен как посягательство на целостность китайской империи, необходимо было убедиться, что действия оправданы и что преждевременно принимать меры, которые могут вызвать кризис в делах Тибета.

Правительство Британии, пытаясь остановить вице-короля, считало, что «миссия не должна продвигаться», поскольку в случае неудачи встречи китайской и тибетской сторон «продвижение к Лхасе неоправданно», а правительство Тибета желало переговоров, «избегая враждебных действий». Но вице-король настаивал на британском представителе в Лхасе, учитывая нежелание правительства. Предлагая альтернативу, он отметил, что «представитель должен проживать на северной стороне перевалов, чтобы иметь возможность поддерживать

связь со столицей» [Hansard's 1904a: 1118]. Дж. Гамильтон не возражал против встреч послов Китая, Тибета и Индии в Хамбаджонге, подчеркнув, что правительство Британии желало ограничить переговоры вопросами торговли, границ и пастбищ, не предлагая создание представительства ни в Гьянцзе, ни Лхасе. Он отметил непригодность Ятунга, Фари и Чумби для торгового центра, не нарушая монополии местных торговцев, а также указал, что придется «рассмотреть вопрос о введении военного положения» [Hansard's 1904a: 1118–1120].

Руководство миссией было возложено на полковника Ф. Янгхасбенда, военная часть — на генерала, инженера-картографа Дж. Макдональда [Macdonald 1932]. Медицинское обеспечение возлагалось на врачей: майора С. Уимберли, капитанов С. Маинпрайса, Е. Конолли [Landon 1905: 457]. О военных событиях Ф. Янгхасбэнд старался говорить сдержанно, отмечая, что «война неизбежна» [Козлов 1907а: 539]. Вице-король предупредил правительство, что продвижение миссии от Хамбаджонга к Гьянцзе, оккупация Чумби необходимы. По мнению депутатов парламента, оккупации Чумби будет недостаточно для давления на Лхасу, миссии придется двигаться дальше, а Британии следует осознать, что правительство Лхасы не имеет представления о мощи Британии. По мнению лорда Рея, стремление тибетцев сохранить изоляцию, объяснялось тем, что они «боятся военной силы Британии» [Hansard's 1904a: 1118–1119].

Поводом оккупации Чумби стал инцидент 1903 г., когда два подданных Британии были казнены, но оказалось, что они арестованы [Hansard's 1904a: 1129]. Ф. Янгхасбэнд, описывая встречу с военными администраторами России в районе Памира, выразил мнение, что «русские — конкуренты», а британцы «вели Большую игру» (цит. по: [Сергеев 2012: 9, 190]). Он опасался, что русские могут получить информацию для прохода войск, а также о месторождениях золота и нефрита в Памире, составлявших интерес для британцев [Сергеев 2012: 9, 190].

В парламенте обсуждали позицию вице-короля Индии Дж. Керзона, который

отмечал, что если провал переговоров окажется неизбежным, то правительство готово санкционировать «оккупацию Чумби и продвижение к Гьянцзе» [Hansard's 1904a: 1120]. Он рекомендовал санкционировать наступление через Чумби, проход через перевал Тангла к Гьянцзе, который находится около Фари. Британия планировала начать движение, не ожидая серьезного сопротивления, поэтому был выбран маршрут через Чумби. В ноябре 1904 г., указав на «разрыв переговоров с Тибетом» и новый период отношений, Дж. Керзон отметил, что народ Тибета «вместо того, чтобы быть враждебным, доброжелателен», предложив воспользоваться их миролюбием, не посылая миссию с вооруженным эскортом» [Hansard's 1904a: 1120–1121]. Дж. Керзон был убежден, что отношения с Тибетом не могут быть налажены без представительства в Лхасе. Он просил о гарантиях того, что Ф. Янгхасбэнду не позволят продвинуться дальше Гьянцзе, а правительство Индии должно быть информировано, что оккупация Лхасы не будет санкционирована правительством Британии, которое не готово создать представительство в Тибете.

5. Получение разведывательных данных Британией и опасения в связи с растущей мощью России

Получение разведывательных данных использовалось Британией для продвижения в Тибет с целью обследования горных вершин, составления карт [Hansard's 1904b: 496]. Д. Уоллер считал лето 1863 г. начальной датой отправки пандитов в Тибет [Waller 1990: 29]. Вопрос о получении разведывательных данных из миссии, где находились полковник Ф. Янгхасбэнд и генерал Дж. Макдональд, поднял в парламенте лорд Рей [Hansard's 1904a: 1121]. Британцы рекрутировали знающих санскрит «для топографической съемки горных склонов на севере Индии» [Сергеев 2012: 97]. Чтобы избежать проникновения казаков в Индию, генерал Дж. Ардаг, сменив Г. Брэнкенбери на посту руководителя военной разведки Британии в 1898 г., предлагал «обезопасить границу от России», иначе, считал он, при демаркации Британия обнаружит там рус-

ских. Эти доводы применялись к Тибету как буферному региону [Сергеев 2012: 205].

Топографы, разведчики нанимались для составления карт, обследования местности [Barrow 2003: 27]. Военные аналитики обращали внимание на связь между Памиром и регионом Черного моря через Закаспийскую область. Благодаря влиянию хирурга Г. Уальтона на должностных лиц Китая и лам британцы получили доступ в монастыри и храмы Тибета [Козлов 1907а: 533]. Капитан Индийской медицинской службы Г. Уальтон проводил операции по исправлению расщелины нёба, распространенного в Тибете [Plarr 1938: 815]. Как натуралист, он занимался изучением флоры и фауны Тибета [Walton 1905: 419]. Работы по съемкам возлагались на капитанов Ч. Роулинга и Ч. Райдера. Офицеры уточняли расположение Эвереста и Гималаев [Козлов 1907а: 533–535]. За свои исследования Ч. Райдер получил Золотую медаль Королевского Географического общества Британии. В состав миссии входили капитаны Х. Маккоуи и Х. Вуд, благодаря которым составлены карты Лхасы и Гьянцзе. Ч. Роулинга и лейтенанта Ф. Бэйли сопровождали индийский геодезист и пять гуркхов. В 1894–1905 гг. офицеры составили несколько карт Индии и Тибета [Tandy 1946: 198–199].

Профессор химии, редактор «Индийской медицинской газеты», майор медицинской службы Л. Уодделл сотрудничал с разведывательной службой Британской Индии [Preston 2009: 34–51]. Он разведал границу от Непала до Ассама, участвовал в экспедиции Ф. Янгхасбенда как главный врач отряда и был единственным, кто понимал тибетский язык. Он описал «аннексию Сиккима», «вооруженный эскорт» Ф. Янгхасбенда и Дж. Макдональда, «оккупацию Фари», армию Тибета [Waddell 1904: 78–175]. Работу миссии освещали корреспонденты газет — П. Ландон («The Times»), С. Бейли («Daily Telegraph»), Э. Кендлер («Daily Mail»), Г. Ньюмен («Reuter») [Landon 1905: 458].

Ф. Янгхасбэнд сообщал, что Британия не находится в состоянии войны с Тибетом и что если на британцев не нападут, то они не будут нападать [Hansard's 1904a: 1121–1122]. Он оставался в Хамбаджонге месяца-

ми, но не мог договориться о переговорах. Обнаружив, что его сообщения не направлены в Лхасу, он заявил, что, если Британия не примет мер, то из миссии ничего не выйдет, а также сообщил, что амбань приезжал, но не появился на переговорах [Hansard's 1904a: 1128].

Правительство Британии было согласно содействовать развитию торговли в Тибете, получив гарантии, что тибетцы не смогут уклониться от обязательств, принятых в рамках договора. Вопрос о продвижении Ф. Янгхасбенда дальше Гьянцзе должен был решаться тибетцами. В парламенте считали, что «Далай-лама Лхасы и его советники-монахи должны осознать мирную цель миссии, не препятствуя продвижению Британии», а амбань должен встретиться с Ф. Янгхасбэндом в сопровождении представителей лам, чтобы обсудить предложения, которые ему поручено представить. Но если Далай-лама предпочтет обратиться к решению, спровоцировав военные действия, то Британия должна принять вызов, поскольку есть недостаток терпения, которое 14 лет проявляло правительство Индии и Британии по отношению к «медлительному отношению тибетцев и безразличному отношению китайцев» [Hansard's 1904a: 1131].

Бывший вице-король Индии Дж. Рипон высказал критику в адрес Дж. Керзона, отметив, что «для того, кто был вице-королем Индии, не слишком приятная задача критиковать преемника» [Hansard's 1904a: 1132]. По его мнению, Дж. Керзон, если придерживался того, что в Индии называется «доктриной передовой политики», то после того, как стал вице-королем, понял, насколько неразумна и опасна его политика [Hansard's 1904a: 1132]. И если он не проводил прогрессивную политику в Афганистане, то пытался проводить ее в отношении Тибета. Каждый его шаг «вызван страхом перед Россией. Первая роковая Афганская война началась на этой почве и закончилась печально» [Hansard's 1904a: 1132]. Дж. Рипон поднял вопрос о российском агенте, обнаруженном в Лхасе, хотя доказательств этому не было. Предлагалось направить британского представителя проживать в Тибете, что противоречило интересам Индии. Это требование,

по его мнению, являлось *«самым пагубным из всех предложений, а Тибет нужно заставить принять политику Британии, укрепив границы Индии»* [Hansard's 1904a: 1133]. Но могла ли какая-либо держава вторгнуться в Индию через Тибет и его горы. Дж. Рипон отметил, что тибетцы препятствуют торговле с Британией, она не велика, но ее можно развить, установив дружеские отношения с Тибетом. Он признал, что обязанность правительства — сделать все для продвижения торговли, но несправедливо делать это силой. Он подчеркнул, что если добраться до Лхасы, *«навязать Тибету договор, то можно изменить его симпатии»*, а *«если Британия нападет на них, то за их спиной будет Россия»* [Hansard's 1904a: 1135]. Британия должна быть осторожна, чтобы не дать возможности другой державе заявить, что Британия вмешивается в дела Китая или угрожает независимости его части; Британия *«не намерена оккупировать Тибет, вмешиваться в сюзеренитет Китая»* [Hansard's 1904a: 1136]. Русские взволнованы идеей, что *«Британия пытается напасть, заключив соглашения с Тибетом»*, а расширение границ Индии, на *«северо-востоке которой находится горный барьер, безумие»* [Hansard's 1904a: 1135–1137].

Бывший вице-король Индии граф А. Розбери, представляя Либеральную партию, призвал правительство *«свернуть военные операции»*, считая, что *«меры правительства были «политикой уважения изоляции»* [Hansard's 1904a: 1139], а Китай, обладая властью, которую не всегда мог подтвердить в Тибете, знал, что положение Тибета уникально. Это *«самая интересная страна мира, огромный монастырь»*, с народом монахов, населяющим самый негостеприимный регион; с *«Тибетом невозможно вести торговлю, хотя она могла расшириться»* [Hansard's 1904a: 1140]. «Оккупация Чумби» — вынужденная борьба *«местного правительства с деспотичным вице-королем»* [Hansard's 1904a: 1139–1141]. Граф отметил, что вопрос взаимопонимания России и Тибета мог иметь опасный характер для интересов Британии в Азии. Но он не придерживался этого мнения, поскольку владения России были в тысяче миль от Тибета.

Его точка зрения была основана на том, что власть ламы носит духовный характер, поэтому нужно понимать, насколько далеко простиралась духовная власть Далай-ламы в Китае и азиатских владениях России [Hansard's 1904a: 1143].

В парламенте осудили заявление Дж. Керзона о том, что сюзеренитет Китая над Тибетом может рассматриваться как конституционная фикция. С критикой позиции Дж. Рипона выступил Г. Лэнсдаун, указав, что тибетский чиновник сопровождал амбана в ходе переговоров о заключении договора. Лорд предложил заключить новое соглашение между правительством Индии, тибетцами и китайцами, отметив, что Непал был независимым государством, где у Британии был свой представитель, имеющий разрешение набирать *«доблестных солдат-гуркхов, которые увеличивали мощь индийской армии»* [Hansard's 1904a: 1147]. Если Британия могла поддерживать отношения с Бутаном и Непалом, то не было необходимости приписывать Британии зловещие замыслы в отношении тибетских соседей. Китай готов *«открыть Тибет для цивилизующего влияния торговли»*, но *«благочестивые желания терпят поражение из-за недалёковидной глупости лам. Тибет хочет пойти на встречу достижениям Британии, но ему мешает деспотическое вето сюзерена»* [Hansard's 1904a: 1148]. Все, что делалось в Тибете, происходило с согласия правительства Китая, которое *«не всегда пунктуально в договоренностях»*, но его правительство считалось важной *«стороной в осуществляемых сделках»* [Hansard's 1904a: 1147–1148].

По мнению Е. Ю. Сергеева, правительство Британии возложило вину за «вооруженное вмешательство экспедиционных сил» в дела Тибета и Китая на Ф. Янгхасбенда и Дж. Керзона, хотя вице-король его санкционировал в 1903 г. после консультаций с премьер-министром А. Бальфуrom и министром по делам Индии Дж. Гамильтоном [Сергеев 2012: 49]. В парламенте отмечали, что правительство *«мало доверяло мирному характеру действий Янгхасбенда»* [Hansard's 1904b: 489].

Лорд Г. Лэнсдаун считал отношения между Тибетом и Россией сложным вопросом, а независимость Тибета должна

быть признана, но если какая-либо держава должна иметь там преимущество, то это может быть только Британия. Он считал тибетцев «народом невежественным, которому легко навязаться» [Hansard's 1904a: 1149], рассчитывая на поддержку России, подчеркнув в парламенте, что Британия взялась за «тибетскую миссию с неохотой» [Hansard's 1904a: 1149], Китай показал себя бессильным добиться удовлетворительного положения дел между Британией и Тибетом, а тибетцы неспособны понять снисходительность Британии. «Политику терпения» он считал исчерпанной [Hansard's 1904a: 1148–1150].

Финансирование «военной операции» санкционировалось парламентом за счет доходов Индии, а расходы считались «необходимыми за границами индийских владений Его Величества, с целью защиты политической миссии» [Hansard's 1904b: 491]. Основанием для принятия решения стал Закон о правительстве Индии 1858 г., содержащий пункт об использовании доходов Индии на любую военную операцию, проводимую за пределами внешних границ владений [The Government of India 1858: 106]. Применение викторианского закона обосновывалось для «предотвращения и отражения вторжения в восточные владения» Британии [Hansard's 1904b: 488].

В итоге в Лхасе между Британией и Тибетом была заключена Конвенция 1904 г., согласно которой правительство Тибета должно было соблюдать Конвенцию 1890 г., признав границу между Сиккимом и Тибетом, открыв торговые центры в Гьянцзе, Гартоке и Ятунге, где подданные Британии могли иметь доступ. Предусматривалось не налагать ограничений на торговлю Британии. Правительство Тибета должно было содержать дороги к Гьянцзе и Гартоку в состоянии, соответствующем потребностям торговли, назначив в каждом торговом центре тибетского агента, который будет получать инструкции от агента Британии. Агенты другой иностранной державы не допускались [Convention 1904: 110]. Концессии на железные и шоссейные дороги, телеграф, добычу полезных ископаемых не должны были предоставляться другой дер-

жаве. С этого времени торговым представителем Британии в Гьянцзе стал генерал, член Королевского Географического общества Дж. Макдональд [Tibet 1933: 8].

По мнению исследователей, военная экспедиция Ф. Янгхасбенда задумывалась как дипломатическая миссия [Лопатин 2007: 149]. «Властный вице-король Индии» Дж. Керзон, усматривая в действиях России «нежелательное для Англии стремление к упрочению влияния», решился на необычный шаг — «снаряжение военной экспедиции в Тибет», а термин «mission» является «иронией» [Козлов 1907б: 230]. Дж. Керзон считал, что задача Британии — «переформатировать» Китай, противостоять агрессии «коварных московитов» [Сергеев 2012: 241]. Первую Опиумную войну с Китаем в парламенте также цинично называли «экспедиция в Китай», считая, что «цели справедливы» — возмещение ущерба собственности британских подданных» [Склярова, Максименко 2024: 65]. В парламенте признали, что «невозможно представить, что Миссия с эскортом таких масштабов, вооружением, связанным с ударной армией, может считаться мирной» [Hansard's 1904b: 491]. Это был не необычный шаг, а план военно-научной и торговой экспансии, апробируемый Британией в ходе опиумных войн в Китае.

6. Заключение

Тибетский вопрос во внешней политике Британии стал продолжением ее колониальной политики в Афганистане, Бирме, Бутане, Индии, Китае, Непале, Сиккиме. Основанием для использования войск и финансирования миссии в Тибете стал Закон о правительстве Индии 1858 г., использовании ее доходов на любую военную операцию, проводимую за пределами границ. Получение разведывательных данных и законодательная подготовка экспансии начались задолго до миссии, целью которой было продвижение торговли, исследование месторождений. Методы были такими же, как и при захвате портов Китая в период опиумных войн (вооруженная экспедиция, провокации, военные действия, размещение постоянного представителя, заключе-

ние конвенции). Методом общения с Тибетом стал милитаризм, обращение к властям Китая и Бутана, использование разведки и артиллерии. Составляющими тибетского вопроса во внешней политике Британии был страх перед растущей мощью России и проблемы: соблюдения Конвенций 1890 г. и 1893 г., переписки с Далай-ламой, пограничных столбов, пастбищ, сюзеренитета Китая над Тибетом, доступа к месторождениям. В состав колониальных войск входили гуркхи, патанцы, индийские геодезисты, британские хирурги, географы, картографы и разведчики. Минимальные затраты, нарушение изоляции Тибета, военные действия

обосновывались в парламенте как защита национальных интересов Индии и Британии. Назначение представителя Британии в Тибете было обусловлено навязыванием торговли. Финансирование экспедиции осуществлялось на основе викторианских законов, за счет доходов Британской Индии, а расходы считались необходимыми для Индии, развития торговли, предотвращения вторжения в восточные владения Британии. Конвенция 1904 г. между Британией и Тибетом открыла возможность размещения в Тибете постоянного представителя Британии, добычи полезных ископаемых.

Литература

- Жуковец и др. 2024 — Жуковец О. Ю., Скляр-ова Е. К., Гутиева М. А. «Экспедиция в Китай»: коррупция и становление тихоокеанской политики Великобритании в первой половине XIX в. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 3. С. 476–488. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-476-488
- Козлов 1907а — Козлов П. К. Английская экспедиция в Тибет // *Исторический вестник*. 1907. Т. V. С. 522–539.
- Козлов 1907б — Козлов П. К. Тибетский далай-лама // *Исторический вестник*. 1907. Т. CVII. С. 230–249.
- Крючков и др. 2022 — Крючков И. В., Крючкова Н. Д., Мелконян А. А. Внешняя торговля Британской Индии на рубеже XIX–XX вв. (по материалам дипломатических представительств России) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 200–213. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-200-213
- Леонтьев 1956 — Леонтьев В. П. Иностранная экспансия в Тибете в 1888–1919 гг. М.: АН СССР, 1956. 225 с.
- Лопатин 2007 — Лопатин В. В. Британская имперская политика в теократическом Тибете // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2007. № 53. С. 148–151.
- Монгуш 2023 — Монгуш М. В. Тибетский вопрос во внешней политике России и Великобритании (по архивным источникам) // *Азиатские исследования: история и современность*. 2023. № 4(8). С. 41–57.

References

- Zhukovets O. Yu., Sklyarova E. K., Gutieva M. A. 'The Expedition to China': Corruption and shaping of British Pacific policy in the early-to-mid nineteenth century. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. No. 3. Pp. 476–488. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-476-488
- Kozlov P. K. British expedition to Tibet. *Istoricheskii vestnik*. 1907. Vol. 5. Pp. 522–539. (In Russ.)
- Kozlov P. K. Dalai Lama of Tibet. *Istoricheskii vestnik*. 1907. Vol. 107. Pp. 230–249. (In Russ.)
- Kryuchkov I. V., Kryuchkova N. D., Melkonyan A. A. Foreign Trade of British Raj at the Turn of the 20th Century: Analyzing Materials From Russia's Diplomatic Missions. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 2. Pp. 200–213. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-200-213
- Leontiev V. P. Foreign Invasions of Tibet, 1888–1919. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. 225 p. (In Russ.)
- Lopatin V. V. British imperial policy in theocratic Tibet. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2007. No. 53. Pp. 148–151. (In Russ.)
- Mongush M. V. Tibetan issue in the foreign policy of Russia and Great Britain (On the base of archival sources). *Asian Studies: History and Modernity*. 2023. No. 4 (8). Pp. 41–57. (In Russ.)

- Покровский 1923 — *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.: Красная новь, 1923. 392 с.
- Сергеев 2012 — *Сергеев Е. Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2012. 454 с.
- Сидорова 2023 — *Сидорова С. Е.* Битва идеологий: консервативный курс Литтона и либеральные реформы Рипона в Индии (по материалам «Экономист») // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2023. № 2. С. 102–127.
- Склярова, Максименко 2024 — *Склярова Е. К., Максименко М. А.* Внешняя политика Великобритании в эпоху королевы Виктории: санкции и международные отношения. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный ун-т, 2024. 161 с.
- Уоддел 1906 — *Уоддел А.* Лхасса и ее тайны. Очерк Тибетской экспедиции 1903–1904 г. / пер. с англ. Е. Чистяковой-Вэр. СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1906. 344 с.
- Barrow 2003 — *Barrow I.* Making History, Drawing Territory: British Mapping in India, 1756–1905. New Delhi; Oxford: Oxford University Press, 2003. 212 p.
- Bench 1924 — *Bench C.* Tibet: Past and Present. Oxford: Clarendon Press, 1924. 326 p.
- Convention 1890 — Convention between Great Britain and China, relating to Sikkim and Tibet. — Signed at Calcutta, March 17, 1890 // The Question of Tibet and the Rule of Law. Geneva: International Commission of Jurists, 1959. Pp. 105–106.
- Convention 1904 — Convention between Great Britain and Tibet. — Signed at Lhasa, September 7, 1904 // The Question of Tibet and the Rule of Law. Geneva: International Commission of Jurists, 1959. Pp. 110–112.
- Hansard's 1904a — Hansard's Parliamentary Debates. 1904. Vol. 130. Pp. 1110–1150.
- Hansard's 1904b — Hansard's Parliamentary Debates. 1904. Vol. 133. Pp. 488–502.
- Kiernan 1955 — *Kiernan V. G.* India, China and Sikkim: 1886–1890 // The Indian Historical Quarterly. 1955. № 31. Pp. 31–51.
- Landon 1905 — *Landon P.* The Opening of Tibet. New York: Doubleday, 1905. 484 p.
- Pokrovsky M. N. Diplomacy and Wars of Nineteenth-Century Russia. Moscow: Krasnaya Nov, 1923. 392 p. (In Russ.)
- Sergeev E. Yu. Great Game, 1856–1907: Myths and Truths of Russia-Britain Relations in Central and East Asia. Moscow: KMK, 2012. 454 p. (In Russ.)
- Sidorova S. E. Battle of ideologies: Litton's conservative strategy and Ripon's liberal reforms in India (Based on the materials of the Economist). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seria 9, Vostokovedenie i Afrikanistika*. 2023. No. 2. Pp. 102–127. (In Russ.) DOI: 10.31249/rva/2023.02.06
- Sklyarova E. K., Maksimenko M. A. Britain's Foreign Policy in the Reign of Queen Victoria: Sanctions and External Relations. Rostov-on-Don, Taganrog: Southern Federal University, 2024. 161 p. (In Russ.)
- Waddell L. A. Lhasa and Its Mysteries (With a Record of the Expedition of 1903–1904). E. Chistyakova-Ver (transl.). St. Petersburg: P. Panteleev, 1906. 344 p. (In Russ.)
- Barrow I. Making History, Drawing Territory: British Mapping in India, c. 1756–1905. New Delhi, Oxford: Oxford University Press, 2003. 212 p. (In Eng.)
- Bench C. Tibet: Past and Present. Oxford: Clarendon Press, 1924. 326 p. (In Eng.)
- Convention between Great Britain and China, relating to Sikkim and Tibet. Signed at Calcutta, March 17, 1890. In: The Question of Tibet and the Rule of Law. Geneva: International Commission of Jurists, 1959. Pp. 105–106. (In Eng.)
- Convention between Great Britain and Tibet. Signed at Lhasa, September 7, 1904. In: The Question of Tibet and the Rule of Law. Geneva: International Commission of Jurists, 1959. Pp. 110–112. (In Eng.)
- Hansard's Parliamentary Debates*. 1904. Vol. 130. Pp. 1110–1150. (In Eng.)
- Hansard's Parliamentary Debates*. 1904. Vol. 133. Pp. 488–502. (In Eng.)
- Kiernan V. G. India, China and Sikkim: 1886–1890. *The Indian Historical Quarterly*. 1955. No. 31. Pp. 31–51. (In Eng.)
- Landon P. The Opening of Tibet. New York: Doubleday, 1905. 484 p. (In Eng.)

- Macdonald 1932 — *Macdonald D.* Twenty Years in Tibet. Intimate and Personal Experiences of the Closed Land Among All Classes of Its People from the Highest to the Lowest. London: Seeley, Service & Co., Ltd, 1932. 318 p.
- Plarr 1938 — *Plarr V.* Plarr's Lives of the Fellows of the Royal College of Surgeons of England. London: J. Wright & sons, 1938. Vol. 3. 1348 p.
- Phuntsho 2012 — *Phuntsho K.* The Provenance and Cataloguing of the Younghusband Collection // *Inner Asia*. 2012. Vol. 14 (1). Pp. 121–130.
- Preston 2009 — *Preston C.* The rise of man in the gardens of Sumeria: a biography of L. A. Waddell. Brighton and Portland: Sussex Academic Press, 2009. 260 p.
- Regulations 1893 — Regulations regarding Trade, Communication, and Pasturage, appended to the Convention between Great Britain and China of March 17, 1890 relative to Sikkim and Tibet. — Signed at Darjeeling, December 5, 1893 // *The Question of Tibet and the Rule of Law*. Geneva: International Commission of Jurists, 1959. Pp. 107–110.
- Tandy 1946 — *Tandy E.* Colonel C. H. Ryder // *Empire Survey Review*. 1946. № 8(59). Pp. 198–200.
- The Government of India 1858 — The Government of India Act, 1858 // 21 & 22 Vict. P. 106.
- Tibet 1933 — Tibet // *The Sydney Morning Herald*. № 29, 783. 1933. 17 June. P. 8.
- Waddell 1904 — *Waddell L. A.* Lhasa and Its Mysteries With a Record of the Expedition of 1903–1904. London: John Murray, 1905. 813 p.
- Waller 1990 — *Waller D.* The Pundits. British Exploration of Tibet and Central Asia. Lexington: The University Press of Kentucky, 1990. 327 p.
- Walton 1905 — *Walton H.* Appendix A: Notes on the natural history of southern Tibet // Landon P. The Opening of Tibet. New York: Doubleday, 1905. Pp. 419–432.
- Macdonald D. Twenty Years in Tibet: Intimate and Personal Experiences of the Closed Land among All Classes of Its People from the Highest to the Lowest. London: Seeley, Service & Co. Ltd, 1932. 318 p. (In Eng.)
- Plarr V. Plarr's Lives of the Fellows of the Royal College of Surgeons of England. London: J. Wright & Sons, 1938. Vol. 3. 1348 p. (In Eng.)
- Phuntsho K. The provenance and cataloguing of the Younghusband Collection. *Inner Asia*. 2012. Vol. 14. No. 1. Pp. 121–130. (In Eng.)
- Preston C. The rise of man in the gardens of Sumeria: a biography of L. A. Waddell. Brighton and Portland: Sussex Academic Press, 2009. 260 p.
- Regulations regarding Trade, Communication, and Pasturage, appended to the Convention between Great Britain and China of March 17, 1890 relative to Sikkim and Tibet. Signed at Darjeeling, December 5, 1893. In: *The Question of Tibet and the Rule of Law*. Geneva: International Commission of Jurists, 1959. Pp. 107–110. (In Eng.)
- Tandy E. Colonel C. H. Ryder. *Empire Survey Review*. 1946. No. 8 (59). Pp. 198–200. (In Eng.)
- Government of India Act 1858. In: 21 & 22 Vict. c. 106. (In Eng.).
- Tibet. *The Sydney Morning Herald*. 1933, June 17. No. 29 (783). P. 8. (In Eng.)
- Waddell L. A. Lhasa and Its Mysteries. With a Record of the Expedition of 1903–1904. London: John Murray, 1905. 813 p. (In Eng.)
- Waller D. The Pundits: British Exploration of Tibet and Central Asia. Lexington: The University Press of Kentucky, 1990. 327 p. (In Eng.)
- Walton H. Appendix A: Notes on the natural history of southern Tibet. In: Landon P. The Opening of Tibet. New York: Doubleday, 1905. Pp. 419–432. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 2, Pp. 311–323, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-311-323

Внешнеполитические концепции Китая и марксистский подход к госкапитализму

Наталья Борисовна Помозова¹, Николай Витальевич Литвак², Петр Игоревич Касаткин³

¹ Российский государственный гуманитарный университет (д. 6, Миусская площадь, 125993 Москва, Российская Федерация)

доктор социологических наук, профессор

 0000-0002-9981-0593. E-mail: npomozova@mail.ru

² Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация)

доктор социологических наук, профессор

 0000-0003-1621-0005. E-mail: jourfr@mail.ru

³ Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация)

доктор философских наук, кандидат политических наук, профессор

 0000-0003-1361-6747. E-mail: kasatkin@inno.mgimo.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© Помозова Н. Б., Литвак Н. В., Касаткин П. И., 2025

Аннотация. *Введение.* Рост международного влияния Китая вследствие его стремительного и всестороннего развития за последние 30 лет не может быть объяснен ни иностранными инвестициями (их Запад делал в самые разные страны, но подобного эффекта не наблюдается), ни экономическим курсом Пекина в целом (поскольку китайские соседи, Япония и Республика Корея, при похожих темпах экономического развития оставались относительно инертными в международных отношениях). Непонимание того, что происходит, порождает на Западе настороженность и тревогу, а стандартным «объяснением» является стремление КНР к мировой гегемонии на основе марксистской идеологии. *Цель* исследования — обосновать концептуализацию внешней политики КНР как функцию реализации в международных отношениях марксистского метода исследования, используемого китайскими теоретиками и практиками в качестве научного подхода. *Материалы и методы.* Источниковой базой исследования послужили

внешнеполитические концепции КНР, сформулированные с конца 1990-х гг., разделы официальных документов и выступлений высших руководителей Китая, посвященные внешней политике, а также соответствующие работы отечественных и иностранных политологов-китаеведов. Основу исследования сформировали ретроспективный, сравнительный и системно-исторический подходы, а также дискурс-анализ, позволившие изучить становление и развитие концептуализации внешней политики в связи с внутривнутриполитическими и экономическими факторами. *Результаты.* На базе изученных источников показан процесс перехода КНР к концептуализации внешней политики с использованием научного подхода, в качестве которого китайские теоретики и высшее политическое руководство используют марксистский метод. Хотя Запад считает марксизм исключительно идеологией, важно понимание и китайского отношения к нему, в том числе прямо не высказываемого. Тем более, что достигнутые результаты и планы на будущее, особенно в международных отношениях, вполне объяснимы именно с этих позиций. В этой связи в статье представлены теоретические аспекты китайского «госкапитализма» и «китаизации марксизма», которые могут быть названы специфически китайскими только в смысле их конкретного воплощения в Китае. *Выводы.* В результате проведенного исследования показан системный научный подход современного китайского руководства к внешнеполитической деятельности, результаты которого оформляются в глобальные концепции, провозглашающие взаимовыгодное развитие всех стран мира. Их общая цель — обеспечить безопасное развитие КНР, которая, по мнению китайских коммунистов, обладает системными преимуществами относительно остальных стран. Вместо идеологического «экспорта революции» социалистический Китай старается научно обосновывать перспективу своей системной победы в соревновании с капитализмом посредством развития производительных сил под контролем более передовых, согласно марксистской методологии, производственных отношений. **Ключевые слова:** КНР, Китай, внешнеполитические концепции, история внешней политики, китаизация марксизма, госкапитализм

Для цитирования: Помозова Н. Б., Литвак Н. В., Касаткин П. И. Внешнеполитические концепции Китая и марксистский подход к госкапитализму // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 2. С. 311–323. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-311-323

China's Foreign Policy Concepts and the Marxist Approach to State Capitalism

Natalia B. Pomozova¹, Nikolay V. Litvak², Petr I. Kasatkin³

¹ Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Sq., 125993 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Professor

 0000-0002-9981-0593. E-mail: npomozova[at]mail.ru

² MGIMO University (76, Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Professor

 0000-0003-1621-0005. E-mail: jourfr[at]mail.ru

³ MGIMO University (76, Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Cand. Sc. (Political Science), Professor

 0000-0003-1361-6747. E-mail: kasatkin[at]inno.mgimo.ru

Abstract. Introduction. Neither foreign investments (Western powers made the latter in a variety of economies without any such effect) nor Beijing's economic course at large (neighboring Japan and Republic of Korea have experienced comparable economic development rates but tended to remain inert enough on the world stage) could explain the growth of China's international influence anyway rooted in its rapid and comprehensive development over the last thirty years. The lack of understanding gives rise to wariness and anxiety in the West, and the standard 'explanation' is that the PRC be striving for world hegemony based on Marxist ideology. **Goals.** The study seeks to substantiate the conceptualization of Chinese foreign policy as a function in implementing the Marxist research method for international relations addressed by Chinese theorists and practitioners as core scientific approach. **Materials and methods.** The work investigates foreign policy concepts of the PRC articulated since the late 1990s, sections of official documents and speeches by China's top officials dealing with foreign policy, and relevant writings of Russian and foreign political scientists and sinologists. The study rests on retrospective, comparative and systemic historical approaches, as well as discourse analysis, which make it possible to examine the formation and development of the conceptualization of foreign policy in connection with domestic political and economic factors. **Results.** The paper features the PRC's transition to the conceptualization of foreign policy rooted in a scientific approach centered around the Marxist method and employed by Chinese theorists and the top leadership. Although the West considers Marxism a mere ideology, it is as important to understand Chinese attitudes towards the latter, including the implicit ones, especially since the results achieved and plans for the future — particularly in international relations — are quite understandable from these very positions. In this regard, the article presents some theoretical aspects of Chinese 'state capitalism' and 'Sinicization of Marxism', given that the both can be called specifically 'Chinese' only in the sense of their actual implementation in China. **Conclusions.** The study attests to the modern Chinese leadership tends to employ a systematic scientific approach to foreign policy activities which results in formalized global concepts proclaiming — mutually beneficial development of all countries of the world. Their ultimate goal is to ensure the safe development of the PRC which is believed by Chinese communists to have somewhat systemic advantages when compared to other nations. Instead of ideological 'export of revolution', socialist China is attempting to scientifically substantiate the prospects of its systemic victory in competition with capitalism through the development of production forces under the control of more advanced — according to Marxist methodology — production relations.

Keywords: PRC, China, foreign policy concepts, history of foreign policy, Sinicization of Marxism, state capitalism

For citation: Pomozova N. B., Litvak N. V., Kasatkin P. I. China's Foreign Policy Concepts and the Marxist Approach to State Capitalism. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 311–323. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-311-323

1. Введение

Актуальность темы исследования обусловлена дискурсом Запада по китайской проблематике, содержащим опасение, тревогу, настороженность, непонимание того, что происходит в КНР и что планирует пекинское руководство. Это непонимание вызывает реакцию в виде разработки мер сдерживания Китая, подготовки к еще более жесткому противостоянию, вплоть до военного конфликта. В одном из исследований РЭНД¹ (по заказу американского Министер-

ства обороны констатировалось, что отношения США и Китая уже вступили в новую фазу, характеризующуюся обострением конкуренции ввиду сокращения разрыва между их всеобъемлющими национальными потенциалами [Health et al. 2021]. Воспринимая Китай в рамках своей парадигмы, Запад обвиняет его в утаивании своих планов, в недоговоренности о намерениях и целях относительно других стран и мира в целом. На самом деле эти намерения достояние организации, которая выполняет функции стратегического исследовательского центра, работающего по заказам правительства США, их вооруженных сил и связанных с ними организаций.

¹ РЭНД (англ. RAND — аббревиатура от Research and Development — «Исследования и разработка») — американская некоммерческая

точно высказаны, но их понимание требует обращения к другой парадигме, построенной с использованием марксистско-ленинского подхода. Запад считает этот подход откровенной идеологией и даже расценивает его как своего рода обман [Pompeo 2020]. Однако успехи экономического, социального и даже правового развития, уже не оспариваемые Западом, позволяют ставить под сомнение такое упрощение.

В основных документах, определяющих основы внешнеполитической деятельности современной КНР, ясно обозначена их связь с внутренней политикой, без которой поэтому вряд ли возможно плодотворное изучение и понимание тенденций международной политики Китая. К настоящему моменту сложилась традиция описания процессов, происходящих в его внутренней политике, в таких понятиях, как «китайский госкапитализм», а также «китаизированный марксизм» и «социализм с китайской спецификой», официально принятые в самой КНР. Тем не менее в данной статье предпринята попытка поставить в кавычки и «китайскую специфику» и «марксизм», используя более точные термины *конкретная ситуация* (в Китае) и *марксистский метод*.

Первые десятилетия существования КНР — от ее образования до реформ «второго поколения китайских руководителей» включительно — проходили в условиях холодной войны, предопределивших помощь СССР. Однако после смерти И. В. Сталина начался кризис в советско-китайских отношениях. Резкое неприятие Мао Цзэдуном «ревизионистского», как он считал, курса Н. С. Хрущева во внутренней и внешней политике привело к разрыву в 1960 г. тесных отношений между двумя партиями и государствами. Затем, уже после смерти лидера Китая в 1976 г., США, чтобы не допустить восстановления этих отношений, активизировались в китайском направлении, с начала 1970-х гг. восстановив контакты с Пекином, а затем развивая с ним торгово-экономические связи (особенно с 1990-х гг.). Однако в Пекине помнили и о военной блокаде в связи Тайванем, и о западных санкциях (в том числе после 1989 г.). Кроме того, ставшему в 1978 г. фактическим лидером КНР Дэн

Сяопину предстояло справиться с критической социально-экономической ситуацией на фоне примеров негативных последствий для развивающихся стран, бесконтрольно допускавших к себе западные капиталы. Поэтому выбранный им курс во многом использовал тактику «держаться в тени», а также «*противостоять иностранному давлению...*» [Цзян Цзэминь 2004: 473]. Последовавшие экономические успехи привели к рефлексии и осознанию дисбаланса между достигнутым и продолжающим расти потенциалом и ролью КНР в международных делах. Но для постановки и решения новых задач развития требовалось новое, теоретическое обоснование соответствующей внешней политики.

2. Эволюция внешнеполитических концепций КНР в XXI в.

В Китае уже высказаны и зафиксированы в речах и докладах тезисы по внешней политике, дипломатии, международным отношениям, будущему мира, в том числе оформленные в концепции разных уровней. Для данного исследования важны, прежде всего, концепции глобального характера, посвященные международным отношениям в целом.

Генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Китая (далее — ЦК КПК) Ху Цзиньтао с 2002 г. использовал в качестве основной идею «мирного возвышения» Китая, сформулированную политологом Чжэн Бицзянем¹. Эта концепция объясняла исключительно миролюбивый характер стремительного развития страны, которое могло обеспокоить Запад. Ведь похожий путь, пройденный в свое время Германией и Японией, завершился попыткой передела мира. Однако для Запада и «мирное» возвышение звучало угрожающе, и уже с 2004 г. в китайском дискурсе его место заняла концепция «мир-

¹ Существует мнение, что впервые амбициозная внешнеполитическая концепция «мирного возвышения» была высказана Чжэн Бицзянем в 2003 г. в г. Боао, хотя он использовал данный термин и раньше, например в декабре 2002 г., в выступлении в Центре стратегических и международных исследований США «16-й съезд Коммунистической партии Китая и мирное возвышение Китая — новый путь» [Zheng 2005: 72].

ного развития». Новый лидер, Ху Цзиньтао, включил ее в международную часть доклада на XVII съезде в 2007 г. и закрепил в Уставе КПК [Устав 2017]. Эта концепция остается действующей, регулярно цитируется, а ее положение «отстаивать путь мирного развития» закреплено в преамбуле к Конституции [Конституция 2018].

В отличие от предшественников Си Цзиньпин выдвинул несколько фундаментальных внешнеполитических концепций. В 2012 г. он выступил с концепцией «китайской мечты» — в некотором смысле рефлексивной интерпретацией американской мечты, в основе которой, однако, лежат «сердцевинные социалистические ценности», противопоставленные либеральным ценностям. Впервые озвученная Премьером Государственного совета КНР Ли Кэцяном в 2013 г. идея создания Морского Шелкового пути впоследствии была объединена с ее сухопутной частью. Концепция, приглашающая к участию все страны без учета их идеологии и социально-политической модели, получила название инициативы «Один пояс, один путь» и стала ассоциироваться с именем Си Цзиньпина.

В 2013 г. китайский лидер озвучил широкой международной аудитории основную на сегодняшний день внешнеполитическую доктрину КНР, нацеленную на то, чтобы заполнить глобальный идеологический вакуум — Сообщество единой судьбы человечества [Си Цзиньпинь 2013]. Представляя собой альтернативу закрепившейся после окончания холодной войны западной идее мирового порядка, сталкивающегося со сложностями при «экспорте» в другие страны, данная концепция основана на идее бесконфликтного сосуществования государств, уважении суверенитета и взаимовыгодного сотрудничества. С 2017 г. она стала появляться в документах ООН, что можно расценивать как успех китайской дипломатии [Zhang 2017].

3. Оценки эволюции внешней политики и ее причин

Обзоры внешнеполитических концепций КНР, как правило, увязываются с изменением подходов к внешней политике

китайских лидеров, периодизацией истории Китая, особенностями управленческих подходов руководителей страны и пр. Упрощенная трактовка эволюции концепций состоит в объяснении динамики внешней политики быстрым, прежде всего экономическим, развитием КНР. Но остается неясным, почему это получается практически только у Китая?

С точки зрения некоторых экспертов РЭНД, американско-китайскую конкуренцию, а следовательно, и лидерство на международной арене определяют внутренние факторы — экономические, технологические, социальные и внутривнутриполитические. Они также полагают, что по мере углубления интеграции КНР в глобальную экономику грани между внутренней и внешней политикой становятся все более размытыми. В качестве примера они приводят международную инициативу «Один пояс, один путь», которая расширяя рынки для промышленного и строительного секторов китайской экономики, представляет собой поэтому важный элемент не только внешней политики, но и внутренней [Heath et al. 2021: 41–42]. В Уставе КПК закреплено положение о том, что мирная, суверенная, ориентированная на взаимовыгодное сотрудничество внешняя политика осуществляется с тем, чтобы *«делать все для создания нашим реформам открытости и модернизации благоприятной международной обстановки»* [Constitution 2022].

В отечественной и западной литературе можно встретить различные формулировки для характеристики процессов, происходящих во внутренней политике Китая. В целом они представляют собой попытки определения новых форм капитализма в целом, государственного капитализма и / или смешанных социальных систем, которые выстраиваются в КНР и некоторых других государствах. Так, С. Гринхалг и Э. Уинклер описали переход от коммунизма к неолиберальному устройству [Greenhalgh, Winckler 2005: 9], С. Вимстер — китайский прагматизм, противопоставленный теории западного капитализма [Whimster 2015], А. Фридберг — становление «националистического авторитарного капитализма»

[Friedberg 2017], Р. Коуз, Н. Ван — демонтаж тоталитаризма и формирование китайского капитализма [Coase, Wang 2016]. Сочетание капиталистической экономики, националистической идеологии и политического авторитаризма П.-И. Энен и А. Инсель определяют как «национальный авторитарный капитализм», причем они полагают, что этот феномен присущ не только КНР, но и ряду европейских стран, управляемых популистскими партиями [Hénin, Insel 2021: 8–9]. В РЭНД считают, что марксистская идеология и элементы ленинской политической организации хотя и присущи политической системе КНР, однако настолько ослаблены, что имеют мало общего с классической теорией марксизма. «Утопические» цели построения коммунизма, ставившиеся перед КПК в эпоху правления Мао Цзэдуна, сменились прагматичной — формированием могущественной нации и богатого государства [Heath et al. 2021: 31].

А. В. Лукин отмечает переходный период китайского режима от правокоммунистического к бюрократическому [Лукин 2021: 63]. Е. Н. Грачиков выделяет в качестве одной из особенностей китайской внешней политики примат влияния даосизма и конфуцианства [Грачиков 2015: 35].

Однако Л. И. Кондрашова считала поворотными для развития страны 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.) и 3-й пленум 18-го созыва (2013 г.), разделившие, по ее мнению, историю КНР на три этапа — до-реформенный, реформенный и «социализм с китайской спецификой в новую эпоху», который характеризует современное положение дел в стране [Кондрашова 2021: 44]. В. Г. Буров отмечает, что глобализация и научно-техническая революция внесли слишком существенные изменения, ввиду чего теоретические положения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина в значительной степени устарели. Главной особенностью, характеризующей тенденции развития КНР, является китаизация марксизма, в основе которой лежит учет конкретной ситуации, условий в которых находится КНР, так как, «помимо общих универсальных истин, существуют принципы, которые применимы только в конкретной стране» [Буров 2019: 13].

4. Государственный капитализм и «китаизация» марксизма

Частое упоминание китайского «госкапитализма» не снимает необходимости хотя бы кратко обратиться к собственно марксистско-ленинской теории по этой проблеме. В. Г. Буров приводит позицию М. Л. Титаренко о допущении китайским руководством подконтрольного государству симбиоза социалистических и капиталистических элементов с целью стимулирования развития экономики. Но в отличие ленинской НЭП как явно временной меры, речь идет о якобы равноправных участниках строительства социализма [Буров 2019: 13]. В свое время Ф. Энгельс описал явление «фальшивого социализма», объявляющего «социалистическим *всякое* огосударствление», в то время как социалистическим государство становится, когда «...общество открыто ... возьмет в свое владение производительные силы, переросшие всякий другой способ управления ими, кроме общественного» [Энгельс 1961: 289–290]. После революции В. И. Ленин отмечал, что все, что было написано о государственном капитализме до того, относилось к ситуации при капиталистическом строе, в условиях же пролетарского государства «государственный капитализм связан с государством, а государство — это передовая часть рабочих... И уже от нас зависит, каков будет этот государственный капитализм» [Ленин 1970а: 85]. Таким образом, комплексная задача заключается в содействии (при необходимости) развитию непролетарских производительных сил под контролем пролетариата: «Надо учиться, добиваться того, чтобы государственный капитализм в пролетарском государстве не мог и не смел выходить... из условий, которые выгодны пролетариату...» [Ленин 1970б: 119].

Лю Вэй полагает, что К. Маркс и Ф. Энгельс отрицали возможность существования «социалистического капитала» ввиду понимания социализма в качестве первой стадии коммунизма. Однако Китай на практике доказал жизнеспособность симбиоза социализма и рыночной экономики, чем превзошел западную теорию, преодолев ее ограниченность [Liu 2024: 7].

Рассуждая о теории формирования нового типа производственных сил, выдвинутой Си Цзиньпином в качестве ответа на текущие экономические вызовы [Xi 2024: 4–8], Хань Вэньлун и Мэн Цзе наполняют новым содержанием компоненты производительных сил, обозначенные классиками марксизма [Meng, Han 2024: 29–33].

Сложности с объяснением текущей ситуации в Китае в этом контексте связаны с недопониманием «марксизма» как методологии. Характеризуя французских последователей своего учения конца 1870-х гг., К. Маркс заявил: *«Я знаю только одно, что я не марксист»* [Энгельс 1965: 370], считая, что сам он сформулировал «лишь» метод исследования. «Марксизм» же, в том числе и «китаизированный», появился впоследствии как институционализация догматических наборов цитат, используемых для различных конкретных ситуаций.

Игнорирование диалектики абстрактного и конкретного во многом ведет к неправильной интерпретации китайской «специфики». Любой социум и его акторы конкретны, как и любой треугольник, для расчетов которого применяются одни и те же формулы, при этом не существует треугольника, сумма углов которого более 180, для измерений любого реального предмета такой формы используются доказанные математические методы. Точно так же не существует конкретных обществ, индивидов, государств с абстрактными, идеальными параметрами. Однако для их изучения применяется теоретический инструментарий, методы экономического, социально-политического или психологического исследования. Это касается Китая, любой другой страны и всемирной победы социализма, относительно практического достижения которой К. Маркс сделал следующий вывод: *«Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией»* [Маркс, Энгельс 1955: 435].

5. Применение Китаем научного подхода к международным отношениям

Конкретные результаты, получаемые китайскими политиками в социально-экономическом и научно-технологическом развитии, а теперь и — растущее международное влияние КНР обосновывают более серьезное отношение к их заявлениям об опоре именно на этот подход. Другими словами, значение имеет не только западное, но и китайское отношение к этой проблематике, позиции китайских теоретиков и практиков, которые не останавливаются на достигнутом, а строят новые планы на будущее, включая в них и международные отношения.

В начале XXI в. руководители КНР начали применять концептуальный научный подход к осмыслению вопросов внешней политики, результатом которого и стало появление целого ряда соответствующих концепций, что дает нам основания предложить еще одну периодизацию.

В период управления страной Дэн Сяопином международная политика Китая не отличалась концептуальностью, а была, скорее, реактивно-прагматической, что отразилось в его высказываниях (*«держаться в тени, ничем не проявляя себя... противостоять иностранному давлению»*) [Deng 1994: 415]. С конца же XX и в XXI в. руководство КНР, действовавшее в новых условиях, которые были подготовлены Дэн Сяопином, осуществило переход к концептуализации на научных основаниях, в том числе в области международной политики. На основании концепций стали формулироваться государственные и партийные документы, тексты официальных выступлений. Как разработка концепций, так и их применение явились следствием методологического изменения — «онаучивания» внешней политики.

В том числе сами термины «научный» и «наука» стали часто использоваться в официальных документах КНР. Концепция «Научного взгляда на развитие», озвученная на XVI и XVII съездах КПК Генеральным секретарем Ху Цзиньтао и закрепленная в официальных документах, предполагала формирование «систематической научной

теории», охватывающей, в том числе, международные аспекты. Его выступление на XVIII съезде содержало раздел под названием «Сделать партийное строительство более научным во всех отношениях» [Hu 2012], что свидетельствует о высоком значении данного концепта. Постоянно увеличивается количество членов КПК, имеющих высшее образование, что постепенно превращает эту самую массовую в мире политическую организацию в партию с самым высоким, если не научным, то, как минимум, образовательным потенциалом.

Некоторые западные эксперты «уже» заметили, что под контролем КПК сложилась целая научная система, включающая аналитические центры, связанные с Государственным советом, Центральное управление политических исследований, Центральную партийную школу. Их сотрудники занимаются исследованиями всех аспектов внутренней и международной ситуации в Китае. По результатам этих исследований исполнительной власти предлагаются практические инициативы, реализация которых также анализируется, таким образом, представляя собой цикличную обратную связь между наукой и практикой [Heath 2014: 42]. Помимо этой, непосредственно партийно-государственной, системы, в Китае функционирует развитая академическая система «аналитических центров», занимающихся международной проблематикой. На основе теоретической интерпретации наблюдаемых и активно формируемых процессов продолжается концептуализация соответствующей внешней политики, выражаемая сегодня уже в целом наборе внешнеполитических концепций (мирное развитие, Сообщество единой судьбы человечества, «Один пояс, один путь», Новая форма человеческой цивилизации, китайская мечта, инициатива глобальной безопасности и др.). Несмотря на то, что в современном Китае автором всех основных концептуальных идей считается непосредственно Си Цзиньпин, на основании вышеизложенного логично предположить, что они формулируются в результате масштабной коллективной научной работы.

6. Возможные перспективы

Китай вполне может продолжить свое быстрое всестороннее и качественное социально-экономическое развитие, постепенно занимая лидирующие позиции в мире во все новых областях. Возможность (а не предопределенность) этой перспективы обусловлена небывалым масштабом организационных, управленческих задач — количеством различных видов организаций и граждан (в конкретном случае КНР — самом большом в современном мире и вообще в истории). Поскольку до предложенной К. Марксом коммунистической ассоциации свободных производителей пока далеко (производительные силы пока развиваются в рамках госкапитализма и социализма с участием национального и иностранного частного капитализма), то централизованное, общегосударственного характера принятие решений необходимо уже в силу самого этого обстоятельства (для контроля несоциалистических элементов в интересах социализма и социалистических — в интересах коммунизма), включая воспроизводство общества, соответствующую социализацию его новых членов посредством конкретного образования и воспитания. Необходимость постоянного решения проблемы влияния социального бытия на сознание, касающейся как рядовых граждан (победа над абсолютной бедностью такой массы людей), так и руководителей (включая недавнюю реформу института сменяемости власти).

К. Маркс сформулировал условие формационного перехода, а именно: развитие производительных сил до уровня, когда их дальнейшее развитие критически, вплоть до революционного взрыва, сдерживается производственными отношениями. В случае капиталистической формации, последней, как полагал К. Маркс, в ряду развития форм частной собственности на средства производства, социалистические и затем коммунистические производственные отношения обусловят беспрепятственное (со стороны собственников) развитие производительных сил в интересах всего общества. Этот подход и содержится в основных партийных и государственных документах и реализуется на практике как развитие собственной со-

циалистической экономики, переходной к коммунистической, использующей исторически положительную роль капитализма, развивающего производительные силы в Китае и других странах в своих социалистических интересах. Производственные отношения в целом при этом контролируются КПК. Поэтому и на этих же основаниях в области внешней политики осуществлен переход от попыток экспорта революции к новому (после советского) этапу соревнования систем (формаций). Его основным содержанием является развитие собственных производительных сил, влияющее и на их развитие повсюду (вследствие кооперации, сотрудничества и конкуренции), создавая таким образом условия для социалистических революций и в других странах. Вывод об обреченности «экспорта социалистической революции» следует в соответствии с марксистской методологией по тем же причинам, что и вывод об обреченности американского «экспорта демократии», — если в какие-либо страны политики пытаются «экспортировать» социально-политические институты, то это означает, что там пока нет социально-экономических условий для соответствующих типов надстройки. Этим странам предстоит еще десятилетия (как минимум, одно поколение) капиталистического экономического и затем социально-политического развития, прежде чем их буржуазные демократические институты смогут существовать естественным путем — соответствовать интересам своей национальной буржуазии, а не служить декорациями для по существу монархических, а то и клановых, племенных режимов, какими бы республиками они себя не объявляли. И это в случае, если Запад не будет тормозить их капиталистическое развитие и консервировать отсталость.

Мы уже обращали внимание на различие в западном (структуралистском) и китайском (функциональном) подходах на примере проблем прав человека [Литвак, Помозова 2021], которое можно сформулировать и иначе в рамках общего, структурно-функционального подхода: социально-политические структуры США и КНР отличаются (капитализм — социализм), у этих государств

разные функции (охрана интересов капиталистов — использование производительных сил в интересах всех трудящихся). В результате взаимодействия этих структур как борьбы противоположностей (к тому же еще и самым тесным образом связанными не только существованием на одной планете, но и экономически) можно ожидать смены любой из них на противоположную (как в результате объективной тенденции обобществления производства при капитализме, так и вследствие обратного воздействия надстройки на базис, позволяющего и в известных пределах сглаживать противоречия капитализма, и сводить на нет попытки социалистического строительства, как это произошло в СССР или КНДР). Само же по себе взаимодействие структур, включая самые широкие торгово-экономические связи стран Запада и КНР, еще не означает безусловного изменения одной структуры в другую.

7. Заключение

Положительные результаты развития страны под руководством КПК (эффективные с точки зрения экономики, безопасности, борьбы с коррупцией) обуславливают их привлекательность в стране и за рубежом, будучи ленинским демонстрированием как пролетарским, так и непролетарским трудящимся слоям, *«что им выгоднее быть за диктатуру пролетариата, чем за диктатуру буржуазии»* [Ленин 1922: 118]. Этот процесс происходит на фоне возобновления соперничества великих держав после десятилетий мирового превосходства США, которые сегодня находятся не в лучшей ситуации, обремененные финансовыми трудностями, внутренней политической поляризацией и другими проблемами. Как отмечали А. Кули и Д. Х. Нексон, президент США Д. Байден стал говорить о *«состязании демократий и автократий в XXI столетии. При этом он констатировал, что демократический либерализм сталкивается не только с внутренними, но и с внешними вызовами. Авторитарные державы и нелиберальные демократии стремятся подорвать ключевые аспекты либерального международного порядка... Соединенные Штаты и другие столпы*

либерализма рискуют не устоять у себя в стране» [Cooley, Nexon 2022]. РЭНД также публикует возможные сценарии состояния международных отношений в условиях, когда превосходство КНР над США будет достигнуто [Heath et al. 2021].

Пекин же, начиная свою качественно новую, глобальную внешнеполитическую активность, еще в начале текущего столетия пытался «успокоить» Запад, обнародовав концепцию «мирного возвышения». Поскольку это только еще больше взволновало адресата, новая концепция была смягчена до «мирного развития». При этом власти официально отрицают само намерение оспаривать статус Америки или добиваться «гегемонии» на глобальном уровне¹. Есть и на Западе эксперты, считающие, что стремление Китая заменить США в качестве мирового лидера преувеличено, что КПК представляет себе новый мировой порядок, в котором Китай пользуется лишь частичной гегемонией [Rolland 2020: 49]. Понимая, что на успех можно рассчитывать только при продолжении развития в мирных условиях, Китай предложил всему международному сообществу глобальную концепцию бесконфликтного сосуществования — «Сообщество единой судьбы человечества». Еще одна концепция, «новая форма человеческой цивилизации», ориентированная главным образом на раз-

вивающиеся страны, нацелена на формационную в марксовом понимании победу в межсистемном (капитализм-социализм) диалектическом противостоянии (то есть — при существенной экономической взаимозависимости).

Несмотря на традиционные западные оценки марксистского метода исследования общества и исторического процесса как идеологии, важно понимание и того, как сами китайцы его оценивают и используют. На фоне успехов своей экономической политики КНР внедряет принципы мирного сосуществования, взаимной выгоды, отражая их в концепциях глобального масштаба и полагая, что это направление развития позитивно скажется на имидже страны и приведет ее к социально-экономическому и политическому лидерству на международной арене. Конечно, только дальнейший ход истории покажет обоснованность вышеизложенного подхода китайских политиков. Однако в настоящее время именно указанный подход используется ими как научный метод понимания и преобразования действительности. Возможно также, что современный «китаизированный марксизм» представляет собой одну из форм смягчения для западных оппонентов критических для капитализма выводов, следующих из «традиционного» марксизма.

Литература

- Буров 2019 — Буров В. Г. Китаизированный марксизм — теоретическая основа деятельности компартии Китая // Азия и Африка сегодня. 2019. № 12. С. 9–21.
- Грачиков 2015 — Грачиков Е. Н. Особенности внешней политики Китая: этапы смены стратегий // Обозреватель. 2015. № 3(302). С. 34–46.
- Кондрашова 2021 — Кондрашова Л. И. К проблеме периодизации истории КНР и содержания «новой эпохи». Социально-экономические итоги 13-й пятилетки КНР (2016–2020 гг.) и задачи 14-й пятилетки (2021–2025 гг.) // Статьи ежегодной научной конференции Центра экономических и социальных исследований Китая Института Дальнего Востока РАН. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 42–54.

References

- Burov V. G. Sinicized Marxism as the theoretical basis for the work of the Chinese Communist Party. *Asia & Africa Today*. 2019. No. 12. Pp. 9–21. (In Russ.)
- Grachikov E. N. Identity of China's foreign policy: Phases of strategy changes. *Obozrevatel' — Observer*. 2015. No. 3 (302). Pp. 34–46. (In Russ.)
- Kondrashova L. I. To the problem of the periodization of the history of the People's Republic of China and the content of the "New Era". In: Kameninov P. B., Alexandrova A. D. (comps.) *Socioeconomic Results of the 13th Five Year Plan of the People's Republic of China (2016–2020) and the Tasks of the 14th Five Year Plan (2021–2025)*. A. Ostrovskii (ed.). Moscow: Institute of Far Eastern Studies (RAS), 2021. Pp. 42–54. (In Russ.)

¹ Xinhua. "China Not Interested in Hegemony: Ambassador to U.S.," January 25, 2018. Available at: http://www.china.org.cn/world/2018-01/25/content_50301669.htm Accessed on: 2.03.2022.

- Конституция 2018 — Конституция Китайской Народной Республики. 2018. [электронный ресурс] // URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 21.01.2025).
- Ленин 1970а — Ленин В. И. XI съезд РКП(б). Политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта 1922 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 62–72.
- Ленин 1970б — Ленин В. И. XI съезд РКП(б). Заключительное слово по Политическому отчету ЦК РКП(б) 28 марта 1922 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. М.: Изд-во полит. лит., 1970. С. 117–130.
- Литвак, Помозова 2021 — Литвак Н. В., Помозова Н. Б. Концептуальные подходы к правам человека в Европейском союзе и КНР // Современная Европа. 2021. № 5. С. 56–67.
- Лукин 2021 — Лукин А. В. Политическая система современного Китая и типология коммунистических режимов // Сравнительная политика. 2021. № 12(3). С. 63–84. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10028
- Маркс, Энгельс 1955 — Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Соч., 2-е изд. Т. 4. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. 638 с.
- Си Цзиньпинь 2013 — Си Цзиньпинь. Лекция в МГИМО [электронный ресурс] // URL: <https://rutube.ru/video/31f831ecf85a0b02c2af1ff7375720ae> (дата обращения 25.01.2025)
- Устав 2017 — Устав Коммунистической партии Китая. 2017 [электронный ресурс] // URL: https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536.htm (дата обращения: 25.01.2025).
- Цзян Цзэминь 2004 — Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой. Т. 2–3. М.: ИДВ РАН, 2004. 811 с.
- Энгельс 1961 — Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Соч., 2-е изд. Т. 20. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. С. 1–338.
- Энгельс 1965 — Энгельс Ф. Письмо Конраду Шмидту в Берлин, 5 августа 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 37. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1965. С. 369–372.
- Constitution of the People's Republic of China. On: China Law. 2018. Available at: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (accessed: 21 January 2025). (In Russ.)
- Lenin V. I. Eleventh Congress of the RCP(B): A Political Report by the Central Party Committee of 27 March 1922. In: Lenin V. I. Complete Writings. Fifth edition. Vol. 45. Moscow: Politizdat, 1970. Pp. 62–72. (In Russ.)
- Lenin V. I. Concluding remarks on the Political Report of the Central Committee of the RCP(b), March 28, 1922 In: Lenin V. I. Complete Writings. Fifth edition. Vol. 45. Moscow: Politizdat, 1970. Pp. 17–130. (In Russ.)
- Litvak N. V., Pomozova N. B. Conceptual approaches to human rights in the European Union and the People's Republic of China. Contemporary Europe. 2021. No. 5. Pp. 56–67. (In Russ.)
- Lukin A. V. The political system of modern China and the typology of Communist regimes. Comparative Politics Russia. 2021. Vol. 12. No. 3. Pp. 63–84. (In Russ.) DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10028
- Marx K., Engels F. The Communist Manifesto. In: Marx K., Engels F. Writings. Second edition. Vol. 4. Moscow: Politizdat, 1955. 638 p. (In Russ.)
- Xi Jinping. Lecture at the Moscow State Institute of International Relations. Available at: rutube.ru/video/31f831ecf85a0b02c2af1ff7375720ae (accessed: 25 January 2025). (In Eng.)
- Constitution of the Chinese Communist Party. On: Xinhua Net. 2017. Available at: https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536.htm (accessed: 25 January 2025). (In Russ.)
- Jiang Z. Socialism with Chinese Characteristics. Vols. 2–3. Moscow: Institute of Far Eastern Studies (RAS), 2004. 811 p. (In Russ.)
- Engels F. Anti-Dühring. In: Marx K., Engels F. Writings. Second edition. Moscow: Politizdat, 1961. Vol. 20. Pp. 1–338. (In Russ.)
- Engels F. Letter to Conrad Schmidt, 5 August 1890. In: Marx K., Engels F. Writings. Second edition. Moscow: Politizdat, 1965. Vol. 37. Pp. 369–372. (In Russ.)

- Constitution 2022 — Full text of Constitution of Communist Party of China [электронный ресурс] // URL: https://english.www.gov.cn/news/topnews/202210/26/content_WS635921cdc6d0a757729e1cd4.html (дата обращения: 25.01.2025).
- Coase, Wang 2016 — *Coase R., Wang N.* How China Became Capitalist. Palgrave Macmillan. 2016. XI, 256 p.
- Cooley, Nexon 2022 — *Cooley A., Nexon D. H.* The Real Crisis of Global Order. Illiberalism on the Rise // Foreign Affairs. 2002 [электронный ресурс] // URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-12-14/illiberalism-real-crisis-global-order> (дата обращения: 25.01.2025).
- Deng 1994 — *Deng Xiaoping.* Selected Works. Vol. 2. China's Foreign Policy. Beijing: People's Publishing House, 1994. 456 p.
- Greenhalgh, Winckler 2005 — *Greenhalgh S., Winckler E.* Governing China's Population. From Leninist to Neoliberal Biopolitics. Stanford University Press. 2005. 412 p.
- Friedberg 2017 — *Friedberg A. L.* The Authoritarian Challenge: China, Russia and the Threat to the Liberal International Order [электронный ресурс] // URL: https://www.spf.org/en/jpus/publications/20170827_1.html (дата обращения: 21.02.2025).
- Heath 2014 — *Heath T. R.* China's New Governing Party Paradigm: Political Renewal and the Pursuit of National Rejuvenation. UK: Ashgate Publishing, 2014. 272 p.
- Health et al. 2021 — *Heath T. R., Grossman D., Clark A.* China's Quest for Global Primacy. RAND Corporation. 2021 [электронный ресурс] // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA447-1.html (дата обращения: 21.02.2025).
- Hénin, Insel 2021 — *Hénin P.-Y., Insel A.* Le national-capitalisme autoritaire: une menace pour la démocratie [Authoritarian national capitalism: a threat to democracy]. Saint-Pourçain-sur-Sioule: Bleu autour, 2021. 112 p.
- Hu 2012 — *Hu Jintao.* Full text of Hu Jintao's report at 18th Party Congress, 2012 [электронный ресурс] // URL: <https://en.people.cn/90785/8024777.html> (дата обращения: 21.02.2025).
- Full text of Constitution of Communist Party of China. On: The State Council of the People's Republic of China (website). Available at: https://english.www.gov.cn/news/topnews/202210/26/content_WS635921cdc6d0a757729e1cd4.html (accessed: 25 January 2025). (In Eng.)
- Coase R., Wang N. How China Became Capitalist. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2012. XI, 256 p. (In Eng.)
- Cooley A., Nexon D. H. The real crisis of global order: Illiberalism on the rise. On: Foreign Affairs (magazine). 2002. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-12-14/illiberalism-real-crisis-global-order> (accessed: 25 January 2025). (In Eng.)
- Deng Xiaoping. Selected Works. Vol. 2. China's Foreign Policy. Beijing: People's Publishing House, 1994. 456 p. (in Chinese)
- Greenhalgh S., Winckler E. Governing China's Population: From Leninist to Neoliberal Biopolitics. Redwood City, CA: Stanford University Press. 2005. 412 p. (In Eng.)
- Friedberg A. L. The authoritarian challenge: China, Russia and the threat to the liberal international order. On: Sasakawa Peace Foundation (website). Posted on 27 August 2017. Available at: https://www.spf.org/en/jpus/publications/20170827_1.html (accessed: 21 February 2025). (In Eng.)
- Heath T. R. China's New Governing Party Paradigm: Political Renewal and the Pursuit of National Rejuvenation. Farnham: Ashgate Publishing. 272 p. (In Eng.)
- Heath T.R., Grossman D., Clark A. China's Quest for Global Primacy. On: RAND Corporation (website). 2021. Available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA447-1.html (accessed: 21 February 2025). (In Eng.)
- Hénin P.-Y., Insel A. Le national-capitalisme autoritaire: une menace pour la démocratie [Authoritarian national capitalism: a threat to democracy]. Saint-Pourçain-sur-Sioule: Bleu Autour, 2021. 112 p. (In Fr.)
- Hu Jintao. Full text of Hu Jintao's report at 18th Party Congress, 2012. Available at: <https://en.people.cn/90785/8024777.html> (дата обращения: 21.02.2025). (accessed: 21 February 2025). (In Eng.)#

- Liu 2024 – *Liu Wei*. Kexue renshi yu qieshi fazhan xin zhi shengchanli [= Scientific understanding and practical development of new quality productive forces] // *Jingji yanjiu* [= Economic Research]. 2024. № 3. Pp. 4–11.
- Meng, Han 2024 – *Meng, Jie, Han, Wenlong*. *Xin zhi shengchan lilun: yi ge lishi weiwu zhuyi de chanshi* [= New quality productivity theory: An interpretation of historical materialism] // *Jingji yanjiu* [= Economic Research]. 2024. № 3. Pp. 29–33.
- Pompeo 2020 — *Pompeo M.R.* The Chinese Communist Party on the American Campus // US Department of State. 09.12.2020. URL: <https://2017-2021.state.gov/the-chinese-communist-party-on-the-american-campus/index.html> (дата обращения: 21.02.2025).
- Rolland 2020 — *Rolland N.* China's vision for a new world order. Washington: The National Bureau of Asian Research, 2020. 68 p.
- Xi 2024— *Xi Jinping*. Developing new productive forces is an intrinsic requirement and an important focus for promoting high-quality development // *Qiushi*. 2024. № 11. Pp. 4–8.
- Whimster 2015 — *Whimster S.* The Weberian Analysis of Chinese Capitalism in the Light of Contemporary Developments. 2015 [электронный ресурс] // URL: <https://www.dsps.unifi.it/upload/sub/notizie/2015/convegno-weber/sam-whimster.pdf> (дата обращения: 21.02.2025).
- Zhang 2017 — *Zhang L.* Wei goujian renlei mingyun gongtongti fendou [= The desire to build a community with a common future for humanity] [электронный ресурс] // URL: <http://www.71.cn/2017/0420/944540.shtml> (дата обращения: 21.02.2025).
- Zheng 2005 — *Zheng Bijian*. China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997–2005. Brookings Institution Press. 2005 [электронный ресурс] // URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2012/04/20050616bijianlunch.pdf> (дата обращения: 21.02.2025).
- Liu W. Scientific understanding and practical development of new quality productive forces. *Jingji yanjiu* [Economic Research]. 2024. No. 3. Pp. 4–11. (In Chin.)
- Meng J., Han W. New quality productivity theory: An interpretation of historical materialism. *Jingji yanjiu* [Economic Research]. 2024. No. 3. Pp. 29–33. (In Chin.)
- Pompeo M. R. The Chinese Communist Party on the American Campus. On: US Department of State. Posted on 9 December 2020. Available at: <https://2017-2021.state.gov/the-chinese-communist-party-on-the-american-campus/index.html> (accessed: 21 February 2025). (In Eng.)
- Rolland N. China's Vision for a New World Order. Washington: National Bureau of Asian Research, 2020. 68 p. (In Eng.)
- Xi J. Developing new productive forces is an intrinsic requirement and an important focus for promoting high-quality development. *Qiushi*. 2024. No. 11. Pp. 4–8. (In Chin.)
- Whimster S. The Weberian analysis of Chinese capitalism in the light of contemporary developments. On: University of Florence (website). 2015. Available at: <https://www.dsps.unifi.it/upload/sub/notizie/2015/convegno-weber/sam-whimster.pdf> (accessed: 21 February 2025). (In Eng.)
- Zhang L. The desire to build a community with a common future for humanity. On: 71.cn. 2017. Available at: <http://www.71.cn/2017/0420/944540.shtml> (accessed: 21 February 2025). (In Chin.)
- Zheng B. China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997–2005. Washington: Brookings Institution Press. 2005. VII, 30 p. On: Brookings Institution (website). Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2012/04/20050616bijianlunch.pdf> (accessed: 21 February 2025). (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 2, Pp. 324–341, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47)+323.2
DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-324-341

Башкирские посольства к русскому царю XVII–XIX вв.: от консенсуса к ритуалу

Булат Ахмерович Азнабаев¹, Рамиль Насибуллович Рахимов²,
Альбина Фанузовна Валеева³, Дарья Алексеевна Щебетовская⁴

- ¹ Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 6, ул. Карла Маркса, 450077 Уфа, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-1551-9783. E-mail: [azbulattt\[at\]rambler.ru](mailto:azbulattt[at]rambler.ru)

- ² Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой

 0000-0002-5642-6591. E-mail: [rakhimovrn\[at\]mail.ru](mailto:rakhimovrn[at]mail.ru)

- ³ Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)
ассистент кафедры, аспирант

 0009-0004-8412-7072. E-mail: [alb213\[at\]mail.ru](mailto:alb213[at]mail.ru)

- ⁴ Московская высшая школа социальных и экономических наук (д. 3–5, стр. 1, пер. Газетный, 125009 Москва, Российская Федерация)
магистрант

 0009-0004-0449-7488. E-mail: [darya.kiselevskaya.01\[at\]yandex.ru](mailto:darya.kiselevskaya.01[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Азнабаев Б. А., Рахимов Р. Н., Валеева А. Ф., Щебетовская Д. А., 2025

Аннотация. *Введение.* В истории России XVII–XVIII вв. известен феномен башкирских посольств к царю. Воцарение, последствия восстаний закреплялись с властью соглашениями. В XIX в. башкиры — почетные гости на коронациях. *Цель* исследования — изучить, как в XVII–XIX вв. консенсус между царем и башкирами сменился ритуалом; как депутации представляли

власть и башкир, что меняло их внутреннее наполнение. *Материалы и методы.* Используются источники, выявленные в Российском государственном архиве древних актов, Архиве внешней политики Российской империи, Национальном архиве Республики Башкортостан, а также опубликованные документы. Исследование опирается на историко-генетический метод, рассматривающий причины появления башкирских миссий к царю, их трансформацию — от обсуждения вопросов управления в демонстрацию имперского единства. *Результаты.* Право непосредственного доступа к верховной власти было закреплено в условиях договорного подданства башкир в середине XVI в. Данная привилегия не связывалась добровольностью подчинения, такой опыт имели и другие народы. Государство заключало соглашения с башкирами как с полукочевым народом, не имеющим институциональной элиты, способной принимать решения за своих подчиненных. Это вызвало необходимость перманентной корректировки соглашений с представителями башкирских родов в форме посольств к царю. По мере усиления военно-административного проникновения государства в башкирские земли необходимость согласования позиций обеих сторон становится излишней. Строительство Оренбургской пограничной линии в 40-е гг. XVIII в. привело к тому, что башкирские посольства ко двору теряют первоначальную функцию, превратившись в ритуал изъявления верности со стороны старшинской верхушки. Кантонная система создала элиту в лице кантонных начальников и башкирских дворян, подчиненных имперскому законодательству. Интеграционные процессы XIX в. наполнили прежнюю форму новым содержанием. Башкиры — участники коронации демонстрируют силу империи и единство народов под властью русского царя. *Выводы.* Условия вхождения башкир в состав России, наряду с вотчинным правом, исламом, самоуправлением, дополняют право непосредственного обращения к монарху. Оно реализовывалось в XVII–XIX вв. в форме башкирских посольств. Кризис между башкирами и верховной властью первой половины XVIII в. был преодолен привлечением их к охране границы, изменением модели контактов. Кантонные чиновники и башкирское дворянство, включенные в имперское пространство, демонстрировали на коронациях торжество империи.

Ключевые слова: Российское государство, башкирские посольства, восстания, подданство, йыйыны, коронации, управление

Для цитирования: Азнабаев Б. А., Рахимов Р. Н., Валеева А. Ф., Щебетовская Д. А. Башкирские посольства к русскому царю XVII–XIX вв.: от консенсуса к ритуалу // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 2. С. 324–341. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-324-341

Bashkir Embassies to the Russian Tsar, Seventeenth–Nineteenth Centuries: From Consensus to Ritual

Bulat A. Aznabaev¹, Ramil N. Rakhimov², Albina F. Valeeva³, Daria A. Shchebetovskaya⁴

¹ Kuzev Institute of Ethnological Studies, Ufa Federal Research Center of the RAS (6, Karl Marx St., 450077 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

 0000-0002-1551-9783. E-mail: azbulatt[at]rambler.ru

² Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Head of Department

 0000-0002-5642-6591. E-mail: rakhimovrn[at]mail.ru

³ Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)

Assistant Lecturer, Postgraduate Student

 0009-0004-8412-7072. E-mail: alb213[at]mail.ru

⁴ Moscow School of Social and Economic Sciences (Bldg. 1, 3-5, Gazetny Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)

MA Student

 0009-0004-0449-7488. E-mail: darya.kiselevskaya.01[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Aznabaev B. A., Rakhimov R. N., Valeeva A. F., Shchebetovskaya D. A., 2025

Abstract. *Introduction.* The history of seventeenth- and eighteenth-century Russia is marked by the phenomenon of Bashkir embassies to the Tsar. Enthronements, consequences of uprisings were to be confirmed with corresponding government agreements. And in the nineteenth century, Bashkirs would become honored guests at coronations. *Goals.* The study aims to reveal how Bashkir-Tsar relations shifted from consensus to ritual throughout the seventeenth to late nineteenth centuries, how the deputations represented ethnic elites and the community at large, what changed their essentials and functions. *Materials and methods.* The work analyzes some related documents discovered at the Russian State Archive of Ancient Acts, Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, National Archive of Bashkortostan, and reviews a variety of publications. The historical-genetic method proves most instrumental in considering the reasons for the emergence of Bashkir embassies to the Tsar, their transformation from discussing governance issues to demonstrating imperial unity. *Results.* The right of direct access to Tsar was a stipulation of the mid-sixteenth century Bashkir contractual subjection. However, the privilege was not directly associated with the voluntary accession since other ethnic groups had somewhat similar experiences. The Russian government concluded an agreement with the Bashkir as a semi-nomadic people that had no institutional elites authorized to make decisions for the entire community. This demanded repeated reviews of once achieved agreements with representatives of Bashkir clans through embassies to the Tsar. The strengthening of Russia's military and administrative presence in Bashkir-inhabited territories made such coordination arrangements unnecessary. The 1740s construction of Orenburg Defense Line resulted in that Bashkir embassies to the court lost their original function only to turn into ritual visits of loyalty to be paid by newly appointed Bashkir executives. The canton system created elites of canton chiefs and Bashkir nobles directly subordinate to Orenburg Military Command. And the nineteenth-century integration processes filled the old form with a new content: henceforth Bashkir participants of coronation ceremonies were to demonstrate the Empire's power and the unity of peoples under the Russian Tsar. *Conclusions.* According to the accession terms, Bashkirs — along with hereditary land ownership, freedom of religion, and local self-governance — received the privilege of direct appeal to the monarch. This was exercised in the form of Bashkir embassies throughout the seventeenth to late nineteenth centuries. The early-to-mid eighteenth century crisis between the Bashkir and Russian government was overcome by involving the former in border defense and changing communication patterns. Canton officials and Bashkir elites in Russian service were supposed to show the triumph of the Empire at coronations.

Keywords: Tsardom of Russia, Bashkir embassies, uprisings, citizenship, *iyin*, coronations, governance

For citation: Aznabaev B. A., Rakhimov R. N., Valeeva A. F., Shchebetovskaya D. A. Bashkir Embassies to the Russian Tsar, Seventeenth–Nineteenth Centuries: From Consensus to Ritual. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 324–341. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-324-341

1. Введение

Тема башкирских посольств к царю в XVII – первой половине XVIII в. известна в исторической литературе [Демидова 2003; Трепавлов 2007]. Связаны они были с необходимостью подтверждения заключенных

с Иваном IV условий вхождения в состав России новым царем, фиксации итогов переговоров после башкирских восстаний. Однако эта практика была продолжена и во второй половине XVIII–XIX в. Башкирские посольства в столицы, к верховной власти,

продолжаясь в течение трех веков, трансформировались под воздействием имперской политики от обсуждения конкретных вопросов, в первую очередь связанных с землевладением, до депутатий участников коронационных торжеств. Но и в последнем случае присутствие башкирских представителей на коронациях имело особый контекст. Тема не стала предметом отдельного исследования, хотя контакты власти с народами империи, символы и ритуалы в них как формы «репрезентации власти» актуальны [Кундакбаева 2005; Агеева 2012; Трепавлов 2018]. Предлагаемая статья анализирует причины появления и практику башкирских посольств к царю в XVII–XIX вв. на фоне меняющейся стратегии в политике Российского государства в отношении башкир.

2. Материалы и методы исследования

Статья написана на основе ранее неопубликованных источников, выявленных в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА), Архиве внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), Национальном архиве Республики Башкортостан (далее — НА РБ), а также опубликованных в сборниках документов.

Авторы исходят из тезиса о том, что башкирские посольства к царскому двору в XVII–XIX вв. представляли собой один из инструментов корректировки имперской политики на юго-восточной окраине России. В основу методологии статьи положен историко-генетический метод, рассматривающий феномен посольств как совместный поиск властью и башкирами решения проблем и их трансформацию в ритуал демонстрации имперского единства. Для понимания механизма организации и деятельности башкирских посольств XVII в. использован метод реконструкции на основании материалов первой трети XVIII в.

Во второй половине XVI в., после падения Казани, башкиры, приняв приглашение Ивана IV, добровольно вошли в состав России. Каждый род закреплял свои отношения с верховной властью отдельно. Башкиры сохранили вотчинное право на землю, ислам, местное самоуправление. Основной обязанностью, кроме уплаты ясака, стала военная

служба по охране юго-восточной границы. Изъятие земель, строительство крепостей, попытки христианизации, введение налогов привело к башкирским восстаниям XVII–XVIII вв. После переговоров стороны приходили к консенсусу, формируя отношения, учитывающие новые условия. Государство через перевод башкир в военно-служилое сословие и создание Башкиро-мещерякского войска, кантонную систему, инкорпорацию элит интегрировало башкир в империю. Вотчинное право, как один из элементов архаики, сохранилось вплоть до 1917 г. Оно сыграло свою роль в создании Башкирской автономии и участии Башкирского войска в Гражданской войне на стороне сил контрреволюции. Подписание соглашения между РСФСР и Башкирской автономией в Москве в марте 1919 г. было воспринято положительно, так как повторяло в представлениях башкир практику взаимодействия с верховной властью.

3. Причины появления практики башкирских посольств

В своем фундаментальном исследовании, посвященном праву Золотой Орды, Р. Ю. Почекаев утверждает, что монголы не видели необходимости соблюдать иерархию среди покоренных ими народов. Все население Золотой Орды (а также представители иностранных государств — дипломаты и торговцы), за исключением царевичей-чингизидов, составляло общую массу, обязанную подчиняться воле хана и назначаемых им чиновников и военачальников, поэтому сословная принадлежность подданных не имела значения [Почекаев 2009: 153]. Соглашаясь со всеми положениями этой интересной работы, отметим, что данный тезис требует более взвешенного подхода.

Создатели великой империи отнюдь не игнорировали главный принцип управления сложными в этнополитическом отношении государствами — «divide et impera». Монголы умело использовали фактор неравенства не только для поддержания напряженных отношений между подданными, но и с целью создания необходимого резерва для рекрутирования имперской элиты.

Сегрегация новых подданных производилась уже на этапе подчинения. Фактор

добровольности принятия подданства позволял покоренной знати сохранить не только жизнь, но и своего рода политическую субъектность. К примеру, русские князья получали от хана ярлык на княжение, башкирские бии — тарханные ярлыки, а правители Булгара или половецкие князья ярлыков не получали. Сам по себе факт вручения ярлыка утверждал право на прямую коммуникацию с ханом. Об этом, в частности, писал К. А. Соловьев, отметивший, что ярлыки предоставляли привилегию вести дела с Ордой. Те князья, которые непосредственно не взаимодействовали с ханом, вообще не нуждались в получении ярлыков. На Руси же князья на основании ярлыка требовали подчинения других князей и населения в целом [Соловьев 2017: 162–164]. Аналогичные права были закреплены и за тарханами, которые, наряду с налоговым и судебным иммунитетом, получили право непосредственного обращения к главе государства, имели привилегию входить к хану в любое время и ехать рядом с ним во время походов и выездов [Шапшал 1953: 304–316]. Вспомним, что из всех биев девяти родов, присягнувших хану, только уйшин Майкы получил возможность сесть в одну повозку с Чингис-ханом [Башкорт 2004: 172].

Можно ли говорить об иерархии подданства, основанной на привилегии прямого доступа к верховному правителю? К. Шмитт, детально разобравший этот вопрос в своем трактате «Понятие политического», усмотрел в этом праве едва ли не единственный путь соучастия подданных во власти в условиях неограниченной монархии. Он, в частности, писал: *«Чем больше власть концентрируется в определенном месте, у определенного человека или группы людей как на верхушке, тем больше обостряется проблема „коридора“ и доступа к этой верхушке. И тем яростнее, отчаяннее и молчаливее становится тогда борьба меж теми, кто оккупировал предпространство и контролирует „коридор“... Проблема доклада у короля есть ключевая проблема всякой монархии вообще, потому что это проблема доступа к верхушке...»* [Шмитт 2016: 422].

На основании выписок из коллективных челобитных башкир, случайно обнаружен-

ных Н. Ф. Демидовой в книгах фонда Печатного приказа, было установлено, что привилегией прямого обращения к государю обладали не только тарханы, но и все башкиры [Демидова 2003: 180]. Она выяснила периодический характер башкирских посольств к царскому двору, в ходе которых снимались конфликтные вопросы, возникающие после соглашения о подданстве середины XVI в. Любопытно, что до открытия Н. Ф. Демидовой истории имели представления об отправке башкирами своих представителей в Москву. Однако предполагалось, что инициатором подобных миссий выступала российская сторона. К примеру, в ходе башкирского восстания 1662–1664 гг. уфимский воевода А. М. Волконский настаивал на отправке башкирских представителей в Москву. Башкиры же отвечали воеводе, что уже были «на Москве», но *«челобитные до великого государя те бояре не доносили, и им де по тем челобитным указу не учинено»* [Материалы 1936: 171]. Ничего подобного мы не встречаем у кабардинцев, ногаев или калмыков. У всех народов, добровольно признавших подданство русского царя в XVI–XVII вв., привилегию отправки посольств ко двору имели только представители институциональной элиты.

4. Чьи интересы представляли посольства?

Итак, привилегией обращения к царю обладали не только тарханы, но и все башкиры. Почему башкирским тарханам, в отличие от русских князей, не удалось закрепить это право за собой? Дело в том, что у потомков Рюрика были свои уделы, а башкирские тарханы обладали суюргалами только на территории Казанского ханства. В Ногайской же Башкирии, как и на территории Уфимского уезда, тарханы не обладали никакими особыми правами в отношении земельной собственности. Они были такими же равноправными общинниками, как их ясачные единоплеменники.

Еще П. И. Рычков обратил внимание на бесконтрольный рост численности башкирских тарханов. Он, в частности, отмечал, что в середине XVIII в. башкир, не платящих ясак из-за пожалованных еще при Ива-

не IV тарханных грамот, насчитывалось более 50 тыс. [Добросмыслов 1900: 20]. По очень приблизительным данным кунгурского бургомистра Юхнева, в 1726 г. численность башкир колебалась от 150 до 170 тыс. человек обоего пола [Материалы 1936: 485]. Таким образом, башкирская «элита», по свидетельству компетентных служащих, составляла от 25 до 30 % всего населения. Интересно, что А. З. Асфандияров полагал, что автор «Топографии Оренбургской» не сильно преувеличивал. Средняя населенность тарханского двора составляла 28 человек. В 1745 г. в Оренбургской губернии насчитывался 1 431 тарханский двор [Асфандияров 2006: 31]. В отличие от русских или татарских дворянских родов башкирским тарханам вырождение не грозило.

Никоновская летопись вообще не делает никаких различий между башкирами и тарханами. В ней есть страна «Башкирда», но нет башкир. Еще Д. М. Исхаков установил, что в перечислении этносов Казанского ханства автор летописи под тарханами называет именно башкир [Исхаков 1998: 62]. В конечном счете было решено, что правом обращения непосредственно к царю обладают не только тарханы, но и все, кто представляет башкирский народ.

Отдавая дань уважения Н. Ф. Демидовой за сам факт обнаружения ею «башкирских посольств», мы все же считаем необходимым уточнить ряд ее положений. Во-первых, Н. Ф. Демидова считает, что, поскольку субъектом вотчинного права являлась каждая отдельная башкирская родоплеменная структура, но не весь башкирский народ, то и башкирские посольства представляли собой выборных людей от каждого рода. В этом есть определенная логика и исторический смысл. Ведь и российское подданство принимало каждое родоплеменное объединение, но не весь народ. В такой ситуации в башкирских посольствах следует видеть представительство кланов, слабо пекущихся об общих нуждах. Однако Н. Ф. Демидова затрудняется ответить на вопрос, к какой родоплеменной группе и территориальному району принадлежали башкирские послы, направлявшиеся в Москву в XVII в.?

Если следовать концепции Н. Ф. Демидовой, то родовая знать должна была отстаивать интересы только своих кланов. Тем не менее она отмечает, что некоторые обращения башкирских посольств были направлены от всего башкирского народа. Во-вторых, исследователь утверждает, что основные права и обязанности башкир были закреплены в жалованных грамотах, полученных ими в ходе добровольного принятия российского подданства. Основной же целью посольских миссий башкир являлась конкретизация и уточнение положений жалованных грамот середины XVII в. [Демидова 2003: 180].

Многие вопросы о башкирских посольствах удалось бы снять, если бы Н. Ф. Демидова не ограничилась лишь выписками из материалов Печатного приказа — слишком лаконичных и мало информационных. В 1722, 1728 и 1733 гг. башкиры отправляли свои посольства в Санкт-Петербург, как отмечали сами башкиры, «по древнему их обыкновению». Если о посольствах XVII в. сказать что-то конкретное трудно по причине полной утраты архива Приказа Казанского дворца, то иностранный отдел Сената в XVIII в. фиксировал переписку, входящие и исходящие документы вполне добросовестно. Таким образом, реконструкция организации и деятельности башкирских посольств XVII в. на основании материалов первой трети XVIII в. не выглядит не оправданной модернизацией.

В делах Сената отмечено, что башкирским посольствам 1722, 1728 и 1733 гг. предшествовали собрания представителей башкирских родов под Уфой на реке Чесноковке. Мирские сборы под Уфой известны со времени башкирского восстания 1662–1664 гг. [Материалы 1936: 165]. Эти съезды, по утверждению многих уфимских администраторов, собирались на семик, т. е. на седьмой четверг после православной Пасхи. В 1733 г. семик пришелся на 10 июня. Посольство прибыло в столицу в начале июля 1733 г. [Азнабаев, Кортунов 2021: 1111]. Сама традиция календарной ориентации башкир по православным праздникам кажется странной. Однако, как утверждают этнографы, православный календарь для

местного населения был все же удобней мусульманского лунного.

Любопытно, что мотивация отправки башкирских посольств могла существенно отличаться. В преамбуле коллективной челобитной от башкирского посольства 1728 г. указано: «В бытность в Москве башкирца Яркея Янчурина с товарищи прислано от всех четырех дорог своей братьи башкирцев для поздравления императора Петра III с принятием российского престола и для донесения о препорученных ему делах» [АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. 1728. Д. 1. Л. 2]. Если посольство 1728 г. состояло из 25 делегатов, представлявших 18 волостей, то в материалах посольства 1733 г. отмечено, что «...в челобитной Уфинского уезду четырех дорог башкирцов за руками и тамгами написано, выбрали-де они ис тех дорог от каждой по одному человеку и послали к ея императорскому величеству с их покорнейшим прошением. А с сим всеподданнейшим прошением по мирскому выбору и за подписанным мирским знаком отправили мы ниже именованные башкирцы четырех человек башкирцов, а именно первого Ногайской дороги деревни Буржан Коджа батыря Кутлуева, второго Сибирской дороги деревни Коичи Капас батыря Байшанова, третьего Казанской дороги деревни Елдек Ахметмуллу Бураева да Ибрагима Кутаева» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 821. Л. 28]. Таким образом, участники посольств определялись от башкир всех дорог «по мирскому выбору» в результате общего собрания под Уфой [Азнабаев, Кортуннов 2021: 1115]. В XVII – первой половине XVIII в. башкиры в административном отношении подразделялись по неравным по размерам единицам «дорогам» — Казанской, Осинской, Сибирской, Ногайской.

Российская государственная практика заключения соглашений такой категории как «народ» не знает. В XVII – первой трети XVIII в. ногаи, калмыки и казахи приняли российское подданство в форме присяги (шерти) русскому царю своих правителей (бия Исмаила, тайши Дайчина и хана Абулхаира) [Азнабаев, Кортуннов 2021: 1114]. Очевидно, что башкиры, избранные на народном собрании, представляли единую политическую структуру, которая, по сви-

детельству уфимских властей, называлась «Башкирской ордой». В источниках отмечается, что она «бывает в сборе в Уфе на реке Чесноковке» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 821. Л. 421]. Выбор места для собраний имел символическое значение. Чесноковка была тем водоразделом, который отделял земли, добровольно предоставленные башкирами под строительство города Уфы в 70-е гг. XVI в. и башкирские вотчины.

В каком случае ежегодный сбор принимал решение об отправке своих представителей к царю? Согласно исследованию Н. Ф. Демидовой, в том случае, если представители башкир не могли добиться от местных властей удовлетворения своих претензий, то им предоставлялось право отправить выборных челобитчиков в столицу для решения их вопроса на более высоком уровне [Демидова 2003: 181]. При этом местные власти были обязаны предоставить башкирским выборным представителям все необходимое для благополучной миссии. К примеру, посольство 1728 г. получило не только оплату проезда до столицы и обратно, но и вооруженную охрану, полное обеспечение на все время пребывания в Петербурге (65 дней) и 200 рублей жалования из Коллегии иностранных дел [АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. 1728. Д. 1. Л. 2].

Таким образом, замечание Н. Ф. Демидовой о том, что посольства состояли из представителей родоплеменной знати, которые отстаивали интересы своих кланов, представляется неверным. В Москву отправлялись выборные «мирские люди», представлявшие всех башкир — «Башкирскую орду».

5. Пересмотр отношений с башкирами Петром I

Судя по документам Уфимской приказной избы, до начала восстания 1704–1711 гг. последнее посольство в Москву имело место в конце сентября 1695 г. [РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1185; РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1194; РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1200; РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1209] Напомним, что именно в сентябре 1695 г. в Приказе Казанского дворца началось слушание судебного дела по челобит-

ной башкир Зауральских волостей, обвинивших беломестных казаков и крестьян десятка слобод Тобольского уезда в захвате вотчинных земель. Процесс закончился передачей башкир Тобольского уезда из ведомства Сибирского приказа в управлении администрации Уфимского уезда [Материалы 1936: 85–96]. Вместе с тем личной аудиенции послов с Петром не было. В этот период молодой царь руководил подготовкой к проведению второго штурма Азова. Однако есть вероятность, что башкирам показали сопровителя Петра — Иоанна V, которого при необходимости привлекали для участия в ритуальных мероприятиях.

В конце октября 1704 г. правительство Петра I кардинально пересмотрело все традиционные отношения с башкирами. В феврале казанские власти, получившие полномочия центрального ведомства по управлению Поволжьем, заявили башкирам, что прежняя их привилегия обращения непосредственно к главе государства отныне не будет рассматриваться как преступление [Материалы 1936: 149]. Когда же башкиры, проигнорировав запреты Казани, решили добраться до царя, то вся делегация была арестована по его приказу. Руководителя посольства повесили, а его товарищей били кнутом и бросили в тюрьму [Материалы 1936: 150]. В крае вспыхнуло одно из крупнейших восстаний, исключившее башкир из подчинения России до 1722 г.

В 1708 г. правительство официально обратилось к восставшим с предложением объяснить причины недовольства. Башкиры ответили тем, что их попытки достучаться до властей законным порядком закончились казнями и тюремным заключением. Поэтому никакого иного способа донести до царя правду они не имели [Фирсов 1871: 344]. Многолетнее массовое насилие осуществлялось башкирами только с целью обратить на себя внимание царя. Эту особенность башкирских восстаний также отметил В. В. Трепавлов [Трепавлов 2007: 73]. Башкиры считали, что царь имеет полное право наказывать своих подданных, но не вправе игнорировать их. Что же касается факта убийства выборных башкир, то едва ли российская сторона придавала башкирской

делегации статус дипломатических представителей, чья неприкосновенность охраняется обычаем священного статуса посла.

В России XVII в. привилегия прямого доступа к главе государства распространялась на узкий круг государственных служащих. Впервые запрет на прямое обращение к царю был введен указом 1639 г., который разрешал подачу царю челобитной только в случае наличия информации о государственных преступлениях [Российское 1985: 260]. Обращения башкир под этот запрет тогда не попали.

Для башкир утрата привилегии непосредственного обращения к царю снижала их статус до положения народов, не имевших никаких соглашений с царем. При этом шерть предполагала присягу не институту государства, а личности конкретного монарха. Поэтому башкиры присягали каждому вновь провозглашенному царю. Эта ритуальная традиция сохранялась у башкир и в XIX в.

На каком основании башкиры считали, что вправе обладать привилегией прямого обращения к монарху? Одного фактора добровольного принятия подданства было не достаточно. Примером тому являются чуваш Казанского ханства, которые не только добровольно вошли в состав России, но и приняли участие в военных действиях против своих бывших правителей. Башкиры считали, что их привилегированный, по сравнению с другими народами, статус вполне оправдывается их службой.

Свое привилегированное положение в Российском государстве башкиры осознавали. В 1733 г. представители башкирского посольства в первом же обращении к Анне Иоанновне заявили: *«Как предки ея императорского величества, так и ея императорское величество, в высочайшей императорской милости содержать изволят и всякие вины им прощает и перед прочими провинциями их Уфимскую провинцию в особливой милости содержаться и се де прошение их за благо приемлются и во всех де указах как высочайшая императорская милость явлена»* [РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 821. Л. 34].

6. Анализ челобитных башкирских посольств 1728 и 1733 гг.

Посольство 1728 г. было первым после смерти Петра I и вторым по итогам башкирского восстания 1704–1711 гг. Его главное требование было выражено в первой же коллективной челобитной: «...башкирцы никогда под ведением Казани не были, а был на Уфе только один воевода» [АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. 1728. Д. 1. Л. 14]. Несмотря на противодействие уфимских и казанских властей, препятствовавших отправке посольства, башкирам удалось не только прибыть в столицу, но и добиться изъятия управления Уфимской провинций из ведомства Казанской губернии в том же году. Именно по ходатайству башкир Уфимская провинция была передана в особое ведение Сената. Во второй челобитной башкиры жаловались на таможенную службу Уфимской провинции, которая была организована по принципу разъездных канцелярий. Согласно законодательству, любая купля-продажа подлежала таможенному сбору. Через своих осведомителей таможенники заранее узнавали о факте заключения, как правило, довольно ничтожных сделок (продажа курицы) и беспощадно штрафовали провинившихся, собирая по 20 и по 100 рублей. Башкиры указывали, что с момента принятия подданства подобных сборов не осуществлялось, однако эта челобитная осталась без ответа [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 115. Л. 678].

В третьей челобитной, также поданной от башкир всех четырех дорог, говорилось о нарушении вотчинных прав всех башкирских волостей: «а уфимские, и сарапульские, туринские, каргапольские и дуванские, тако же и иченцы откупщики владеть не дают, а сакмарские обыватели наших ясачных людей владеют насильно, из которых земель в вашу императорского величества казну мы ясаку платим» [АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. 1728. Д. 1. Л. 34]. В четвертой челобитной башкиры просили освободить из-под стражи заложников — аманатов. В пятой челобитной посланники сообщили властям, что они отправили в столицу вопреки приказу уфимского воеводы: «...наши судьи нам паишпортов не дают, а ныне и не отпустили, токмо приехал к нам от госпо-

дина губернатора подполковник Михайла Языков для своих нужд ко мне Яркею, и я, Яркей, с ним Языковым его нужду отправлял и при том мы собравшись всем миром большие и малые ему подполковнику Языкову плакали и доносили, что наши судьи когда мы пожелаем ехать в Москву к его императорскому величеству не отпускают и он подполковник наши слова писал к казанскому губернатору Василию Никитичу Зотову, а губернатор писал ежели кто из нас пожелает ехать в Москву или Петербург отправить немедленно» [АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. 1728. Д. 1. Л. 40]. Башкиры просили восстановить их привилегию прямого обращения к царю, минуя инстанцию уфимского воеводы.

В шестой челобитной вновь поднимается вопрос о таможенных пошлинах, но теперь уже при продаже товаров на ярмарках. Башкиры ссылались на указ 1674 г., согласно которому пошлину с покупаемых у башкир товаров должны платить покупатели, но не продавцы: «...потому что город Уфа дальней и украинной и другим городам не в пример» [АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. 1728. Д. 1. Л. 45].

Еще одна челобитная, поданная от башкир Булярской волости, в правовом отношении затрагивает проблему взаимоотношения между всеми башкирами и их припущенниками. В ней, в частности, говорится о том, что «...застарелые бобыли, которые платили в помочь им волостным башкирцам окладном ясак, в который платеж ясаку припускали без совету всех волостных башкирцов и те бобыли владели вотчинной землей бортными угодьями и звериными и птичьими ловлями, а другие и ныне владеют, а особливого бобыльского ясака не платят и в ясак не написаны, от которого они бобыльского в вотчине их всякого владения чинятся им башкирцам не малые обиды и изнурения и платят они бобыли подможный ясак и называются башкирцами» [АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. 1728. Д. 1. Л. 41].

Одно прошение последовало от всех тептярей, бобылей, ясачных татар, мари и чуваш Уфимского уезда. Они просили освободить их от воеводской работы «...и на мельничные поделки не посылать, а ве-

лено им платить положенных бобыльский куничный ясак и ямские полоняничные и подъемные деньги, а ныне Уфимской провинции командиры за оной грамотой посылают их ясачников на казенные мельницы во всякие работы, тако же и берут с их дорог в Уфу подводы» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 740. Л. 32]. И только два прошения 1728 г. касаются нарушения частных интересов отдельных башкир-вотчинников.

Из общего числа прошений, направленных на имя императрицы Анны Иоанновны в 1733 г., более половины челобитных (68 %) касались вопросов, связанных с отношениями между Российским государством и башкирским народом. Лишь в 12 % челобитных башкиры пытались решить вопросы, связанные с личными интересами. К примеру, знаменитый тархан, участник азовских походов и один из вождей восстания 1704–1711 гг. Алдар Исекеев хлопотал о пожаловании тарханства своим родственникам [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 139]. Мулла Катка Токаев выступал за отведение в вотчинное владение башкирам Иланской волости двух перевозов на реке Белой [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 211]. Башкиры одной из волостей (Гайна) просили царицу вывести их из-под юрисдикции уфимских властей [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 309], а Муса Истеков из Уранской волости обвинял уфимского подьячего Кирилла Панкова в укрывательстве за взятки русского конокрада и вымогательстве денег с истца [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 371].

Эти прошения свидетельствуют о том, что башкирские посольства защищали не только интересы всего башкирского народа, но также не оставляли без внимания желания отдельных родовых структур и даже индивидуальные просьбы башкир. Интересно отметить, что более 30 % подданных челобитных вообще не имели никакого отношения к башкирам. Башкирские представители доставили в столицу и предъявили властям прошения от тептярей, бобылей, казахов, ногайцев, калмыков и русских.

В своем исследовании Н. Ф. Демидова тоже обратила внимание на то, что башкирские посольства XVII в. нередко защищали

интересы небашкирского населения. Однако ее предположение о том, что тептяри, бобыли и мишари просто пользовались оказией, звучит неубедительно [Демидова 2003: 185]. Ни один представитель из перечисленных сословий и народа не имел право непосредственного обращения к царю. В таком случае возникает вопрос: почему выборные башкиры брали на себя роль ходатаев за представителей других народов Уфимского уезда? Все дело в том, что все нерусские народы, даже служилые мешчеряки (мишари), являлись «населниками» башкирских вотчинных земель. Согласно вотчинному праву, они считались припущенниками башкир, и, следовательно, могли входить в отношения с Российским государством только через посредство башкир.

Вместе с тем одно прошение, подданное башкирами в 1733 г., явно выбивается из юридической логики. Это челобитная двух поповичей из Тары, выбежавших из казахских степей [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 372]. Любопытно, что они приняли ислам в казахском плене, некоторое время жили у башкир. Башкиры отобрали у поповских детей украденный у казахов скот и калмычек, на которых они были женаты. Тем не менее русские беглецы добились того, чтобы их поверстали в уфимские дворянские роты.

Что же касается утверждения Н. Ф. Демидовой, что целью посольств являлась уточнение и конкретизация основных положений жалованных грамот XVI в., то начнем с того, что никаких переговоров в Москве и Санкт-Петербурге башкирские послы не вели. По этой причине, строго говоря, эти миссии посольствами назвать нельзя. Не было у башкирских послов никаких заранее заготовленных протоколов переговоров — статейных списков. Более того, выборные «мирские люди» никакой представительской властью не обладали, и решать что-либо за «Башкирскую орду» они не имели права. Сами башкиры неоднократно заявляли, что коллективные челобитные, отправленные без мирского согласия, являются «составными», т. е. поддельными [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 115. Л. 798].

Однако если «выборные мирские люди» выступали в роли писмоношцев, то нельзя

ли было бы ограничиться более дешевым способом отправки посланий с оказией или с специально нанятым нарочным? Очевидно, что в данной ситуации для башкир значение имел сам факт прямой коммуникации с высшей властью. Не случайно, что башкиры не высоко оценивали поездки в Москву без непосредственной аудиенции с царями. К примеру, в разгар первого восстания 1662–1664 гг. уфимский воевода А. М. Волконский неоднократно обращался ко всем башкирам с призывом послать своих представителей в Москву. Однако ответ, письменно данный воеводе, свидетельствовал о полном разочаровании всех башкир в результативности подобных миссий. Они указали на то, что задолго до своего выступления посылали представителей с жалобами в Москву, но никаких указов от правительства не последовало [Материалы 1936: 169]. О том, что башкиры говорили правду, свидетельствуют многочисленные коллективные челобитные о неслыханных действиях реквизиционной команды А. И. Приклонского, поданные в 1661 г. в Приказ Казанского дворца [РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 164. Л. 26, 31, 32]. Власти и башкиры прекрасно понимали, что спровоцировало восстание в 1662 г. Возможно, по этой причине в наказе уфимскому воеводе Ф. И. Сомову в 1664 г. особо отмечено, что к представителям башкир в Москве «*пожаловал великий государь, велел видеть свои государские пресветлые очи*» [Документы 2012: 64].

7. Башкирские посольства в столицы 40–60-х гг. XVIII в.

Принципиально меняются характер и цели башкирских посольств после восстания 1735–1740 гг. Запрещенная указом 11 февраля 1736 г. традиция созыва башкирских народных собраний лишила смысла отправки к царице выборных представителей народа. Теперь обращение к верховной власти могло быть только в рамках ею оговоренных норм — принесения поздравлений с восшествием на престол. В 1742 г. на коронацию императрицы Елизаветы Петровны в Москве направилась депутация от башкир и мещеряков (совр. мишари). В ее

составе были представители с Казанской дороги, Каршинской волости Мухамет Шарып Мряков; Осинской дороги, Елдятской волости Ахмер мулла Асанов; Сибирской дороги, Сунларской волости Якуп чин Мурзин; Шайтан-Кудейской волости Шиганай Бурчаков; Ногайской дороги, Каратабынской волости Кидрясь Муллакаев; мишарский старшина Яныш Абдуллин. Депутацию сопровождал переводчик Шафей Янайдаров. Вероятно, в состав депутации входили сотники Итиней Килмаев, Ибраш Кутуев, Темир Мути [РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 249. Ч. 1. Л. 154–154об.].

Члены депутации присутствовали на коронационных торжествах, были приняты императрицей, преподнесли ей подарок — шкурки соболей. Депутаты были информированы о том, что готовится смена руководства краем. Они имели целью подачу прошения «о мирских нуждах», но по каким-то причинам не сделали этого. От императрицы депутаты получили Похвальную грамоту. В ней отмечалась их верная и прилежная служба во время башкирского восстания 1735–1740 гг. Прежние заслуги упомянуты одной фразой: «*предкам нашим, служили верно и прилежно*» [Рахимов 2001: 38]. Члены депутации получили награждение саблями, сукном и деньгами. Грамота была получена И. И. Неплюевым в Оренбурге 17 октября 1742 г. Согласно указанию Коллегии иностранных дел, И. И. Неплюев отправил ее в Уфу, вице-губернатору П. Д. Аксакову для изготовления копий каждому участнику депутации и хранения подлинника в Уфимской провинциальной канцелярии [Рахимов 2001: 39]. Отметим, что со второй половины XVI в. башкиры — подданные России, но их депутацию контролирует Коллегия иностранных дел.

В Башкирии поездка с поздравлением императрице и получением наград приобрела скандальный характер. Башкирские старшины и тарханы обратились к П. Д. Аксакову с жалобой на то, что «*в грамоте указано, что она дана всему башкирскому народу, т. е. старшинам, тарханам и батырям в верности бывшим в прошедшие башкирское замешание, а не одним тем старшинам кои в Москву ездили, то и здесь*

бывшим означенную милость по их заслугам получать как верным рабам небеспрелично, дабы они не могли остатся обижены пред своего братиею означенными в предупоминаемой грамоте старшинами, ибо де они невиноваты, что были при своих должностях, а другие ездили и получили награждение» [АВПРИ. Ф. 108. Оп. 108/1. 1743. Д. 1. Л. 2об.]. Поездка депутации в Москву привела к брожению среди башкирских и мецкеряжских элит. Обнаружились жалобы на притеснения и поборы со стороны старшин и особенно переводчиков Романа Уразлина и Шафея Янайдарова. Однако недовольство погасло в связи с назначением вместо Л. Я. Соймонова во главе Оренбургской комиссии И. И. Неплюева [Рахимов 2001: 40].

Башкирское восстание 1755 г., вошедшее в историю как «восстание Батырши», было подавлено в связи с назначением вместо Л. Я. Соймонова во главе Оренбургской комиссии И. И. Неплюева в 1756 г. Восстание имело свою особенность. Башкиры выступили против отказа государства от прежних договоренностей и активного горнозаводского строительства в крае, но идеолог восстания, мишарский мулла Батырша, пытался придать ему характер «священной войны против неверных». Правительство понимало, что в новых условиях (строительство Оренбургской пограничной линии, освоение природных богатств Южного Урала) необходим консенсус. Тем более ожидалась война с Пруссией, и армия нуждалась в башкирской коннице.

15 апреля 1756 г. вышел сенатский указ об отправлении депутации башкирских и мецкеряжских старшин для «принесения Ее Императорскому Величеству за оказанные к тому башкирскому народу высочайшие милости всеподданнического рабского благодарения и уверения их башкирской подданнической верности» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1447. Л. 1]. Указ вводил «норму поездок» в столицу. С каждой дороги направлялись два человека, включая старшину. Депутации предоставлялся конвой и подводы. На будущие поездки в Санкт-Петербург и Москву для «принесения Ее Императорскому Величеству всеподданнического рабского поклонения» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1447.

Л. 1] разрешались через два года. После отмены практики башкирских посольств Петром I этот документ фиксировал возврат во взаимоотношения верховной власти и башкирских элит на уровень XVII в.

Сама поездка состоялась в 1759 г. Вначале к местному руководству явились башкирские старшины Абдулла Каскинов, Муслюм Машаров, сотник Септяж Нуркеев, башкиры Чуракай Касимов и Зайсан Юсупов, пожелавшие выехать к царице. В Оренбурге выяснили, что они не согласны с проводимой администрацией политикой в крае. Известно было, что они хотят говорить «о дозволении их здешнюю Илецкою солью без покупки и указов против прежних времен довольствоваться; дабы их от ардинарных нарядов и командирование на здешнюю пограничную линию для содержания с прочими здешними воинскими регулярными и нерегулярными командами осторожность и уволить; чтоб по в построенным в здешней губернии в Башкирии заводы как отведенные по указом ЕИВ так и самими башкирцами из своей воли проданные земли все в прежнее свое владение получить, а вместо б всего прежнего основания тем заводам, от них башкирцов по договорам те земли за наем брать» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1447. Л. 3]. Администрация выбрала новый состав депутации: башкирские старшины Исецкой провинции Таймасов тархан, Куртбай Ишбаев, Сибирской дороги Миндияр Аркаев, Шиганан Бурчанов [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1447. Л. 4].

В итоге разбора по фактору лояльности башкир депутация выглядела так: Сибирской дороги Исецкой провинции старшина Абдула Каскинов, башкирец Башки Килтянов, Ногайской старшинский помощник сотник Селтяш Нуркеев, сотник Мратша Сыртланов, Казанской дороги старшина Темир Мютин, которой при пятисотной Башкирской команде и в Прусском походе при главном старшине помощнике был; Осинской дороги башкирец Юзей Карманов, от мецкеряжского Казанской дороги старшина Алкей Муслюмов, в помянутом же прусском походе при пятисотной мецкеряжской команде главным старшиной находившемся; да рядовые той же Казанской дороги Мендей Тупеев, Исецкой провинции

знатного мещеряцкого старшины Муслюма Аширова сын Габдулмянян Муслюмов, и того девять человек [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1447. Л. 5].

Пояснялось, что норма в восемь человек увеличилась, поскольку «помянутой башкирский старшина Абдулла Каскинов он в против других старей да и в службу употребляем бывал неоднократно по знатным и секретным делам в Киргиз-кайсацкую орду, и чему и впредь, а особливо при нынешних заграничных обстоятельствах не бесполезно» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1447. Л. 6]. Двое заслужили право отправиться в посольство как участники Семилетней войны (Прусский поход 1757 г.).

Итого в столицу выехало девять человек, в том числе: трое старшин, старшинский помощник, сотник, четверо башкир. При депутации было четыре башкира-конюха, в охране вахмистр и трое солдат. По дороге умерли старшина Абдулла Каскинов и Баиш Килтянов. Темир Мютин умер, уже находясь в Санкт-Петербурге, 23 декабря 1759 г. [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1447. Л. 9, 15]. Эту поездку также курировала Коллегия иностранных дел.

После аудиенции, подачи прошений и обсуждения дел, депутация собралась «в свои дома» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1447. Л. 11]. Сенат обеспечил дорогу подводами и прогонными деньгами по нормам приезжающим казакам Запорожского войска. Участники посольства не забыли и про себя. Перед отъездом они просили наградить их указами, саблями и кафтанами. В итоге они получили просимое на общую сумму в 582 руб. [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1447. Л. 10–17].

Известна жалоба, поданная в сентябре в Сенат старшиной Темиром Мютиным и башкиром Юзеем Кармановым «с товарищи» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1451. Л. 1–10б.]. В ней были два пункта. Первый касался переселенцев из народов Поволжья, явочным путем захватывающих земли башкирских родов: «В землях наперед сего наших жалованных без покупок и без дозволения по оброку от нас селятся и сильно завладеть надерзали, а ныне некоторые сверх покупных и в оброк отданных урочищ не

только в наших угодьях сильно причиняют многие обиды, но и селится зачинают». Второй касался позиции местной власти в конфликтах башкир с русским населением: «русские и новокрещенные казаки всему нашему башкирскому народу разными случаями отягочительные обиды и разорения причиняют, а в Оренбургской губернской канцелярии они несудимы» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1451. Л. 1–2].

Следующая поездка готовилась по инициативе башкир в связи с коронацией нового императора Петра III. 1 апреля 1762 г. к оренбургской администрации обратились: «Ногайской дороги Сувун-Кипчакской волости Салтяш Нуркеев, Ямансара Япаров, Бурзянской волости Мутай Айткулов, Усерганской, Карагул Чакыров, Буимас-Кипчацкой Кинзя-абыз Арасланов, Тамьянской Таймас Кутлин, Муса Иманов, да поселенных по Сакмаре реке при Желтом редуте переведенных из Астрахани кондоровских татар Адил мурза с племянником ево Акмурзюю, и просили у меня помянутые старшины позволения о выборе им Уфимского уезду из всех старшин достойных людей надлежащего числа и об отпуске их старшин и мурз к высочайшему ЕИВ двору для принесения ЕИВ верноподданнического их рабского поклонения и поздравления ЕИВ с благополучным возшествием на Всероссийский Императорский наследный престол» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1412. Л. 1]. Местная власть, сославшись на весеннюю распутицу, предложила к лету самим выбрать необходимое количество старшин, и после утверждения их она была готова отправить в столицу.

Башкирская депутация присутствовала уже на коронации Екатерины II. Но затем, по замыслу императрицы, просьбы с мест в империи должна была заменить деятельность Уложенной комиссии 1767 г. От башкирского народа депутатами были Базаргул Юнаев и Туктамыш Ишбулатов.

Общение с нерусскими народами со стороны верховной власти при Екатерине II получило новое наполнение. Кроме демонстративного внимания к мнению народа через депутатов Уложенной комиссии, включались и иные механизмы. В путеше-

ствиях императрицы торжественность обрядов приобщала местные элиты к политической культуре Российского государства [Ибнеева 2009: 214]. В столице приезжающие отправлялись к обер-шталмейстеру Л. А. Нарышкину, который был *«гостеприимцем и угостителем всех азиатских народных старшин, приезжавших с поклоном к Екатерине или по делам»* [Глинка 2004: 148–149]. В итоге у башкир, несмотря на серьезный конфликт с властью во время восстания Е. Пугачева, сложилось уважительное отношение к императрице, ее они рассматривали как «бабушку-царицу», справедливую и могущественную [Трепавлов 2007: 59].

8. Новая форма посольств в XIX в. — депутации от народа на коронации

С конца XVIII в. возможность контактов с верховной властью для нерусских народов России, в том числе и для башкир, расширилась. Сюда добавились военные смотры национальной конницы — башкир, мещеряков, калмыков, крымских татар. Большую роль по-прежнему играли венценосные путешествия. Башкиры встречали царя Александра I во время его путешествия по России в 1824 г. Церемония также сопровождалась смотром войск. В 1837 г. в Оренбургской губернии побывал наследник — Александр Николаевич, будущий император Александр II.

Во время коронации Николая I в 1826 г. в Москве башкир представляла депутация от Башкиро-мещеряцкого войска [Свиньин 1827: 371–372]. Вместе с депутацией от Ставропольского калмыцкого войска, представителями народов Кавказа и азиатской России она находилась на Соборной площади Кремля. По мнению американского исследователя Р. С. Уортмана, при Николае I *«церемонии и риторика превращали народ в фикцию мифа, в хор, прославляющий господство царя и государства»* [Уортман 2004: 706]. Однако в отношении башкир имели место более глубокие основания. Как иррегулярное войско они имели заслуги в Отечественной войне 1812 г. Не случайно башкирская депутация присут-

ствовала на торжествах на Бородинском поле в 1839 г. [Рахимов 2014: 532].

В 1856 г. в Москву на коронацию Александра II была приглашена депутация башкир. Она была включена в состав большой группы *«азиатских народов, которые покорились России»*, в числе которых наряду с башкирами были черкесы, абхазы, калмыки, казанские и крымские татары и т. д. [Ильинский 1883: 82–83]. Для них в центре Соборной площади Кремля выделили почетное место рядом с турецким и персидским посланниками [Ильинский 1883: 85]. Но и в данном случае представительские функции башкирской депутации на этом не закончились. Еще в процессе подготовки коронационных торжеств в мае обер-егермейстер граф П. К. Ферзен обратился к губернатору В. А. Перовскому с просьбой министра императорского двора прислать башкирскую команду с ловчими птицами для организации царской охоты (в отличие от отца, новый царь был страстный охотник).

Перед отъездом императора из Москвы торжества закрывала царская охота. 14 сентября в присутствии императора, цесаревича, великих князей и иностранных послов запущенный башкирами беркут затравил лисицу, а ястребы четырех зайцев. По свидетельству Ферзена: *«Его императорское Величество охотою сею остался весьма доволен»* [НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 8735. Л. 7]. Башкиры получили денежное награждение, а зауряд-сотник Фахретдин Уметбаев — бриллиантовый перстень с изумрудом. Коронация демонстрировала Европе единство народов империи, ее этнографическое многообразие. Поражение в Крымской войне не пошатнуло устои, а православный царь делил радость охоты с мусульманами [Рахимов 2014: 498].

Коронация Александра III сохранила основные элементы предшествующих. Но теперь депутации *«азиатских подвластных России народов»* находились вместе с депутациями казачьих войск [Комаров 1883: 56, 151, 286]. К этому времени Оренбургскую губернию разделили, в 1863 г. упразднили Башкирское войско, отменив кантонную систему. Башкиры находились в депутациях от губерний, а не «азиатских народов». На обеде волостных старшин Мухаметсалим

Уметбаев от Уфимской губернии преподнес императору серебряный альбом, в котором золотом написал молитву на арабском и русском языках, за что был удостоен благодарности. За участие в качестве ассистента муфтия при священном короновании он получил серебряную медаль [Рахимов 2014: 498].

По мнению Р. С. Уортмана, эта коронация в презентации «националистического империализма» играла двойную роль, представляя азиатские народы иностранным наблюдателям и внушая представителям азиатских племен и казаков идею о мощи и богатстве русского царя [Уортман 2004: 299]. Для нас важно, что она служила маркером интеграции башкир (переход в разряд «сельских обывателей», как и у русских крестьян), но сохранила прежнюю традицию башкирских посольств к царю. Коронация Николая II в 1896 г. повторяла коронацию его отца, с выделением «азиатских народов» и казаков [Описание 1896: 9]. Башкиры оставались внутри депутаций от своих губерний.

9. Заключение

Башкирские посольства к царю XVII в. были связаны с представлениями башкир о необходимости каждый раз закреплять условия вхождения с новым царем. В какой-то мере такая практика была знакома и другим народам, входившим в состав государства. Особенностью башкирских посольств было то, что в них участвовали как представители элит, так и рядовые башкиры — выборные «мирские люди».

В первой трети XVIII в. правительство Петра I сменило политику в крае, запретив отправку посольств. Контакты башкирских элит с верховной властью интегрировались в практику «репрезентации власти» в виде коронационных торжеств. Но и там большая часть челобитных касалась общешкирских

дел. После запрета в 1736 г. народных собраний на коронационные торжества отправлялись лояльные башкирские старшины.

Опасность возможного перерастания башкирских восстаний в общемусульманское движение антироссийской направленности, что показало восстание 1755–1756 гг., заставило правительство вернуться к традициям XVII в., обговорив башкирские посольства с участием как старшин, так и выборных от всего народа. И в этих случаях башкиры поднимали вопросы важные для народа.

Верховная власть в лице Екатерины II предложила иные сценарии контактов с этническими и региональными элитами, вынося вопросы на обсуждение Уложенной комиссии. Встречи верховной власти с представителями народов стали возможны на военных смотрах и во время путешествий по стране.

Практика приезда башкир ко двору сохранилась в XIX в., но ни о какой выборности речь не шла. В ритуалах коронаций участвовали тщательно отобранные оренбургской администрацией лояльные властям представители элит — кантонные начальники, башкирские дворяне, лица духовного звания. Однако и в этом случае верховная власть акцентировала башкир как представителей Башкиро-мещеряцкого войска — героев Отечественной войны 1812 г., как хранителей древнего вида охоты, как народ, интегрировавшийся в имперское пространство.

Таким образом, пройдя за трехвековой период путь от попыток выработки консенсуса в политике, проводимой в крае государством, до ритуального участия в коронационных торжествах, практика башкирских посольств способствовала интеграционным процессам и одновременно сохраняла архаику. Все это наследие проявится в событиях XX в.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
National Archive of the Republic of Bashkortostan.
Russian State Archive of Ancient Acts.

Литература

- Агеева 2012 — *Агеева О. Г.* Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М.: Новый хронограф, 2012. 891 с.
- Азнабаев, Кортунов 2021 — *Азнабаев Б. А., Кортунов А. И.* Проблема субъекта в договорных отношениях башкир с русским государством в XVII – первой трети XVIII в. // *Былые годы*. 2021. № 16(3). С. 1106–1115.
- Асфандияров 2006 — *Асфандияров А. З.* Башкирские тарханы. Уфа: Китап, 2006. 160 с.
- Башкорт 2004 — Башкорт халык ижады (= Башкирское народное творчество) / ред. А. Сулейманов. Т. 7: Письменные касы и дастаны / отв. ред. А. Сулейманов. Уфа: Китап, 2004. 624 с. (на башк. яз.).
- Глинка 2004 — *Глинка С. Н.* Записки. М.: Захаров, 2004. 464 с.
- Демидова 2003 — *Демидова Н. Ф.* Башкирские посольства в Москву в XVII веке // *От древней Руси к России Нового времени*. Сб. ст.: к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич / сост. А. В. Юрасов. М.: Наука, 2003. С. 169–182.
- Добросмыслов 1900 — *Добросмыслов А. И.* Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г. // *Оттиск из вып. 8. Трудов Оренбургской ученой архивной комиссии*. Оренбург: Тип.-лит. Ф. Б. Сачкова, 1900. 104 с.
- Документы 2012 — Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798) / сост. И. М. Гвоздикова и др. Т. 3. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 548 с.
- Ибнеева 2009 — *Ибнеева Г. В.* Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 469 с.
- Ильинский 1883 — *Ильинский Н. С.* Венчание и коронование русских государей на царство. Краткий исторический очерк. М.: Изд. книгопродавца В. Абрамова, 1883. 96 с.
- Исхаков 1998 — *Исхаков Д. М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: МестерЛайн, 1998. 276 с.

References

- Ageeva O. G. Diplomatic Ceremonial in Eighteenth-Century Imperial Russia. Moscow: Novyi Khronograf, 2012. 891 p. (In Russ.)
- Aznabaev B. A., Kortunov A. I. The problem of the subject in the contractual relations of the Bashkirs with the Russian state in the XVII – first third of the XVIII centuries. *Bylye Gody*. 2021. No. 16 (3). Pp. 1106–1115. (In Russ.) DOI: 10.13187/bg.2021.3.1106
- Asfandiyarov A. Z. Bashkir Tarkhans. Ufa: Kitap, 2006. 160 p. (In Russ.)
- Suleymanov A. (ed.) Written Qissas and Dastans (Bashkir Folklore 7). Ufa: Kitap, 2004. 624 p. (In Bash.)
- Glinka S. N. Notes. Moscow: Zakharov, 2004. 464 p. (In Russ.)
- Demidova N. F. Seventeenth-century Bashkir embassies to Moscow. In: Yurasov A. V. (comp.) *From Ancient Rus' to Modern Russia. Collected papers. Jubilee edition*. Moscow: Nauka, 2003. Pp. 169–182. (In Russ.)
- Dobrosmyslov A. I. Bashkir Rebellion of 1735, 1736 and 1737. Orenburg: F. Sachkov, 1900. 104 p. (In Russ.)
- Gvozdikova I. M. et al. (comps.) Documents and Materials in Bashkir History, 1574–1798. Ufa: Institute of History, Language and Literature (USC RAS), 2012. Vol. 3. 548 p. (In Russ.)
- Ibneeva G. V. Imperial Policy of Catherine II and Her Majesty's Travels. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2009. 469 p. (In Russ.)
- Ilyinsky N. S. Coronation of Russia's Rulers: A Brief Historical Essay. Moscow: V. Abramov, 1883. 96 p. (In Russ.)
- Iskhakov D. M. From Medieval to Modern Tatars, Fifteenth–Seventeenth Centuries: An Ethnological Perspective on the History of Volga-Ural Tatars. Kazan: Master Line, 1998. 276 p. (In Russ.)

- Комаров 1883 — *Комаров В. В.* В память священного коронования государя императора Александра III и государыни императрицы Марии Феодоровны. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1883. 469 с.
- Кундакбаева 2005 — *Кундакбаева Ж. Б.* «Знаком милости Е. И. В...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 303 с.
- Материалы 1936 — Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / отв. ред. А. П. Чулошников. М.; Л.: АН СССР, 1936. 631 с.
- Описание 1896 — Описание священного коронования их императорских величеств государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Феодоровны. СПб.: Тип. А. Бенке, 1896. 32 с.
- Почекаев 2009 — *Почекаев Р. Ю.* Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 260 с.
- Рахимов 2001 — *Рахимов Р. Н.* «Были в Москве... якобы от народу...»: Поездка башкирских и мишарского старшин в 1742 г. на коронацию императрицы Елизаветы I // Ядкяр. 2001. № 2. С. 34–43.
- Рахимов 2014 — *Рахимов Р. Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: РИСИ, 2014. 544 с.
- Российское 1985 — Российское законодательство X–XX вв.: в 9 тт. Т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1985. 511 с.
- Свиньин 1827 — *Свиньин П.* Историческое описание священного коронования и миропомазания их императорских величеств императора Николая Павловича и государыни императрицы Александры Федоровны, августа в 22 день, и всех предшествовавших и последовавших за сим торжествах и увеселений, в Москве, 1826 года // Отечественные записки. 1827. Ч. XXXI. № 89. С. 369–396.
- Соловьев 2017 — *Соловьев К. А.* Эволюция форм легитимности государственной власти в древней и средневековой Руси // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. С. 162–164.
- Komarov V. V. In Memory of the Holy Coronation of Emperor Alexander III and Empress Maria Feodorovna. St. Petersburg: V. Komarov, 1883. 469 p. (In Russ.)
- Kundakbaeva Zh. B. 'By the Mercy of H. I. M. ...': Russia and Peoples of the Northern Caspian in the Eighteenth Century. Moscow: AIRO-XXI; St. Petersburg: D. Bulanin, 2005. 303 p. (In Russ.)
- Chuloshnikov A. P. (ed.) Materials in the History of the Bashkir ASSR. Pt. 1: Bashkir Uprisings, Seventeenth to Mid-Eighteenth Centuries. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 631 p. (In Russ.)
- Description of the Holy Coronation of Emperor Alexander III and Empress Maria Feodorovna. St. Petersburg: A. Benke, 1896. 32 p. (In Russ.)
- Pochekaev R. Yu. Law of the Golden Horde. Kazan: Fän, 2009. 260 p. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. 'Were in Moscow... Said to Represent Their People ...': Bashkir and Mishar foremen at the 1742 Coronation of Empress Elizaveta Petrovna. *Yadkyar*. 2001. No. 2. Pp. 34–43. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. In White Tsar's Service: Military Service of Southeast Russia's Asians, Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries. Moscow: Russian Institute for Strategic Studies, 2014. 544 p. (In Russ.)
- Mankov A. G. (ed.) Russian Law in the Tenth to Twentieth Centuries. In 9 vols. Vol. 3: Acts of Zemsky Sobors. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1985. 511 p. (In Russ.)
- Svinyin P. Historical description of the holy coronation and confirmation of Emperor Nicholas Pavlovich and Empress Alexandra Feodorovna on 22 August 1826 in Moscow. *Otechestvennyye zapiski*. 1827. Vol. 31. No. 89. Pp. 369–396. (In Russ.)
- Solovyov K. A. Power in ancient and medieval Rus': Evolution of legitimacy forms. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2017. No. 2. Pp. 162–164. (In Russ.)

- Трепавлов 2007 — *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.
- Трепавлов 2018 — *Трепавлов В. В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 320 с.
- Уортман 2004 — *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. 796 с.
- Фирсов 1871 — *Фирсов Н. Н.* Инородческое население прежнего казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель // Ученые записки Казанского университета. Т. VI. Казань: Университ. тип., 1871. С. 297–401.
- Шапшал 1953 — *Шапшал С. М.* К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. Сб. ст. / отв. ред. Н. А. Баскаков. М.: АН СССР, 1953. С. 304–316.
- Шмитт 2016 — *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 588 с.
- Trepavlov V. V. 'White Tsar': The Monarch, His Image, and Visions of Allegiance among Russia's Peoples, Fifteenth–Eighteenth Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. 255 p. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. Symbols and Rituals in Russia's Ethnic Policies, Sixteenth–Nineteenth Centuries. St. Petersburg: O. Abyshko, 2018. 320 p. (In Russ.)
- Wortman R. S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Moscow: OGI, 2004. 796 p. (In Russ.)
- Firsov N. N. Khanate of Kazan and its non-Russian natives in modern Russia before 1762 and prior to the colonization of Transkama region. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 1871. Vol. 6. Pp. 297–401. (In Russ.)
- Shapshal S. M. More on tarkhan jarliqs. In: Celebrating the 75th Birthday of Acad. Vladimir A. Gordlevsky. Collected papers. N. Baskakov (ed.). Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. Pp. 304–316. (In Russ.)
- Schmitt C. The Concept of the Political. St. Petersburg: Nauka, 2016. 588 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 2, Pp. 342–352, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 340.114

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-342-352

Особенности рассмотрения уголовных дел в суде Зарго в Калмыкии в середине XIX в. (на примере дел, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия)

Евгений Александрович Команджаев¹, Деля Антоновна Ольдеева²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой

0000-0002-4542-8786. E-mail: [komandzhaev\[at\]mail.ru](mailto:komandzhaev[at]mail.ru)

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой

0009-0004-3632-4047. E-mail: [upravo2014\[at\]yandex.ru](mailto:upravo2014[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Команджаев Е. А., Ольдеева Д. А., 2025

Аннотация. Введение. Статья посвящена деятельности калмыцкого суда Зарго по рассмотрению уголовных дел в середине XIX в. Проблеме осуществления правосудия у калмыков посвящено не так много работ. В основном это работы дореволюционных и советских авторов. В современный период изучение вопросов судостроительства и судопроизводства в калмыцком обществе необходимо рассмотреть с позиций цивилизационно-культурного и социологического подходов. *Целью* работы является дополнение сведений о деятельности суда Зарго по рассмотрению уголовных дел в середине XIX в. *Материалы и методы.* Авторами представлены и проанализированы архивные материалы из Национального архива Республики Калмыкия. В статье использованы методологические принципы: объективность, историзм, всесторонность. Исследование основано на применении цивилизационно-культурного подхода и социологического позитивизма. *Результаты.* В результате проведенного исследования охарактеризована деятельность суда Зарго в середине XIX в. На основе изучения архивных материалов сделаны выводы о порядке производства следствия в калмыцких улусах, сбора доказательств, порядке судопроизводства. Общекалмыцкий Зарго являлся вышестоящей инстанцией по отношению к улусным судам Зарго и пересматривал их решения и приговоры. К подсудности Зарго относились уголовные дела, где подсудимыми являлись калмыки. Если в уголовном деле, помимо калмыков, фигурировали казаки, мещане или крестьяне, а также крещенные калмыки, то суд Зарго, рассматривая дело, выносил приговор только в отношении калмыков, а в отношении

других сословий Зарго передавал дело по подсудности. Хотя уголовные дела рассматривались в соответствии с российским уголовным законодательством, но при этом большое влияние на процесс судопроизводства оказывали цивилизационно-культурные особенности калмыцкого народа.

Ключевые слова: калмыцкое общество, суд Зарго, судопроизводство, порядок следствия, уголовное законодательство

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России» (№ 23-18-20019).

Для цитирования: Команджаев Е. А., Ольдеева Д. А. Особенности рассмотрения уголовных дел в суде Зарго в Калмыкии в середине XIX в. (на примере дел, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия) // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 2. С. 342–352. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-342-352

Particulars of Criminal Proceedings at Kalmykia's Zargo in the Mid-Nineteenth Century: Analyzing Files of Cases from the National Archive of Kalmykia

Evgeniy A. Komandzhaev¹, Delya A. Oldeeva²

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (Law), Associate Professor, Head of Department
 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev[at]mail.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Head of Department
 0009-0004-3632-4047. E-mail: upravo2014[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Komandzhaev E. A., Oldeeva D. A., 2025

Abstract. Introduction. The article examines how the Kalmyk law-court of Zargo would hear criminal proceedings in the mid-nineteenth century. The works dealing with the administration of justice among the Kalmyk are few enough, and primarily come from the pre-revolutionary and Soviet eras. As for the modern period, the study of judicial structures and legal procedures in Kalmyk society should be considered from civilizational-cultural and sociological perspectives. **Goals.** The work attempts a comprehensive description of the Zargo's criminal hearings and procedures in the mid-nineteenth century. **Materials and methods.** The paper presents and analyzes some related materials from the National Archives of Kalmykia. The key methodological principles employed are objectivity, historicism, and comprehensiveness. In general, the study rests on the civilizational-cultural approach and essentials of sociological positivism. **Results.** Our investigation succeeds in characterizing activities and procedures of the mid-nineteenth century Zargo. The archival insights make it possible to conclude how they would conduct investigations in Kalmyk uluses, collect evidence, and arrange legal proceedings at large. The All-Kalmyk Zargo was a higher authority in relation to ulus-level Zargo law-courts and could review the latter's decisions and sentences. Criminal cases involving ethnic Kalmyk defendants fell under the jurisdiction of the Zargo. If a criminal case involved Cossacks, urban commoners or peasants, as well as Kalmyk Christians, the Zargo would hear it and issue a sentence only in relation to Kalmyks proper, while decisions for representatives of other classes were to be made by due authorities according to jurisdiction. Despite criminal cases were considered in accordance with Russian criminal legislation, the Kalmyk civilizational and cultural features did have significant influence on legal procedures.

Keywords: Kalmyk society, Zargo court, legal proceedings, investigation procedures, criminal legislation

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-18-20019 'Between East and West: Civilizational and Cultural Development of Kalmyk Society in Pre-Revolutionary Russia'. Available at: <https://grant.rscf.ru/project/23-18-20019>.

For citation: Komandzhaev E. A., Oldeeva D. A. Particulars of Criminal Proceedings at Kalmykia's Zargo in the Mid-Nineteenth Century: Analyzing Files of Cases from the National Archive of Kalmykia. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 342–352. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-342-352

1. Введение

Российское государство стало своеобразной «колыбелью народов». В состав России постепенно входили народы и территории, и на данный момент в составе Российской Федерации насчитывается более 190 народов. Зачастую присоединяемые территории и народы имели особый статус, что и было с калмыцким народом, вошедшим в состав России в начале XVII в. При этом российские власти часто сохраняли традиционные модели юстиции у различных народов Российской империи [Ефремова 2014: 255]. Основные исследования о калмыцком народе, его законодательстве и системе управления начались в XIX в. Первые исследования законодательства калмыков представлены в трудах Ф. И. Леонтовича [Леонтович 1879], К. Ф. Голстунского [Голстунский 1880], Я. И. Гурлянда [Гурлянд 1904]. Авторы проанализировали монголо-ойратские законы 1640 г., дополнения к ним калмыцкого хана Дондук-Даши, источники законодательства. Н. В. Баснин [Баснин 1876] обратил внимание на судопроизводство у калмыков, отмечая его давнюю историю и приверженность традициям. П. А. Муллов [Муллов 1863] указывал на приверженность калмыков обычаям и традиционному рассмотрению споров.

В советские годы в Харбине была издана книга В. А. Рязановского, в которой автор проанализировал законодательство монголов и калмыков, представил сведения о судопроизводстве [Рязановский 1931].

В 60–70-е гг. XX в. вышли статьи о законодательстве калмыков С. М. Сагаева [Сагаев 1968], В. С. Сергеева, Б. В. Сергеева [Сергеев 1968; Сергеев 1972; Сергеев, Сергеев 1998], В. Ш. Бембеева [Бембеев 1972], А. Г. Митирова [Митиров 1988].

Однако специальных работ, посвященных осуществлению судопроизводства у

калмыков в XIX в., не было. Поэтому с учетом изученности проблемы в статье поставлена задача дополнить имеющиеся сведения о деятельности общекалмыцкого суда Зарго по рассмотрению уголовных дел.

2. Материалы и методы исследования

При подготовке статьи были использованы архивные материалы фонда 45 «Главный Зарго» Национального архива Республики Калмыкия. Статья основана на методологических принципах объективности, историзма, всесторонности.

3. Рассмотрение уголовных дел судом Зарго в середине XIX в.

В соответствии с «Правилами для управления калмыцкого народа» 1825 г. [ПСЗ РИ 1830: 155–161] главный Зарго рассматривал имущественные споры до 400 руб., а также мелкие уголовные дела. Улусные суды разбирали споры до 200 руб. В «Правилах для управления калмыцкого народа» 1825 г. (параграфы 57–58) было определено, что «все дела духовного и гражданского суда производятся и решаются по древнему калмыцкому уложению, обычаям и обрядам» [ПСЗ РИ 1830: 161].

«Положение об управлении калмыцким народом» 1834 г. [ПСЗ РИ 1836: 18–39] установило, что суд Зарго состоял из председателя, двух советников, назначавшихся Министерством юстиции, и двух ассессоров, избираемых из числа нойонов. По-прежнему Зарго пересматривал решения и приговоры улусных судов. Приговоры Зарго по уголовным делам утверждались астраханским военным губернатором [ПСЗ РИ 1836: 26–27]. Уголовные дела рассматривались на основании российских правовых норм, а решения по гражданским делам основывались на «древних калмыцких постановлениях».

Протоколы заседаний судов Зарго (главного и улусных) можно увидеть в делах разных фондов Национального архива Республики Калмыкия [НА РК. Ф. 11, 14, 16, 18, 20, 23, 25, 28, 45, 48].

При подготовке настоящего исследования были изучены протоколы заседаний Главного Зарго по рассмотрению уголовных дел [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1]. Эти материалы содержат протоколы заседаний за небольшой период (январь-апрель 1844 г.), хотя все архивное дело представляет собой более 850 листов. Однако из них мы можем увидеть, как рассматривались уголовные дела, как производилось следствие и судебное разбирательство. Кроме того, мы можем воссоздать картину судопроизводства в середине XIX в., а также жизнь и быт людей того времени, так как протоколы содержат подробные описания происшествий и событий.

Для наглядности приведем полностью один из протоколов.

5 января 1844 г. по Указу Его Императорского Величества Суд Зарго рассматривал представленное на ревизию Малодербетовским улусным судом Зарго донесение от 15 декабря 1843 г. полученном 3 декабря 1844 г. дело о краже Царицынского уезда деревни Усть-Погожей у крестьян Ивана Алешина, Ефима Головинова, Кондрата Горбунова и Осипа Никитина четырех лошадей будто бы калмыками Малодербетовского улуса Туктунова рода аймачными зайсанга Оргечки Антуном, Хара, Боро, Пагир и Балдыр Цебековы.

Дело состояло в следующем: Вышепоименованные крестьяне Иван Алешин с товарищами 19 июня 1843 г., Царицынского земского суда непременно заседателю Данилову объявили, что 16 июня того же года во время сенокосения их на речке Бердее, неизвестно кем украдены у них 4 лошади, принадлежащие собственнo им каждому по одной лошади и что они 17 числа того же года, нашли следы украденных у них лошадей и довели оные до калмыцких кибиток, стоявших близ хутора войскового старшины Персидского. В кибитках тех жили калмыки

Антошка, Болдырка, Джамбушка и Хараишка. Требовали они от этих калмыков, чтобы они осмотрели приведенные ими следы, но калмыки от того отказались. Упомянутые следы от кибиток затерялись не более в 200 сажнях. Почему они и подозревают в воровстве их лошадей калмыков. Засим просили они заседателя Данилова сделать надлежащее со стороны его распоряжение.

Показания истцов: Крестьяне Иван Алешин, Ефим Головинов, Кондрат Горбунов и Осип Никитин в дополнение поданных ими обвинений заседателю Данилову быв спрошены показали, что они кроме изложенных ими обвинений других доказательств к изобличению калмыков в краже у них лошадей никаких не имеют и что доведенных ими следов никто из посторонних лиц не видел.

Показания подсудимых: О познании в краже калмыки Антун, Хара, Боро, Пагир и Балдыр Цебековы против вышеизъявленных обвинений быв спрошены показали, что они проживали в селении Бердее у подполковника Логина Персидского по выделенному им билету владельцев Тундутовых, что 1843 года в июне месяце, какого числа не припомнят, приезжали к ним в кибитки деревни Усть-Погожей крестьяне Иван Алешин, Ефим Головинов, Кондрат Горбунов и Осип Никитин и сказывали, что у них пропали 4 лошади и будто бы следы тех лошадей прямо шли к их кибиткам, но не доходя до них сажень 200 пропали. Посему просили их осмотреть лошадей. Но они без посторонних людей на то не согласились, да и не имели в том никакой надобности, потому что вблизи их кибиток много лошадей разных жителей. Они же украденных лошадей не воровали и кто украл их не знают.

Дополнительные сведения: Войсковой старшина Персидский показал, что калмыки Антун, Хара, Боро, Пагир и Балдыр Цебековы действительно проживают у него по билету, выданному владельцем Тундутовым и что они поведения хорошего, за которыми он никаких противоправных поступков не замечал.

Подсудимые от роду лет: Антуна Цебекову — 28, Харе Цебекову — 51, Боро Цебекову — 15, Пагиру Цебекову — 37, Балдыру Цебекову — 27. Все они неграмотны, судят в первый раз. Женаты, холостые или вдовцы из показаний не видно. На повальном обыске в поведении одобренные и состоят на поручении у войскового старшины Персидского.

Мнение улусного суда.

Малодербетовский улусный суд по рассмотрении настоящего дела установил, что крестьяне деревни Усть-Погожей Аван Аleshин с тремя товарищами заподозрили в краже у них 4 лошадей калмыками Антуна, Хару, Боро, Пагира и Балдыра Цебековых по одним только следам, приведенным близко к кибиткам калмыков самими истцами. Какие следы, никто из посторонних людей не засвидетельствовал и потому таковой довод следов за верное доказательство воровства теми калмыками лошадей, принято быть не может. А потому за мнением 30 ноября 1843 г. положил: вышепоименованных подсудимых калмыков на основании 1169 статьи 15 тома Свода законов уголовных изд. 1842 г. от суда и следствия освободить, а крестьянам по недоказательству в претензии отказать.

Законами повелено:

15 том Свода законов уголовных, изд. 1842 г.

Ст. 924. Всякий донос должен быть основан на явных и точных доказательствах.

Ст. 1169. Никто не должен быть приговорен к наказанию без точных доказательств или явных улик в преступлении. Доказательства суть вообще двух родов: совершенные или же несовершенные.

Определено: Вышеизложенное мнение Малодербетовского улусного суда об освобождении подозреваемых подсудимых калмыков Антуна, Хару, Боро, Пагира и Балдыра Цебековых по не доказательству крестьянами Иваном Аleshиным и тремя его товарищами в краже у них теми калмыками 4 лошадей от суда и следствия Суд Зарго находит правильным. А потому на основании ст.

1169 15 тома Свода законов уголовных, изд. 1842 г. решение утвердить во всей силе. Предоставить крестьянам Аleshину с товарищами отыскивать виновных в краже у них лошадей согласно 924 статьи того же тома с ясными доказательствами.

Об объявленном решении сего истцам и ответчикам сообщено в Совет калмыцкого управления. Но предварительно исполнения, внести оное к господину Астраханскому военному губернатору на утверждение, представив подлинник дела.

Подписи председательствующего, двух советников и двух ассессоров из калмыков [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–7].

Из протокола заседания суда Зарго видно, что поводом к возбуждения уголовного дела стало сообщение о преступлении потерпевшими. При этом потерпевшие самостоятельно отправились разыскивать пропавших лошадей по следам, которые довели до кибиток, где проживали калмыки. Поэтому указанные калмыки попали под подозрение.

Малодербетовский улусный суд подсудимых от следствия и суда освободил за недоказанностью их вины. Поэтому суд Зарго на основании статей 924 и 1169 15 тома Свода законов уголовных [Свод законов Российской империи 1842б: 93, 125] утвердил решение Малодербетовского улусного суда.

В протоколах заседаний Зарго также встречаются ссылки на ст. 1176 Свода законов уголовных: «Если доказательства недостаточны для совершенной достоверности в вине подсудимого, то не осуждать его к тому наказанию, которое закон определяет за доказанное преступление, по тому общему правилу, что лучше освободить от наказания десять виновных, нежели приговорить невинного» [Свод законов Российской империи 1842б: 126].

В протоколе подробно описаны все обстоятельства дела, приводятся показания потерпевших и подсудимых, представлены дополнительные сведения о подсудимых, характеризующих их личность. В протоколе упоминается особое следственное

действие — повальный обыск. Повальный обыск представлял собой допрос большого количества людей о личности подсудимого в месте его жительства, о его поведении [Свод законов Российской империи 1842б: 119, 121]. На повальном обыске предполагалось допрашивать только «достойных людей», устанавливались правила повального обыска.

Статьи 1170–1173 указанного свода законов устанавливают, что «совершенным доказательством считается такое доказательство, которое исключает любую возможность непризнания вины» [Свод законов Российской империи 1842б: 125], и что «одного совершенного доказательства достаточно для признания виновности подсудимого» [Свод законов Российской империи 1842б: 125]. «Доказательства считаются несовершенными, когда они не исключают возможности доказательства невиновности. Одно несовершенное доказательство не считается полным доказательством виновности, а оставляет только в подозрении. Только несколько несовершенных доказательств могут говорить о доказанности вины» [Свод законов Российской империи 1842б: 125].

Таким образом, суд Зарго в мотивировочной части своего решения ссылаясь на общероссийский Свод законов уголовных.

Решение объявлялось потерпевшим и подсудимым через Совет калмыцкого управления. Из протокола отчетливо видно, что решение суда Зарго отправлено на утверждение Астраханскому военному губернатору.

Из иных протоколов заседаний суда Зарго, содержащихся в архивном деле, мы можем увидеть, что начиналось следствие обычно по заявлению потерпевших своему зайсангу или попечителю улуса, либо зайсанг докладывал попечителю улуса. Потерпевшие — не калмыки — сообщали о преступлении своим старостам, приставам, старшинам или другим должностным лицам.

Потерпевшие самостоятельно должны были отыскивать виновных. При угоне скота это делали по следам украденных животных. Так, например в деле мы ви-

дим протокол, где указывается, что зайсанг Малодербетовского улуса Чюн-Чоносова рода Джинсан Джистанов 14 декабря 1842 г. сообщил попечителю Малодербетовского улуса Ведерникову о том, что 3 декабря из хотона аймачного его калмыка Уматы Калинова были украдены 19 верблюдов. По следам украденного скота на поиски отправились 13 человек во главе с зайсангом Джистановым. Утром на высотах урочища Яшкуля они обнаружили 10 верблюдов, а следы остальных 9 довели до Худука Капитин, к кочевавшим там калмыкам Ики-Цохуровского улуса Яргачин Эркетенева рода, аймачных зайсанга Дарбыши. При этом калмыки, численностью до 60 человек, напали на искавших скот и ранили хозяина пропавшего скота выстрелом в ногу [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–28]. Для розыска виновных и похищенных скота и вещей попечитель улуса или иное должностное лицо посылал казаков или жителей того же села или хотона, откуда был потерпевший.

Необходимо отметить, что в условиях Калмыцкой степи сложно было найти виновных лиц. Если следы подходили к определенному хотону, то возможен был обыск кибиток для поиска украденных вещей. Поэтому как свидетельство вины выступали вещественные доказательства. Это похищенное имущество — либо разорванные вещи, либо лошади, на которых были преступники. Возможен был также осмотр скота у подозреваемых в хотоне для поиска похищенных животных. Кроме того, потерпевшие могли опознать виновных по одежде и головным уборам, которые также служили доказательствами. Так, в деле о грабеже двух казаков из показаний потерпевших мы видим описание грабителей: «напали два неизвестных им калмыка, на двух лошадях. Одна из них была караковая (бурая) небольшого роста, а другая сивая, среднего роста. Калмыки были вооружены пистолетом и ружьем... Один лет 40, другой 30. Сей последний русоватый. На одном шапка калмыцкая, а на другом русского покроя верх желтого сукна окольши черной мерлушки...» [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 146–176].

Среди доказательств у калмыков важное место занимали показания потерпевших, подсудимых и свидетелей. Показания давались под присягой или без таковой. При этом опрашивался достаточно большой круг лиц, и все показания перепроверялись или должны были быть подтверждены другими свидетелями. Зачастую это были однохотонцы, которые могли подтвердить невиновность подсудимых, должностные лица, которые видели подсудимых в других местах, казаки, крестьяне или другие лица, принимавшие участие в розыске виновных и похищенного имущества, калмыки, встречавшие подозреваемых в степи.

Аймачные зайсанги также давали показания о личности подсудимых, их характеристику либо подтверждали отсутствие в хотоне. Зачастую калмыки ездили в близлежащие села или города для покупки продуктов и продажи скота. На отлучку из хотона зайсанг выдавал разрешение (билет).

При проведении следствия могла быть проведена очная ставка, на которой потерпевшие могли опознать подозреваемых. Так, в одном из протоколов содержится описание очной ставки: «Казак Илья Гончаров на очной ставке уличал калмыка Тапкин Джимбе, что он его грабил и выстрелил в него из пистолета, что он был тогда на караковой лошади. Волосы у него заплетены были в косу. Другого же калмыка Санжи Дебегинова за участвовавшего в грабеже признать не смог. Калмык Джимбе отрицал улику, говорил, что он казака Гончарова никогда не видел. То же самое показал и Дебегин» [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 146–176].

Кроме того, потерпевший Илья Гончаров опознал одну лошадь, на которой были нападавшие подозреваемые калмыки, хотя вторая лошадь не была им опознана.

При проведении следствия по этому делу члены Черныярского земского суда, с участием уездного стряпчего и депутатов с казачьей и калмыцкой стороны, вместе с потерпевшим казаком Павлом Изрядновым посещали места содержания арестованных. Потерпевший казак П. Изряднов из 20 человек калмыков-арестантов узнал Санжу Дебегинова и указав прямо на него, сказал, что при грабеже он был на бело-серой ло-

шади, гнался за ним с ружьем и отобрал у него вещи. Другого калмыка потерпевший не опознал. Потерпевший опознал одну лошадь, на которой были подозреваемые [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 146–176]. В большинстве случаев на очных ставках обвиняемые свою вину отрицали, хотя потерпевшие прямо указали на них. Поэтому опознание подозреваемого должно было сопровождаться другими доказательствами.

При ранении или побоях потерпевших врач должен был обязательно осмотреть раны или побои и засвидетельствовать их, о чем в протоколе суда делались записи. Например, в том же деле о ранении потерпевшего Умата Калинова указано: «По свидетельству, учиненному 7 марта 1843 г. Черныярским уездным штаб-лекарем Советовым при попечителе Малодербетовского улуса и понятых оказалось: Умата Калинов имеет на правой ноге, с внешней стороны колена, рану простирающуюся косвенно ко внутренней поверхности голени около четверти аришин. Причем само колено воспалено и имеет опухоль величиной около двух ладоней. Из верхней и нижней ран шла кровь. Из всего этого лекарь Советов заключил, что раны нанесены ружейным выстрелом, от которых с повреждением мягких частей повреждены и коленная связка и кость. А потому рана эта опасна для самой жизни Калинова, в особенности без врачебной помощи» [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 23].

В деле о грабеже двух казаков и о ранении одного из них также мы находим описание раненого казака И. Гончарова. Осмотр проведен черныярским уездным штаб-лекарем Советовым 29 июня 1843 г. при участии пристава и станционного смотрителя. Обнаружена рана посередине бедра на правой ноге, сделанная выстрелом из пистолета. Врач сделал заключение об опасности такого ранения для жизни и здоровья [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 148–149].

Так как в условиях степи сложно было найти виновных, то большинство дел заканчивалось оправданием подсудимых. Даже в указанном выше деле, когда казаки на очной ставке признали подозреваемых за грабителей, суд Зарго оправдал подсудимых калмыков. Подсудимые калмыки доказали, что ез-

дили по указанию своего зайсанга собирать албан и во время ограбления казаков были в другом месте и их видели другие крестьяне и калмыки. Суд Зарго полагал, что «подсудимые калмыки участвовать в этом преступлении не могли и отрицание их от грабежа представляется вероятным, потому: а) что по показаниям сторонних лиц, кои видели подсудимых в означенное время, не было при них ограбленных лошадей и вещей; б) что грабеж произведен двумя калмыками и что следы ограбленных лошадей оказались по направлению к селению Цацынскому. Что же касается до сходства мастей бывших у подсудимых лошадей, то обстоятельства как случайные к обвинению подсудимых само собою не достаточно, ибо других более ясных и не подлежащих сомнению доказательств к обличению их не открылось. < ... > Вследствии сего суд Зарго полагает: Калмыков Тапкина Джимбе, Санжи Шарпа Дебегина и Чонкина Джомолика, устранивших от себя подозрение в ограблении казаков Гончарова и Изряднова на основании ст. 1169 15 тома Свода законов уголовных от суда и следствия освободить, предоставив казакам Гончарову и Изряднову отыскивать прямых виновных в ограблении их согласно ст. 924 с ясными доказательствами» [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 146–176]. Подсудимые могли доказать свою невиновность, сославшись на отсутствие в месте преступления или рядом, а также указав, что в других местах их видели другие люди.

При этом при недоказанности вины подсудимых суд мог оставить их в подозрении. Так, суд Зарго 26 января 1844 г. пересматривал решение Малодербетовского улусного суда по обвинению двух калмыков в краже пшеницы у крестьянина Царицынского уезда Верхнеахтубинского городка Михаила Горянскова [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 28]. Подсудимые вину отрицали, но не смогли доказать свою непричастность к преступлению. В протоколе заседания указано, что «улусный суд, не видя доказательств, не может по содержанию ст. 1169 признать сих калмыков виновными в преступлении. Но не может оставить без внимания и того, что мещанин

Поликарп Кузнецов, у коего калмыки проживали, отозвался при свидетелях, что он видел привезенную теми калмыками на его хутор пшеницу. И о том показании свидетели были 5 человек. Это свидетельство хотя не открывает еще действительного поступка [подсудимых. — Е. К., Д. О.] ... Но оно простирает сильное подозрение на этих калмыков, причем они кроме простого отрицания основательных возражений не принесли. Улусный суд, приняв все то к своему соображению и руководствуясь ст. 1177 Свода законов уголовных мнением от 24 декабря 1843 г. положил: калмыков сих по настоящему предмету оставить в сильном подозрении, освободив на основании ст. 1169 от суда и следствия по недоказательству в преступлении» [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 220]. Суд Зарго после рассмотрения данного дела вынес вердикт: «Калмыков Чонкаева и Безикова, обвиняемых в краже пшеницы у крестьянина Горянскова, на основании ст. 1177 15 тома Свода законов уголовных (изд. 1842 г.) и согласно с мнением улусного суда, оставить в подозрении, отдав их на поручительство одобивших на повальном обыске калмыкам, о именах коих сообщить сведения Совету калмыцкого управления» [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 214–228].

Подсудимые в подавляющем большинстве случаев на повальном обыске однородцами характеризовались положительно. Однако встречаются дела, где однохотонцы негативно отзывались о подсудимом. Так, в деле об угоне 14 лошадей у донского казака Ивана Ерохина подозревался калмык Малодербетовского улуса Чолбин Дайканов. На очной ставке казак Ерохин опознал Дайканова и уличил его в нападении с целью угона лошадей. Подсудимый Дайканов свою вину отрицал. При этом свидетель крестьянин Иван Кожевников под присягой показал, что Чолбан Дайников во время совершения преступления находился в своей кибитке. При этом на повальном обыске 24 человека показали, что «помянутый калмык поведения дурного, пребывал в праздности, занимался пьянством и состоит под судом по отгону 51 скотины по самовольной откочевке в 1840 г. из степей и во по-

бегах в том же году» [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 240]. Так как прямых доказательств вины Чолбана Дайникова не было, Малодербетовский улусный суд освободил его от суда и следствия. Главный Зарго оставил это решение в силе, но так как Дайников на повальном обыске в поведении не одобрен, и при этом ни виновным, ни подозрительным не признан, то по случаю дурного поведения отдать его под строгий надзор местного аймачного и хотонного начальства [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 238–252].

Потерпевшие и должностные лица, посланные для розыска виновных по следам, чаще всего возвращались ни с чем. Однако нельзя говорить о том, что следствие велось неэффективно. Для поиска виновных опрашивалось большое количество лиц. Если следы угнанного скота терялись в степи, то опрашивались все жители хотонов, кочевавшие поблизости. При этом могли быть обысканы все кибитки этих хотонов.

Показательным здесь выступает дело о грабежах на почтовом линейном тракте из Астрахани в Кизляр между Алабужинской, Белозерской и Гайдуковской станицами. За месяц было совершено четыре грабежа проезжающих по тракту несколькими группами калмыков [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 61–101]. Грабители так и не были найдены. Поэтому попечителям Эркетеневского и Яндыковского улусов и смотрителю Мочагов было указано на неудовлетворительную работу, так как они не приняли мер по пресечению грабежей либо не выполнили поручения Совета калмыцкого управления. О данном обстоятельстве суд Зарго сообщил в Совет калмыцкого управления [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 61–101].

В данном деле одним из подозреваемых был аймачный зайсанг. Поэтому дело это было передано суду Зарго, так как нойоны, правители улусов и аймачные зайсанги судились в центральном Зарго, а безаймачные

зайсанги — в улусных судах [Свод законов Российской империи 1842а: 229]. При этом суд Зарго не оправдал его, а оставил в подозрении за недостаточностью доказательств.

Встречаются и дела, которые с момента преступления до судебного решения рассматривались более 10 лет, передавались из одного улусного суда в другой и обратно, долго собирались доказательства и велась переписка между должностными лицами [НА РК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 118а–133]. О затяжке судебного разбирательства и медлительности Малодербетовского улусного суда суд Зарго также сообщал в Совет калмыцкого управления.

Суд Зарго рассматривал дела только в отношении калмыков и не вмешивался в компетенцию других судов. Так, если в деле встречались лица, не являвшиеся калмыками, то суд Зарго передавал дело на рассмотрение земских судов по месту жительства подозреваемых.

«Положение об управлении калмыцким народом» 1847 г. [ПСЗ РИ 1848] ликвидировало общекалмыцкий суд Зарго. Однако улусные суды Зарго продолжали свою деятельность вплоть до начала XX в., хотя и с уменьшенной компетенцией.

4. Заключение

Несмотря на попытки российской администрации реформировать систему судопроизводства у калмыков, национальные суды Зарго продолжали осуществлять правосудие до начала XX в. При изучении архивных материалов, посвященных рассмотрению главным Зарго уголовных дел, можно установить ряд интересных фактов о проведении судебного следствия, розыске виновных, поиске похищенного скота, установлении всех обстоятельств уголовного дела, опросе потерпевших, подсудимых и свидетелей, порядке проведения очной ставки и иных следственных действиях.

Источники

- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
ПСЗ РИ 1830 — Высочайше утвержденные «Правила для управления калмыцкого на

Sources

- National Archive of the Republic of Kalmykia.
Imperially Approved Regulations for Governing the Kalmyk People of 10 March 1825. In:

- рода» от 10 марта 1825 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. XL. №30290. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 155–161.
- ПСЗ РИ 1836 — Высочайше утвержденное «Положение об управлении калмыцким народом» от 24 ноября 1834 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 10. Прибавление к Т. IX. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. С. 18–39.
- ПСЗ РИ 1848 — Высочайше утвержденное «Положение об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 22. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1848. С. 349–372.
- Свод законов Российской Империи 1842а — Свод законов Российской Империи, повелением императора Николая Павловича составленный: издание 1842 г. Т. 9. Свод законов о состояниях. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. 402 с.
- Свод законов Российской Империи 1842б — Свод законов уголовных — Свод законов Российской Империи, повелением императора Николая Павловича составленный: издание 1842 г. Т. 15. Свод законов уголовных. СПб.: Тип. Второго отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии канцелярии, 1842. 395 с.
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. One. Vol. 40. No. 30290. St. Petersburg: H. I. M. Own Chancellery (Second Section), 1830. Pp. 155–161. (In Russ.)
- Imperially Approved Regulations for Governing the Kalmyk People of 24 November 1834. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. Two. Vol. 10. Pt. 2. Supplement to Vol. 9. No. 7560a. St. Petersburg: H. I. M. Own Chancellery (Second Section), 1836. Pp. 18–39. (In Russ.)
- Imperially Approved Regulations for Governing the Kalmyk People of 23 April 1847. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. Two. Vol. 22. Pt. 1. No. 21144. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancellery (Second Section), 1848. Pp. 349–372. (In Russ.)
- Digest of Laws of the Russian Empire Compiled at the Order of Emperor Nicholas Pavlovich: Edition of 1842. Vol. 9: Estate-Related Laws. St. Petersburg: H. I. M. Own Chancellery (Second Section), 1842. 402 p. (In Russ.)
- Digest of Laws of the Russian Empire Compiled at the Order of Emperor Nicholas Pavlovich: Edition of 1842. Vol. 15: Criminal Laws. St. Petersburg: H. I. M. Own Chancellery (Second Section), 1842. 395 p. (In Russ.)

Литература

- Баснин 1876 — Баснин Н. В. О древнем калмыцком уложении (Очерк старинного судопроизводства у калмыков). М: Унив. Тип. (Катков), 1876. 8 с.
- Бембеев 1972 — Бембеев В. Ш. О первом русском списке монголо-ойратских законов 1640 г. и его переводе // Проблемы алтаистики и монголоведения: мат-лы Всесоюз. конф. (Элиста, 17–19 мая 1972 г.) Элиста: [б. и.], 1972. С. 76–77.
- Ефремова 2014 — Ефремова Н. Н. Местная юстиция в правовых традициях имперской России // «Правовые традиции». Жидковские чтения: мат-лы Междунар. науч. конф. М.: РУДН, 2014. С. 254–260

References

- Basnin N. V. About the Ancient Kalmyk Code of Laws: An Essay on Kalmyk Judicial Procedures from the Olden Days. Moscow: Katkov, 1876. 8 p. (In Russ.)
- Bembeev V. Sh. On the first manuscript copy of the 1640 Oirat-Mongolian Code of Laws and its translation. In: Problems of Altaic and Mongolian Studies. Conference proceedings (Elista, 17–19 May 1972). Elista, 1972. Pp. 76–77. (In Russ.)
- Yefremova N. N. Local justices in legal traditions of Imperial Russia. In: Legal Traditions. Zhidkov Readings. Conference proceedings. Moscow: RUDN University, 2014. Pp. 254–260. (In Russ.)

- Голстунский 1880 — *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши / калм. текст с рус. пер. и прим. экстра.-орд. проф. в. С.-Петерб. ун-те К. Ф. Голстунского. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. 144 с.
- Гурлянд 1904 — *Гурлянд Я. И.* Степное законодательство с древнейших времен по 17-е столетие. Казань: Тип.-лит. Имп. ун-та, 1904. 112 с.
- Леонтович 1879 — *Леонтович Ф. И.* К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий (ойратский) устав взысканий. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879. 290 с.
- Митиров 1988 — *Митиров А. Г.* Обычай и обычное право калмыков в трудах дореволюционных исследователей России // Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии. Элиста: КНИИИФЭ, 1988. С. 83–93.
- Муллов 1863 — *Муллов П. А.* Древние калмыцкие законы. // Журнал Министерства юстиции. 1863. Т. 18. Кн. 10. Октябрь. С. 63–76.
- Рязановский 1931 — *Рязановский В. А.* Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева, 1931. 306 + 42 + ii с.
- Сагаев 1968 — *Сагаев С. М.* Право феодальной Калмыкии 2 половины XVII в. // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 157–165.
- Сергеев 1968 — *Сергеев В. С.* «Ики цааджин бичик» — памятник калмыцкого права. // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 167–180.
- Сергеев 1972 — *Сергеев В. С.* Ики цааджин бичик 1640 г. — основной юридический источник уголовного права Калмыкии XVII–XVIII вв. // Вестник института. Серия историческая. Вып. 6. Элиста: КНИИЯЛИ, 1972. С. 152–158.
- Сергеев, Сергеев 1998 — *Сергеев В. С., Сергеев Б. В.* Уголовное и гражданское право калмыков XVII–XVIII вв. Элиста: Джангар, 1998. 223 с.
- Golstunsky K. F. (comp., ed.) The 1640 Oirat-Mongolian Code of Laws, Supplemented with Decrees of Galdan Hong Tayiji, and Laws Compiled for the Volga Kalmyks under Khan Donduk-Dashi. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. 144 p. (In Kalm. and Russ.)
- Gurlyand I. Ya. Steppe Legislation: From Earliest Times to the Seventeenth Century. Kazan: Imperial Kazan University, 1904. 112 p. (In Russ.)
- Leontovich F. I. History of Law among Russia's Non-Slavs: The Ancient Kalmyk (Oirat)-Mongolian Code of Laws. Odessa: G. Ulrich, 1879. 290 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Customs and customary law of Kalmyks in works of pre-revolutionary researchers. In: Kalmyk Studies. Issues of Historiography and Bibliography. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1988. Pp. 83–93. (In Russ.)
- Mullov P. Ancient Kalmyk laws. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 1863. Vol. 18. No. 10 (October). Pp. 63–76. (In Russ.)
- Ryazanovsky V. A. Mongolian Law (mostly customary). Historical sketch. Harbin: N. E. Chinarev's Publ., 1931. 306 + 42 + ii p.
- Sagaev S. M. Feudal law of mid-to-late seventeenth century Kalmykia. In: Proceedings of Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Vol. 3. Elista: KRILLH, 1968. Pp. 157–165. (In Russ.)
- Sergeev V. S. Iki Tsaajin Bichiq — monument of Kalmyk law. In: Proceedings of Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Vol. 3. Elista: KRILLH, 1968. Pp. 167–180. (In Russ.)
- Sergeev V. S. Iki Tsaajin Bichiq of 1640 — main source on criminal law of seventeenth-eighteenth century Kalmykia. In: Proceedings of the Institute. Ser.: History. Vol. 6. Elista: KRILLH, 1972. Pp. 152–158. (In Russ.)
- Sergeev V. S., Sergeev B. V. Kalmyk Criminal and Civil Law, Seventeenth–Eighteenth Centuries. Elista: Dzhangar, 1998. 223 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 2, Pp. 353–372, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 314.15:316.422(47+57)(575)
DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-353-372

Трансформация миграционной системы «Россия – Центральная Азия» под влиянием глобальных процессов XXI в.: проблемы моделирования

Татьяна Владимировна Излученко^{1, 2}, Денис Николаевич Гергилев^{3, 4},
Павел Николаевич Дудин⁵, Дарья Николаевна Нестеренко^{6, 7}

¹ Сибирский федеральный университет (д. 79, пр. Свободный, 660041 Красноярск, Российская Федерация)

кандидат философских наук, доцент

² Красноярский научный центр СО РАН (д. 50, ул. Академгородок, 660036 Красноярск, Российская Федерация)

кандидат философских наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-5644-301X. E-mail: izluchenko[at]mail.ru

³ Красноярский научный центр СО РАН (д. 50, ул. Академгородок, 660036 Красноярск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

⁴ Сибирский федеральный университет (д. 79, пр. Свободный, 660041 Красноярск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, заведующий кафедрой

 0000-0003-4913-4803. E-mail: turilak[at]yandex.ru

⁵ Красноярский научный центр СО РАН (д. 50, ул. Академгородок, 660036 Красноярск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-9407-8436. E-mail: dudin2pavel[at]gmail.com

⁶ Сибирский федеральный университет (д. 79, пр. Свободный, 660041 Красноярск, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший преподаватель

⁷ Красноярский научный центр СО РАН (д. 50, ул. Академгородок, 660036 Красноярск, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

 0009-0005-1349-7292. E-mail: d.n.matveeva[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© Излученко Т. В., Гergiлев Д. Н., Дудин П. Н., Нестеренко Д. Н., 2025

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется миграционная система, сложившаяся на рубеже XX–XXI вв. между Россией и государствами Центральной Азии. Российский социум традиционно связывает трудовую миграцию со взаимодействием между народами бывшего Советского Союза. Однако в последнее время отмечается секьюритизация миграции. Дальнейшее нарастание негативного отношения может привести к игнорированию ресурсной значимости миграции. Она заключается в поддержании геополитического влияния в регионе и социально-экономическом развитии России. *Целью* статьи является определение модели исследования миграции, которая наиболее оптимально отражает трансформационные изменения в миграционной системе «Россия – Центральная Азия». Она необходима для конструктивного регулирования миграционных процессов и распределения миграционных потоков. *Материалы и методы.* Данные были получены из информационно-аналитических материалов Федеральной службы государственной статистики России, Министерства внутренних дел России, Международной организации по миграции, Национального статистического комитета Кыргызской Республики и Базы данных интерактивных исследований. Миграция рассматривалась в рамках сетевого подхода и акторно-сетевой теории, что позволило включить материальные и нематериальные акторы и описать трансформационные изменения, их специфику и вариативность. *Результаты.* Изменения в миграционной системе Россия – Центральная Азия обуславливаются следующими моментами. Первый — переориентация во внешней политике центральноазиатских республик на Ближний Восток, Европу, Северную Америку и Восточную Азию. Второй — усиливающееся санкционное давление и падение курса рубля. В России сложилась тенденция к натурализации старого, родившегося в советское время, и сегрегации нового, родившегося после провозглашения независимости бывших республик Советского Союза, поколения мигрантов. На выбор страны прибывания влияние усиливают неэкономические факторы, такие как экология, социальное обеспечение, межнациональное согласие и доступность миграционных коридоров. Авторы указали позитивные составляющие международной миграции. Трудовая миграция позиционируется необходимым ресурсом для социально-экономического развития современной России. Отмечаемое в публичном пространстве негативное влияние мигрантов на российский социум не имеет объективных оснований. Однако миграция обостряет социетальные риски. Граждане Центральной Азии воспринимают Россию в качестве наиболее оптимального с экономической стороны пункта назначения для трудовой деятельности. Историко-культурная близость, общая историческая память и схожие традиции перестают иметь первоочередное значение. *Выводы.* Проведенный анализ моделей миграционных процессов, а также современного положения миграционной системы «Россия – Центральная Азия» обосновывает эффективность использования акторно-сетевой теории. Она позволяет включить в моделирование и подчеркнуть важность материальных и нематериальных, природно-климатических, когнитивных составляющих миграции.

Ключевые слова: Россия, Центральная Азия, трудовая миграция, миграционная система, возвратные мигранты, миграционные коридоры, натурализация, сегрегация, миграция как ресурс, акторно-сетевая теория

Для цитирования: Излученко Т. В., Гergiлев Д. Н., Дудин П. Н., Нестеренко Д. Н. Трансформация миграционной системы «Россия – Центральная Азия» под влиянием глобальных процессов XXI в.: проблемы моделирования // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 2. С. 353–372. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-353-372

Transformation of the Russia–Central Asia Migration System amid Twenty-First Century Global Processes: Problems of Modeling

Tatyana V. Izluchenko^{1,2}, Denis N. Gergilev^{3,4}, Pavel N. Dudin⁵, Daria N. Nesterenko^{6,7}

- ¹ Siberian Federal University (79, Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor
- ² Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (50, Akademgorodok St., 660036 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philosophy), Senior Research Associate
 0000-0001-5644-301X. E-mail: izluchenko[at]mail.ru
- ³ Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (50, Akademgorodok St., 660036 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
- ⁴ Siberian Federal University (79, Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Head of Department
 0000-0003-4913-4803. E-mail: turilak[at]yandex.ru
- ⁵ Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (50, Akademgorodok St., 660036 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0002-9407-8436. E-mail: dudin2pavel[at]gmail.com
- ⁶ Siberian Federal University (79, Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Assistant Lecturer
- ⁷ Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (50, Akademgorodok St., 660036 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Lecturer
 0009-0005-1349-7292. E-mail: d.n.matveeva[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Izluchenko T. V., Gergilev D. N., Dudin P. N., Nesterenko D. N., 2025

Abstract. *Introduction.* The article examines the migration system that has taken shape between Russia and Central Asian states at the turn of the twenty first century. Russian society traditionally associates labor migration with interactions between former Soviet populations. However, recent times have witnessed somewhat a securitization of migration. A possible increase in negative attitudes may lead to ignoring the significance of migration as a needed resource instrumental in maintaining Russia's geopolitical influence across the region and boosting its socioeconomic development. *Goals.* The article attempts to determine a migration research model that would closest reflect actual (and supposed) changes in the Russia–Central Asia migration system — for efficient regulation of migration processes and distribution of migration flows. *Materials and methods.* The analyzed facts and figures have been borrowed from resources of the Federal State Statistics Service of Russia, Ministry of Internal Affairs of Russia, International Organization for Migration, National Statistical Committee of Kyrgyzstan, and online research databases. Migration has been considered within the network approach and actor-network theory, which makes it possible to include all material and non-material actors to describe certain transformational changes, their specifics and variability. *Results.* Shifts in the Russia–Central Asia migration paradigm are caused by a variety of factors as follows: 1) Central Asian republics tend to reorient their foreign policies toward the Middle East, Europe, Americas, and East Asia; 2) The sanctions pressure keeps growing, and ruble exchange rates keep falling. Furthermore, Russian society is experiencing a trend of naturalizing Soviet-born and segregating post-Soviet-born Asian migrants. Meanwhile, the choice of a host country increasingly depends on non-economic factors, such as ecology, social security, interethnic harmony, and availability of migration corridors.

The paper also identifies some positive components of international migration. Labor migration is positioned as a necessary resource for the socioeconomic development of contemporary Russia. The publicly proclaimed negative impacts of migrants on Russian society prove objectively groundless. However, migration may (and sometimes does) exacerbate societal risks. Central Asian laborers still perceive Russia as a most economically optimal destination, even given that historical and cultural proximities, shared historical memories, and similar traditions are no longer of primary importance. *Conclusions.* The conducted analyses of migration process models and the current state of the Russia–Central Asia migration system justify the use of actor-network theory that — for modeling purposes — involves (and emphasizes the significance of) material and non-material, natural-climatic, and cognitive components of migration.

Keywords: Russia, Central Asia, labor migration, migration system, return migrants, migration corridors, naturalization, segregation, migration as a resource, actor-network theory

For citation: Izluchenko T. V., Gergilev D. N., Dudin P. N., Nesterenko D. N. Transformation of the Russia–Central Asia Migration System amid Twenty-First Century Global Processes: Problems of Modeling. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 353–372. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-353-372

1. Введение

В современной России доля граждан Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана¹, Туркмении и Узбекистана составляет около 60 % от общего числа международной миграции и 72 % — из Содружества независимых государств (далее — СНГ) [[Численность и миграция 2023](#)]. Можно говорить о существовании миграционной системы «Россия – Центральная Азия». Традиционно основные потоки миграции из государств Центральной Азии (далее — ЦА) связывают с активным взаимодействием между культурами и народами на постсоветском пространстве. Однако в последнее время все чаще проявляется западная тенденция, согласно которой миграция позиционируется как негативное последствие политики мультикультурализма. В публичном пространстве мигранты все чаще представляются угрозой национальной и социальной безопасности. Это провоцирует развитие мигрантофобии и игнорирование ресурсной значимости миграции для устойчивого развития современной России и укрепления ее геополитического влияния в регионе. Дихотомичный характер сложившейся ситуации можно объяснить отсутствием единого научно-исследовательского подхода, раскрывающего специфику современной миграции и позволяющего прогнозировать

направления миграционных потоков. Безрезультатное применение существующих моделей (неклассической, двухтактной, двойного рынка труда, сетевой, миграционных систем и др.) в политической сфере способствует концептуальному эклектизму и провоцирует ощущение относительной депривации как у принимающей стороны, так и прибывающей.

Изменившийся за последние три десятилетия характер международных отношений и новые тенденции в миграционном движении требуют актуализации миграционного законодательства в соответствии с вызовами времени. Для предотвращения роста социальной напряженности и экономических издержек необходимо разработать эффективные принципы моделирования миграции, которые учитывали бы трансформации между Россией и ее основными донорами — государствами ЦА. Цель нашей работы — определить модель исследования миграции, которая наиболее точно отражает динамику миграционных процессов между Россией и ЦА. Полученные данные позволят сформулировать конструктивные теоретико-методологические основы и практические рекомендации для объективного описания, объяснения и прогнозирования миграционных изменений, а также обеспечить эффективное управление миграционными процессами.

¹ Ранее была проанализирована трудовая миграция в Великобританию [[Рязанцев и др. 2024](#)].

2. Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели использовался широкий спектр ресурсов: статистических, аналитических и исследовательских. Информационно-аналитические материалы Федеральной службы государственной статистики России и ее региональных отделений, а также Национального статистического комитета Кыргызской Республики предоставили данные по международной миграции — миграционный прирост, численность, гражданство, время проживания, половозрастной состав, образование, причины, включая данные и по возвратной миграции. Статистические сведения Министерства внутренних дел России отражают результаты проводимых правоохранительными органами комплексных мер по регулированию миграционных процессов. Аналитические заметки и материалы Базы данных интерактивных исследований (Migration Research Hub by IMISCOE) позволили выявлять тенденции в изучении миграции и проверять их когерентность. Миграционные настроения и динамика потоков населения центрально-азиатского региона отражаются в матрицах отслеживания перемещения (Displacement Tracking Matrix) Международной организации по миграции (International Organization for Migration) (далее — ИОМ).

Миграция исследуется в рамках сетевого подхода, который способствует выявлению структурных компонентов и взаимосвязей миграционной системы как сети. Принцип сетевизации служит эффективным основанием для стратегического управления, обеспечивая достижение соответствующих целей и потребностей акторов через обмен различными ресурсами, такими как капитал, информация, технологии, культурные нарративы. Акторно-сетевая теория (ANT) применяется как методология и теория в широких тематических исследованиях [Saleem, Raza 2024: 29]. Она выступает набором эмпирических вмешательств и практикой исследования непредвиденных обстоятельств, которая направлена на постепенное получение результатов и создание аналитических контекстов [Law, Singleton 2013]. Миграция представляется как единый целостный объ-

ект, имеющий многообразные типы связей и компоненты различного уровня, которые обусловлены межрегиональными и локальными процессами. Акторно-сетевая теория описывает развитие процесса, учитывая социальные, экономические, экологические и временные изменения [Aka 2025]. Основной задачей является установить связи между материальными и нематериальными акторами в целостном процессе.

3. Результаты

3.1. Миграционная система России — Центральной Азии

Согласно отчетам ИОМ, Матрицам отслеживания перемещений (Displacement Tracking Matrix), Россия является одним из двадцати крупнейших пунктов назначения мигрантов в мире. Основным миграционным коридором для России выступают государства ЦА, которые позволяют относительно свободно перемещаться как своим, так и гражданам соседних стран транзитом. Созданные миграционные коридоры стимулируют рост трудовой миграции из центральноазиатских территорий с высоким уровнем рождаемости и низким количеством рабочих мест в регионы России с промышленным производством и низкой плотностью населения. Так, Енисейская Сибирь (Красноярский край, Республики Хакасия и Тыва) занимает более 15 % территории России. В 2019 г. доля в общем объеме промышленной продукции составила 3,9 %, налогов в федеральный бюджет — 3,2 %, а доля населения — всего 2,5 %. Красноярский край, являющийся крупнейшим хозяйственным субъектом региона, увеличивает или поддерживает на высоком уровне год к году темпы промышленного и сельскохозяйственного прироста. Например, в 2024 г. индекс обрабатывающего производства составил 101,5 %, строительство — 112,8 %, оборот общественного питания — 110,3 %, а грузовой оборот увеличился на 3,5 %. Уровень безработицы снизился до 1,5 %. При этом сохраняется естественная убыль населения [Социально-экономическое 2024]. Вклад в экономику в 1,2–1,6 раза превышает его долю в населении [Безруков 2022: 47].

Выходцы из государств ЦА прибывают в регион преимущественно для осуществления трудовой деятельности. В 2021 г. их доля составила 73 % от общего числа международных мигрантов в Красноярском крае [Социально-экономическое 2023].

Несмотря на сложную геополитическую обстановку вокруг России, она продолжает оставаться основным миграционным направлением. По данным Всемирного банка, экономики Кыргызстана и Таджикистана более чем на 30 % детерминированы денеж-

ными переводами из России. По достоверным сведениям изменения в трудовой миграции можно проанализировать только с 2019 г. (табл. 1). Ранее лица, способные указать при въезде в Россию «работу» в качестве цели поездки, в статистике не выделялись. Согласно представленным сведениям процент трудовых мигрантов неизменно составляет около половины от общего числа. Исключением являются Казахстан и Туркмения. При этом последняя на протяжении нескольких лет демонстрирует резкий рост именно трудовых мигрантов.

Таблица 1. Численность трудовых мигрантов из государств ЦА от общего количества, в %
[Table 1. Shares of Central Asian labor migrants, %]

Год	2019	2020	2021	2022	2023
Казахстан	4,6	3,7	3,7	4,6	4,5
Кыргызстан	58	52	67	64	63
Таджикистан	55,4	59	65	62	55
Туркмения	1,3	1,8	0,2	6	3,2
Узбекистан	56,9	57,3	73	70	64

Источники: [Численность и миграция 2019; Численность и миграция 2020; Численность и миграция 2021; Численность и миграция 2022; Численность и миграция 2023].

Безусловно нельзя утверждать, что возникшие политические и экономические сложности не повлияли на миграционные предпочтения. В опросе ИОМ в конце 2022 г. возвратных мигрантов Кыргызстана о причинах возвращения 21 % заявили о Специальной военной операции (далее — СВО) и мобилизации, 20 % — об ухудшении экономической обстановки из-за санкций [Baseline 2022: 6]. В октябре 2024 г. среди возвратных мигрантов Кыргызстана относительно причин возвращения по шкале от 0 («не применимо») до 5 («очень важно») наиболее зна-

чимой оказалась причина «семейные дела». Обесценивание российского рубля, частичная мобилизация и экономические санкции, введенные против России, набрали 2,3, 2,2 и 1,9 балла соответственно [Кыргызстан 2024: 9]. На данный момент скорее ограниченность миграционных коридоров из ЦА в Европу и страны Арабского Востока, языковые и законодательные барьеры подталкивают выбор в пользу России. Численность прибывших неуклонно растет, но с разной степенью интенсивности, причинами чего стали пандемия COVID-19 и начало СВО (табл. 2).

Таблица 2. Миграционный прирост из государств ЦА год к году, в %
[Table 2. Year-by-year migration growth from Central Asian countries, %]

Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Казахстан	102	101	32	100,2	175	127
Кыргызстан	102	111,5	31	237	122	132
Таджикистан	98,6	117,6	25,4	145	160	136
Туркмения	126	112	23	35	455	339
Узбекистан	100,2	110	28	202	141	152

Источники: [Численность и миграция 2018; Численность и миграция 2019; Численность и миграция 2020; Численность и миграция 2021; Численность и миграция 2022; Численность и миграция 2023].

Однако цифры движения трудовой миграции из ЦА неуклонно свидетельствуют о наметившейся диверсификации направлений в государства Европейского союза, Катар и Объединенные Арабские Эмираты (далее — ОАЭ), Турцию [Рахимов, Моргунова 2024: 524]. Так, в 2019 г. Министерство занятости и трудовых отношений Узбекистана заявило, что намерено увеличивать число трудовых мигрантов в ОАЭ до 1 млн. Россия остается основным местом назначения граждан из ЦА, но структура мобильности меняется, отмечается увеличение трудовой миграции в Европейский союз и

Азию (табл. 3). С 2016 г. по 2019 г. на 14 % увеличилось число граждан, получивших разрешение на учебу, работу и проживание в Европе. На 92 % (с 10 800 до 20 700 чел.) выросло число граждан Узбекистана и Казахстана, направившихся в Южную Корею. Все большее количество переезжает в другие части Азии, например в Турцию [McAuliffe, Ouchko 2024: 77]. В 2009 г. из 330 300 чел. отсутствующих 1 год и более с территории Кыргызстана насчитывалось вне стран СНГ 7 400 чел. [Перепись 2009: 34], а в 2022 г. из 199 409 чел. — уже 17 449 чел. [Перепись 2024: 15–16].

Таблица 3. Выбывшие с территории Кыргызстана на постоянной основе, чел.

[Table 3. Natives of Kyrgyzstan naturalized in other states, indiv.]

Страны / год	2019	2020	2021	2022	2023
Число выбывших всего,	7 560	5 822	8 998	6 527	4 610
в том числе в СНГ	7 314	5 649	8 583	6 193	4 269
Германия	96	80	214	154	132
Россия	5 335	3 792	6 066	4 573	3 046
США	51	7	25	44	96
Узбекистан	555	161	81	72	45
Украина	13	10	11	45	28

Источник: [Перепись 2024].

На миграционное решение, оценку мобильности влияют климатические и экологические условия, которые нередко игнорируются при моделировании миграционных движений. В ЦА наблюдается изменение климата, которое представляет серьезную угрозу для жизни и средств к существованию. В течение нескольких десятилетий наблюдается сокращение площади ледников, что приводит к таянию снежных покровов. Это в свою очередь становится причиной стихийных бедствий, таких как наводнения и оползни, нехватки питьевой воды. Трансграничные проблемы, связанные с управлением водными ресурсами, в частности между Кыргызстаном и Таджикистаном, усугубляют ситуацию и приводят к росту напряженности и вооруженным столкновениям. Данные по обоснованию смены жительства и гражданства России демонстрируют значимость не только семейных, личных причин, но влияние нематериальных, социальных и природных факторов (табл. 4).

Приведенные сведения указывают на то, что в основе современной трудовой миграции в Россию находится не культурно-исторический фактор, а экономические условия, обусловленные оптимальным на данный момент времени уровнем затрат, свидетельством чего можно отметить увеличение интенсивности возвратной миграции и укоренение в сознании граждан центральноазиатских республик восприятия России именно в качестве трудовой и образовательной возможностей. В самой России укрепляется тенденция к натурализации старого, родившихся в советское время, поколения мигрантов и сегрегации нового, родившегося на рубеже веков. Первые стремятся приобщиться к культуре принимающей стороны (язык, образование), закрепиться в регионе пребывания посредством социальных сетей (диаспор, национально-культурных сообществ) и получить гражданство. В то время как молодое поколение относится к прибы-

Таблица 4. Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по причинам смены места жительства и гражданству России, чел.
[Table 4. Migrants aged 14 years and older by reasons of relocation and Russian citizenship, indiv.]

Наименование причины	2019		2020		2021		2022		2023	
	Приб.	Выб.	Приб.	Выб.	Приб.	Выб.	Приб.	Выб.	Приб.	Выб.
Всего	399 473	278 744	308 852	336 601	324 534	145 896	356 650	496 928	265 504	307 486
учеба	39 017	3	27 486	14	31 768	7	31 960	2	27 170	–
работа	153 547	76	116 491	34	133 464	36	119 837	32	105 583	9
возвращение к прежнему месту жительства	3 012	18	1 833	17	1 601	6	1 460	8	903	5
обострение межнациональных отношений	8 558	13	2 250	–	924	1	6 694	–	897	–
обострение криминальной обстановки	2 367	1	750	1	472	–	1 158	–	154	–
экологическое неблагополучие	237	–	164	–	125	–	174	–	143	–
несоответствие природно-климатическим условиям	296	1	309	2	239	–	270	1	197	–
причины личного, семейного характера	154 190	225	125 740	251	128 111	106	152 345	25	110 538	19

Источники: [Численность и миграция 2019; Численность и миграция 2020; Численность и миграция 2021; Численность и миграция 2022; Численность и миграция 2023].

ванию в России как временной и вынужденной мере, что обуславливает нежелание адаптироваться и нередко приводит к нелегальному статусу.

3.2. Трудовая миграция как ресурс социально-экономического развития

Отношение к мигрантам в современном российском обществе имеет ярко выраженный противоречивый характер как в повседневной жизни, так и в публичных заявлениях. Социальные настроения, все чаще проявляющиеся в мигрантофобии и частично отражающиеся в миграционном законодательстве, вступают в противоречие с экономическими и политическими реалиями. Согласимся с И. Ивахнюк, что секьюритизация миграции, публичные заявления о необходимости ограничения миграции или даже ее полного запрета, построение моделей негативных последствий миграции демонстрируют некомпетентность населения в вопросах экономического развития. Ключевой стратегической задачей России выступает устойчивое экономическое развитие, которое не может быть реализовано в условиях текущей демографической обстановки и которое требует социально-политической стабильности, минимизации ксенофобских настроений и снижения конфликтности [Ивахнюк 2017: 79].

С одной стороны, местное население с настороженностью относится к иностранцам, отличающимся по внешнему виду, языку и религии. Мигранты воспринимаются угрозой социальной безопасности, сохранению местной, автохтонной, культурной идентичности. Современные трудовые мигранты из ЦА не являются носителями русской культуры и языка, чем ставят «под угрозу сохранение социально-культурных ценностей нашей страны» [Donskaya 2020: 30]. Однако предвзятое отношение может привести к развитию культурного национализма [Roe 2019: 221–235]. В экономическом плане мигранты представляются конкурентами на рынке труда, из-за низкой стоимости часов работы которых снижается общий размер оплаты. В. А. Прохода подчеркнул, что такая позиция характерна для нестабильной экономики России, вынуж-

денной противостоять санкциям. Россияне опасаются культурного обособления иностранцев. Ими в числе основных вызывающих неприязнь характеристик отмечаются несоблюдение обычаев и бескультурное поведение [Прохода 2020: 75–76].

В свою очередь в миграционных кругах это провоцирует создание национальных анклавов, в которых объединяются лица, нежелающие интегрироваться и культивирующие радикальные интерпретации этнических и религиозных норм. Для современных молодых мигрантов характерна высокая мобильность, которая стимулируется глобальным рынком и развитой системой мировой логистики. Интеграция представляется им слишком ресурсозатратной деятельностью с временным позитивным эффектом. Изучение языка и приобщение к культуре принимающего социума становятся излишними в условиях свободного межграницного перемещения.

С другой стороны, миграция является необходимым социально-экономическим ресурсом. В условиях экономической глобализации она способствует экономическому развитию и конкурентной борьбе за носителей качественного человеческого капитала. Россия в этом процессе сталкивается с оттоком высококвалифицированных кадров [Джойс, Симаков 2022: 103] и притоком низкоквалифицированных работников. Такое негативно воспринимаемое, на первый взгляд, положение согласуется с логикой распределения миграционных потоков. Для России значимыми являются показатели стабильного промышленного и технологического прироста, что в условиях низкой автоматизации производства формирует спрос на дешевую рабочую силу. В условиях наложенных внешних экономических и политических ограничений миграция из государств ЦА обладает наибольшим ресурсным потенциалом. Именно она способна обеспечить производительность трудоемких отраслей промышленности и заполнение ниш на рынке труда, неинтересных для местного населения.

Однако бесконтрольная миграция только повышает нагрузку на социальную систему (здравоохранение, образование), тем самым

увеличивая финансовые затраты принимающего государства и не восполняя дефицит рабочей силы в требуемых отраслях производства. В связи с этим мигранты начинают позиционироваться уже угрозой национальной безопасности. Основные проблемы, связанные с нелегальной миграцией, сводятся к следующим моментам. Первый, неравномерное распределение мигрантов, их концентрация в густонаселенной Центральной части России создают ложное представление о нехватке рабочих мест. Второй, криминальная деятельность мигрантов, в том числе террористической направленности. Третий, радикализация и русофобия, антироссийские настроения среди мигрантов [Пименов, Молчанова 2024: 38–39]. Для укрепления правопорядка в сфере миграции Министерством внутренних дел России реализуется комплекс мер. Его результатом стало в 2024 г. снижение иностранной преступности. Доля таких преступлений составила 4,3 % от общего числа, а количество совершенных мигрантами преступлений сократилось на 2,6 %, число привлеченных к ответственности снизилось на 3,8 % [Аналитическая справка 2024].

Среди широкой общественности и даже в научном сообществе популярна идея, что миграция из государств с более высоким коэффициентом рождаемости способна компенсировать естественную убыль местного населения и неравномерное его распределение по субъектам России, а также в перспективе способствовать увеличению численности за счет постоянного проживания и укрепления семейно-брачных связей. Однако результаты проведенного анализа демографических данных Е. В. Тонких показывают, что вклад центральноазиатских граждан в рождаемость России составляет около 1 % [Тонких 2024: 257]. Кроме того, в России наблюдается значительное неравенство между регионами по качеству жизни и уровню благосостояния, вызываемое разным уровнем социально-экономического развития макрорегионов. Следовательно, рождаемость также является неоднородной. При общем повышении рождаемости среди мигрантов их доля остается небольшой и не компенсирует естественную убыль населе-

ния. Так, в период 2011–2023 гг. всего 2,7 % матерей и 2,5 % отцов являлись иностранцами [Тонких, Пешкова 2025: 55]. На наш взгляд, во многом такой низкий показатель связан со сменой репродуктивной стратегии мигрантов и ростом возвратной миграции. Ситуацию усугубляют наметившаяся тенденция на феминизацию миграции и отмечаемая маргинализация, ведущая к отказу от традиционных этнокультурных ценностей в пользу свободных отношений.

3.3 Миграция как ресурс для международного сотрудничества

Миграционная система складывается между некоторыми государствами и характеризуется масштабными, интенсивными и устойчивыми миграционными связями. Эффективность ее функционирования определяется наличием и отлаженностью работы миграционных коридоров, которые представляют собой территории, служащие буферными зонами [Рязанцев и др. 2020: 5]. Процессы, происходящие в миграционной системе, оказывают влияние на всех включенных акторов, принимающую сторону и стран-доноров. Они приводят к перераспределению человеческого капитала, финансовых потоков, корректировке миграционных коридоров и демографическим изменениям. Внешняя миграция представляет сложную взаимосвязь потенциальных рисков «утечки мозгов» и возможностей для возвращения этих ресурсов в страну с более высоким человеческим капиталом. Многим миграция позволяет получить ценные знания и навыки, которые могут быть использованы для развития ключевых секторов экономики на родине. Необходимо разрабатывать региональные программы развития, формирующие привлекательность для миграционных потоков и направленные на возвращение человеческого капитала [Blanco-Moreno 2024].

Посредством миграции государство может оказывать влияние на регионы, из которых прибыли мигранты, используя технологии «мягкой силы» на геополитическом пространстве. Согласно теории мировых систем, регулирование трудовой миграции Россией в отношении ЦА позволит получить новые дипломатические рычаги вли-

яния и укрепить свое центральное положение, создавая благоприятную ситуацию на периферии [У 2024: 277]. Благодаря существующей три десятилетия и развивающейся миграционной сети Россия демонстрирует свое присутствие и влияние в регионе другим геополитическим игрокам (США, Великобритания, Турция). Она остается ведущим партнером по финансовым и технологическим вопросам, определяет объемы денежных поступлений и повышение человеческого капитала. Последнее осуществляется не только в результате возвратной трудовой миграции, но и вследствие реализации образовательных программ. Граждане центральноазиатских республик имеют возможности обучения в российских учебных заведениях¹. Россия также осуществляет подготовку высококвалифицированных кадров на территории ЦА, выступая учредителем и организуя межвузовское сотрудничество. Например, в целях укрепления культурно-гуманитарного сотрудничества и расширения совместного научно-образовательного пространства Сибирский федеральный университет (г. Красноярск) в 2023 г. запустил открытый образовательный ресурс для Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина и Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Укреплению миграционной системы «Россия – Центральная Азия» способствуют международное сближение в рамках Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) и экономическая стратегия развития свободы движения товаров, услуг, рабочей силы и капитала. ЕАЭС выступает единой платформой, на которой действуют конкретные нормы и правила эффективного регулирования трудовой миграции. Это позволяет координировать государствам-участникам перемещение рабочей силы, а также согласовать ответы на миграционные вызовы: здравоохранение и финансовая грамотность мигрантов, несоответствие спроса и предложения на квалифицированных работников, несовершенство цифровых продуктов.

¹ Вместе с тем появились и новые направления для учебной миграции молодежи Таджикистана [Рязанцев и др. 2023].

Таджикистан, Туркмения и Узбекистан стремятся включиться в данное экономическое пространство для реализации своих социально-экономических потребностей [Delovarova, Sultanmuratov 2023: 84]. Наличие двусторонних соглашений в области миграции и безвизового режима, Договора об ЕАЭС обеспечивают практически беспрепятственное перемещение населения ЦА и социальные гарантии трудовым мигрантам. В отличие от этого с другими принимающими сторонами (ОАЭ, Турция, Республика Корея) у государств ЦА либо отсутствуют договоренности, либо они имеют ограниченный, квотируемый, характер.

Миграционный прирост наглядно демонстрирует различия центральноазиатских республик в отношении проводимой Россией внешней и внутренней политике. Наиболее значительные колебания отмечаются среди граждан Кыргызстана и Узбекистана, в то время как численность граждан Туркмении постепенно увеличивается (табл. 5).

3.4. Модели исследования миграции

В настоящее время необходимы оптимизация законодательства и повышение эффективности мер в миграционной сети Россия – Центральная Азия. Разработка наиболее оптимальной модели миграции позволит оценить реальные возможности и риски миграции, а также выявить ресурсоемкость миграции для России. Организация трудовой миграции должна учитывать потребности производства и возможности рынка, а также опираться на единые критерии и подходы к миграционному регулированию. Существующее теоретико-методологическое многообразие свидетельствует об актуальности миграционной проблематики для экономических, политических, исторических и социологических научных изысканий.

С конца XX в. популярность получили сетевые принципы для объяснения миграционных движений. Так, А. Нагурни разработала модель сетевого равновесия, рассматривающую миграцию как пространственную проблему наравне с транспортными сетями и ценовым равновесием. В ее основе находятся учет мигрантов, затрат

Таблица 5. Соотношение численности прибывших и убывших граждан из ЦА в Россию, в чел.
[Table 5. Numbers (ratio) of Central Asian migrants that arrived in or left Russia, indiv.]

Наименование	2019				2020				2021				2022				2023			
	Приб.	Выб.	Миг. пр.		Приб.	Выб.	Миг. пр.		Приб.	Выб.	Миг. пр.		Приб.	Выб.	Миг. пр.		Приб.	Выб.	Миг. пр.	
Казахстан	4 324 856	4 272 092	1,2 %		1 426 727	1 425 436	0,9 %		1 429 403	1 352 714	5,4 %		2 496 256	2 462 597	1,3 %		3 163 214	3 128 421	1,2 %	
Кыргызстан	959 130	917 986	4,2 %		299 611	374 091	-25 %		711 240	529 985	25,5 %		924 820		-7 %		1 140 239	1 116 260	2 %	
Таджикистан	1 577 148	1 495 863	5,2 %		401 888	401 599	0,07 %		986 341	530 487	46 %		1 582 149	1 463 265	7,5 %		2 153 956	2 034 296	5,5 %	
Туркмения	92 616	82 968	10%		21 680	19 466	10,2%		7 686	6 077	21%		25 850	19 228	26%		87 651	49 624	43%	
Узбекистан	2 588 922	1 561 104	1,1 %		720 041	830 825	-15,4 %		1 453 415	1 011 015	30,4 %		2 098 730	2 114 785	-3,2 %		3 109 445	3 098 229	0,4 %	

Источники: [Численность и миграция 2019; Численность и миграция 2020; Численность и миграция 2021; Численность и миграция 2022; Численность и миграция 2023].

на перемещение и метод последовательно-го ослабления, при котором миграционные потоки уравниваются от одного места к другому до момента достижения баланса [Nagurney 1990: 79]. При дальнейшей работе модель дополнилась математическими вычислениями, в частности методом Эйлера, учитывающими наборы узлов, направляемых связей и маршрутов, функции полезности [Nagurney et al. 2020: 631]. Д. Питоски с коллегами обосновал использование сетевого анализа и регрессионных методов для выявления моделей миграции в различных географических масштабах, независимых переменных и стимулирующих миграцию факторов. Ими были предложены, помимо факторов удержания (отталкивающие от истоков) и выталкивания (притягивающие к конкретным местам назначения), связующие факторы, которые определяют миграционные направления [Pitoski et al. 2024: 35]. А. В. Смирнов синтезировал сетевой подход с методами анализа коэффициентов интенсивности миграционных сетей и пространственной составляющей. Его результатом стало обозначение пяти устойчивых кластеров миграции в России, каждый из которых привязан к географическому расположению (Москва и Московская область — Запад, а Красноярск — Восток) [Смирнов 2024: 293].

Проблема сложившихся предпосылок и неявных материальных обоснований миграционного выбора разрешается в рамках агентно-ориентированной модели. Она допускает влияние социального взаимодействия и социальных сетей, благодаря которым определяются направления миграционных движений. Агенты представляются отдельными автономными объектами, которые способны принимать решения с использованием социальных процедур и правил. Сетевое взаимоотношение акцентируется на социальных контактах, обеспечивающих прирост социального капитала. При рассмотрении миграции учитываются также нематериальные факторы (культура и специфика личности), опыт и половозрастные особенности. Х. Адамс и С. Кей ввели понятие «порог миграции» (the migration threshold), которым определили компромисс

между потенциалом мобильности и полезностью места. Ими сопоставлены интерес человека к внешнему миру, оценка альтернатив и его удовлетворенность своим местом жительства, укорененность и привязанность к местности [Adams, Kay 2019: 136]. А. Клабунде и Ф. Виллекинс подчеркнули эвристичность методологии и возможность привлекать наиболее подходящие принципы других теорий: максимизация полезности, социальный капитал, планируемое поведение, намерение индивида, статистические данные. Агентно-ориентированная модель позволяет комбинировать процесс принятия решений с проверкой в лабораторных условиях и учитывать жизненные циклы агентов [Klabunde, Willekens 2016: 90–91].

Проблема понимания мобильности людей разрешается Х. Де Хаасом посредством структуры «стремление — возможности», которая формируется в соответствующей «культуре миграции». Он разграничивает инструментальные, заключающиеся в доступности средств для осуществления миграции, и внутренние, включающие непосредственное благоприятное влияние на индивида, аспекты миграции. Люди, морально готовые к миграции и обладающие мотивацией роста экономического, социального и других статусов, будут всегда стремиться к миграции. При этом повышение уровня жизни в местах отправления воспринимается ими как улучшение возможностей для переезда [Haas 2021: 8]. Безусловным вкладом теорий, акцентирующих внимание на когнитивной и психологической составляющей миграционного выбора, является указание на принятие решений, которые материально не обусловлены и не вписываются в традиционные экономические объяснения. Так, несмотря на перераспределение приоритетов в секторах экономики, падение курса рубля, санкционное давление и ужесточение миграционной политики после 2022 г., Россия остается основной принимающей стороной для граждан ЦА. Наличие сложившихся в постсоветский период национальных диаспор, положительный опыт возвратной миграции, отлаженность миграционного коридора влияют на выбор. Повторно возвращающиеся трудовые мигран-

ты из Таджикистана (97 % иммигрируют в Россию), помимо наличия рабочих мест, (47 %) обозначили в качестве обоснования своего выбора легкий доступ, географическую близость (35 %), наличие социальных сетей (23 %), схожий язык и культуру (12 %), хорошее отношение (7 %) и социальное обслуживание (5 %) [[Точикистон 2024: 12](#)].

Сетевой подход рассматривает миграционные процессы динамичными абстракциями, происходящими в определенных пространственно-временных характеристиках. Он позволяет выявить узлы и направления миграционных потоков, определить их интенсивность и состав в уже сформированной миграционной системе. Моделируемая миграционная сеть визуализирует процессы, на первый взгляд представляемые бессвязными и случайными, в виде четких структур, поддающихся математическим вычислениям. Однако описательная функция не способствует установлению причин и условий трансформаций в миграционной системе, возникновения новых направлений и тенденций в исторически сложившихся миграционных потоках.

Миграция является многосоставным социальным процессом, который характеризуется физическим перемещением людей с одной на другую территорию, вызывающим изменения в повседневной жизнедеятельности, социальном окружении и требующим адаптации к иной культуре, законодательству, ценностям и нормам. В этом процессе балансируют выталкивающие и притягивающие факторы; общая историческая память и культурные различия; добровольное действие и вынуждающие обстоятельства; временный характер и постоянное пребывание. На него влияют экономические, политические, социокультурные, географические и исторические факторы, а также вопросы продовольственной безопасности и климатические изменения. Поиск и сведение к единым принципам, причинам, следствиям и конструирование универсальных моделей представляется сложными исследовательскими задачами, при выполнении которых следует учитывать стремление людей получать больше возможностей и повышать качество жизни.

Моделирование миграции преследует цель объяснить наблюдаемые миграционные потоки и спрогнозировать их развитие. Рассмотренные выше модели направлены на исследование определенных проявлений миграции: финансы, экономическое и политическое неравенство, взаимосвязь факторов притяжения и отталкивания, социальные сети, коэффициент прироста населения, индивидуальные способности. Однако для описания сложившейся миграционной системы Россия – ЦА они представляются малоэффективными. Требуется модель, которая основывается не только на экономическом и политическом факторах, но и включает современные тенденции миграции и историческое наследие, международный опыт отношений между государствами, климатические, экологические и прочие жизненно важные условия.

На наш взгляд, при рассмотрении миграции конструктивным методологическим решением представляется применение акторно-сетевой теории. Помимо социальных взаимодействий и сложившихся социальных сетей, на выбор миграции влияют нематериальные (культура, религиозные убеждения, воспитание, образование, субъективные нормы и ценности) и материальные (климат, продовольственная безопасность, расстояние, уровень урбанизации, логистические пути) факторы. Геополитическая обстановка также создает предпосылки миграционным настроениям, актуализируются террористическая угроза и внутривнутриполитическая ситуация в государствах прибытия и отбытия. Доступ к социальным услугам и механизмы социальной мобильности, схожесть традиций и общая историческая память являются значимыми элементами выбора и направления миграции. Миграционные процессы, включая механизмы возвратной миграции, смену профессии и семейного положения, уровня образования, объясняются сетевыми принципами взаимодействия всех акторов как разнородных элементов гетерогенной сети. Миграция представляется сетью, состоящей из материальных и знаковых (семиотических) связей.

4. Заключение

Миграционная система России – ЦА сложилась на рубеже XX–XXI вв. и является крупнейшей в мире. За последнее десятилетие происходят трансформации, вызванные диверсификацией международных отношений, изменениями в глобальной экономике и финансовом секторе, логистике. Проведенный анализ позволил нам выявить следующее. Во-первых, российское общество вошло в фазу демографического развития, характерную для позднеиндустриальной модернизации. В условиях новой волны индустриализации, обусловленной геополитическими изменениями и глокализацией, возникает потребность в привлечении рабочей силы из ЦА. Во-вторых, Россия перестает восприниматься как сосед с общим историческим прошлым и схожими культурными ценностями. Она становится местом пребывания, оптимальным с экономической позиции, что подкрепляется существующими сложностями на других миграционных направлениях. В-третьих, старшее поколение трудовых мигрантов из ЦА стремится к интеграции в российское общество, получению гражданства и натурализации в качестве представителей многонационального народа России. В отличие от них молодое поколение демонстрирует низкий уровень адаптации, что связано с ориентацией на временное пребывание и ростом возвратной

миграции. В-четвертых, трудовая миграция является мощным и необходимым ресурсом для социально-экономического развития и политического влияния России. Существующие меры по контролю за миграционными процессами больше не отвечают требованиям безопасности. Миграция в силу своего многосоставного характера требует согласованного на внутри- и внешнеполитическом уровнях алгоритма действия всех вовлеченных участников, а также четко сформулированной миграционной концепции.

На миграционный выбор трудовых мигрантов из ЦА влияет множество материальных, логистических, юридических, культурных, социальных, когнитивных и климатических факторов. Для разработки адекватной политики необходимы комплексные исследования с использованием качественных и количественных методов, поиск оптимальных подходов в методологии. Использование акторно-сетевой теории позволит описать миграционные процессы через функциональное взаимодействие всех акторов и выявить структурные, реляционные связи, а также включить климатические и экологические факторы при прогнозировании миграционных потоков. Результатом такого подхода должна стать модель трудовой миграции, направленная на экономически обоснованное перераспределение трудовых ресурсов в миграционной системе России – ЦА.

Источники

Аналитическая справка 2024 — Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь–октябрь 2024 года [электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://mvd.rf/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/57172708/> (дата обращения: 21.02.2025).

Кыргызстан 2024 — Кыргызстан. Базовая оценка мобильности. Раунд – 4. Октябрь 2024 года [электронный ресурс] // International Organization for Migration. URL: <https://dtm.iom.int/reports/kyrgyzstan-bazovaya-ocenka-mobilnosti-raund-4-oktyabr-2024?close=true> (дата обращения: 28.02.2025).

Sources

Ministry of Internal Affairs of Russia, regional departments for migration control: Analytical progress report, January – October 2024. On: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (website). Available at: <https://mvd.rf/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/57172708/> (accessed: 21 February 2025). (In Russ.)

Kyrgyzstan. Mobility Tracking. Baseline Assessment. Round 4. October 2024. On: International Organization for Migration (UN Migration, website). Displacement Tracking Matrix. Available at: <https://dtm.iom.int/reports/kyrgyzstan-bazovaya-ocenka-mobilnosti-raund-4-oktyabr-2024?close=true> (accessed: 28 February 2025). (In Russ.)

- Перепись 2009 — Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года. Книга I: Основные социально-демографические характеристики населения и количество жилищных единиц [электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/media/files/60f4f7ab-0560-45df-827f-020d1be12e15.pdf> (дата обращения: 03.03.2025).
- Перепись 2024 — Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2022 года. Книга II. Часть 3: Миграция населения Кыргызской Республики [электронный ресурс] // International Organization for Migration. URL: https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbd11321/files/documents/2024-02/stat_kniga_finish_print.pdf (дата обращения: 03.03.2025).
- Социально-экономическое 2023 — Социально-экономическое положение Красноярского края в 2023 году. Доклад № 1.37.2 [электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат). URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/45797#> (дата обращения: 20.02.2025).
- Социально-экономическое 2024 — Социально-экономическое положение Красноярского края в 2024 году. Доклад № 1.37.2 [электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат). URL: [https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.2-12_%D0%9A%D0%9A\(2\).pdf](https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.2-12_%D0%9A%D0%9A(2).pdf) (дата обращения: 20.02.2025).
- Тоҷикистон 2024 — Тоҷикистон. Таҳқиқоти бо муҳоҷирони ба ватан баргашта даври 3-моҳи августи соли 2024 [электронный ресурс] // International Organization for Migration. URL: <https://dtm.iom.int/tajikistan> (дата обращения: 28.02.2025).
- Численность и миграция 2018 — Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году [электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 20.02.2025).
- Kyrgyz Republic. 2009 Housing and Population Census. Book 1: Key Socio-Demographic Characteristics and Numbers of Housing Units. On: National Statistics Committee of Kyrgyzstan (website). Available at: <https://stat.gov.kg/media/files/60f4f7ab-0560-45df-827f-020d1be12e15.pdf> (accessed: 3 March 2025). (In Russ.)
- Kyrgyz Republic. 2022 Housing and Population Census. Book 2. Pt. 3: Migration. On: International Organization for Migration (UN Migration, website). Kyrgyzstan. Available at: https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbd11321/files/documents/2024-02/stat_kniga_finish_print.pdf (accessed: 3 March 2025). (In Russ.)
- Krasnoyarsk Kray, 2023: Socio-Economic Situation. Report no. 1.37.2. On: Federal State Statistics Service of Russia; Department for Krasnoyarsk Krai, Khakassia and Tyva (Krasnoyarskstat, website). Available at: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/45797#> (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)
- Krasnoyarsk Kray, 2024: Socio-Economic Situation. Report no. 1.37.2. On: Federal State Statistics Service of Russia; Department for Krasnoyarsk Krai, Khakassia and Tyva (Krasnoyarskstat, website). Available at: [https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.2-12_%D0%9A%D0%9A\(2\).pdf](https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.2-12_%D0%9A%D0%9A(2).pdf) (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)
- Tajikistan. Return Migration Survey. Round 3: August 2024. On: International Organization for Migration (UN Migration, website). Tajikistan. Available at: <https://dtm.iom.int/tajikistan> (accessed: 28 February 2025). (In Taj.)
- Russian Federation, 2018: Population and Migration. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)

- Численность и миграция 2019 — Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году [электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (дата обращения: 20.02.2025).
- Численность и миграция 2020 — Численность и миграция населения Российской Федерации в 2020 году [электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bul-migr20.xlsx> (дата обращения: 20.02.2025).
- Численность и миграция 2021 — Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году [электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BulMigr-2021.xlsx> (дата обращения: 20.02.2025).
- Численность и миграция 2022 — Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году [электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_migr_2022.xlsx (дата обращения: 20.02.2025).
- Численность и миграция 2023 — Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году [электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_migr_2023.xlsx (дата обращения: 20.02.2025).
- Baseline 2022 — Baseline Assesment and Surveys: Returning Migrant Workers in Kyrgyzstan Nov–Dec 2022 [электронный ресурс] // International Organization for Migration. URL: <https://dtm.iom.int/kyrgyzstan> (дата обращения: 28.02.2025).
- Russian Federation, 2019: Population and Migration. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Available at: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)
- Russian Federation, 2020: Population and Migration. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bul-migr20.xlsx> (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)
- Russian Federation, 2021: Population and Migration. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BulMigr-2021.xlsx> (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)
- Russian Federation, 2022: Population and Migration. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_migr_2022.xlsx (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)
- Russian Federation, 2023: Population and Migration. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_migr_2023.xlsx (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)
- Baseline Assessment and Surveys: Returning Migrant Workers in Kyrgyzstan, November–December 2022. On: International Organization for Migration (UN Migration, website). Kyrgyzstan. Available at: <https://dtm.iom.int/kyrgyzstan> (accessed: 28 February 2025). (In Eng.)

Литература

- Безруков 2022 — Безруков Л. А. Транспортно-экономические контрасты Енисейской Сибири // ЭКО. 2022. № 2. С. 47–67. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-47-67

References

- Bezrukov L. A. Transport and economic contrasts of Yenisey Siberia. *ECO*. 2022. No. 2. Pp. 47–67. (In Russ.) DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-47-67

- Джойс, Симаков 2022 — *Джойс Э. А., Симаков А. А.* Миграция и экономическая безопасность // *Аудиторские ведомости*. 2022. № 1. С. 101–105. DOI: 10.24411/1727-8058-2022-1-101-105
- Ивахнюк 2017 — *Ивахнюк И. В.* Предложения к миграционной стратегии России до 2025 года. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 82 с.
- Пименов, Молчанова 2024 — *Пименов Н. А., Молчанова Е. С.* Нелегальная миграция как угроза национальной безопасности // *Безопасность в современном мире*. 2024. № 2(3). С. 37–43. DOI: 10.25629/SMW.2024.02.05
- Прохода 2020 — *Прохода В. А.* Миграция как угроза безопасности принимающего сообщества: особенности восприятия коренным населением // *Национальная безопасность / nota bene*. 2020. № 2. С. 62–82. DOI: 10.7256/2454-0668.2020.2.32472
- Рахимов, Моргунова 2024 — *Рахимов Д. Е., Моргунова О. А.* Роль государственной политики стран Центральной Азии в формировании новых направлений трудовой миграции // *Постсоветские исследования*. 2024. Т. 7. № 5. С. 520–528.
- Рязанцев и др. 2020 — *Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Воробьева О. Д.* Евроазиатский миграционный коридор: теоретические аспекты, оценки масштабов и ключевые характеристики // *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право*. 2020. № 4. С. 5–18. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-4-01
- Рязанцев и др. 2023 — *Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Рахмонов А. Х.* Эмиграция молодежи из Таджикистана в страны Организации экономического сотрудничества и развития: история и современные тренды // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 6. С. 1418–1443. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1418-1443
- Рязанцев и др. 2024 — *Рязанцев С. В., Рахмонов А. Х., Письменная Е. Е.* Новые направления трудовой миграции из Таджикистана: на примере Великобритании // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 3. С. 489–501. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-489-501
- Смирнов 2024 — *Смирнов А. В.* Межрегиональные миграционные потоки в России: сетевой подход // *Alter Economics*. 2024. № 21(2). С. 286–301. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.7
- Joyce E. A., Simakov A. A. Migration and economic security. *Audit Journal*. 2022. No. 1. Pp. 101–105. (In Russ.) DOI: 10.24411/1727-8058-2022-1-101-105
- Ivakhnyuk I. V. Proposals to the 2025 Migration Strategy of Russia. Moscow: Center for Strategic Research, 2017. 82 p. (In Russ.)
- Pimenov N. A., Molchanova E. S. Illegal migration as a threat to national security. *Safety in the Modern World*. 2024. No. 2 (3). Pp. 37–43. (In Russ.) DOI: 10.25629/SMW.2024.02.05
- Prokhoda V. A. Migration as a threat to security of the accepting society: Peculiarities of perception of the native population. *National Security*. 2020. No. 2. Pp. 62–82. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0668.2020.2.32472
- Rakhimov D. E., Morgunova O. A. The role of state policy of Central Asian countries in the formation of new directions of labor migration. *Post-Soviet Studies*. 2024. Vol. 7. No. 5. Pp. 520–528. (In Russ.)
- Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E., Vorob'eva O. D. The Euro-Asian migration corridor: Theoretical aspects, assess the magnitude and key characteristics. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo*. 2020. No. 4. Pp. 5–18. (In Russ.) DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-4-01
- Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E., Rakhmonov A. Kh. Youth Migration from Tajikistan to OECD Member Countries: History and Present-Day Trends. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 6. Pp. 1418–1443. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1418-1443
- Ryazantsev S. V., Rakhmonov A. Kh., Pismennaya E. E. New Directions of Labor Migration From Tajikistan: The Case. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. No. 3. Pp. 489–501. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-489-501
- Smirnov A. V. Interregional migration flows in Russia: A network approach. *AlterEconomics*. 2024. Vol. 21. No. 2. Pp. 286–301. (In Russ.) DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.7

- Тонких 2024 — Тонких Е. В. Оценка влияния миграции из стран Центральной Азии на уровень рождаемости в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 6. С. 243–259. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.13
- Тонких, Пешкова 2025 — Тонких Е. В., Пешкова В. М. Рождаемость среди мигрантов из стран Центральной Азии в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2025. № 1. С. 49–56. DOI: 10.24158/tipor.2025.1.5
- У 2024 — У Л. Влияние фактора трудовой миграции на отношения между Россией и странами Центральной Азии // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 7. С. 277–282.
- Adams, Kay 2019 — Adams H., Kay S. Migration as a human affair: Integrating individual stress thresholds into quantitative models of climate migration // Environmental Science & Policy. 2019. Vol. 93. Pp. 129–138. DOI: 10.1016/j.envsci.2018.10.015
- Aka 2025 — Aka K. Actor-network theory-based applications in sustainability: A systematic literature review // Cleaner Production Letters. 2025. Vol. 8. 100084. DOI: 10.1016/j.clpl.2024.100084
- Blanco-Moreno 2024 — Blanco-Moreno A. Inter-regional graduate migration, subjective expectations, and human capital mobility // Regional Science Policy & Practice. 2024. Vol. 16. Is. 10. 100110. DOI: 10.1016/j.rspp.2024.100110
- Haas 2021 — De Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // Comparative Migration Studies. 2021. Vol. 9: 8. DOI: 10.1186/s40878-020-00210-4
- Delovarova, Sultanmuratov 2023 — Delovarova L., Sultanmuratov N. Migration in Central Asian Countries in the Context of EEU Integration and New International Realities // DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3. No. 3. Pp. 71–86. DOI 10.19181/demis.2023.3.3.5.
- Donskaya 2020 — Donskaya M. V. Foreign labor migration – needs or threats to Russia's national security? // Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 2. С. 27–31.
- Tonkikh E. V. Assessing the impact of migration from Central Asian countries to birth rate in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024. Vol. 17. No. 6. Pp. 243–259. (In Russ.) DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.13
- Tonkikh E. V., Peshkova V. M. Birth rate among migrants from Central Asia in Russia: Regional aspect. *Theory and Practice of Social Development*. 2025. No. 1. Pp. 49–56. (In Russ.) DOI:10.24158/tipor.2025.1.5
- Wu L. The influence of the labor migration factor on relations between Russia and the countries of Central Asia. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2024. No. 7. Pp. 277–282. (In Russ.)
- Adams H., Kay S. Migration as a human affair: Integrating individual stress thresholds into quantitative models of climate migration. *Environmental Science & Policy*. 2019. Vol. 93. Pp. 129–138. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.envsci.2018.10.015
- Aka K. Actor-network theory-based applications in sustainability: A systematic literature review. *Cleaner Production Letters*. 2025. Vol. 8. Article no. 1 00084. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.clpl.2024.100084
- Blanco-Moreno A. Inter-regional graduate migration, subjective expectations, and human capital mobility. *Regional Science Policy & Practice*. 2024. Vol. 16. No. 10. Article no. 100110. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.rspp.2024.100110
- De Haas H. A theory of migration: The aspirations-capabilities framework. *Comparative Migration Studies*. 2021. Vol. 9. Article no. 8 (2021). (In Eng.) DOI:10.1186/s40878-020-00210-4
- Delovarova L., Sultanmuratov N. Migration in Central Asian countries in the context of EEU integration and new international realities. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3. No. 3. Pp. 71–86. (In Eng.) DOI 10.19181/demis.2023.3.3.5.
- Donskaya M. V. Foreign labor migration – needs or threats to Russia's national security? *International Journal of Constitutional and State Law*. 2020. No. 2. Pp. 27–31. (In Eng.)

- Klabunde, Willekens 2016 — *Klabunde A., Willekens F.* Decision-Making in Agent-Based Models of Migration: State of the Art and Challenges // *European Journal of Population*. 2016. Vol. 32. Pp. 73–97. DOI: 10.1007/s10680-015-9362-0
- Law, Singleton 2013 — *Law J., Singleton V.* ANT and Politics: Working in and on the World // *Qualitative Sociology*. 2013. Vol. 36 (4). Pp. 485–502. DOI: 10.1007/s11133-013-9263-7
- McAuliffe, Oucho 2024 — *McAuliffe M., Oucho L. A.* (eds.). World Migration Report 2024. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2024. 367 p. (In Eng.)
- Nagurney 1990 — *Nagurney A. A.* Network Model of Migration equilibrium with movement costs // *Mathematical and Computer Modelling*. 1990. Vol. 13. Pp. 79–88.
- Nagurney et al. 2020 — *Nagurney A., Daniele P., Nagurney L.* Refugee migration networks and regulations: a multiclass, multipath variational inequality // *Journal of Global Optimization*. 2020. Vol. 78. Pp. 627–649. DOI: 10.1007/s10898-020-00936-6
- Pitoski et al. 2024 — *Pitoski D., Mestronic A., Schmeets H.* The complex network patterns of human migration at different geographical scales: network science meets regression analysis // *Applied Network Science*. 2024. Vol. 9: 35. DOI: 10.1007/s41109-024-00635-1
- Roe 2019 — *Roe P.* Societal Security // *Contemporary Security Studies* / ed. A. Collins. Oxford: University Press, 2019. Pp. 221–235.
- Saleem, Raza 2024 — *Saleem Sh., Raza A.* The Discourse on Actor Network Theory // *Journal of Policy Research*. 2024. Vol. 9 (2). Pp. 29–35. DOI: 10.5281/zenodo.8000715
- Klabunde A., Willekens F. Decision-making in agent-based models of migration: State of the art and challenges. *European Journal of Population*. 2016. Vol. 32. Pp. 73–97. (In Eng.) DOI 10.1007/s10680-015-9362-0
- Law J., Singleton V. ANT and politics: Working in and on the world. *Qualitative Sociology*. 2013. Vol. 36. Pp. 485–502. (In Eng.) DOI: 10.1007/s11133-013-9263-7
- McAuliffe M., Oucho L. A. (eds.) World Migration Report 2024. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2024. 367 p. (In Eng.)
- Nagurney A. A network model of migration equilibrium with movement costs. *Mathematical and Computer Modelling*. 1990. Vol. 13. Pp. 79–88. (In Eng.)
- Nagurney A., Daniele P., Nagurney L. Refugee migration networks and regulations: A multiclass, multipath variational inequality. *Journal of Global Optimization*. 2020. Vol. 78. Pp. 627–649. (In Eng.) DOI: 10.1007/s10898-020-00936-6
- Pitoski D., Mestronic A., Schmeets H. The complex network patterns of human migration at different geographical scales: Network science meets regression analysis. *Applied Network Science*. 2024. Vol. 9. Article no. 35 (2024). (In Eng.) DOI: 10.1007/s41109-024-00635-1
- Roe P. Societal security. In: Collins A. (ed.) *Contemporary Security Studies*. Oxford: Oxford University Press, 2019. Pp. 221–235. (In Eng.)
- Saleem Sh., Raza A. The discourse on actor network theory. *Journal of Policy Research*. 2023. Vol. 9. No. 2. Pp. 29–35. (In Eng.) DOI: 10.5281/zenodo.8000715

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 2, Pp. 373–392, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902 (470.630)

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-373-392

Позднекочевническое погребение из курганного могильника «Озек-Суат – 5» в Нижнем Прикумье

Виталий Александрович Бабенко¹, Марина Евгеньевна Колесникова²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355000 Ставрополь, Российская Федерация)

старший преподаватель

 0000-0003-3046-9582. E-mail: vit-babenko[at]andex.ru

² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355000 Ставрополь, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, директор Гуманитарного института, заведующий кафедрой

 0000-0002-2896-7753. E-mail: kolesnikovam2017[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© Бабенко В. А., Колесникова М. Е., 2025

Аннотация. *Введение.* Данная работа посвящена публикации результатов раскопок позднекочевнического погребения из кургана 1 курганного могильника «Озек-Суат – 5» в Нефтекумском округе Ставропольского края в 2012 г. *Цели и задачи* исследования — публикация материалов раскопок на территории Нижнего Прикумья в 2012 г. В задачи исследования входят описание и характеристика изученного позднекочевнического комплекса, установление его культурно-исторической атрибуции. *Материалы.* Археологический материал из погребения представлен изделиями из железа, бронзы и кости, датирующимися золотоордынской эпохой. Погребальный инвентарь состоял из остатков сложносоставного лука, деревянного (берестяного) колчана с неорнаментированными костяными накладками, костяных петель для подвешивания колчана и налущья, наконечников стрел, железной сабли и железного ножа, двух пуговиц-бубенчиков и куска мела. *Результаты.* Погребение 1 было основным и единственным в кургане 1. Оно было совершено в яме с подбоем в южной стенке и с западной ориентировкой человека и чучела коня. Данный тип погребального обряда имеет аналогии в золотоордынских памятниках Подонья и Волго-Донских степей. Сложносоставной асимметричный лук из погребения не имеет аналогов в Предкавказье, Подонье и в Волго-Донских степях. Аналоги данному луку известны в памятниках Южной Сибири домонгольского времени. В Южной Сибири подобная разновидность лука предшествует лукам «монгольского» типа. Она могла быть принесена в

Предкавказье кочевниками Южной Сибири во время завоевательных походов. Комплекс из Нижнего Прикумья датируется серединой XIII в. – началом XIV в.

Ключевые слова: Предкавказье, Нижнее Прикумье, курган, погребение, лук, колчан, сабля, нож

Для цитирования: Бабенко В. А., Колесникова М. Е. Позднекочевническое погребение из курганного могильника «Озек-Суат – 5» в Нижнем Прикумье // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 2. С. 373–392. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-373-392

Ozek-Suat – 5 Mound Grave Field: Excavating One Late Nomadic Burial in the Lower Kuma

Vitaly A. Babenko¹, Marina Ye. Kolesnikova²

- ¹ North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355000 Stavropol, Russian Federation)
Senior Lecturer

 0000-0003-3046-9582. E-mail: vit-babenko[at]yandex.ru

- ² North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355000 Stavropol, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Director of Humanities Institute, Head of Department

 0000-0002-2896-7753. E-mail: kolesnikovam2017[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Babenko V. A., Kolesnikova M. Ye., 2025

Abstract. Introduction. The article presents the results of 2012 excavations of a late nomadic burial in Kurgan 1 at Ozek-Suat – 5 mound grave field in Neftekumsky District (Stavropol Krai, Russia). **Goals.** The paper publishes the archaeological materials from the specified site in the Lower Kuma excavated in 2012. So, the work shall describe and characterize the investigated late nomadic complex, specify its culture and historical attribution. **Materials.** Archaeological materials from the burial include items made of iron, bronze and bone from the Golden Horde era. The grave goods comprised elements of a composite bow, a wooden (birch bark) quiver with unornamented bone overlays, bone loops to fix a quiver and a bow case, arrowheads, an iron saber and an iron knife, two bell buttons and a piece of chalk. **Results.** Burial 1 was the main and only one in Kurgan 1. It was made in a grave pit with an alcove in its southern wall, the human body and a stuffed horse oriented westwards. This burial pattern has analogies in the Golden Horde sites of the Don Region and the Volga-Don steppes. However, the asymmetric composite bow from the burial is unique enough for Ciscaucasia and the specified territories. Similar items have been discovered at pre-Mongol sites in South Siberia where this bow type had preceded the ‘Mongol’ one. The South Siberian nomads could have delivered it to Ciscaucasia during conquest campaigns. The site in the Lower Kuma dates to the mid-thirteenth and early fourteenth centuries.

Keywords: Ciscaucasia, Lower Kuma, kurgan, burial, bow, quiver, saber, knife

For citation: Babenko V. A., Kolesnikova M. Ye. Ozek-Suat-5 Mound Grave Field: Excavating One Late Nomadic Burial in the Lower Kuma. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 373–392. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-373-392

1. Введение

Курганный могильник «Озек-Суат – 5» является одним из ключевых памятников золотоордынской эпохи в Предкавказье и одним из первых позднекочевнических памятников, исследованных в Нижнем Прикумье после раскопок Е. И. Крупнова в с. Ачикулак Нефтекумского округа в 1955 г. В погребении 1 кургана 1 указанного памятника было исследовано погребение легковооруженного воина-лучника. Погребение совершено в яме с подбоем в южной стенке с западной ориентировкой человека и чучела лошади. Вызывают интерес остатки сложносоставного лука, колчана с неорнаментированными костяными накладками и костяной петлей для подвешивания. От налущья сохранилась костяная петля для подвешивания. Сложносоставной асимметричный лук из погребения имел три фронтальные накладки — две плечевые и одну срединную. Он не имеет аналогий в Предкавказье, Подонье и в Волго-Донских степях. Аналоги данному луку известны в материалах, датирующихся в Южной Сибири домонгольским временем. Подобная разновидность лука предшествует лукам «монгольского» типа, выделенным А. А. Гавриловой [Гаврилова 1965: 87], Д. Г. Савиновым [Савинов 1981: 155–160] и Ю. С. Худяковым [Худяков 1993: 137–140]. Он мог быть привезен в Предкавказье кочевниками Южной Сибири во время завоевательных походов. Целью данной работы являются публикация и определение культурно-хронологической атрибуции материалов раскопок курганного могильника «Озек-Суат – 5». В статье предложена датировка данного комплекса серединой XIII в. — началом XIV в.

2. Материалы исследования

Курганный могильник «Озек-Суат – 5». В 2012 г. археологическая экспедиция Государственного унитарного предприятия «Наследие» произвела раскопки курганного могильника «Озек-Суат – 5» в Нефтекумском округе Ставропольского края [Бабен-

ко 2013]. Он состоял из одной задернованной насыпи и был расположен в 8,450 км к югу-юго-западу от моста через р. Кума на автодороге Затеречный – Величаевское и в 6,950 км к северу от моста через Нефтекумский канал на автодороге Затеречный – Озек-Суат, на пастбище, к востоку от распаханного поля (рис. 1). Насыпь кургана имела эллипсовидную форму. Высота кургана — 0,40 м, диаметр — 38 м.

Курган раскапывался с оставлением 1-й бровки, ориентированной по азимуту 30°, параллельно пахотному полю и полевой дороге, проходящей к востоку от кургана. Курган был сооружен над погребением 1, совершенным в эпоху Золотой Орды (рис. 2: 1). В стратиграфии насыпи проявились особенности геоморфологии полупустынной зоны в виде воздействия процессов вторичного почвообразования, что затруднило выявление пятен заполнения погребений и выделение прослойки погребенной почвы.

Стратиграфия насыпи. Бровка зачищалась и фиксировалась со стороны обоих фасов на протяжении 38 м на 18 м к югу от R и на 20 м к северу от R. В стратиграфии обоих фасов проявилось воздействие процессов вторичного почвообразования, в результате чего прослойки насыпи и погребенной почвы образуют сплошную прослойку, сливающуюся с материковым слоем. В профилях обоих фасов бровки прослойки насыпи, погребенной почвы и материка разделены условно, по аналогии со стратиграфией участка R-2мС в западном фасе и участка 2 м Ю – 4 м Ю в восточном фасе, где было прослежено перекрытие насыпью 1 мощностью около 0,40 м прослойки погребенной почвы мощностью около 0,20 м. Материковый темно-коричневый плотный суглинок с включением карбонатов прослежен на уровне около -0,65 м от R.

На всем протяжении бровки прослежен дерновый слой мощностью от 0,1 до 0,2 м. Околокурганные западины зафиксированы на участках 8 м Ю – 18 м Ю и 10 м С – 20 м С в западном фасе и участках

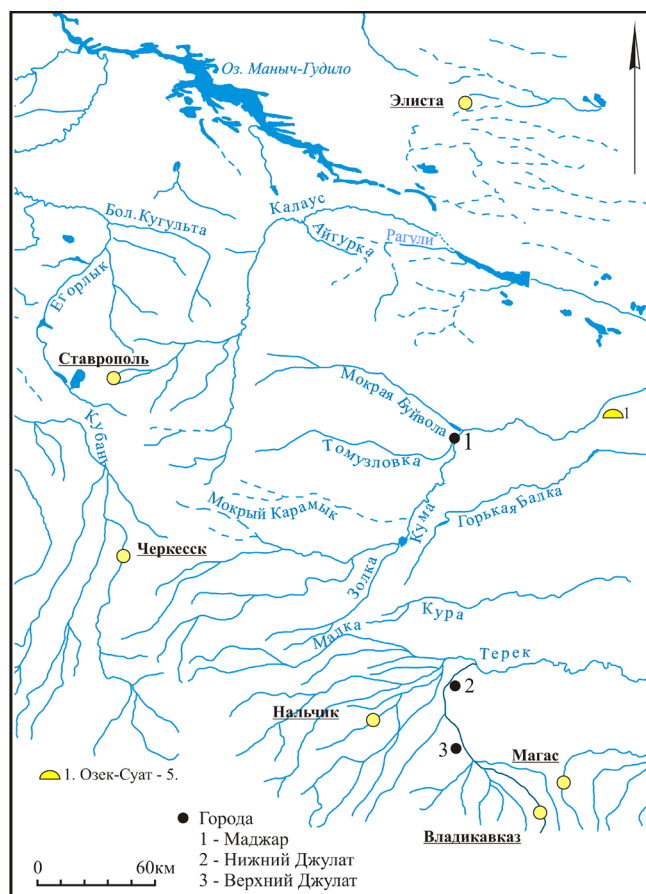

Рис. 1. Курганный могильник «Озек-Суат – 5». Ситуационный план
[Fig. 1. Ozek-Suat – 5 mound grave field. Situational plan]

1,85 м Ю – 20 м Ю и 7,70 м С – 20 м С в восточном фасе. Их заполнение состоит из желто-коричневого суглинки; здесь налицо проявление процессов вторичного почвообразования, затронувших насыпь в южной части. На флангах фасов под западинами зафиксированы наклонно залегающие прослойки желтого песка. Их нижняя граница зафиксирована на уровне -0,95–1,25 м от R (рис. 2: 2).

Погребение 1

Основное. Точка привязки установлена в 2 м к северу от R. Обнаружено при прорезке восточной траншеи по костям человека и лошади. Пятно заполнения не фиксировалось ни в плане, ни в профиле восточного фаса бровки.

В бровке была произведена врезка над предполагаемым расположением конского и человеческого скелетов. Пятно заполнения погребения не было обнаружено. Только при расчистке заполнения подбоя было

отмечено наличие рыхлого грунта заполнения, который отделялся от дна и стенок. Заполнение входной ямы и части подбоя было переработано процессами вторичного почвообразования.

Погребальная конструкция реконструируется как погребение в подбое, ориентированное длинной осью по линии Запад-Восток. Остатки конского скелета были расчищены к северу от человеческого захоронения. Судя по расположению сохранившихся костей, чучело лошади было положено головой на запад. Кости ног были выложены в восточной части ступеньки, но задние конечности были снесены при прорезке траншеи. Положение передних ног имитировало позу на правом боку с поджатыми под туловище ногами. Передние ноги были отчленены по локтевые суставы. Возможно, что задние ноги были отчленены по коленные суставы. В пасть лошади были вставлены железные удила (находка 1). К западу от

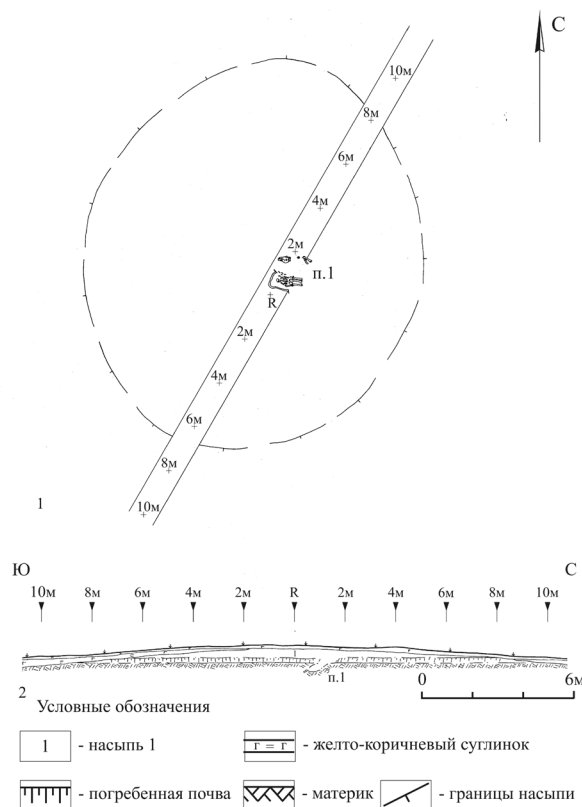

Рис. 2. Озек-Суат – 5. Курган 1: 1 — общий план; 2 — бровка, восточный фас
[Fig. 2. Ozek-Suat – 5. Kurgan 1: 1 — general plan; 2 — balk, eastern edge]

костей передних ног были выявлены железные стремена (находки 2А, 2Б).

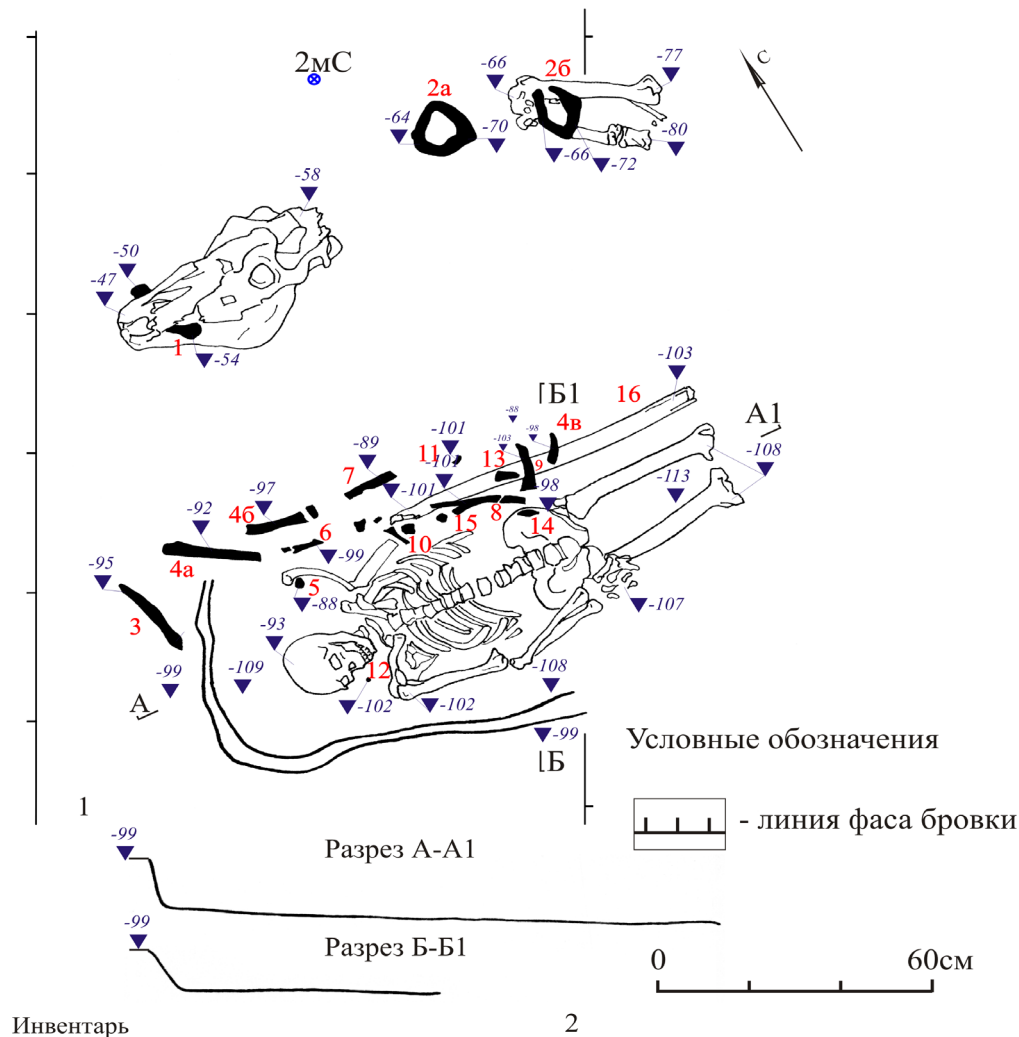
Ступенька, ведущая в предполагаемый подбой, не выявлена. При расчистке более мягкого грунта, залегавшего под пересохшим пластом насыпи и погребенной почвы, были выявлены часть подбоя и нора землеройного животного, разрушившая ступеньку. Заполнение подбоя фиксировалось в 2 этапа. На первом этапе были расчищены костяные петли от налучья и колчана, костяные накладки на лук и колчан. После их фиксации и снятия были расчищены скелет погребенного и инвентарь, располагавшийся на костях погребенного и дне погребальной камеры. От подбоя сохранилась только придонная часть (рис. 3: 2). В подбое лежал скелет взрослого человека.

Погребенный лежал вытянуто, на спине, головой на запад. Череп лежал на затылке, с небольшим разворотом вправо. Руки погребенного были вытянуты вдоль туловища, кисти положены на тазобедренные суставы. Ноги вытянуты по оси туловища, кости

голеней и стоп были срезаны при прорезке траншеи. В заполнении подбоя и на костях погребенного был обнаружен следующий погребальный инвентарь.

К северо-западу от левого предплечья погребенного, в заполнении норы была выявлена костяная колчанная петля¹ (находка 3). К северу от левого предплечья были выявлены залегающие в заполнении подбоя две костяные накладки на лук: плечевая (находка 4а) и срединная (находка 4б), ближе к костям предплечья левой руки были обнаружены железная портупейная пряжка (находка 5), костяная петля налучья (находка 6) и костяные накладки на колчан (находки 7, 8, 9, 10). Судя по расположению (*in situ*?) совместно находок 8 и 9, колчан мог быть уложен горловиной к ногам погребенного. На части из них сохранились железные гвоздики для крепления к деревянному кар-

¹ Известны погребения, датируемые эпохой Золотой Орды и обнаруженные в Прикаспийской низменности, где колчан был расположен в области правой ноги [Очир-Горяева, Буратаев 2021: 1213].

Инвентарь

2

1 - удила железные	10 - накладка на колчан, костяная
2а, 2б - стремена железные	11 - предмет железный
3 - петля костяная колчанная	12 - пуговица-бубенчик бронзовая
4а - накладка на лук костяная, плечевая	13 - наконечники стрелы железный
4б - накладка на лук костяная, срединная	14 - наконечники стрелы железный
4в - накладка на лук костяная, плечевая, фрагмент	15 - нож железный
5 - пряжка железная	16 - сабля железная
6 - петля налучья, костяная	17 - кусок мела (под костями таза)
7 - накладка на колчан, костяная	18 - пуговица-бубенчик бронзовая
8 - накладка на колчан, костяная	19 - пуговица-бубенчик бронзовая
9 - накладка на колчан, костяная	(разрушилась при снятии)

Рис. 3. Озек-Суат – 5. Курган 1, погребение 1: 1 — план; 2 — разрезы

[Fig. 3. Ozek-Suat – 5. Kurgan 1, burial 1: 1 — general plan; 2 — cuts]

касу колчана. Рядом лежал железный предмет (находка 11), являющийся остатком наконечника стрелы. Здесь же лежали два железных наконечника стрел (находки 13 и 14), являющиеся частью колчанного набора. Восточнее накладок на колчан была выявлена плечевая накладка на лук (находка 4в). Судя по нивелировкам, лук был положен поверх колчана. К югу от черепа погребенного была обнаружена бронзовая пугови-

ца-бубенчик (находка 12). После фиксации и снятия находок 4–11 над костями левого предплечья были расчищены железный нож (находка 15) и железная сабля в остатках деревянных ножен (находка 16). Перекрестье и рукоять сабли сильно повреждены земляными животными. Сабля была уложена вдоль левой ноги и туловища погребенного острием к ногам, лезвием к погребенному, рукоятью поверх предплечья левой руки.

Под костями таза был обнаружен кусок мела (находка 17). Под костями грудной клетки при прокопке дна подбоя были обнаружены бронзовые пуговицы-бубенчики (находки 18, 19). Находка 19 разрушилась при снятии (рис. 3: 1).

Описание инвентаря

1. Удила железные. Сильно корродированы, разрушились при снятии, форма полностью не реконструируется. Грызла изготовлены из круглого прута диаметром около 1,7 см, имеют на концах подвижные кольца диаметром 4–4,2 см, изготовленные из округлого прута диаметром около 0,9–1,1 см. Грызла образовывали подвижное соединение, разрушившееся при снятии. Длина сохранившейся части грызла с сохранившимся кольцом 7,4 см (рис. 4: 1).

2. Стремена железные, 2 шт. Находка 2а. Имеет вогнутую подножку с загнутыми вниз краями и дугообразную, слегка заостренную дужку со следами от прорези для ремня путлища, поврежденного коррозией. Подножка имеет по продольной оси слабо выраженный валик. В нижней части дужки под отверстием для путлища имеется полукруглый выступ. Размеры: высота — 13,3 см, ширина — 13,4 см, ширина подножки — около 4 см, толщина подножки — около 1 см, высота дужки — около 3 см, толщина дужки — около 1,3 см (рис. 4: 2).

Находка 2б. Имеет форму, аналогичную форме находки 2а, за исключением отсутствия загибов по краям подножки. Размеры: высота — 13,5 см, ширина — 14,1 см, ширина подножки — 4,4 см, толщина подножки — около 1 см, высота дужки — около 3 см, толщина дужки — около 1,3 см (рис. 4: 3).

3. Петля костяная, колчанная. Имеет прямое основание, округлую спинку, переходящую в треугольные вырезы на концах и плоско-выпуклое сечение. Верхний и нижний торцы срезаны под углом. Тильная сторона петли уплощенная, лицевая — выпуклая, со следами подрезки и полировки. По центру петли просверлено В-образное отверстие для подвешивания, образованное при смежном просверливании двух отверстий диаметром около 5 мм. В верхней

и нижней частях просверлено по 2 отверстия диаметром около 4 мм, расположенных асимметрично центральному отверстию. Размеры: высота — 11,2 см, ширина — 1,1–1,7 см, толщина — около 0,3 см (рис. 6: 5).

4. Накладки на лук, костяные, 3 шт. Находка 4а. Накладка на лук костяная, плечевая, фронтальная. Имеет дугообразную форму и плоско-выпуклое сечение. Накладка сужается к основанию, в верхней части на внешней поверхности снята фаска. Внешняя поверхность отполирована, на внутренней поверхности имеется штриховая нарезка. Размеры: длина — около 21,4 см, ширина — 1,1–1,8 см, толщина — 0,05–0,2 см (рис. 5: 1).

Находка 4б. Накладка на лук костяная, срединная, фронтальная. Имеет веслообразную форму, одна из утолщающихся частей утрачена, на ее фрагменте видны следы погрызов землеройных животных. Накладка имеет изгиб и плоско-выпуклое сечение на внутренней поверхности нанесена штриховая нарезка, на лопатообразных расширениях на внешней поверхности нанесены продольные полосы углублений, аналогичные полосам на внутренней поверхности находки 4а, очевидно, для плотного прилегания к деревянной основе. Размеры: длина сохранившейся части — 18,9 см, ширина в средней части — 1,3 см, ширина выступа — 1,9 см, толщина — 0,4 см (рис. 5: 2).

Находка 4в. Фрагмент накладки костяной, плечевой, фронтальной. Форма полностью не восстанавливается. Имеет на внутренней поверхности продольные полосы, аналогичные находке 4а. Судя по толщине, относится к верхней части накладки. Размеры сохранившейся части — 6,3 x 1,3 x 0,2 см (рис. 5: 3).

5. Пряжка железная, портупейная. Имеет округлую форму и подвижный язычок. Изготовлена из прута подовального сечения с острым ребром по внешнему краю. Размеры: диаметр — 2,7–2,9 см, сечение рамки — 0,5–0,6 см, сечение язычка — 0,4–0,6 см (рис. 7: 1).

6. Петля налучья, костяная. Имеет плоское сечение и изогнутое основание. На концах имеются полукруглые вырезы. Тильная и лицевая стороны петли плоские, со следа-

ми полировки. На тыльной стороне, в нижней части снята фаска, в верхней части имеется потертость от ношения налучья. В верхней части петли просверлено 8-образное отверстие для подвешивания, образованное двумя смежными отверстиями: верхним диаметром 0,6 см и нижним диаметром 0,7 см.

В нижней, средней и в верхней частях петли просверлено по 2 парных отверстия диаметром около 0,3 см. Еще одно отверстие просверлено в верхней части над отверстием для подвешивания. На поверхности спинки по всей длине снята фаска и нанесена косая насечка в виде резных линий длиной 0,4 см

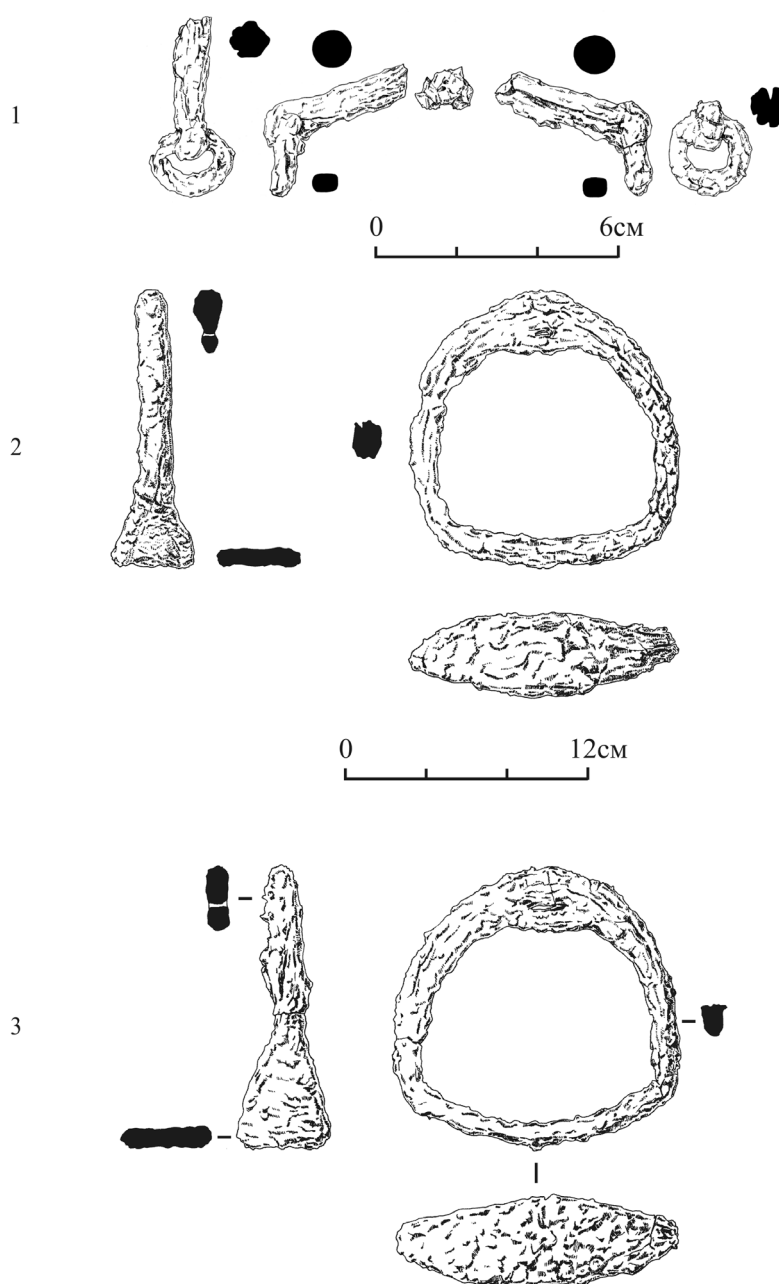

Рис. 4. Курганный могильник «Озек-Суат – 5». Курган 1, погребение 1: 1 — находка 1, удила железные; 2 — находка 2а, стремя железное; 3 — находка 2б, стремя железное
[Fig. 4. Ozek-Suat – 5. Kurgan 1, burial 1: 1 — find 1, iron bit; 2 — find 2a, iron stirrup; 3 — find 2b, iron stirrup]

и шириной 0,1 см. Размеры: высота — около 20 см, ширина — 0,8–1,7 см, толщина — 0,4–0,5 см (рис. 6: 6).

7. Накладка на колчан костяная, фрагментированная. Имеет подпрямоугольную форму и плоское сечение. Вероятно, украшала боковую стенку колчана. Имеет в плане подпрямоугольную форму с небольшим сужением на конце и сложный поперечный профиль, образованный полукруглым утолщением вдоль внешнего края, выполнявшего роль ребра жесткости. Один из сохранив-

шихся торцов обрезан под острым углом. В 0,9 см от края просверлено отверстие диаметром 0,3 см. Размеры: длина — 22 см, ширина — 1,4 см, толщина — 0,1–0,25 см, ширина по внешнему краю — 0,7 см, толщина по внешнему краю — 0,3 см (рис. 6: 1).

8. Накладка на колчан костяная. Имеет подпрямоугольную форму и плоское сечение, аналогичные форме находки 7. В части, прилегавшей к находке 9, имеется изгиб наружу, возможно, связанный с формой основы колчана. В предположительно верх-

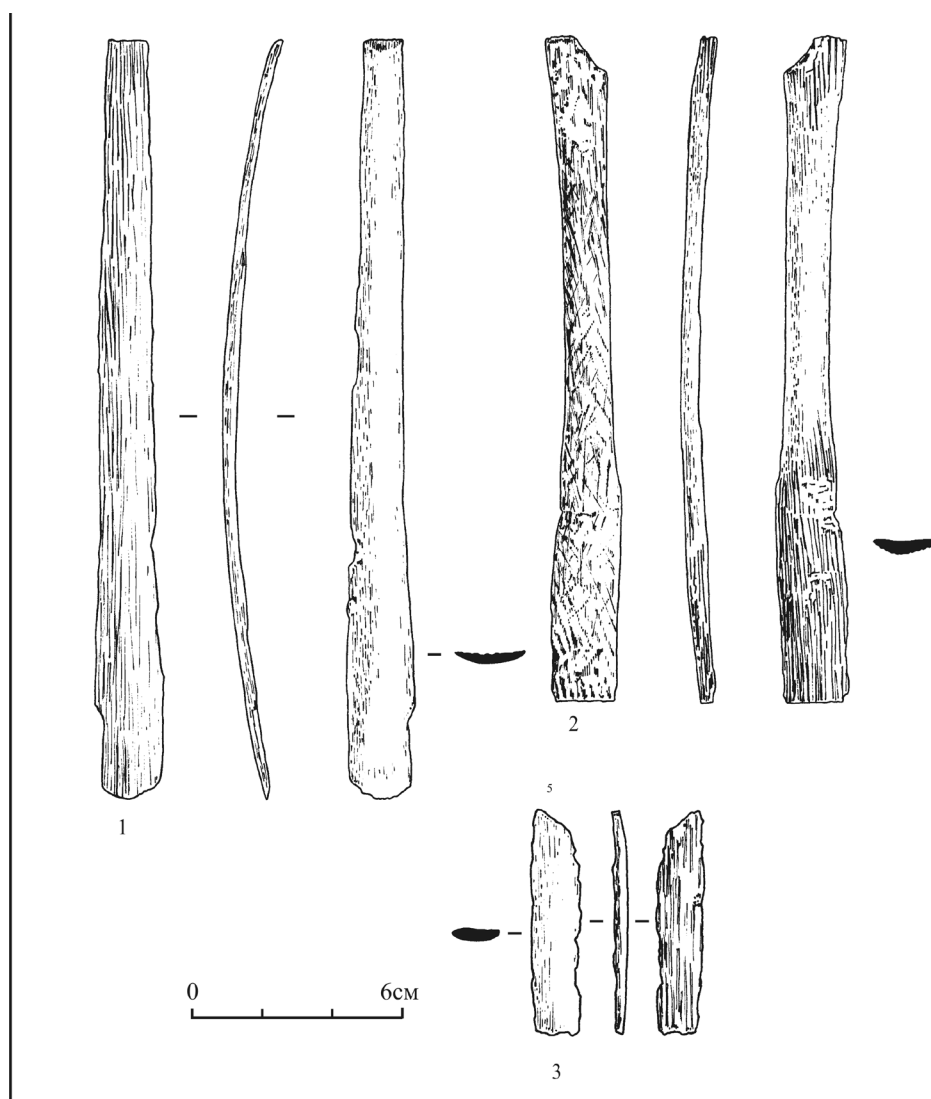

Рис. 5. Курганный могильник «Озек-Суат – 5». Курган 1, погребение 1: 1 — находка 4а, накладка на лук костяная, плечевая; 2 — находка 4б, накладка на лук костяная, срединная; 3 — находка 4в, накладка на лук костяная, плечевая

[Fig. 5. Ozek-Suat – 5. Kurgan 1, burial 1: 1 — find 4a, limb bone overlay of a composite bow; 2 — find 4b, central frontal bone overlay; 3 — find 4c, limb bone overlay]

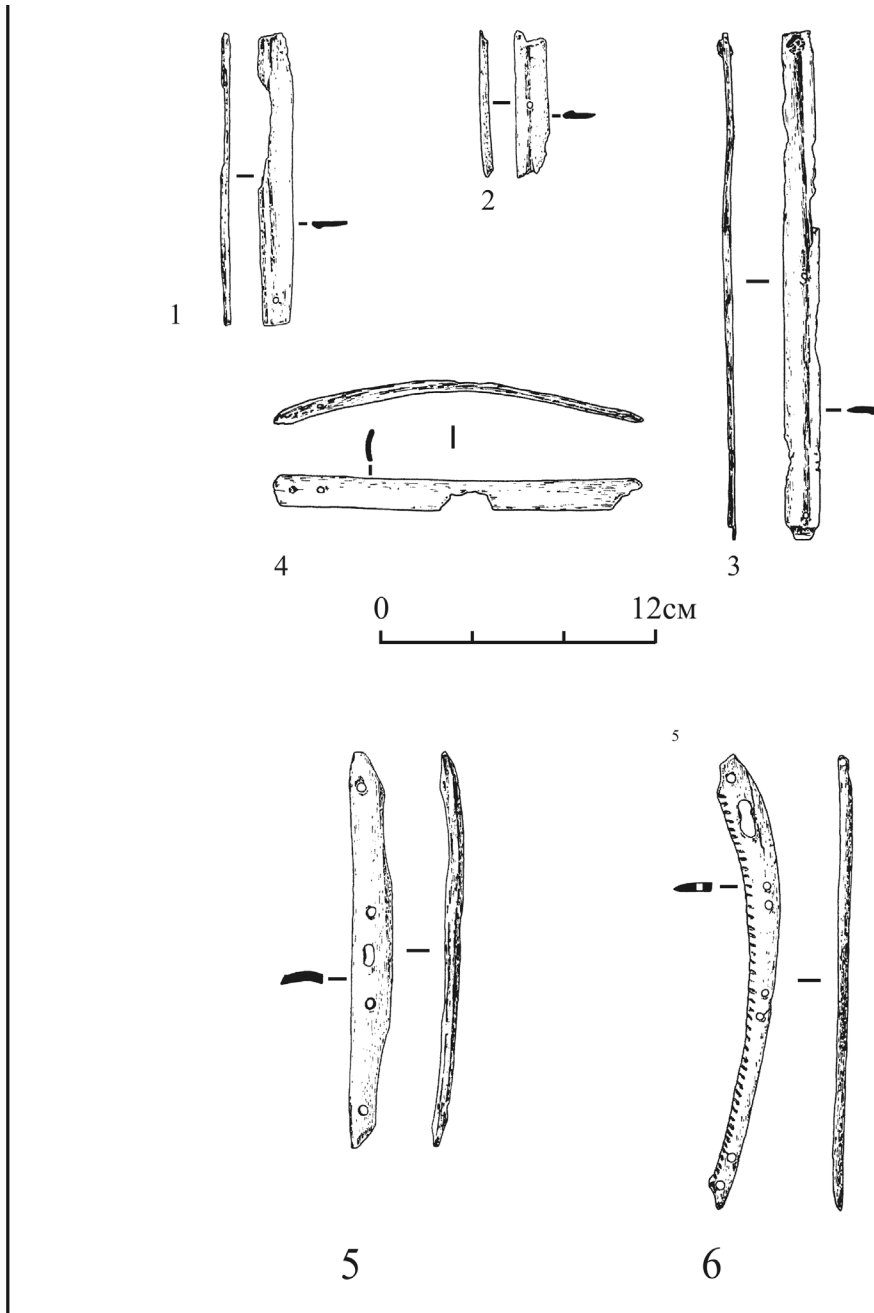

Рис. 6. Курганный могильник «Озек-Суат – 5». Курган 1, погребение 1: 1 — находка 7, накладка на колчан костяная; 2 — находка 10, накладка на колчан костяная; 3 — находка 8, накладка на колчан костяная; 4 — находка 9, накладка на колчан костяная; 5 — находка 3, петля костяная, колчанная; 6 — находка 6, петля костяная от налучья

[Fig. 6. Ozek-Suat – 5. Kurgan 1, burial 1: 1 — find 7, quiver bone overlay; 2 — find 10, quiver bone overlay; 3 — find 8, quiver bone overlay; 4 — find 9, quiver bone overlay; 5 — find 3, quiver bone loop; 6 — find 6, bow case bone loop]

ней части накладки сохранился фрагмент железного гвоздика со шляпкой диаметром около 0,7 см. Отверстие под гвоздик просверлено в 0,6 см от края. Противоположный край украшен полукруглым язычком. В центре и в 0,9 см от противоположного края просверлены отверстия диаметром около

0,25 см. Размеры: длина сохранившейся части — 12,7 см, ширина — 1,1–1,4 см, толщина — 0,1–0,25 см, ширина по внешнему краю — 0,4 см, толщина по внешнему краю — 0,3 см (рис. 6: 3).

9. Накладка на колчан костяная, фрагментированная. Имеет в плане подпрямо-

угольную форму с поврежденными земляными животными концами и дуговидное сечение в продольном профиле. В центре имеются следы погрыза. Вероятно, накладка украшала горловину приемника колчана. На одном из концов сохранились следы ее крепления к основе колчана: остатки железного гвоздика, вставленного в отверстие и еще одно отверстие диаметром 0,3 см. Размеры: длина сохранившейся части — 16,5 см, ширина — 1,4 см, толщина — 0,15 см (рис. 6: 4).

10. Накладка на колчан, костяная, фрагментированная. Имеет форму, аналогичную находкам 7 и 8. Сохранилось отверстие диаметром 0,25 см. Размеры — 5,3 x 1,4 x 0,2 см (рис. 6: 2).

11. Предмет железный, фрагмент. Возможно, является фрагментом черешка от стрелы. Имеет округлое сечение. Размеры: длина — 2,3 см, диаметр — 0,9 см (рис. 7: 2).

12. Пуговица-бубенчик бронзовая, фрагментированная. Имеет корпус биконической формы с петелькой неустановленной формы. Размеры: высота сохранившейся части — 0,7 см, диаметр нижней части — 0,4–0,6 см (рис. 7: 4).

13. Наконечник стрелы железный, черешковый, фрагментированный. Черешок не сохранился. Сохранилось перо в форме широкой лопаточки с закругленным острием. Часть острия повреждена и образует скол. Размеры: длина пера — 6,8 см, ширина — около 3,4 см (рис. 7: 3).

14. Наконечник стрелы железный, черешковый, фрагментированный. Имеет фрагментированный черешок округлого сечения, слабо выраженный упор и уплощенную ромбовидную головку ромбического сечения. Размеры: длина сохранившейся части — 4,4 см, длина головки — 3 см, длина упора — 0,6 см, диаметр черешка — 0,7 см, диаметр упора — 1 см, ширина головки — 1,8 см, толщина головки — 0,8 см (рис. 7: 6).

15. Нож железный. Сильно корродирован. Имеет длинный и узкий клинок с горбатой спинкой, образующий уступ у основания черешка (в профиле черешок сдвинут вниз относительно лезвия). Возможно, под окислами скрыто перекрестье лезвие и че-

решок имеют треугольное сечение, на конце черешка сохранился древесный тлен. Размеры: длина — 18,8 см, длина черешка — 5,5 см, длина лезвия — 13,3 см, ширина лезвия — 0,6–1,5 см, толщина спинки — 0,3–0,6 см, ширина черешка — 1,4 см, толщина черешка 0,9 см (рис. 8: 1).

16. Сабля железная, в остатках деревянных ножен, фрагментированная. Сохранился клинок с фрагментом рукояти. Рукоять и перекрестье разрушены земляными животными. Имеющиеся мелкие фрагменты не позволяют реконструировать форму перекрестья и рукояти. На фрагменте рукояти сохранился древесный тлен. Клинок сабли имеет изгиб в средней части и овальное сечение на конце. Размеры сохранившейся части: длина — 91,4 см, длина клинка — 89,2 см, ширина рукояти — 2,5 см, толщина рукояти — 1,1 см, ширина клинка — 3,6 см, толщина клинка — 1,8 см (рис. 8: 2).

17. Кусок мела. Имеет призматическую форму. Размеры — 3,8 x 2,7 x 2,2 см (рис. 7: 7).

18. Пуговица-бубенчик бронзовая, фрагментированная. Имеет биконическую форму с петелькой неустановленной формы. Размеры: высота сохранившейся части — 0,7 см, диаметр нижней части — 0,7 см, высота нижней части — 0,4 см (рис. 7: 5).

19. Пуговица-бубенчик бронзовая. Разрушилась при снятии.

3. Анализ материалов раскопок

Территориальные рамки. Исследованное погребение локализуется на Терско-Кумской низменности (составная часть Прикаспийской низменности), в междуречье рек Кума и Сухая Кума в полупустынной зоне Предкавказья. Водный режим этих рек неоднократно изменялся с древности, в соответствии с трансгрессиями Каспийского моря.

В эпоху Золотой Орды, согласно сведениям сирийского географа Ибн Са'ида, Кума впадала в Каспийское море [Коновалова 2009: 32]. Согласно последним данным, в XIII–XIV вв. уровень Каспийского моря поднимался до 6 м [Пигарев 2022: 186], что могло частично затрагивать Терско-Кумскую низменность.

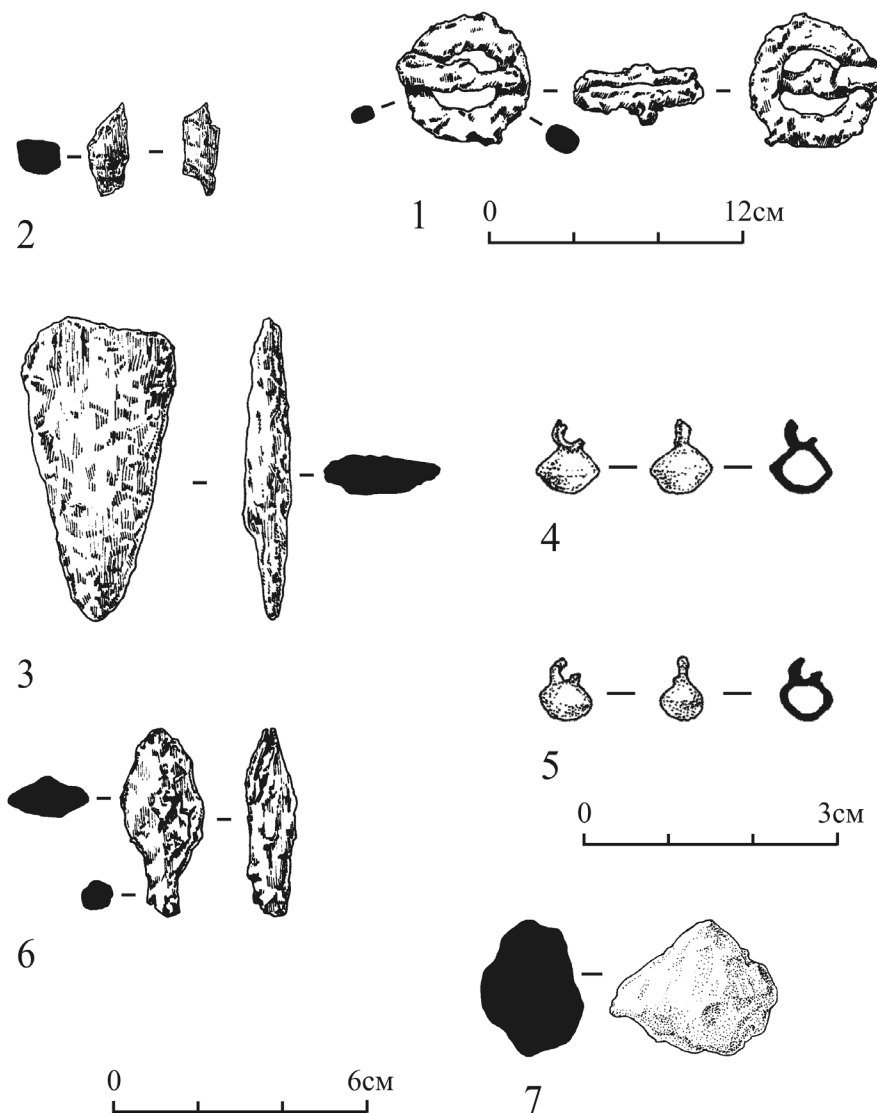

Рис. 7. Курганный могильник «Озек-Суат – 5». Курган 1, погребение 1: 1 — находка 5, пряжка железная; 2 — находка 11, предмет железный; 3 — находка 13, наконечник стрелы железный; 4 — находка 12, пуговица-бубенчик бронзовая; 5 — находка 18, пуговица-бубенчик бронзовая; 6 — находка 14, наконечник стрелы железный; 7 — находка 17, кусок мела

[Fig. 7. Ozek-Suat – 5. Kurgan 1, burial 1: 1 — find 5, iron buckle; 2 — find 11, iron object; 3 — find 13, iron arrowhead; 4 — find 12, bronze bell button; 5 — find 18, bronze bell button; 6 — find 14, iron arrowhead; 7 — find 17, piece of chalk]

Материалы палинологических исследований, проведенных в Нижнем Поволжье, свидетельствуют об увеличении увлажнения в XIII–XIV вв., что повлекло региональную миграцию природных рубежей к югу, включающую экспансию сухостепных ландшафтов в пределы пустынно-степных [Демкин и др. 2005: 117]. В Среднем Прикумье выявлены признаки преобладания злаковых растений [Бабенко, Сергеев 2019:

164–165]. Судя по обилию в данном микро-регионе курганов, в древности и в средневековье Нижнее Прикумье было пригодно для кочевания.

Анализ инвентаря. К сожалению, большинство предметов было смещено или повреждено землеройными животными, что затрудняет интерпретацию ряда находок. Исследованное погребение относится к числу немногочисленных погребений с

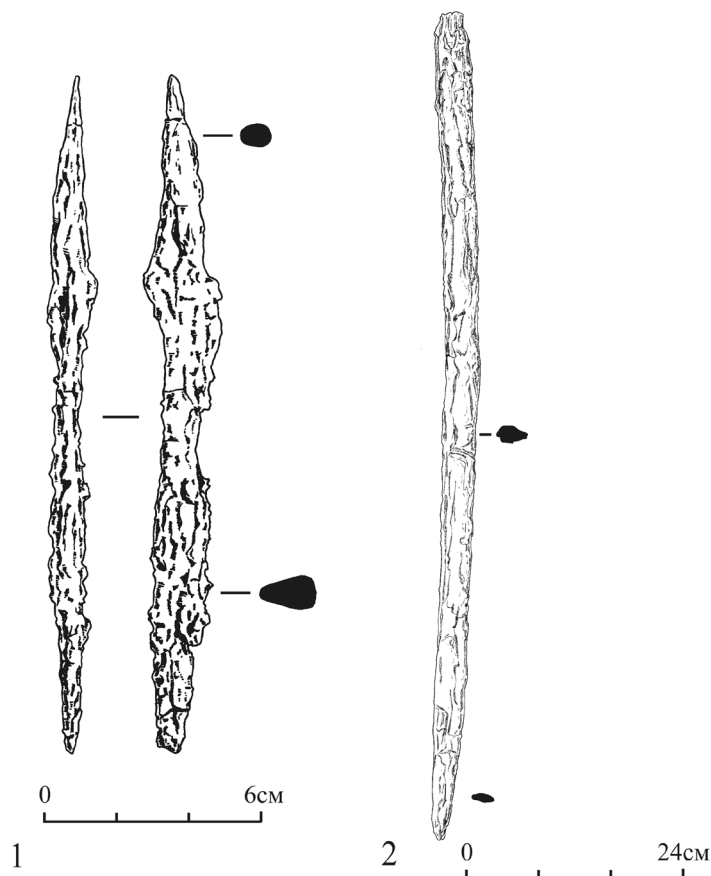

Рис. 8. Курганный могильник «Озек-Суат – 5». Курган 1, погребение 1: 1 — находка 15, нож железный; 2 — находка 16, сабля железная

[Fig. 8. Ozek-Suat – 5. Kurgan 1, burial 1: 1 — find 15, iron knife; 2 — find 16, iron saber]

остатками лука, налучья и колчана. Лук из данного погребения можно реконструировать как асимметричный сложносоставной лук с расположенными фронтально тремя накладками: двумя плечевыми и одной срединной. Этот лук близок к лукам монгольского времени со срединной фронтальной и фронтальной плечевой накладками типа 2 по типологии Ю. С. Худякова. Данные луки происходят с территорий Прибайкалья, Забайкалья и Монголии [Худяков 1993: 139, 139, рис. 19: 2, 3]. Возможно, он является результатом развития луков данного типа и предшествует лукам «монгольского» типа.

Срединная накладка из Нижнего Прикумья имеет асимметричную форму: простые лопатообразные выступы имеют разную высоту. Возможно, разная высота выступов вызвана разной длиной плечевых накладок и соответствующей площадью контактной поверхности для прочного крепления накладок к деревянной основе. Аналогичная

накладка происходит из Осинкинского могильника в Верхнем Приобье [Савинов и др. 2008: 11, 48, табл. XXI: 10]. По мнению Д. Г. Савинова, фронтальные накладки с простыми расширениями являются более ранними, чем накладки с четко выраженными лопатообразными концами. Окончательное оформление накладок с лопатообразными концами происходит, по его мнению, в XII–XIII вв. [Савинов и др. 2008: 25]. Накладки с четко выраженными окончаниями известны в Осинкинском могильнике [Савинов и др. 2008: 17–18, 47, табл. XX: 6]. Известны аналогичные, но более массивные накладки с территории Алтая — накладка из могильника Ближние Елбаны XIV, погребения 6 [Тишкин 2009: 61, рис. 24: 7], накладка из погребения Д кургана № 1 могильника Яконур [Тишкин 2009: 191, рис. 133: 6].

На территории Предкавказья аналоги данной накладке авторам неизвестны. С

территории Подонья из курганного могильника Целинский II происходит срединная тыльная накладка аналогичной формы [Гармашов, Глебов 2004: 210, 209, рис. 4: 2]. Вероятно, хронологические рамки находок из Подонья и Прикумья примерно совпадают.

Плечевая фронтальная накладка (находка 4а) не имеет выреза для тетивы и имеет дугообразную форму в продольном профиле, что позволяет интерпретировать ее как плечевую накладку. Похожая, но более изогнутая в верхней части накладка происходит из могилы 64 Осинкинского могильника, где она была найдена совместно со срединной фронтальной накладкой с выраженными лопатообразными выступами [Савинов и др. 2008: 17–18, 47, таб. XX: 6, 12]. Д. Г. Савинов допускал, что она могла исполнять функции как плечевой, так и концевой [Савинов и др. 2008: 24].

Вторая плечевая фронтальная накладка (находка 4в) сильно фрагментирована. Вероятно, она имела меньшие размеры, чем находка 4б. Она располагалась в погребении в противоположной зоне от большей по длине плечевой накладки.

Таким образом, лук из Нижнего Прикумья не имеет прямых аналогий в Предкавказье, но может быть сравнен с южносибирскими находками. Д. Г. Савинов выводил конструкцию южносибирских луков от различных вариантов лука хуннского типа с преобладанием в начале II тыс. н. э. кимако-кипчакской традиции, включающей все основные элементы луков предмонгольского времени. По его предположению, кипчаки способствовали распространению южносибирской формы лука предмонгольского времени на западе евразийских степей [Савинов 1981: 161–161]. Вероятно, лук из Нижнего Прикумья занимает промежуточное положение между южносибирскими луками предмонгольского времени и луками «монгольского» типа с одной фронтальной массивной накладкой.

Вероятно, в отличие от районов Южной Сибири, в Подонье и в Предкавказье не было единой традиции изготовления луков. Здесь в золотоордынскую эпоху встречаются луки со срединной тыльной накладкой из курганного могильника Целинский-II [Гармашов,

Глебов 2004: 210, 209, рис. 4: 2], лук с тремя срединными и двумя фронтальными плечевыми накладками из курганного могильника Хавалы IV [Прокофьев, Трубников 2007: 145–146, 146, рис. 2: 10–13, 17], лук с концевым вкладышем из курганного могильника «Совруно-1» [Бабенко 2017: 76, 88, рис. 7: 4] и сложносоставной лук с фронтальными и тыльными срединными и концевыми накладками из курганного могильника Балабинский I [Чхаидзе 2012а: 147, 146, рис. 3: 10, 11, 14–17]. Вероятно, подобное разнообразие связано с традициями пришедших сюда из Центральной Азии племен. В памятниках волго-донских степей встречаются унифицированные, но более архаичные для Южной Сибири фронтальные накладки с простыми расширениями [Мыськов 2015: табл. XX].

Находки костяных петель от колчанов и налучий на территории Центрального Предкавказья являются редкостью. Петли от налучья происходят из курганного могильника Дмитриевская 1–82 в Краснодарском крае [Блохин и др. 2003: рис. 6] и курганного могильника Воротилов в Ростовской области [Парусимов 2005: рис. 14: 8]. Петли от колчана и налучья найдены в курганном могильнике Балабинский I в Ростовской [Чхаидзе 2012а: 146, рис. 3: 12, 18] и в курганном могильнике Романовская в Ростовской области [Чхаидзе 2012б: 107, 129, рис. 4: 5, 6]. Колчанная петля из Нижнего Прикумья отличается от них и имеет аналогии в памятниках Казахстана [Худяков 1997: 113, 114, рис. 74: 4, 5].

Колчан из погребения может быть реконструирован по форме сохранившихся костяных накладок. В состав убранства колчана входят четыре фрагментированные неорнаментированные костяные накладки. Изогнутая накладка (находка 9) крепилась, вероятно, на горловину колчана. Остальные 3 прямые накладки (находки 7, 8 и 10) крепились на боковые стороны колчана. Предварительно форма колчана может быть реконструирована как удлинённый футляр овального сечения с относительно узкой открытой горловиной, прямым корпусом и плавно расширяющейся нижней частью. Подобная форма реконструирована

Е. П. Мысковым на материалах Волго-Донских степей [Мысков 2015: 132]. Рядом с горловиной колчана были обнаружены наконечники стрел. Возможно, стрелы были уложены в колчане наконечниками вверх, что не типично для золотоордынской эпохи [Мысков 2015: 133].

Наконечник стрелы (находка 13) ввиду плохой сохранности может быть отнесен как к секторовидным крупным срезням, типу 68 по А. Ф. Медведеву и датирующемуся им XIII–XIV вв. [Медведев 1966: 76, 177, табл. 30Г: 66], так и к типу срезней с расширяющимся пером и косо срезанной ударной гранью (тип А1а4) по типологии Е. П. Мыскова [Мысков 2015: 125, 129, табл. XXII: 1]. Он также близок наконечнику из могилы 6 курганного могильника Ближние Елбаны-XIV на Алтае [Тишкин 2009: 61, рис. 24: 1]. Второй наконечник (находка 14) имеет бронебойное действие. Он близок по форме наконечникам типа 43 по типологии А. Ф. Медведева, распространенным в IX–XIII вв. После середины XIII в. подобные наконечники не встречаются [Медведев 1966: 66–67].

Сабля сильно повреждена, ее типология полностью не реконструируется. Она может быть отнесена к слабоизогнутым клинкам. По положению относительно туловища погребенного она относится к типу 29 по типологии А. В. Евглевского [Евглевский 2002: 296, рис. 3: 29]. Данное сочетание признаков датируется А. В. Евглевским половецкой эпохой [Евглевский 2002: 299, табл. 1].

Нож близок ножам типа А1а1 по типологии Е. П. Мыскова [Мысков 2015: 111–112, 115, табл. XVIII: 1].

Стремена при схожести формы различаются загибом края дужки у находки 2а и его отсутствием у находки 2б. Находка 2а близка стремени из могилы 3 грунтового могильника Сухие Гривы на Алтае [Тишкин 2009: 116, рис. 75: 1] и стременам отдела IV типа 3 в памятниках Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа по типологии Е. А. Армарчук, где они датируются XI–XII вв. [Армарчук 2006: 27]. При этом Е. А. Армарчук приводит сибирские аналоги, датируемые XII–XIV вв. [Армарчук 2006: 28]. Е. П. Мысков выделил подобные

стремена в тип Б1А2, датирующийся золотоордынским временем [Мысков 2015: 56, 59, табл. III]. Вероятно, в данном случае более близки поволжские, сибирские и алтайские аналоги.

Удила относятся к типу Г1 по типологии Г. А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов 1966: 18] и датируются им широко [Федоров-Давыдов 1966: 20]. Ближайшая аналогия — комплекс Золотаревка 7 1/3 [Бабенко, Калмыков 2007: 233, рис. 5: 1].

Подпругная пряжка относится к типу ПАШ по типологии Г. А. Федорова-Давыдова и имеет широкую датировку [Федоров-Давыдов 1966: 46].

Куски мела часто встречаются в погребениях средневековых кочевников [Бабенко, Калмыков 2007: 228, рис. 3: 6; Бабенко 2019: 240, рис. 3: 2].

Анализ погребального обряда. Погребение может быть отнесено к типу БVI по типологии Г. А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов 1966: 125]. В связи с частичным разрушением погребения способ членения ног у коня может быть реконструирован по варианту III, типу 7 по типологии А. Г. Атавина [Атавин 1984: 136, рис. 3: 2, 138, табл. 1]. Аналогичный обряд прослежен в погребении 1 кургана 1 курганного могильника «Вербовый лог VIII» в Ростовской области [Власкин и др. 2006: 14, рис. 2] и в погребении 1 курганного могильника «Редкодуб I» на севере Ростовской области [Глебов, Яценко 1998: 46, рис. 1]. Представляется обоснованным объединение данных погребений в один тип (западная ориентировка погребенных и конских чучел, возможная монголоидность погребенных в сочетании с отсутствием костей овцы).

По данным Е. П. Мыскова, западная ориентировка характерна для 70 % погребений Волго-Донских степей. Для этой группы характерен высокий процент погребений с целыми скелетами коней или с остатками конских чучел (27 %) [Мысков 2015: 276].

Погребенный из курганного могильника «Редкодуб I» принадлежал к южносибирскому типу монголоидной расы [Глебов, Яценко 1998: 47]. В кургане 3, в погребении 1 курганного могильника «Вербовый лог VIII» был похоронен человек с ярко выраженными монголоидными признаками,

но антропологические определения не производились [Власкин др. 2006: 34]. Антропологические определения останков погребенного из комплекса «Озек-Суат – 5 1/1» также не производились.

Отсутствие в данных погребениях костей овцы не позволяет отнести их к типу погребений с западной ориентировкой и с признаками монгольской погребальной обрядности, выделенному Т. М. Потемкиной. Она отметила группу погребений с западной ориентировкой и с захоронениями лошадей. Ее наличие Т. М. Потемкина объясняет как влиянием ислама, так и традиций местных кочевых племен [Потемкина 2023: 10–11]. В кургане 3 курганного могильника «Староизобильненский-2» в Изобильненском округе Ставропольского края в двух погребениях с признаками монгольской погребальной обрядности кости овцы также отсутствовали [Бабенко, Калмыков 2024: 298]. Возможно, что отмеченные погребения принадлежат потомкам кочевников из Южной Сибири, перенявшим некоторые черты (сопутствующие конские погребения, западная ориентировка человека и чучела коня) у местного кочевого населения.

С точки зрения социальной организации рассматриваемый комплекс принадлежит к группе 2 (конница без защитного вооружения или же с неметаллическими доспехами, также с полным набором рубящего оружия и оружия дальнего боя), составляющей 32 % в выборке из 92 мужских погребений Предкавказья, выделенной В. Н. Чхаидзе и И. А. Дружининой [Чхаидзе, Дружинина 2013: 173]. Датировка комплек-

са Озек-Суат – 5 1/1 основана на датировках отмеченных выше комплексов из Подонья и аналогиях из Южной Сибири. В. П. Глебовым и В. В. Яценко предложена датировка комплекса из могильника Редкодуб I – 1150–1250 гг. [Глебов, Яценко 1998: 51]. А. И. Гармашов и В. П. Глебов датируют целинский комплекс второй четвертью – серединой XIII в. [Гармашов, Глебов 2004: 212]. Комплексы из курганного могильника «Вербовый лог VIII» авторами публикации датируются серединой XIII – серединой XIV вв. [Власкин и др. 2006: 74]. Предварительно, комплекс из курганного могильника «Озек-Суат – 5» можно датировать серединой XIII в. – началом XIV в.

4. Заключение

Публикуемое погребение из Нижнего Прикумья принадлежит легковооруженному воину-всаднику. Имеющиеся аналоги в памятниках волго-донских степей, Подонья, Казахстана и Южной Сибири позволяют датировать данный комплекс золотоордынской эпохой и связать его с контингентами кочевников из Южной Сибири, включенных в состав войск Монгольской империи и перемещенных в Предкавказье в ходе завоевательных походов. Обнаруженные в погребении остатки сложносоставного лука могут служить примером сохранения формы лука домонгольского времени в Предкавказье в золотоордынский период. Наличие в комплексе западной ориентировки погребенного, подбоя в южной стенке и конского чучела во входной яме может свидетельствовать о культурных контактах с половецким населением Золотой Орды.

Литература

- Армарчук 2006 — Армарчук Е. А. Конское снаряжение из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.: ИА РАН, 2006. 226 с.
- Атавин 1984 — Атавин А. Г. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // Советская археология. 1984. № 1. С. 134–143.

References

- Armarchuk E. A. Horse Equipment and Accessories from Northeastern Black Sea Burials, Tenth to Thirteenth Centuries. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2006. 226 p. (In Russ.)
- Atavin A. G. Taxidermied horses in tenth-to-fourteenth century nomadic burials: Some features revisited. *Sovetskaya arkheologiya*. 1984. No. 1. Pp. 134–143. (In Russ.)

- Бабенко 2013 — *Бабенко В. А.* Отчет о раскопках курганных могильников «Озек-Суат — 5, 6» на территории Нефтекумского района Ставропольского края в 2012 году. Ставрополь, 2013. Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 33975. 20 с.
- Бабенко 2017 — *Бабенко В. А.* Средневековый курган с двумя ровиками из курганного могильника Совруно-1 на Ставрополье // *Археология Евразийских степей*. 2017. № 5. С. 74–89.
- Бабенко 2019 — *Бабенко В. А.* Средневековые погребения из кургана 1 курганного могильника Будённовск-5 в Ставропольском крае // *Археологическое наследие Саратовского края*. Вып. 17 / отв. ред. А. И. Юдин. Саратов: [б. и.], 2019. С. 228–243.
- Бабенко, Калмыков 2007 — *Бабенко В. А., Калмыков А. А.* Позднекочевнические погребения из курганных могильников Золотаревка 6 и Золотаревка 7 // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Вып. VII. Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение / гл. ред. А. Б. Белинский М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 225–244.
- Бабенко, Калмыков 2024 — *Бабенко В. А., Калмыков А. А.* Курган эпохи Золотой Орды из могильника Староизобильненский-2 на Ставрополье // *Из истории культуры народов Северного Кавказа: сб. науч. ст.* Вып. 17 / ред. Ю. А. Прокопенко, С. Н. Малахов. Ставрополь: Печатный Двор, 2024. С. 288–314.
- Бабенко, Сергеев 2019 — *Бабенко А. Н., Сергеев А. Ю.* Археоботанические исследования городища Маджары // *Поволжская археология*. № 4(30). 2019. С. 161–170.
- Блохин и др. 2003 — *Блохин В. Г., Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С.* Средневековые рыцари кубани // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 3. Краснодар: Кубанский государственный университет, НИИ археологии КубГУ, 2003. С. 184–208.
- Власкин и др. 2006 — *Власкин М. В., Гармашов А. И., Додэ З. В., Науменко С. А.* Погребения золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Вып. VI / гл. ред. А. Б. Белинский М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 9–74.
- Babenco V. A. Ozek-Suat-5,6 Kurgan Fields (Neftekumsky District, Stavropol Krai, Russia): 2012 Excavation Report. Stavropol, 2013. At: Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Coll. Ф-1. Cat. Р-1. File no. 33975. 20 p. (In Russ.)
- Babenco V. A. A medieval barrow with two ditches from Sovruno-1 barrow burial mound in Stavropol Krai. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei*. 2017. No. 5. Pp. 74–89. (In Russ.)
- Babenco V. A. Budennovsk-5 kurgan field (Stavropol Krai, Russia): Medieval burials from Kurgan 1. In: Yudin A. I. (ed.) *Archaeological Heritage of Saratov Region*. Vol. 17. Saratov, 2019. Pp. 228–243. (In Russ.)
- Babenco V. A., Kalmykov A. A. Zolotarevka 6 and Zolotarevka 7 kurgan fields: Burials of late medieval nomads. In: Belinsky A. B. (ed.) *Investigating Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus*. Vol. 7: Archaeology, Paleoanthropology, Local History and Museum Studies. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2007. Pp. 225–244. (In Russ.)
- Babenco V. A., Kalmykov A. A. Staroizobilnensky-2 grave field (Stavropol Krai): [Investigating] one kurgan from the Golden Horde era. In: Prokopenko Yu. A., Malakhov S. N. (eds.) *From the History of the North Caucasian Peoples Culture*. Collected papers. Vol. 17. Stavropol: Pechatnyi Dvor, 2024. Pp. 288–314. (In Russ.)
- Babenco A. N., Sergeev A. Yu. Archaeobotanical investigations of Madzhar settlement. *Povolzhskaya Arkheologiya*. 2019. No. 4 (30). Pp. 161–170 (In Russ.)
- Blokhin V. G., Dyachenko A. N., Skripkin A. S. Medieval knights of Kuban. In: Marchenko I. I. (ed.) *Archaeology of Kuban: Materials and Studies*. Vol. 3. Krasnodar: Kuban State University (Institute of Archaeology and Ethnology), 2003. Pp. 184–208. (In Russ.)
- Vlaskin M. V., Garmashov A. I., Dode Z. V., Naumenko S. A. Burials of the Golden Horde era in the Don-Sal river system. In: Belinsky A. B. (ed.) *Investigating Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus*. Vol. 6. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2006. Pp. 9–74. (In Russ.)

- Гаврилова 1965 — *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 112 с.
- Гармашов, Глебов 2004 — *Гармашов А. И., Глебов В. П.* Позднекочевническое погребение из могильника Целинский II // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Вып. 20 / отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, 2004. С. 202–215.
- Глебов, Яценко 1998 — *Глебов В. П., Яценко В. В.* Позднекочевническое погребение на севере Ростовской области // Донская археология. 1998. № 1. С. 46–53.
- Демкин и др. 2005 — *Демкин В. А., Алексеев А. О., Борисов А. В., Демкина Т. С., Якимов А. С.* Палеопочвы и природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7 / отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградск. гос. ун-т, 2005. С. 114–121.
- Евглевский 2002 — *Евглевский А. В.* Семантические особенности функционирования сабли в погребальном обряде (по материалам кочевников Восточной Европы 2-й пол. IX–XIV вв.) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 1 / гл. ред. Евглевский А. В. Донецк: ДонНУ, 2002. С. 291–336.
- Коновалова 2009 — *Коновалова И. Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. / серия Древнейшие источники по истории Восточной Европы / текст, перевод, комментарий И. Г. Коновалова. М.: Вост. лит., 2009. 223 с.
- Медведев 1966 — *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. E1-36. М.: Наука, 1966. 184 с.
- Мыськов 2015 — *Мыськов Е. П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Волгоградск. филиал РАНХиГС, 2015. 484 с.
- Очир-Горяева, Буратаев 2021 — *Очир-Горяева М. А., Буратаев Е. Г.* Погребения с изделиями из шелка эпохи Золотой Орды: проблемы интерпретации // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1210–1225. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1210-1225
- Gavrilova A. A. Tribes of the Altai: Kudyrga Grave Field as a Historical Source. Moscow, Leningrad: Nauka, 1965. 112 p. (In Russ.)
- Garmashov A. I., Glebov V. P. Tselinsky II grave field: Examining one burial of late medieval nomads. In: Kiyashko V. Ya. (ed.) Historical and Archaeological Investigations in Azov and across the Lower Don Basin. Vol. 20. Azov: Azov Reserve Museum of History, Archaeology and Paleontology, 2004. Pp. 202–215. (In Russ.)
- Glebov V. P., Yatsenko V. V. One burial of late medieval nomads from the north of Rostov Oblast. *Donskaya arkheologiya*. 1998. No. 1. Pp. 46–53. (In Russ.)
- Demkin V. A., Alekseev A. O., Borisov A. V., Demkina T. S., Yakimov A. S. Paleosoils and natural conditions of the Lower Volga steppes in the Middle Ages. In: Skripkin A. S. (ed.) Lower Volga Archaeology Bulletin. Vol. 7. Volgograd: Volgograd State University, 2005. Pp. 114–121. (In Russ.)
- Evglevsky A. V. Semantic functions of the sword in burial rites: Analyzing data from burials of East European nomads, mid-ninth to fourteenth centuries. In: Evglevsky A. V. (ed.) Structural Semiotics in Archaeology. Vol. 1. Donetsk: Donetsk National University, 2002. Pp. 291–336. (In Russ.)
- Konovalova I. G. (comp.) East Europe in Writings of Arab Geographers, Thirteenth–Fourteenth Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2009. 223 p. (In Russ.)
- Medvedev A. F. Throwing Weapons, Eighth to Fourteenth Centuries: Bow, Arrow, Crossbow (Collected Archaeological Sources E1-36). Moscow: Nauka, 1966. 182 p. (In Russ.)
- Myskov E. P. Nomads of Volga-Don Steppes in the Golden Horde Era. Volgograd: RANEPa (Volgograd Branch), 2015. 484 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A., Burataev E. G. Golden Horde Burials with Silk Items: Problems of Interpretation. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 1210–1225. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1210-1225

- Парусимов 2005 — *Парусимов И. Н.* Раскопки курганов в Зимовниковском и Заветинском районах // Труды археологического научно-исследовательского бюро. Том II / рец. С. И. Безуглов. Ростов н/Д.: Археологическое научно-исследовательское бюро, 2005. С. 5–46.
- Пигарев 2022 — *Пигарев Е. М.* Изменения уровня Каспийского моря и его влияние на исторические процессы на территории низовьев Волги в средневековье (анализ материалов гидрологии и археологии) // Поволжская археология. 2022. № 2. С. 183–197. DOI.org/10.24852/pa2022.2.40.183.197.
- Потемкина 2023 — *Потемкина Т. М.* Золотоордынские захоронения Восточной Европы: комплекс признаков монгольской погребальной обрядности // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2023. № 2(85). С. 8–36.
- Прокофьев, Трубников 2007 — *Прокофьев Р. В., Трубников В. В.* Позднекочевническое погребение у г. Ростова-на-Дону // Археологические записки. Вып. 5 / ред. В. Я. Кияшко. Ростов н/Д.: Донское археологическое общество, 2007. С. 144–149.
- Савинов 1981 — *Савинов Д. Г.* Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1981. С. 146–162.
- Савинов и др. 2008 — *Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г.* Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура) / отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.
- Тишкин 2009 — *Тишкин А. А.* Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.
- Федоров-Давыдов 1966 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 274 с.: ил.
- Худяков 1993 — *Худяков Ю. С.* Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1993. С. 107–148.
- Parusimov I. N. Excavating kurgans in Zimovnikovsky and Zavetinsky districts. In: Bezuglov S. I. (rev.) Proceedings of the Archaeological Research Bureau. Vol. 2. Rostov-on-Don: Archaeological Research Bureau, 2005. Pp. 5–46. (In Russ.)
- Pigarev E. M. Changes in the level of the Caspian Sea and its influence on historical processes in the lower reaches of the Volga in the middle ages (Analysis of materials of hydrology and archeology). *Povolzhskaya Arkheologiya*. 2022. No.2. Pp. 183–197. (In Russ.) DOI: 10.24852/pa2022.2.40.183.197
- Potyomkina T. M. Golden Horde burials of South-Eastern Europe: a set of features of the Mongolian funeral rites. *Journal of History, Politics and International Studies*. 2023. No. 2 (85). Pp. 8–36. (In Russ.)
- Prokofyev R. V., Trubnikov V. V. One burial of late medieval nomads near Rostov-on-Don. In: Kiyashko V. Ya. (ed.) *Archaeological Notes*. Vol. 5. Rostov-on-Don: Don Archaeological Society, 2007. Pp. 144–149. (In Russ.)
- Savinov D. G. Composite bow: Newly discovered historical materials and some aspects of its evolution in South Siberia. In: Khudyakov Yu. S. (ed.) *Military Affairs of Siberian and Central Asian Tribes in Ancient Times*. Novosibirsk: Nauka, 1981. Pp. 146–162. (In Russ.)
- Savinov D. G., Novikov A. V., Roslyakov S. G. Upper Ob Basin at the Turn of the 2nd Millennium: Basandaika Culture. V. Molodin (ed.). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (SB RAS), 2008. 424 p. (In Russ.)
- Tishkin A. A. The Altai in the Mongol Era: Archaeological Evidence. Barnaul: Azbuka, 2009. 208 p. (In Russ.)
- Fedorov-Davydov G. A. East European Nomads under Khans of the Golden Horde. Moscow: Moscow University, 1966. 274 p. (In Russ.)
- Khudyakov Yu. S. Composite bow and its evolution among Central Asian nomads. In: Medvedev V. E., Khudyakov Yu. S. (eds.) *Military Knowledge and Practice in South Siberia and Far East*. Novosibirsk: Nauka, 1993. Pp. 107–148. (In Russ.)

- Худяков 1997 — *Худяков Ю. С.* Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 160 с.
- Худяков Yu. S. Nomads and Their Weapons in Upper Medieval South Siberia and Central Asia. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (SB RAS), 1997. 160 p. (In Russ.)
- Чхаидзе 2012а — *Чхаидзе В. Н.* Половец-зотоордынец – обладатель лука с арабской надписью «Махмуд» // Историко-археологический альманах. Вып. 11 / отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; М., 2012. С. 140–153.
- Chkhaidze V. N. A bow bearing the Arabic inscription ‘Mahmud’ and its Golden-Horde Polovtsian owner. In: Munchaev R. M. (ed.) Almanac of History and Archaeology. Vol. 11. Armavir, Krasnodar: Armavir Museum of Local History and Lore; Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2012. Pp. 140–153. (In Russ.)
- Чхаидзе 2012б — *Чхаидзе В. Н.* Средневековые кочевнические погребения на побережье Цимлянского водохранилища // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 13 / отв. ред. Е. И. Нарожный. Армавир; Краснодар, 2012. С. 105–137.
- Chkhaidze V. N. Burials of medieval nomads around Tsimlyansk Reservoir. In: Narozhny E. I. (ed.) Archaeology of the North Caucasus: Materials and Studies. Vol. 13. Armavir, Krasnodar, 2012. Pp. 105–137. (In Russ.)
- Чхаидзе, Дружинина 2013 — *Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А.* Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья: продолжение дискуссии // Поволжская археология. 2013. №2. С. 171–178.
- Chkhaidze V. N., Druzhinina I. A. Reflection of social stratification in funeral ceremonialism of nomads of steppe Ciscaucasia in the Golden Horde time: Discussion continuation. *Povolzhskaya Arkheologiya*. 2013. No. 2. Pp. 171–178. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 2, Pp. 393–409, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930.255

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-393-409

Конволют Кииковых: суфийское знание и письменная культура мусульман Урало-Поволжья в позднеимперской России

Ирина Алексеевна Лебедева^{1,2}, Искандер Расулевич Саитбатталов³,
 Амир Азизович Манцеров^{4,5}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (д. 11, Покровский бульвар, 109028 Москва, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

² Российский государственный гуманитарный университет (д. 6, Миусская площадь, 125047 Москва, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-4836-3420. E-mail: [ialebedeva\[at\]hse.ru](mailto:ialebedeva[at]hse.ru)

³ Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. 3. Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий специалист

 0000-0002-5948-4666. E-mail: [saitbattalovir\[at\]uust.ru](mailto:saitbattalovir[at]uust.ru)

⁴ Фонд исследований исламской культуры им. Ибн Сины (д. 66, стр. 1, ул. Профсоюзная, 117393 Москва, Российская Федерация)

специалист

⁵ Тегеранский университет (д. 16, ул. Азар, Энгелаб просп., 11369 Тегеран, Иран)

магистрант

 0000-0002-5227-7226. E-mail: [amirmantserev\[at\]gmail.com](mailto:amirmantserev[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Лебедева И. А., Саитбатталов И. Р., Манцеров А. А., 2025

Аннотация. *Введение.* Исследование посвящено довольно специфическому для мусульманской книжной культуры Урало-Поволжья источнику. Он представляет собой конволют, основными составителями и авторами которого были отец и сын Кииковы — суфийские наставники тариката Накшбандийя-Муджаддийя, историографы и писатели, которые жили на севере современной Республики Башкортостан в конце XIX – начале XX вв. *Цель* статьи — дать ха-

рактеристику конволюта Кииковых как источника. *Результаты.* В статье проводятся общее и археографическое описание памятника, анализ его структуры и содержания, а также обзор ключевых тем. Авторы делают *вывод* о том, что конволют представляет собой важный памятник письменной и книжной культуры мусульман и может быть описан как единый источник. Он расширяет существующие представления о книжной культуре мусульман Урало-Поволжья на рубеже XIX–XX вв., вообще, и о традиции передачи суфийского знания в этот период. Отраженные в источнике широта и разнообразие культурных связей Кииковых с центрами мусульманской учености в Османской империи, Хиджазе, Средней Азии и Индии позволяют поставить под сомнение бытующий в современной академической литературе тезис о падении интереса российских мусульман к суфизму в этот период.

Ключевые слова: мусульманские источники, суфизм, Урало-Поволжье, рукописи, ислам, мусульманская культура, ислам в России

Благодарность: Работа поддержана проектом «Трансграничный мир мусульманской учености в пространстве Евразии», выполненным в рамках программы исследований факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2024–2025 гг. Авторы выражают благодарность коллегам Т. А. Аникеевой и И. В. Зайцеву, ценные советы которых пригодились при подготовке рукописи статьи.

Для цитирования: Лебедева И. А., Сaitbattalov И. Р., Манцеров А. А. Конволют Кииковых: суфийское знание и письменная культура мусульман Урало-Поволжья в позднеимперской России // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 2. С. 393–409. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-393-409

The Kiyikov Convolute: Sufi Knowledge and Written Culture of Muslims in the Ural-Volga Region of Late Imperial Russia

Irina A. Lebedeva^{1,2}, Iskander R. Saitbattalov³, Amir A. Mantseriev^{4,5}

¹ HSE University (11, Pokrovsky Blvd., 109028 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

² Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Sq., 125047 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-4836-3420. E-mail: ialebedeva[at]hse.ru

³ Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Specialist

 0000-0002-5948-4666. E-mail: saitbattalovir[at]uust.ru

⁴ Ibn Sina Foundation for the Study of Islamic Culture (Bldg. 1, 66, Profsoyuznaya St., 117393 Moscow, Russian Federation)

Specialist

⁵ University of Tehran (16, Azar Street, Enghlab Ave., 11369 Tehran, Islamic Republic of Iran)

MA student

 0000-0002-5227-7226. E-mail: amirmantseriev[at]gmail.com

Abstract. Introduction. The study focuses on a rather unique source within the Muslim book culture of the Ural-Volga Region. It is a convolute primarily compiled and authored by the Kiyikovs, father

and son, who were Sufi mentors of the Naqshbandiyya-Mujaddidiyya, historiographers and writers. They lived in the north of present-day Bashkortostan in the late nineteenth and early twentieth centuries. *Goals.* The article attempts a general and archaeographic description of the manuscript, analyzes its structure and content, and provides an overview of its key themes. *Results.* The paper resumes the compendium be an important artifact of Muslim written and book culture, and can be described as a unified source. It expands the existing understanding of the late nineteenth and early twentieth century book culture of Volga-Ural Muslims, and specifically the tradition of Sufi knowledge transmission during this period. The breadth and diversity of the Kiyikovs' cultural ties with centers of Muslim scholarship in the Ottoman Empire, Hejaz, Central Asia, and India reflected in the source may serve to rebut the prevailing view in modern academic literature that Russian Muslims' interest in Sufism declined during this period.

Keywords: Muslim sources, Sufism, Ural-Volga Region, manuscripts, Islam, Muslim culture, Islam in Russia

Acknowledgments. The reported study was funded by 2024–2025 HSE University Research Program (Faculty of World Economy and International Affairs), project name ‘Cross-Border World of Muslim Scholarship in Eurasian Space’. The authors express their gratitude to T. Anikeeva and I. Zaitsev whose valuable advice has proved helpful in preparing the article manuscript.

For citation: Lebedeva I. A., Saitbattalov I. R., Mantserov A. A. The Kiyikov Convolute: Sufi Knowledge and Written Culture of Muslims in the Ural-Volga Region of Late Imperial Russia. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 393–409. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-393-409

1. Введение

Источник, которому посвящена настоящая статья, представляет памятник мусульманской книжной культуры рубежа XIX–XX вв., сформированный отцом и сыном Кииковыми — известными в регионе суфийскими деятелями из суфийского ордена Накшбандиййа-Муджадидиййа. Непрерывная судьба конволюта прослеживается примерно до 1925 г. В наше время источник был вновь обретен и возвращен на место своего происхождения — в Татышлинский район Республики Башкортостан. Сегодня он хранится в мечети-музее имени одного из своих создателей в селе Старочукурово. Это редкий случай того, когда памятник мусульманской книжной культуры попал не в государственный архив, а туда, где когда-то был создан.

Источники, поступившие на хранение в государственные архивы, чаще всего описываются не как единое целое, а по единицам, которые распределяются по отдельным языкам и жанрам. Такой способ работы предполагает, прежде всего, археографическое описание источника, т. е., по сути, указание на его общие характеристики. Это делает удобным учет и хранение источника в архивной системе и облегчает исследова-

телям дальнейший анализ его содержания: сопоставление с другими источниками, а также определение места того или иного сочинения в историко-культурном наследии региона, где источник был обнаружен и пр. Вместе с тем при таком способе организации хранения источников практически невозможно восстановить историю формирования и бытования конкретной коллекции, а также замысел ее составителя и / или хранителя.

В последние годы все чаще публикуются исследования частных и примечательных коллекций мусульманских источников, которые ученые находят в регионах Российской Федерации и которые продолжают храниться в местах своего обнаружения. Исследования таких коллекций, хранящихся в естественной среде, дополняют существующие представления о разнообразии жанров, языков и типов материалов, бытовавших некогда среди мусульман [Аниеева, Чмилевская 2022; Салихов 2021] и восполняют ряд пробелов в истории позднеимперского и раннесоветского ислама [Bustanov 2018; Шихалиев 2020]. Анализ наиболее полных из таких коллекций также позволяет раскрыть для современников мир субъективности мусульман-составителей, комментаторов, храните-

лей и распространителей подобного рода источников [Bustanov, Shikhaliev 2023].

В последние десятилетия авторские рукописи и авторские коллекции мусульманских источников в основном описываются на примере дагестанских материалов. Редкими исключениями являются работы Р. М. Булгакова [Булгаков 2008] и А. К. Бустанова [Бустанов 2019]. В Урало-Поволжье формирование рукописных собраний европейского типа в библиотеках и исследовательских институтах происходило относительно рано. На протяжении всего советского и постсоветского времени археографы активно приобретали, консервировали и классифицировали достаточно большое количество источников. Чаще всего это происходило без учета изначальной среды их бытования [Галаяутдинов 2016: 81]. Как правило, факт существования личных и примечательных коллекций и приобретения их для исследовательских институтов в публикациях советских и постсоветских археографов отмечается как данность, без проблематизации [Фатхи 1968: 7–8; Галаяутдинов, Булгаков 2009: 14–30; Аккубеков 2009: 9–10]. Развернутые описания отдельных рукописей, обнаруженных в Урало-Поволжье, публикуются нечасто [Булгаков 2017; Саитбатталов 2024].

Исследуемый конвюлют, попав в руки авторов статьи, не случайно обратил на себя их внимание. В его структуре были обнаружены, в том числе, рукописные источники урало-поволжского происхождения, в которых уже при беглом знакомстве прослеживался определенный авторский замысел. Примечательно было и то, что спустя почти век он вернулся на основное место своего происхождения и стал важной частью музейного собрания, организованного в месте памяти его авторов.

2. Материалы и методы исследования

Особенностью источника является то, что он сшит из нескольких авторских рукописных сочинений, фрагментов печатных изданий, писем и документов. Это конвюлют, который может описываться и как часть некогда единой коллекции, и даже как небольшой архив внутри нее. Мы рассмат-

риваем его, прежде всего, как текст, раскрывающий некоторые ранее не акцентированные или малоизвестные фрагменты не только истории жизни семьи суфийских наставников Кииковых, но и — шире — истории мусульманской культуры Урало-Поволжья. Его содержание и мотивы создания анализируются, прежде всего, через биографию основных авторов и составителей. Это позволяет подчеркнуть ценность данного памятника как источника для более широких исследований и осмысления дореволюционной книжной культуры мусульман этой части России, а кроме того, увидеть, какое потенциальное значение он обретает для современных паломников к местам памяти семьи Кииковых.

Несмотря на то, что конвюлют, по сути, представляет собой собрание нескольких источников, мы рассматриваем его, прежде всего, как единый объект — по причинам, о которых сказано ниже. Таким образом, он описывается как самостоятельный археографический объект и исторический источник. Его общее описание представлено в следующем разделе.

Поскольку владельцами коллекции и, как мы покажем ниже, авторами и составителями анализируемого источника были конкретные исторические личности, привлекался прежде всего историко-биографический метод, при помощи которого было подробнее проанализировано авторское начало в судьбе этого сборника. Через ключевые события из жизни составителей источника раскрывались возможные мотивы составителей источника при выстраивании его внутренней структуры и содержания, а также цель создания самого памятника.

3. Общее описание источника

Источник представляет собой конвюлют — собрание сшитых фабричными нитками рукописных и печатных (литографированных) фрагментов, а также целостных произведений разных жанров, написанных или напечатанных на бумаге разного формата, и графических рисунков. Формат листов в источнике варьируется от 22 x 17 см (основной объем) до 7 x 5 см (вложенные документы). Общее количество листов — 326.

Бумага разного происхождения: российского и восточного. Переплет отсутствует. Вместо него используется стопка сложенных в несколько раз советских газет разного времени. Состояние конволюта в целом хорошее.

В 2015 г. источник приобрел у частных владельцев в с. Старый Курдым (Татышлинский район Республики Башкортостан) Бахтигарей Арманшин — имам-хатиб мечети-музея им. Гали Сокроя¹ (с. Старочукурово того же района республики). Музей учрежден в честь Мухаммада-Али Чукури (1826–1889) — суфийского наставника, интеллектуала и писателя, жившего здесь в середине XIX в. Это один из основных авторов исследуемого конволюта (см. ниже). В мечети конволют сейчас и хранится. Памятник был оцифрован в 2015 г. сотрудниками Башкирского государственного университета. Примечательная коллекция источников пока не инвентаризирована, поэтому исследуемому источнику был присвоен шифр ГС-Р-1 (Музей Гали Сокроя, рукопись № 1).

Текст источника начинается на Л. 1 (практически угас) и заканчивается на Л. 326. Обрат последнего листа не заполнен. Авторство рукописных фрагментов устанавливалось по почерку — методом сопоставительного анализа, который показал, что одним из основных авторов и переписчиков рукописной части конволюта является Арифилла Кииков (1861–1918) — сын Мухаммада-Али Чукури. Подавляющее большинство фрагментов переписано рукой Арифиллы, адресовано ему либо отражает разные стороны его деятельности, в том числе в качестве биографа и распорядителя творческого наследия отца. Мухаммад-Али Чукури — второй основной автор и переписчик рукописных фрагментов конволюта. Среди авторов писем, составляющих часть конволюта, есть и другие известные в Урало-Поволжье мусульманские интеллектуалы, писатели и ученые, а также внешние по отношению к региону адресанты Арифиллы.

Фрагменты конволюта составлены или написаны в разное время конца XIX — начала XX вв., т. е. в годы жизни Мухаммада-

Али Чукури и Арифиллы Киикова (для краткости в дальнейшем они называются Кииковыми). Полное отсутствие владельческих надписей и других следов использования после 1918 г. позволяют считать этот год верхней границей формирования конволюта, а Арифиллу Киикова — его последним составителем.

География создания рукописной части конволюта в основном совпадает с местами жизни и маршрутами путешествий его основных составителей — отца и сына Кииковых. Это, во-первых, села Старочукурово и Старый Курдым, где жили и работали Кииковы. Во-вторых, Мензелинский уезд Уфимской губернии (ныне восточные районы Республики Татарстан), где учился Арифилла, и где родилась и выросла его мать Марфуга Зялалетдинова. В-третьих, Санкт-Петербург, где в местных типографиях Кииковы публиковали некоторые свои произведения. В-четвертых, Хиджаз — регион на западе Аравийского полуострова, где находятся священные для мусульман города Мекка и Медина и проживали духовные наставники обоих Кииковых. Наконец, автор одного из писем писал Арифилле из города Кустанай. Литография, составляющая около 43 % объема конволюта, издана 1864 г. в Дели, а два документа напечатаны в Стамбуле.

Источник составлен на четырех языках. В основном это персидский, арабский и разные варианты тюрки — общего литературного языка тюркских народов, исповедующих ислам. Четвертый язык источника — русский — употребляется во фрагментах писем. В рукописной и печатной частях конволюта использовались три основных почерка арабского алфавита: *наسخ*, *рук'а* и *наста'лик*. Они нанесены на бумагу темными и красными чернилами (последними выделяются иногда заголовки фрагментов).

На арабском языке переданы цитаты из мусульманских первоисточников, стихи доисламских поэтов, а также средневековых ученых-представителей мусульманского мистицизма IX–XIII вв. и нескольких авторов более позднего периода. На этом языке написаны и фрагменты, принадлежащие перу самих авторов этого источника. По-пер-

¹ Вариант написания имени Мухаммада-Али Чукури в башкирской историографии.

сидски чаще всего цитируются работы авторов пост-монгольского периода, когда центры мусульманской учености постепенно перемещались из арабского в персоязычный (англ. *Persianate*) мир, а также бейты классиков персидской поэзии. Некоторые фрагменты на фарси содержат в себе арабские вставки — цитаты из авторитетных текстов ислама. Тюркоязычные фрагменты источника — это стихи и проза Кииковых, письма от разных людей и выписки из них, отрывки из стихов османских поэтов, краткие заметки бытовой и обрядовой тематики.

Таким образом, конволют ГС-Р-1 представляет собой сложно структурированный источник, объединяющий фрагменты текстов разных видов и жанров и составленный на нескольких языках. Далее мы покажем, что, помимо физического единства этих текстов, собранных некогда под общей обложкой, есть основания считать данный конволют единым источником и описывать его как таковой.

4. Кииковы — основные авторы конволюта

Мухаммад-Али Чукури (1826–1889) и его сын Арифилла (1861–1918) принадлежали роду Кииковых, представители которого с середины XVIII в. возглавляли башкирский клан Иректы. Об этой семье, их роде и клане уже написано немало [История башкирских родов 2015: 14–104; Кииков 2011: 3–16; Чукури, Басарави 2021: 5–55]. Мы обратимся лишь к отдельным штрихам их биографий, которые позволяют лучше понять их замысел как составителей исследуемого конволюта.

Мухаммад-Али был весьма разносторонней личностью. В Урало-Поволжье он известен не только как литератор, историкограф и переписчик книг, но и как один из ведущих наставников суфийского братства Накшбандиййа-Муджадидиййа.

Он родился в небогатой, но в благородной по происхождению семье. Его отец служил имамом мечети в селе Чукур. Несмотря на скромный достаток, он был образованным мусульманином и прошел обучение у нескольких суфийских наставников. По его стопам пошли и сыновья. С восьми лет до

21 года Мухаммад-Али учился последовательно в шести медресе, которые располагались на территории современных Башкортостана, Татарстана и Пермского края. За это время он в совершенстве освоил классические для мусульманского образования того времени дисциплины — каллиграфию, мусульманское ханафитское право, корановедение и хадисоведение, а также изучил арабский и персидский языки.

В эти годы он также вступил в суфийское братство Накшбандиййа (основано в XIV в. бухарским мистиком Баха ад-Дином Накшбандом) и активно посещал разных наставников этого братства, проживавших в Башкирии. Среди его учителей были выходцы из Урало-Поволжья, получившие образование в Бухаре, и уроженцы Средней Азии, переехавшие жить в Россию. Бухарский эмират и соседнее Кокандское ханство были в то время одними из центров классического мусульманского образования и суфийского знания, основным языком которого считался персидский. Воспринятые от среднеазиатских мусульманских ученых знания Мухаммад-Али Чукури прививал в дальнейшем и своим сыновьям, а также ученикам.

В зрелом возрасте он четырежды (в 1872, 1879, 1880, 1885 гг.) совершил паломничество в Мекку. В свой первый приезд в священный город ислама Мухаммад-Али познакомился с эмигрантом из Индии Мухаммадом-Мазхаром ал-Мадани. Это был прямой потомок Ахмада Сирхинди — авторитетнейшего деятеля братства Накшбандиййа, который на рубеже XVI–XVII вв. основал ветвь братства под названием Муджадидиййа.

Интеллектуальным стержнем этого ответвления является теолого-философская доктрина «единства свидетельства» (ар. *вахдат аш-шухуд*). Она гласит, что все сущее своим бытием свидетельствует о единстве бога-творца. Отличительной особенностью последователей этого тариката является повышенная строгость в следовании нормативным предписаниям ислама [Chittick 2012: 39], а также практика так называемого «тихого зикра», которую разделяли не все суфии. Эта практика, а точнее ее

защита, станет одной из основных полемических тем в работах Мухаммада-Али Чукури и его сына.

Ал-Мадани стал главным суфийским учителем для Мухаммада-Али, через которого тот получил разрешение на собственное наставничество (ар. *иджаза*). Это выгодно выделяло Киикова-старшего среди остальных урало-поволжских суфиев, *иджазы* которых восходили к Сирхинди не через его потомков, а через шейхов из Средней Азии [Саитбатталов 2018: 41]. Таким образом, Кииков-старший стал важным звеном в цепи (ар. *силсила*) суфийского наставничества в братстве Накшбандиййа-Муджадидиййа вообще и его региональной сети в Урало-Поволжье в частности. В 1893 г. в Мекке получил *иджазу* и Арифилла — у преемника Мухаммада-Мазхара по имени Ибрахим б. Али ал-Газнави.

Согласно собственным трудам Мухаммада-Али и агиографическому сочинению Арифиллы, недоброжелатели выражали сомнение в том, что ал-Мадани дал Чукури разрешение на наставничество [Чукури, Басарави 2021: 99–101; Кииков 2019: 52]. Арифилла прилагал большие усилия, чтобы опровергнуть эти слухи [Кииков 2019: 106]. Во время паломничества в 1893 г. в Мекку он приобрел ряд документов и предметов, призванных подчеркнуть отцовскую и собственную легитимность как суфийских шейхов. Часть из них, включенная Арифиллой в конволют (см. ниже), подчеркивает непосредственную связь между Кииковыми и потомками Сирхинди, а также другими важными деятелями тариката Накшбандиййа-Муджадидиййа.

С середины XIX в. и до конца жизни Мухаммад-Али учительствовал в родной деревне и служил сельским имамом. К Киикову-старшему приходили люди, признававшие в нем авторитетного суфийского наставника — *мюриды*. Особым местом, где он встречался со своими учениками, стала пасека примерно в километре от современного с. Старый Курдым. Здесь начинающие суфии молились и радели со своим шейхом, а также воспринимали от него знания [Кемпер 2008: 506–508].

Интеллектуальная атмосфера таких встреч способствовала творчеству. Мухаммад-Али был известен не только как наставник, но и писатель, а также поэт. При жизни было опубликовано девять его сочинений, восемь из которых представляли собой сборники одической поэзии [Чукури, Басарави 2021: 29–36]. Некоторые свои произведения он составлял в дидактических целях для учеников. Анализируемый нами конволют содержит, в частности, авторские сочинения Кииковых.

Хотя по масштабу и разностороннему характеру деятельности Арифилла Кииков (1861–1918) не уступает отцу, биографические сведения о нем более скупы, и современные исследователи могут лишь определить основные вехи его жизненного пути. Свое начальное образование он получил на родине матери в с. Шигаево (ныне Сармановский район Татарстана), затем обучался в медресе при Апанаевской мечети в Казани и в г. Касимове Рязанской губернии. В 1884–1889 гг. Арифилла проходил службу в армии и приобрел квалификацию военного фельдшера.

Спустя 11 лет после смерти отца Арифилла опубликовал его житие под названием «Айн ар-рида китабы». Эта работа Арифиллы стала ключевым источником по истории жизни Мухаммада-Али. По мнению М. Кемпера, образ, в котором Мухаммад-Али Чукури предстает в этом сочинении, и описанные в нем обстоятельства жизни выглядят «довольно близкими к реальности» и «правдоподобными» [Кемпер 2008: 497], с чем согласны авторы настоящего исследования.

С 1891 г. Арифилла работал имам-хатибом в селе Курдым (примерно в 25 км от Чукура), преподавал в медресе и собирал по соседним селам рукописи и другие предметы старины. Он стал также хранителем части библиотеки мусульманских рукописей и книг, которая принадлежала Мухаммаду-Али. Другая часть досталась брату Ахунджану (1858–1936), который до начала 30-х гг. XX в. служил в Старочукурове [Саитбатталов 2024: 456]. Как мы предполагаем, Арифилла начал формировать

конволют после смерти отца и завершил это до своей смерти в 1918 г.

В начале XX в. он составлял агиографические и историографические сочинения (они транскрибированы башкирской кириллицей и опубликованы [Кииков 2011; Кииков 2019]), публиковался в журнале «Шура», внедрил в своем медресе новый метод обучения (ар. *усул джадид*), дискуссия о применимости которого стала линией разделения внутри мусульманских интеллектуальных кругов в начале XX в. Как и отец, Арифилла занимался воспитанием мюридов, продолжая линию духовной преемственности братства Накшбандийя-Муджаддийя. После его трагической гибели от рук красноармейцев книги и рукописи, хранимые Арифиллой, перешли во владение его сына Ахнафа. Он является последним точно установленным владельцем конволюта. Разные части коллекции мусульманских источников Кииковых в советское время оказались в Санкт-Петербурге, Уфе и Казани [Чукури, Басарави 2021: 36–39]. Где именно оказался конволют, не известно.

Итак, Мухаммад-Али Чукури и Арифилла Кииков были не только духовными преемниками Сирхинди, но и наставниками, передававшими суфийское знание своим ученикам в Урало-Поволжье, литераторами, историографами. Их владение языками мусульманской культуры, а также глубокое мусульманское образование, полученное в семье, медресе и через личные контакты с мусульманскими интеллектуалами Евразии, подчеркивают их роль как связующего звена между локальными традициями и трансграничными суфийскими сетями. Эти их качества и статусы отражает и анализируемый нами источник, в частности его структура и содержание. Роль Арифиллы как ключевого биографа его отца также раскрывается в конволюте.

5. Структура источника

В структуру конволюта входят авторские сочинения пера отца и сына Кииковых, переписанные их руками фрагменты сочинений других авторов, фрагменты печатных изданий, письма и документы.

Конволют включает сорок отдельных фрагментов на разных языках. При опи-

сании для каждого указывается характер, язык и общая тематика. Отдельно отмечается факт переписки фрагментов отцом и сыном Кииковыми, почерки которых известны авторам статьи:

1) Л. 1–18об.: рукопись на арабском, персидском и тюркском — компиляция. Почерк Арифиллы;

2) Л. 19–162об.: литография на персидском — сочинение Мухаммада-Мазхара ал-Мадани «Манакиб-и Ахмадийя ва макамат-и Са'идийя» с владельческой печатью и маргиналиями, сделанными рукой Арифиллы;

3) Л. 163–163об.: рукопись на арабском и тюркском — мистическая поэма на арабском «Истигаса файдийя», написанная Мухаммадом-Али, и двуязычное пояснение к ней о том, что текст был сочинен в 1872 г. в Константинополе и переписан рукой Арифиллы;

4) Л. 164–165об.: печатное издание на арабском — *силсила* ордена Накшбандийя, опубликованная в Стамбуле; в третьей строке снизу на Л. 165 в список шейхов от руки внесены имена Ибрахима ал-Газнави и Арифиллы. Текст находится на одном развороте Л. 164об.–165, т. е. изначально фрагмент был предназначен для размещения на стене;

5) Л. 166–166 об.: рукопись на тюрки — записка о необходимости принимать предопределенное богом, иллюстрируемая фрагментом из стихотворения османского поэта Ибрахима Хаккы (1703–1780). Почерк Арифиллы;

6) Л. 167об–168: рукопись на арабском — стихотворение «Манзумат ар-риджал»;

7) Л. 168об.: рукопись на тюрки — стихотворные выдержки из писем некоего Лутфуллаха-эфенди из Д. Шигай¹. Почерк Арифиллы;

8) Л. 169–169об., 173: рукопись — оглавление (*фихрист*) сочинения ал-Мадани (№ 2 в настоящем списке);

9) Л. 170–170об.: рукопись на арабском — цитаты о суфийской науке, представляющие собой выдержки из сочинения

¹ Ныне с. Шигаево Сармановского района Республики Татарстан — родина Марфуги, дочери имама Мавлави Джалал ад-Дина, которая была женой Мухаммада-Али и, соответственно, матерью его сыновей.

Абу Са'ида ал-Хадими «Шарх тарика Мухаммадиййа»;

10) Л. 170–171: печатное издание на арабском — руководство по духовным практикам ордена Накшбандиййа. Шрифт, формат и декор аналогичны № 4 в настоящем описании. Изначально фрагмент был предназначен для размещения на стене;

11) Л. 172–172об.: рукопись на персидском — копия разрешения на наставничество (*иджаза*), выданного мистиком из Восточного Туркестана Аппак Ходжой (XVII в.) некоему Абд ал-Алламу б. Мустафе;

12) Л. 173об.–180: рукопись на арабском — восхваление в прозе и элегия на смерть (*марсийа*) Мухаммада-Мазхару ал-Мадани, написанное Арифиллой;

13) Л. 180об.: рукопись на тюрки и арабском — рецепт мази от боли, два хадиса с текстами молитвенных обращений к богу;

13) Л. 181–181об.: рукопись — арабское письмо Ибрахима ал-Газнави некоему Ахмаду Али от 12 мая 1895 г.;

14) Л. 182: рукопись на арабском и тюрки — описание молитв, способствующих избавлению от долгов;

15) Л. 183: рукопись на арабском и тюрки — перевод хадиса о бедности на тюркский язык, хадис на арабском;

16) Л. 183об.: рукопись на арабском и персидском — начало сочинения Садр ад-Дина Мухаммада ар-Раваси ал-Акаши по ритуальной практике мистицизма;

17) Л. 184–184об.: рукопись на тюрки — дневниковые записи Арифиллы за апрель неизвестного года;

18) Л. 185–185об.: рукопись на тюрки — газель о пользе нового способа обучения в медресе;

19) Л. 186–186об.: рукопись на персидском — другой фрагмент сочинения ал-Акаши (см. № 16);

20) Л. 187: рукопись на арабском — разъяснение значений семи из прекрасных имен бога;

21) Л. 188–188об.: рукопись на арабском, персидском и тюркском — фрагмент (введение) сочинения «Си-у са аят-и кур'аниййа — хасийатиш мазкур аст дар китаб манакиб-и Ахмадиййа Мазхариййа»; арабский и персидский текст, вероятно, представляет

собой выдержки из сочинения № 3 настоящего списка, тюркский — комментарии Арифиллы;

22) Л. 189, 191–196: рукопись на арабском — семь писем Ибрахима ал-Газнави Арифилле, написанные между 1893 г. и 1903 г.;

23) Л. 190–190об.: рукопись на тюрки — стихотворение и описание молитвы с просьбой о помощи (*истихара*);

24) Л. 197–257об.: рукопись на арабском — трактат Абд ал-Кадира ал-Арбили «Манакиб саййиди Абд ал-Кадир ал-Джилани» с владельческой печатью Арифиллы;

25) Л. 258: рукопись на персидском и тюрки — выписки из письма некоего Ахмад-Латифа ал-Минзалави;

26) Л. 258об.–259об.: рукопись на арабском — сочинение Мухаммада-Али о поминании бога после молитвы;

27) Л. 260–262об.: рукопись на арабском, персидском и тюрки — сочинение «Си-у са аят-и кур'аниййа...» (полный вариант № 20);

28) Л. 263–290об.: рукопись на арабском — «Рисала маданияййа фи 'илм ат-та-саввуф» Ни'матуллаха ал-Утари;

29) Л. 291об.–298об.: рукопись на арабском — сочинение Ибадуллаха ал-Казвини о состояниях суфия;

30) Л. 299–299об.: рукопись на тюрки — список старцев-покровителей разных видов скота и разных занятий;

31) Л. 300–301: рукопись на тюрки — два письма (от 3 июня 1895 г. и 21 марта 1902 г.) Мурада. Рамзи ал-Минзалави Арифилле;

32) Л. 302–305об.: рукопись на арабском, персидском и тюрки — стихотворные и поэтические цитаты суфийского, дидактического и астрологического содержания;

33) Л. 306–308об.: рукопись на тюрки — молитва (*ду'а*), читаемая после коллективного поминания бога;

34) Л. 309–310: рукопись на тюрки — два дидактических стихотворения Арифиллы Киикова, вероятно, для детей, о правильных названиях букв арабского алфавита с примерами их чтения;

35) Л. 311–314об.: рукопись на арабском — сочинение некоего Ибн Хусайна б.

Факиха Мухаммада о знании и невежестве. Текст занимает Л. 311об–314об.;

36) Л. 315–316: рукопись на тюрки и русском — письмо без даты от Атауллага Валиева Арифилле. Русскоязычный фрагмент находится на л. 316 и представляет собой запись почтового адреса;

37) Л. 317–317об.: рукопись на арабском, персидском и тюрки — цитаты из различных сочинений о почитании шейхов;

38) Л. 318–324об.: рукопись на тюрки, арабском и персидском — три письма Хамидуллаха б. Абд ал-Халида Арифилле;

39) Л. 325–325об.: рукопись на тюрки — руководство по чтению тысячи айатов;

40) Л. 326: рукопись на арабском — молитва.

Таким образом, в структуре конволюта выделяются четыре вида источников: цельные работы (или их части) разных авторов; составленные из фрагментов произведений отдельных авторов компиляции; авторские работы Кииковых и письма, адресованные Арифилле. По какому принципу соединил их составитель? На наш взгляд, перво-степенное значение для него могли иметь, во-первых, авторство этих источников, а во-вторых, отраженные в них темы. Рассмотрим это подробнее.

6. Анализ композиции источника

Конволют открывает компилятивная часть из кратких прозаических и стихотворных фрагментов из разных источников, разъясняющих смысл мистического пути и исламской веры. Они занимают примерно одну пятую часть объема сборника и приводятся в составе разделов № 1, 9, 20, 32, 37 в указанной выше структуре. Эта часть поделена на небольшие пронумерованные главы (ар. *рашха*)¹.

Помимо фрагментов Корана и хадисов, которые легко идентифицировать, а также подписанных работ, в сборнике приводятся и безымянные цитаты. Иногда одни и те же фрагменты могли относиться к разным работам. О том, из каких источников они мог-

¹ Термин *рашха* (ар. ‘капля’) отсылает к биографическому сочинению мусульманского интеллектуала рубежа XV–XVI вв. родом из Хорасана Али Сафи (Ваиза ал-Кашифи) «Рашахат айн ал-хайа».

ли быть взяты, можно судить, опираясь на опубликованные исследователями каталоги арабографичных рукописей, найденных в том числе на постсоветском пространстве [Беляев 1932; Миклухо-Маклай 1961; Персидские и таджикские рукописи 1964; Щеглова, 1 1975; Щеглова, 2 1975; Арабские рукописи 1986]. Содержание каталогов отражает, какие рукописи имели наибольшее распространение среди мусульман Российской империи и, в частности, какие могли быть доступны Кииковым при их жизни.

Всего в частях нашего источника около 60 цитат и фрагментов из внешних работ. Методом сопоставительного анализа с разной долей вероятности определено авторство 43 таких фрагментов.

Более половины цитируемых Кииковыми фрагментов работ, авторство которых удалось установить, в тех или иных списках хранятся сегодня в специализированных архивах и институтах и, скорее всего, были широко доступны и мусульманским интеллектуалам Урало-Поволжья в дореволюционное время и переписывались ими. Среди них — не только общие трактаты по суфизму (ал-Кушайри, ал-Газали и Абд ар-Рахмана Джамии), но и труды накшбандийских наставников (Али ас-Сафи и Ахмада Сирхинди), богословские труды (Ахмад ар-Руми ал-Ханафи, Са’д ад-Дин ат-Тафтазани, Фахр ад-Дин ар-Рази, Шамс ад-Дин ал-Кухистани), а также произведения персидских (Абдуллах Ансари, Аттар, Руми, Са’ди), арабских (ал-Мутанаббиди, Абдулла б. Мубарак) и османских (Ибрахим Хаккы, Фигани) поэтов. Все названные авторы входили в круг постоянного чтения среди интеллектуалов Урало-Поволжья (см: [Арабские рукописи 1986; Арсланова 2015]). Самыми часто цитируемыми работами из этой части конволюта являются трактаты накшбандийских наставников — «Благородные послания» Сирхинди (четыре фрагмента на Л. 2об., 6 и 18) и «Капли из родника жизни» Али ас-Сафи (четыре фрагмента на Л. 2, 3об., 4об. и 5об.). Обе работы также имели широкое хождение в Урало-Поволжье, и авторам нашего сборника могли быть доступны в нескольких переписанных версиях.

Стоит отметить, что Арифилла, рукой которого переписана эта часть конволюта,

довольно точно воспроизводил произведения мусульманских классиков. Безупречный стиль письма и практически полное отсутствие орфографических ошибок также говорят в пользу высокого профессионального уровня переписчика и качества его работы.

Хотя это нигде не обозначено специально, в цитируемых в этой части сборника фрагментах все же можно проследить как минимум три основные темы. Первая тема — это отношения человека и бога, а также природа мистической любви — именно с нее начинается конволют. Вторая тема — это поиск истины, истинного знания, веры и суфизма в целом: раскрывающие ее цитаты находим по меньшей мере на 11 листах сборника. Третья тема — отношения учителя и ученика, а также важность следования мистическому пути (ар. *тарика*); различные цитаты на эту тему приводятся как минимум на девяти страницах. Наконец, четвертая тема, которой посвящены фрагменты на Л. 10об., связана с суфийскими ритуалами, и в первую очередь — с поминанием бога (ар. *зикр*). Хотя духовная практика ордена Накшбандийя-Муджадидийя принимала разные формы, в том числе в Урало-Поволжье, предпочтительным считался тихий зикр. Кииковы здесь также защищают именно эту форму суфийских радений.

Значительную часть источника составляют работы разных авторов. Между собой их объединяет, прежде всего, то, что они были связаны с Кииковыми нитью духовной связи внутри суфийской традиции. Вот почему такой большой объем конволюта (вообще и этой части) составляют работы Мухаммада-Мазхара ал-Мадани — непосредственного суфийского наставника Мухаммада-Али Чукури. Работа ал-Мадани выступала для Кииковых и как теоретическое обоснование их собственных воззрений [Кииков 2019: 153–154], и как источник ритуально-практического характера (см. № 21 и 27).

Есть здесь и произведения преемника ал-Мадани — Ибрахима ал-Газнави, а также Ни‘матуллаха ал-Утари — еще одного из

шейхов Муджадидийи; он родился на территории современного Татарстана и скончался в Стамбуле в начале XIX в. Его работа «Рисала маданийя» была в то время своего рода настольной книгой мусульманских мистиков в регионе [Buštanov 2018: 17]. Включены в эту часть и работы авторов, имевших отношение к более ранним периодам деятельности ордена — Садр ад-Дина Мухаммада ар-Раваси ал-Акаши родом из Герата (XV в.) и Ибадуллы ал-Казвини (XVI в.).

Несколько особняком в этом списке стоит сочинение Абд ал-Кадира ал-Арбили — османского богослова XIX в., не связанного напрямую с орденом Накшбандийя. Возможно, Арифилла включил его произведения в конволют под влиянием «духа времени». Во второй половине XIX и начале XX вв. на смену персидскому языку, доминировавшему вместе с арабским в интеллектуальной и образовательной среде мусульман в предыдущий период, постепенно приходят тюркские языки. Османская империя была в то время одним из центров производства мусульманского знания и одним из внешних идейных ориентиров для тюркоязычных интеллектуалов Российской империи.

Тексты, созданные в XIX в. вне урало-поволжского региона, которые были приобретены Кииковыми во время паломничества к святым местам ислама, призваны были отразить в структуре конволюта принадлежность Мухаммада-Али и Арифиллы к конкретному суфийскому братству. Это объясняет также состав и тематику включенных в конволют писем. Так, военный ахунд Санкт-Петербурга Хамидуллах б. Абд ал-Халид (ум. в 1905 г.), переписка Арифиллы с которым началась еще в 80-е гг. XIX в. [Кииков 2011: 71], обсуждал с ним подробности ритуальной практики Накшбандийя (№ 38). Имам из г. Кустаная Атауллах Валиев выражал уважение к Арифилле, признавая в нем авторитетного суфийского шейха (№ 36). Письма Ибрахима ал-Газнави (№ 22), с которым Кииков-младший познакомился во время паломничества 1893 г., — единственный известный к настоящему мо-

менту образец посланий шейха из Хиджаза к духовному преемнику в Российской империи. Анализ и перевод этой части конволюта вполне достойны отдельной публикации.

Один из фрагментов этой части конволюта, впрочем, стоит упомянуть особо, поскольку он имеет отношение к дискуссии вокруг духовной связи Мухаммада-Али Чукури и Мухаммада-Мазхара ал-Мадани. Как было сказано выше, Арифилла верил, что его отец получил иджазу от авторитетного накшбандийского шейха напрямую и собирал доказательства в пользу этого.

Речь идет о письме Мурада Рамзи ал-Минзалави (1858–1934) — интеллектуала, переводчика и историка, который к тому же был родственником Арифиллы по матери. Между 1876 г. и 1914 г. он постоянно проживал в Мекке и, возможно, встречался там с Кииковым-старшим (см. подробнее от нем: [Ахмадуллин 2022]). Ал-Минзалави перевел на арабский язык важные для ордена Накшбандиййа-Муджаддиййа тексты — собрания писем Ахмада Сирхинди (*Мактубат-и шариф*) и биографический трактат Али ас-Сафи «Рашахат ал-хайа».

Вот что он писал Арифилле в первом из двух писем, включенных в конволют (№ 31), в ответ на вопрос о том, почему Мухаммад-Али не упомянут в примечаниях к последнему переводу в качестве преемника Мухаммада-Мазхара: «*О том, что господин ваш батюшка был наместником господина полюса познавших¹ Мухаммада-Мазхара, известий прежде не было, потому он не был сочтен подходящим для упоминания на полях „Рашахат“. Если нам придется еще раз собирать имена преемников нашего господина, даст бог, упомянем*»². Для Арифиллы это письмо служило доказательством духовной преемственности между его отцом и ал-Мадани. Кроме того, оно также

¹ Полюс (ар. *кутб*) — термин мусульманской мистической иерархии, обозначающий наиболее выдающегося мистика.

² В оригинале: *Пәдәрәңез хәзрәтнең хәзрәтемез котб әл-ғарифин Мөхәммәд-Мәзнәр хәзрәтнең хәлифәсе улдыгындан әүүл хәбәрләр улмадыгындан «Рәшәхәт» кәнарында зикер улмайа мыуафик улмамыш. Бер дәһа хәзрәтемезнең хәлифәләре әсамен джәмгә мыуафик улурсак, ин ша' Аллах, зикер идәрәз.* Перевод с тюрки — И. Р. Саитбатталова.

существенно корректирует предположение М. Кемпера о том, что ал-Минзалави «сознательно игнорировал» Чукури [Кемпер 2008: 496].

Отдельное место в структуре конволюта занимают авторские произведения и документы отца и сына Кииковых. Они вшиты в сборник не цельной частью, а отдельными фрагментами в разных частях конволюта. Мухаммад-Али написал поэтические произведения на арабском языке, посвященные мистическим переживаниям (№ 3) и теологическим вопросам (№ 26, 30). Перу Арифиллы принадлежат текст, связанный с его целительской работой (№ 13, 30), а также тексты, отражающие его педагогический опыт (№ 18, 19, 34).

Ритуальная практика, осуществляемая Кииковыми, была описана Арифиллой в специальном трактате [Чукури, Басарави 2021: 37] и в некоторых частях биографии отца [Кииков 2019: 74–75, 83–85, 113–154]. Они содержат многочисленные ссылки и переклички с документами, включенными в конволют, прежде всего с работой ал-Мадани. Компиляция, открывающая сборник (№ 1), включенные в него целые оригинальные (№ 12) и авторские сочинения (№ 24, 28, 29), а также их фрагменты (№ 9), могут отражать процесс и характер формирования Кииковыми собственного метода мистического воспитания учеников (*сулук*), сознательного выстраивания круга специального чтения, способствующего их духовному развитию.

Принцип, в соответствии с которым разнородные элементы конволюта были сшиты именно в таком порядке, можно попытаться отследить, хотя и не до конца. Компилятивная часть, с которой начинается конволют, могла служить своеобразным введением в суфийскую и — шире — мусульманскую культуру знания. Следующая за ней литография сочинения ал-Мадани, очевидно, демонстрировала высокое значение этой фигуры в цепи духовной преемственности Кииковых. Идущая далее мистическая поэма Мухаммада-Али, вероятно по замыслу Арифиллы, должна была дополнительно подсветить символизм прямой духовной связи между шейхом и его преемником. Наконец,

в пятом фрагменте — цепочке духовных наставников ордена Накшбандиййа — упоминается и ключевой составитель конволюта — Кииков-младший. Таким образом, уже пять первых частей конволюта раскрывают возможную цель его составления — подчеркнуть связь урало-поволжских шейхов с глобальной суфийской культурой, а также историей и структурой Накшбандийского тариката.

Что касается следующих частей конволюта, то и они так или иначе вписываются в эту общую логику. В целом цитируемые в сборнике тексты демонстрируют включенность отца и сына Кииковых как в контекст традиционных культурных и религиозных связей Урало-Поволжья со Средней Азией и мусульманской Индией, так и постепенную переориентацию мусульман России на ученость и мистицизм Османской империи и Хиджаза. Основанием для выстраивания новых связей оставалась, однако, принадлежность к суфийскому ордену Накшбандиййа.

7. Заключение

Конволют ГС-Р-1 из собрания мечети-музея имени Гали Сокроя в Татышлинском районе Республики Башкортостан — довольно разносторонний источник.

Прежде всего, будучи непосредственно связанным с судьбой его основных авторов и составителей — отца и сына Кииковых, он показывает, как с историографической точностью и изящно воплощенным интеллектуальным замыслом история отдельной семьи суфийских наставников, живших далеко от центров мусульманской культуры того времени, вписывалась в богатейшую традицию суфийского ислама и глобальную структуру Накшбандийского тариката. Он показывает, как сеть межрегиональных связей мусульманских интеллектуалов выстраивалась не только во время путешествий за знаниями и паломничеств, но и за счет поддержания личных, дружеских и родственных отношений. Космополитичная по своему происхождению суфийская культура была основой и почвой для их формирования и длительного сохранения.

Кииковы были не только духовными преемниками Ахмада Сирхинди, но и на-

ставниками, передававшими суфийское знание ученикам в Урало-Поволжье. Их владение арабским, персидским и тюркским языками, а также глубокое знание культуры ислама, полученное в медресе и через личные контакты с мусульманскими интеллектуалами Евразии, подчеркивает их роль как связующего звена между локальными традициями и трансграничными суфийскими сетями. Эти их качества и роли отражает и анализируемый нами источник, в частности его структура и содержание.

Учитывая статус и разносторонний характер деятельности Кииковых, данный источник может быть рассмотрен и в более широком контексте мусульманской книжной культуры и суфийского знания в Урало-Поволжье в дореволюционной России. Конволют Кииковых показывает, что культурное влияние суфийского мира в Урало-Поволжье не исчерпывалось знанием работ средневековых мусульманских классиков, а носило более широкий и разнообразный характер. Перед нами предстает целый ряд авторитетных фигур и мусульманских ученых, высказывания и фрагменты сочинений которых безупречно воспроизводят Мухаммад-Али и Арифилла. Предметом их интереса и рефлексии становились не только тексты, давно включенные в канон, но и относительно новые произведения, написанные в XIX в.

На примере конволюта Кииковых мы также видим, что суфийские наставники, жившие в Урало-Поволжье, не ограничивались поддержанием традиции, сложившейся в предыдущий период, но и активно осваивали новые тексты, расширяли географию своих мотивированных суфийскими исканиями контактов. Это позволяет поставить под сомнение бытующий в академической литературе тезис об общем падении интереса к суфизму на фоне подъема идей мусульманского реформизма (джадидизма) в Урало-Поволжье в конце XIX – начале XX вв. (см., например: [Puppo, Schmoller 2020; Buṣṭanov et al. 2023: 220]).

Наконец, благодаря той палитре имен, которые Кииковы упоминали в своем конволюте, можно также представить картину того мира идей и символических обра-

зов, которые циркулировали на обширном пространстве от Мекки и Багдада, с одной стороны, до Дели и Герата, с другой, до Самарканда и Бухары, с третьей, а через них, наконец, до Оренбурга, Уфы и Казани. Языки этих идей и символов — персидский,

арабский и тюрки — были общими для мусульманских интеллектуалов Средней Азии и Урало-Поволжья того времени; а образы — сокрытого и явного, наставников и учеников, зеркал — общими для глобальной суфийской культуры.

Сокращения

ар. — арабский.

перс. — персидский.

Литература

Аккубеков 2009 — Аккубеков Р. Ю. Краткое описание материалов археографической экспедиции 2009 г., принятых на хранение в рукописный фонд ИИЯЛ УНЦ РАН // Археографическая экспедиция – 2009: Белокаятский и Кигинский районы Республики Башкортостан: сб. ст. и мат-лов. Уфа: Гилем, 2009. С. 6–16.

Аниеева, Чмилевская 2022 — Аниеева Т. А., Чмилевская И. А. Тюркские рукописи из частных коллекций селения Алхаджикент (Каякентский район, Республика Дагестан) // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 899–907.

Арабские рукописи 1986 — Арабские рукописи Института Востоковедения. Краткий каталог / под ред. А.Б. Халидова. Ч. 1–2. М.: Наука, 1986. 526 с.

Арсланова 2015 — Арсланова А. А. Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. Т. II. Казань: Казанск. (Приволжск.) федер. ун-т, 2015. 796 с.

Ахмадуллин 2022 — Ахмадуллин С. З. Мурад Рамзи как историк тюркских народов России. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 220 с.

Беляев 1932 — Беляев В. И. Арабские рукописи бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения АН СССР / ред. изд. С. Ф. Ольденбург. Л.: АН СССР, 1932. XVII, 52 с. (Труды Института востоковедения Академии наук СССР. II.)

Булгаков 2008 — Булгаков Р. М. Краткий обзор тюркских рукописей Ризаэддина бин Фахреддина и его исламоведческих работ советского периода, хранящихся в Научном архиве УНЦ РАН // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе: Мат-лы III Междунар. симпозиума (г. Уфа,

References

Akkubekov R. Yu. Archaeographic expedition of 2009: A brief description of collected materials at the Institute of History, Language and Literature (Manuscript Dept., USC RAS). In: Akkubekov R. Yu. (ed.) Archaeographic Expedition – 2009: Belokataysky and Kiginsky Districts of Bashkortostan. Collected articles and materials. Ufa: Gilem, 2009. Pp. 6–16. (In Russ.)

Anikeeva T. A., Chmilevskaya I. A. Turkic manuscripts from the private collections of Alhadjickent (The Kayakent District, Dagestan). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022. Vol. 18. No 4. Pp. 899–907. (In Russ.) DOI: 10.32653/CH184899-907

Khalidov A. B. (ed.) Institute of Oriental Studies [USSR Academy of Sciences]: A Brief Catalogue of Arabic Manuscripts. Pts. 1, 2. Moscow: Nauka, 1986. 526, [2] + 335, [1] p. (In Arab. and Russ.)

Arslanova A. A. Nikolai Lobachevsky Scientific Library (Kazan Federal University): A Guide to Persian-Language Manuscripts. Vol. 2. Kazan: Kazan Federal University, 2015. 796 p. (In Pers. and Russ.)

Akhmadullin S. Z. Murad Ramzi as Historian of Russia's Turks. Moscow: Center for Humanities Initiatives, 2022. 220 p. (In Russ.)

Belyaev V. I. Institute of Oriental Studies (USSR Academy of Sciences): Arabic Manuscripts of the Asiatic Museum (Bukhara Collection). S. Oldenburg (ed.). Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1932. XVII, 52 p. (In Arab. and Russ.)

Bulgakov R. M. Writings of Rizaeddin bin Fakhreddin at the Archive of Ufa Scientific Center (RAS): A brief review of manuscripts and Islamic studies from the Soviet period. In: Islamic Civilization in Volga-Ural Region. Symposium proceedings (Ufa, 14–16 October 2008). Ufa: Institute of History, Language

- 14–16 октября 2008 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. С. 26–46.
- Булгаков 2017 — *Булгаков Р. М.* Описание списка «Джами‘ ар-румуз» Шамс ад-Дина Мухаммада ал-Кухистани // Развитие гуманитарной науки в регионах России: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, 01–04 июня 2017 г.). Уфа: ФГБУН ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 316–321.
- Бустанов 2019 — *Бустанов А. К.* Библиотека Зайнап Максудовой / отв. ред.: А. А. Хасавнех, Ш. Ш. Шихалиев. М.: Mardjani Foundation, 2019. 462 с.
- Галаяутдинов 2016 — *Галаяутдинов И. Г.* Восточные книжно-рукописные собрания в Институте истории, языка и литературы УНЦ РАН // Проблемы востоковедения. 2016. № 1(71). С. 80–86.
- Галаяутдинов, Булгаков 2009 — *Галаяутдинов И. Г., Булгаков Р. М.* Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. Т. 1. Ч. 1. Уфа: Гилем, 2009. 456 с.
- История башкирских родов 2015 — История башкирских родов / С. И. Хамидуллин, Ю. М. Юсупов, Р. Р. Шайхеев [и др.]. Т. 12. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2015. 456 с.
- Кемпер 2008 — *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань: Российск. исламск. ун-т, 2008. 656 с.
- Кииков 2011 — *Кииков Г.* История башкир и происхождение иректинцев / сост., вступ. ст., коммент. М. Х. Надергулов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 112 с. (На башк. яз.)
- Кииков 2019 — *Кииков Г.* Айн ар-риза (Родник хазрата, или Курдымовский родник) / авт. вступ. ст., транслит., пере., прим. и сост. Г. Х. Абдрафикова (Гарипова), С. А. Искандарова, отв. ред. М. Х. Надергулов. Уфа: Мир печати, 2019. 192 с. (На башк. яз.)
- Миклухо-Маклай 1961 — *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии. Вып. 2. Биографические сочинения / отв. ред. И. А. Орбели, В. И. Беляев. М.: ИВЛ, 1961. 167 с.
- and Literature (USC RAS), 2008. Pp. 26–46. (In Russ.)
- Bulgakov R. M. Jami ar-rumuz by Shams ad-Din Muhammad al-Kuhistani: Describing one manuscript copy. In: Development of the Humanities in Russia's Regions. Jubilee conference proceedings (Ufa, 1–4 June 2017). Ufa: Institute of History, Language and Literature (USC RAS), 2017. Pp. 316–321. (In Russ.)
- Bustanov A. K. Library of Zaynap Maksudova. A. Khasavnekh, Sh. Shikhaliev (eds.). Moscow: Märcani Foundation, 2019. 462 p. (In Russ.)
- Galyautdinov I. G. Oriental book and handwritten collections at the Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre, Russian Academy of Sciences. *The Problems of Oriental Studies*. 2016. No. 1 (71). Pp. 80–86. (In Russ.)
- Galyautdinov I. G., Bulgakov R. M. Institute of History, Language and Literature (USC RAS): A Guide to Oriental Manuscripts. Vol. 1. Pt. 1. Ufa: Gilem, 2009. 456 p. (In Russ.)
- Khamidullin S. I., Yusupov Yu. M., Shaykheev R. R. et al. History of Bashkir Clans. Vol. 12. Ufa: Ufinsky Poligrafkombinat, 2015. 456 p. (In Russ.)
- Kemper M. Sufis and Scholars in Tatarstan and Bashkortostan, 1789–1889: Islamic Discourse under Russian Control. Kazan: Russian Islamic University, 2008. 656 p. (In Russ.)
- Kiikov G. Bashkir History and Origins of the Irekty. M. Nadergulov (comp., foreword, etc.). Ufa: Institute of History, Language and Literature (USC RAS), 2011. 112 p. (In Bash.)
- Kiikov G. Ayn ar-riza (The Spring of Hazrat). G. Abdrafikova (Garipova), S. Iskandarova (comp., transl. etc.); M. Nadergulov (ed.). Ufa: Mir Pechati, 2019. 192 p. (In Bash.)
- Miklouho-Maclay N. D. Institute of Asian Peoples: A Description of Tajik and Persian Manuscripts. Vol. 2: Biographic Writings. I. Orbeli, V. Belyaev (eds.). Moscow: Oriental Literature Press, 1961. 167 p. (In Taj., Pers. and Russ.)

- Персидские и таджикские рукописи 1964 — Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог). Ч. I / под ред. Н. Д. Миклухо-Маклая. М.: Наука, ГРВЛ, 1964. 633 с.
- Сайтбатталов 2018 — *Сайтбатталов И. Р.* «Индийская» силсила шейхов из рода Кииковых и межкультурные связи башкирских интеллектуалов в XIX веке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2–1(80). С. 41–44.
- Сайтбатталов 2024 — *Сайтбатталов И. Р.* Об арабографичных рукописях из Татышлинского района Республики Башкортостан // Историко-культурное наследие. 2024. Т. 14. № 4. С. 455–461.
- Салихов 2021 — *Салихов А. Г.* Арабографичные письменные памятники Федоровского района Республики Башкортостан. XIX – первая половина XX в. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 879–890.
- Фатхи 1968 — *Фатхи А.* Описание рукописей. Рукописи татарских писателей и ученых. Казань: Изд-во Казанского университета, 1968. 84 с. (На тат. яз.).
- Чукури, Басарави 2021 — *Чукури М.-А., Басарави А.* Булгарские хроники, или Приближение [‘Али] Гари / вступит. статья, транскрипция, пер. и комм. И. Р. Сайтбатталова. М.: Садра, 2021. 200 с.
- Шихалиев 2020 — *Шихалиев Ш. Ш.* Краткие сведения о контактах мусульман Дагестана и Волго-Уральского региона в XVIII–XX вв. // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 1. С. 104–128.
- Щеглова, 1 1975 — *Щеглова О. П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В 2 ч. Ч. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. С. 1–400.
- Щеглова, 2 1975 — *Щеглова О. П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В 2 ч. Ч. 2. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. С. 401–791.
- Bustanov 2018 — *Bustanov A. K.* Muslim Literature in the Atheist State: Zainap Maksudova between Soviet Modernity and Tradition // Journal of Islamic Manuscripts. 2018. Vol. 9. №. 1. Pp. 1–31.
- Miklouho-Maclay N. D. (ed.) Persian and Tajik Manuscripts at the Institute of Asian Peoples (USSR Academy of Sciences): A Brief Alphabetic Catalogue. Pt. 1. Moscow: Nauka — GRVL, 1964. 633 p. (In Taj., Pers. and Russ.)
- Saitbattalov I. R. “Indian” silsila of sheikhs from Kiikov dynasty and intercultural relations of Bashkir intellectuals in the XIX century. *Philology. Issues of Theory and Practice*. 2018. No. 2–1 (80). Pp. 41–44. (In Russ.)
- Saitbattalov I. R. On Arabic manuscripts from the Tatyshly District of the Republic of Bashkortostan. *Historical and Cultural Heritage*. 2024. Vol. 14. No. 4. Pp. 455–461. (In Russ.)
- Salikhov A. G. Arabic script monuments of the Fedorovka District of the Republic of Bashkortostan: The 19th – first half of the 20th centuries. *Herald of an Archivist*. 2021. No. 3. Pp. 879–890. (In Russ.)
- Fatkhi A. Manuscripts of Tatar Writers and Scholars: A Guide. Kazan: Kazan State University, 1968. 84 p. (In Tat.)
- Chukuri M.-A., Basaravi A. Bulgar Chronicles, or the Approaching of [‘Ali] Gari. I. Saitbattalov (foreword, transl., etc.). Moscow: Sadra, 2021. 200 p. (In Bash. and Russ.)
- Shikhaliev Sh. Sh. Brief information on contacts between Muslims of Dagestan and the Volga-Ural Region in the XVIII–XX centuries. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2020. Vol. 16. No. 1. Pp. 104–128. (In Russ.)
- Shcheglova O. P. Institute of Oriental Studies (Leningrad Branch, USSR Academy of Sciences): A Catalogue of Persian-Language Lithographic Books. Moscow: Nauka — GRVL, 1975. Pt. 1. Pp. 1–400. (In Pers. and Russ.)
- Shcheglova O. P. Institute of Oriental Studies (Leningrad Branch, USSR Academy of Sciences): A Catalogue of Persian-Language Lithographic Books. Moscow: Nauka — GRVL, 1975. Pt. 2. Pp. 401–791. (In Pers. and Russ.)
- Bustanov A. K. Muslim literature in the atheist state: Zainap Maksudova between Soviet modernity and tradition. *Journal of Islamic Manuscripts*. 2018. Vol. 9. No. 1. Pp. 1–31. (In Eng.)

- Bustanov, Shikhaliev 2023 — *Bustanov A., Shikhaliev Sh.* Archives of Discrimination. *Journal of Islamic Manuscripts*. 2023. Vol. 15. № 1. Pp. 82–109.
- Bustanov et al. 2023 — *Bustanov A., Shikhaliev Sh., Chmilevskaia I.* Building an Archival Persona: The Transformation of Sufi Ijāza Culture in Russia, 1880s–1920s. // *Journal of Sufi Studies*. 2023. Vol. 12. № 2. Pp. 216–252.
- Chittick 2012 — *Chittick W. C.* Wahdat al-Wujud in India. *Ishraq* // *Islamic philosophy yearbook*. 2012. № 3. Pp. 29–40.
- Puppo, Schmoller 2020 — *Puppo D. L., Schmoller J.* Here or elsewhere: Sufism and traditional Islam in Russia's Volga-Ural region // *Contemporary Islam*. 2020. Vol. 14. Pp. 135–156.
- Bustanov A., Shikhaliev Sh. Archives of discrimination. *Journal of Islamic Manuscripts*. 2023. Vol. 15. No. 1. Pp. 82–109. (In Russ.)
- Bustanov A., Shikhaliev Sh., Chmilevskaia I. Building an archival persona: The transformation of Sufi Ijāza culture in Russia, 1880s–1920s. *Journal of Sufi Studies*. 2023. Vol. 12. No. 2. Pp. 216–252. (In Eng.)
- Chittick W. C. Wahdat al-Wujud in India. *Ishraq*. 2012. No 3. Pp. 29–40. (In Eng.)
- Puppo D. L., Schmoller J. Here or elsewhere: Sufism and traditional Islam in Russia's Volga-Ural region. *Contemporary Islam*. 2020. Vol. 14. Pp. 135–156. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 2, Pp. 410–420, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930(929)

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-410-420

История взаимодействия хори-бурят с властью по летописи Р. Санжиева

Марина Васильевна Аюшеева¹, Цымжит Пурбуевна Ванчикова²

- 1 Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

0000-0003-3760-9867. E-mail: ayagma[at]yandex.ru

- 2 Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova.ts[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2025

© Аюшеева М. В., Ванчикова Ц. П., 2025

Аннотация. *Введение.* Летопись по истории хоринских и агинских бурят Рабжи Санжиева, несмотря на свой компилятивный характер, является не только продолжением летописей Ш.-Н. Хобитуева, Т. Тобоева, А. Очирова, но и оригинальным авторским сочинением с широким привлечением документальных текстов. В этом плане, помимо авторского взгляда, мы имеем презентативную базу документов, источников, освещающих историю хори-бурят в составе Российской империи. *Целью* статьи является анализ взаимодействия бурят с властями, их отношение к общественно-политическим инициативам в сочинении Р. Санжиева. *Материалы и методы.* Критический анализ текста с применением методов источниковедения позволил рассмотреть историю взаимоотношений с властью на протяжении нескольких веков, поскольку источник — сочинение Р. Санжиева — включает описание исторических фактов, начиная с XVII в. и до 1920-х гг. *Результаты.* В статье рассмотрены модели взаимоотношений с властью через отражение административного переустройства, поощрений чиновников, аудиенций, общественных инициатив. Выявлено, что автором были включены наиболее важные события в истории хоринских и агинских бурят, в том числе награждения должностных лиц и благодарности им как главным медиаторам между обществом и царской администрацией. Определены важные темы в жизни бурятского общества: землевладение, оплата податей, воинская повинность, право на религиозную практику и др. *Выводы.* Описание событий конца XIX в. — начала XX в. — наиболее ценная и информативная часть, как малоизвестная по другим летописным

сочинениям. Были выделены наиболее характерные черты взаимоотношения с вышестоящими инстанциями: лояльность власти и поддержка ее инициатив, выражавшиеся в сборе пожертвований, составлении приговоров. Одним из действенных методов решения сложных вопросов на протяжении всей описываемой истории хори-бурят являлась отправка делегаций в разные высшие инстанции. Материалы рассматриваемой летописи свидетельствуют о традиционном толерантном самосознании бурят и о лояльном отношении к власти, несмотря на притеснения. Летопись Р. Санжиева включает богатый материал для анализа концепции почитания власти, принятия и непринятия каких-либо решений и является ценным источником по истории и культуре бурят.

Ключевые слова: бурятская летопись, хори буряты, степная дума, аудиенции, административно-управленческая структура у бурят, история бурят, Р. Санжиев

Благодарность. Статья выполнена в рамках государственного задания «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (№ 121031000263-3).

Для цитирования: Аюшеева М. В., Ванчикова Ц. П. История взаимодействия хори-бурят с властью по летописи Р. Санжиева // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 2. С. 410–420. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-410-420

The Sanzhiev Chronicle: A History of Interaction between Khori Buryats and Russian Authorities

Marina V. Ayusheeva¹, Tsymzhit P. Vanchikova²

- ¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0003-3760-9867. E-mail: ayagma[at]yandex.ru

- ² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova.ts[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2025

© Ayusheeva M. V., Vanchikova Ts. P., 2025

Abstract. Introduction. Despite its compilation nature, the chronicle of the Khori and Aga Buryats by Rabji Sanzhiev not only serves a continuation of the chronicles by Sh.-N. Khobituev, T. Toboev, A. Ochirov — but rather proves an original work with extensive involvement of documentary texts. In this regard, in addition to the author's views proper, readers may enjoy an impressive database of documents and sources covering the imperial Russian period of the Khori Buryats. **Goals.** The article attempts an analysis into the interaction of Buryats with Russian authorities described in R. Sanzhiev's writing. **Materials and methods.** A critical review of the text enforced by source analysis tools proves instrumental in considering the relationship with authorities over several centuries, since R. Sanzhiev's narrative describes a variety of historical events (facts) from the seventeenth century to the 1920s. **Results.** The article gives an overview of the relationship with authorities via mentions of administrative restructuring arrangements, incentives for officials, audiences, and public initiatives. The paper reveals the author included most important events in the history of Khori and Aga Buryats, including awards and commendations for officials as key mediators between the community and the Tsarist government. Particular attention is paid to land ownership, payment of taxes, military service, the right to religious practice, etc. **Conclusions.** The part covering the late nineteenth and early twentieth centuries is most precious since it deals with some episodes unavailable in other chronicles. The

identified characteristic features of the relationship with higher authorities are as follows: loyalty to the government and support for its initiatives in the form of collecting special-purpose donations and drafting certain verdicts. A most efficient method of solving complicated issues throughout the described period was submitting delegations to different authorities. The Sanzhiev Chronicle includes a wealth of material for analyzing the concept of honoring authorities, ways of accepting and rejecting decisions, and is thus a valuable source in Buryat history and culture.

Keywords: Buryat chronicle, Khorі Buryats, Steppe Duma, audiences, administrative structure of Buryats, Buryat history, R. Sanzhiev

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no.121031000263-3 ‘Scriptural Traditions of Baikal Peoples in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia’.

For citation: Ayusheeva M. V., Vanchikova Ts. P. The Sanzhiev Chronicle: A History of Interaction between Khorі Buryats and Russian Authorities. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 410–420. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-410-420

1. Введение

Обращение к историческому опыту взаимодействия российского государства и общества приобретает все большую актуальность. «Имперская проблематика» в глобальном плане, как и родовое самоуправление в региональной историографии опирается в своих исследованиях на широкую источниковую базу, главным образом на официальные документы [Жалсанова, Курас 2016; и др.]. В то же время исследователи подчеркивают, что бурятские летописи представляют особую ценность для характеристики политики самодержавия, поскольку отражают «национальную бурятскую историографию» [Бурятский этнос 2020: 92–93, 99–101]. Широко известные исторические летописи бурят В. Юмсунова, Ш.-Н. Хобитуева, Т. Тобоева, Д.-Ж. Ломбоцыренова, С. Хамнаева и др. в основном содержат историю бурятского народа до середины XIX в.¹ В связи с этим интерес представляют летописи, охватывающие более поздний период и отражающие развитие письменной традиции бурят². Цель статьи — анализ взаимодействия бурят с властями, их отношение к общественно-политическим инициативам в сочинении Р. Санжиева.

¹ Ранее нами рассматривалась летопись Р. Санжиева [Ванчикова, Аюшеева 2023; Аюшеева, Ванчикова 2022].

² См. список бурятских летописей и их версии в монгольской коллекции М-І [Annotated catalogue 2004: 3–33].

2. Материалы и методы исследования

Основным источником для характеристики взаимоотношений власти и хоринских бурят послужило продолжение летописи Ш.-Н. Хобитуева — «История хоринских бурят» Р. Санжиева, события в которой доведены до 1920-х гг.³ Данный источник содержит богатый фактологический материал по истории бурят конца XIX — начала XX в. Применение сочетания общеисторических методов с методами текстологии, лингвистического анализа позволило рассмотреть динамику изменений в общественных настроениях, проанализировать взаимоотношения хори бурят со властью в разные исторические периоды.

3. Основная часть

В статье на основе сочинения Р. Санжиева рассмотрено взаимодействие с властью и отношение к ней бурятского населения. В первой части летописи, являющейся по большей части, как было отмечено, компиляцией, главным образом, хроники Ш.-Н. Хобитуева⁴, неоднократно описывается выражение верноподданических

³ Краткое описание этой работы см.: [Цыдендамбаев 2001: 59–61].

⁴ Текст одного из крупных повествований по истории хоринских бурят — летописи Ш.-Н. Хобитуева был издан в 1935 г. на старомонгольской письменности [Казакевич 1935], перевод, транслитерация, текст на современном бурятском языке и исследование данного памятника были опубликованы лишь в 2018 г. [Бадмаева, Очирова 2018].

чувств российскому престолу. Данная модель являлась важной составляющей для взаимодействия со властными структурами и отражена не только в летописях, но и в различных документах: прошениях, докладных записках и пр. Многие общественные инициативы, связанные со строительством религиозных объектов, или открытием учебных заведений, приурочивались к знаменательным датам в истории царской семьи и российского государства. Например, в ознаменование бракосочетания 14 ноября 1894 г. императора Николая Александровича с Александрой Федоровной при Хоринской степной думе был составлен приговор заседания хоринских 14 родов Забайкальской области об открытии за счет общества трех школ для обучения русско-монгольской грамоте мальчиков и девочек [ЦВРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 14. Л. 7а–8а].

3.1. Личные аудиенции: «испытали невиданное ранее счастье»

Аудиенция у императора и членов императорской семьи и поднесение подарков описываются как радостные события и счастливая возможность высказать свои верноподданические чувства, а обращение к высшей власти является действенным способом разрешения сложных вопросов. В этой связи автор повествует о пиетете к верховной власти бурят, к российскому императору. Указание на верноподданность (*inen itegeltüi*) являлось обязательным атрибутом различных прошений и ходатайств. Следует отметить, что каждое упоминание в тексте императора или принадлежности к императору (*degedü ejen, ejen-ü*) выделяется более крупным написанием. Употребляются и возвышенные слова и обороты: *altan mutar-iyar* досл. ‘золотой рукой (подписал/утвердил)’, или *ejin imperator-un altan siregen-ü emüne* ‘пред золотым престолом государя-императора’, *yeke degedü-yin örüsiyel-tü altan jarliḡ* ‘высочайший милостивый золотой указ’, *jarliḡ rasiyan bayulyaysan-yi sonuscaḡu masi yeke bayasqulang-luy-a tegüsbe* досл. ‘уведомивши о нисхождении указа-нектара (рашияна), с огромной радостью пребывали’ и пр.

Вслед за Ш.-Н. Хобитуевым, Р. Санжиев приводит краткие сведения об аудиенциях и личных встречах с членами императорской семьи и императором. Так, сообщается о крещении хоринского тайши Николая Денбилова, встрече великого князя Алексея Александровича в 1783 г. и великого князя, наследника Николая в 1891 г., об аудиенции у великого князя Александра Александровича в 1873 г., у императора Александра II в 1876 г. и др. Данные свидетельства практически не разнятся с приводимыми у Ш.-Н. Хобитуева и не имеют значительных дополнений, за рядом некоторых исключений. Прежде всего, это касается описания хоринского посольства 1703 г. Как известно, в начале XVIII в. представители от каждого из 11 хоринских родов во главе с зайсангом галзутского рода Баданом Туракиным на лошадях отправились в царскую столицу Москву [Цыбикдоржиев 2014: 26; Жимбиев, Чимитдоржиев 2000: 11]. Это самое раннее свидетельство личного приема Белым царем делегации хоринских бурят. Р. Санжиев включил в свой текст фрагмент описания делегации хори-бурят ко двору Петра I в 1703 г. и текст выданной им грамоты. После подачи жалобы царю Сибирский приказ издал грамоту Иркутскому и Нерчинскому стольникам, по которой были установлены «исконные земли для свободного проживания и прекращены притеснения со стороны русских начальников» [ЦВРК. М-1-1. Л. 36–39г]. В текст летописи включен перевод с копии грамоты царя Петра I от 1703 г. Данная копия была выслана в июле 1883 г. из Московского архива министерства юстиции по запросу Жалсарая Зориктуева, «старшего бурятского родоначальника Агинской степной думы Читинского округа Забайкальского области» [ЦВРК. М-1-1. Л. 39г]. В сопроводительном письме выражалась просьба выслать расписку в получении «копии с копии грамоты, выданной императором Петром I нерчинскому воеводе Федору Савичу и Ивану Федоровичу Мусину-Пушкину с казаками» [ЦВРК. М-1-1. Л. 36–39г].

Отсылки на привилегии и права на землю, пожалованные еще Петром I, фигурируют практически во всех более поздних документах, ходатайствах и прошениях,

которые подавались бурятами в вышестоящие инстанции и на имя императора. При невозможности решения вопросов на уровне местной администрации, тем более, когда именно региональная власть инициирует ухудшение положения, единственным действенным инструментом представлялась подача прошения на имя императора.

Одно из поздних упоминаний о высочайшей аудиенции относится к 1888 г. и опирается на воспоминания одного из присутствовавших при событии — Н.-Ж. Очирова, подробно перечислившего все подготовительные мероприятия, дворцовый церемониал и подарки, поднесенные царской семье, сообщившего о происшедшем между присутствующими диалоге. При этом сведения, почерпнутые из текста Н.-Ж. Очирова касательно поднесенных подарков и объяснений об их происхождении, были дополнены финансовыми уточнениями. В частности во время аудиенции был поднесен балдахин, который ранее принадлежал китайскому императору и был приобретен Н.-Ж. Очировым в Китае. Р. Санжиев называет сумму денег, собранную с хоринского народа для компенсации затрат Н.-Ж. Очирова [ЦВРК. М-И-1. Л. 33–35r].

3.2. Деятельность доверенных лиц

В летописях также отражена общественная деятельность выборных лиц. Начиная с середины XIX в. обращение к высшей власти путем отправки доверенных лиц стало обыденным явлением. Так, делегации от хори-бурят отправлялись в Санкт-Петербург для решения вопросов о землепользовании, о притеснениях в делах вероисповедания, о введении волостного управления [Montgomery 2022: 35].

В конце XIX в. широко обсуждались вопросы вероисповедной политики. Утвержденное в 1853 г. «Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири» не отвечало запросам ламства и препятствовало развитию религиозных отношений. Часть статей Положения не соблюдалась, а соблюдение некоторых статей вело к их формализации. В 1897 г. в Петербурге было проведено совещание по составлению нового религиозного положения, на которое доверенными от

агинского бурятского населения были делегированы: заседатель зун-хуацайского рода Намдак Дылыков, представитель цаганского рода Буда Рабданов. От хоринских бурят доверенными были избраны главный тайша Цэдэн Аюшиев и кандидат в тайши Эрдэни Вамбоцыренов [ЦВРК. М-И-1. Л. 56r].

Перечисляя делегации доверенных лиц и их поездки в Санкт-Петербург, автор ограничивается только их констатацией, вероятно, потому что положительного решения поднимаемых вопросов не последовало и фактически делегации смогли только передать ходатайства и письма.

3.3. Поддержка государственных инициатив

В сочинении Р. Санжиева прослеживается зависимость между продвижением вопросов, благосклонностью начальства и получением благодарностей и наград за помощь и финансовую поддержку государственных инициатив. Как, например, в тексте связаны следующие нарративы: пожертвование 500 руб. на нужды дома для душевнобольных, находящегося под патронажем великого князя, по случаю его выздоровления, и последующая за этим личная аудиенция у великого князя [ЦВРК. М-И-1. Л. 23]. Нужно отметить, что важный в восточных традиционных обществах элемент культуры как «подарок – отдарок», или в нашем случае, «подношение – благодарность» нашел отражение в летописи: за упоминанием о пожертвовании главным хоринским тайшой Цэдэбом Бадмаевым и главой зун-хуацайского рода Цэдэном Аюшиевым 500 руб. в пользу раненых русских солдат, отправленных для защиты христиан, проживавших в Турции, а также за пожертвования хоринцами в 1877 г. 10 тыс. руб., последовала благодарность от имени Его Высочества государя императора и императрицы [ЦВРК. М-И-1. Л. 25v].

Что касается поднесения средств на нужды раненых и больных воинов Ц. Бадмаева и Ц. Аюшиева, то согласно сочинению В. Юмсунова, повествующего о данной поездке в Санкт-Петербург для участия в собрании знатоков восточных языков, Ц. Бадмаев и баргузинский тайша Ц.-Ж. Са-

харов во время встречи с действительным статским советником Б. А. Милютиным (в сочинении В. Юмсунова он назван прежним военным губернатором Забайкальской области) и по его предложению поднесли в комитет Общества попечения о раненых и больных воинах по 1 800 руб. каждый, за что получили благодарственные письма от имени императрицы, переданные при посредстве председателя комитета генерал-адъютанта А. К. Баумгартена (1815–1883) [ЦВРК. М-И-1. 58. Л. 6]. Данные подробности с указанием имен санкт-петербургских чинов не указаны в сочинении Р. Санжиева, возможно, он не был знаком с этим источником. В известных бурятских летописях, как правило, редко присутствуют имена или инициалы чиновников выше генерал-губернатора Восточной Сибири, что можно объяснить недоступностью подробной информации.

В то же время в сочинении Р. Санжиева приведены факты пожертвований на государственные нужды без последующего описания полученных вознаграждений в виде званий, поощрений, даров и пр. Например, буряты откликнулись на решение забайкальского военного губернатора Л. И. Ильшешевича (1832–1901) об учреждении мужской гимназии в городе Чита, собрав 60 тыс. руб. добровольных пожертвований от ачинских бурят [ЦВРК. М-И-1. 31r]. После писем из главного управления Восточной Сибири и управления Забайкальской области, в которых извещалось о «сборе пожертвований для закупки за границей военного вооружения и стали ради укрепления государства», инициированного великим князем наследником престола, хоринцами было собрано 5 тыс. руб. [ЦВРК. М-И-1. 25v–26r].

3.4. Поощрения за службу

Следующим важным пунктом для автора являлись благодарности и вручение памятных даров. Так, в 1899 г. за хорошее возведение нового почтового тракта в Дарасуне заседателю шарайтского рода Ринчину Дамбиеву выразили благодарность и вручили золотые часы [ЦВРК. М-И-1. 58v]. По свидетельству Р. Санжиева, в 1898 г. за безупречную работу по всеобщей переписи населения 1897 г. около 80 агинцев были

награждены темно-бронзовыми медалями [ЦВРК. М-И-1. 56v]. Однако разъяснения, за что были получены поощрения, приводятся в редких случаях, как правило, фигурирует стандартная формулировка «за усердное исполнение должностных обязанностей». Конкретное описание общественной деятельности ряда лиц практически не упоминается, либо просто отмечено, кто и чем был награжден. Например, «в 1870 г. главный тайша Очиров был удостоен третьей золотой медали на александровской ленте» [ЦВРК. М-И-1. 22v].

Б. Ц. Жалсанова отмечает, что в бурятском обществе культивировалось почтительное отношение к представителям власти, а за успешное исполнение своих обязанностей полагались различные формы морального поощрения: от благодарностей до награждения подарками и различными орденами и медалями [Жалсанова 2010: 120]. В сочинении также присутствуют сведения о присвоении разных чинов и продвижении бурятских чиновников согласно «Табелю о рангах».

Достаточно частое упоминание добровольных пожертвований является важным моментом для демонстрации участия и сопричастности бурят государственным задачам. Помимо подчеркивания благодарностей и поощрений, что свидетельствует о «нужности» и значимости деятельности должностных лиц, медиаторов между местной и высшей администрацией, авторами бурятских сочинений подчеркивалось участие всего общества в жизни государства.

3.5. Деятельность Государственной думы в освещении Р. Санжиевым

Организация самоуправления, преемственность и выборность при назначении на должности, структура родового управления и степных дум — еще один из немаловажных моментов в бурятских летописях. Описание административного устройства и деятельности степных дум, назначений на должности в целом повторяется вслед за повествованием Ш.-Н. Хобитуева. Новыми в сочинении Р. Санжиева являются исторические события конца XIX — начала XX вв.:

это, прежде всего, выборы в Государственную думу, свержение царского режима, становление новой власти.

Помимо вклейки печатного материала с портретами членов второй Государственной думы на Л. 117об., 119 и правил проведения выборов в Бурятский национальный комитет с указанием имен кандидатов (М. Н. Богданов, Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано, С. Цыбиктаров), изложено достаточно последовательно и логично о предреволюционном состоянии общества и государства. Например, приведены сведения о созыве Государственной думы, дана предыстория учреждения нового законодательного органа, результаты его работы. Отмечено, что государственной совет был не в состоянии составить подходящие законы для обширной империи, и манифестом от 17 октября 1905 г. было объявлено о выборе представителей от всех народов. Но в думе первого созыва 1906 г. не было представителей от «окраинных земель», в связи с чем делегация от бурят во главе с пандита хамбо-ламой Иролтуевым хлопотала о допуске депутата от бурятского населения. Весной 1907¹ г. в городе Чите состоялись выборы представителя в Государственную думу, на которые собрались по два делегата от волостей: двух хоринских, селенгинской, баргузинской, хамниганской, закаменской, армакской; всего более 40 человек вместе с советником Бошировым (?). Предстояло выбирать из трех кандидатов: Цэдэна Аюшиева, Гонбо Бадмажапова и Бато-Далай Очирова. В течении трех дней делегаты не смогли прийти к согласию, разделившись на два лагеря. «Восточная сторона» в количестве 21 делегата проголосовала на Бато-Далай Очирова, им противостояла «западная сторона», которая предприняла безуспешные попытки оспорить выборы. Депутат Б.-Д. Очиров в апреле 1907 г. выехал в г. Санкт-Петербург [Montgomery 2022: 41–44] и, пробыв там 2 месяца, вернулся. После этого занялся активной общественной деятельностью, создал первое агинское кредитное товарищество, которое было направлено на улучшение быта наро-

да. По сообщению Р. Санжиева, Б.-Д. Очиров исполнял обязанности старшины агинской волости вплоть до своей смерти в 1913 г., после на эту должность был избран Дондуб Самданов из шарайтского рода.

Выборы отдельного представителя в 3-ю думу от бурят были прекращены, поскольку «многочисленные представители от малочисленных групп чинили препятствия для принятия законов в угоду высшего начальства» [ЦВРК. М-1-1. Л. 119v]. Они состоялись осенью 1907 г. в г. Чите, был избран Николай Волков, русский по национальности. О нем сказано, что он «до сих пор на протяжении 4 лет продолжает работать» [ЦВРК. М-1-1. Л. 119v]. Данное замечание позволяет предположить, что Р. Санжиев для своего сочинения использовал источник, созданный примерно в 1912–1913 гг. Описывая положительные стороны работы третьей думы, автор указывает, что было организовано много учебных заведений на государственные средства, как: открытие в Аге в 1911 г. 4-классного городского училища, а также в Табтанае, Цуголе, Догое, Шандалее, Челутае, Зугалае и др. Здесь же приводятся размышления того периода о том, что если бы две предыдущие думы имели более долгий срок «жизни», то от их деятельности было бы много пользы. В то же время приведена критика третьей думы, поскольку в ее состав вошли представители высшего класса, богатые и приближенные к императору лица, которые не были знакомы с народными трудностями. Отмечено, что из всех бурятских вопросов, поднятых во время работы той думы, ни один не получил положительного решения. Эти вопросы касались религии, воинской повинности, землепользования, «другие же проблемы» (при этом автор не уточняет какие именно) не прошли дальше правительственных чиновников.

3.6. Преобразования общественно-политической жизни начала XX в.

Что касается заключительной части сочинения, то поднимаемые в ней вопросы, главным образом, группируются вокруг болевых точек: права на землю, воинская повинность, реквизиция бурят на тыловые ра-

¹ В тексте Р. Санжиева события, связанные с деятельностью Государственной думы, ошибочно отнесены к 1908 г.

боты. Так, в 1889 г. генерал-губернатор Восточной Сибири барон А. Н. Корф во время посещения агинских бурят поставил перед главным тайшой Ж. Зориктуевым вопрос о необходимости несения воинской повинности. По данному поводу, как указывает автор, были большие волнения в 1893–1894 гг. Одним из решений была отправка Дэлэга Базарова из рода зун-хуацай за спасительными молитвами-абуралами в западный Тибет в монастырь Лавран Дашичил к Гунчен Шадба-гэгэну. Как отмечает автор, на сбор средств для поднесения гэгэну и монахам монастыря Лавран, а также на расходы, связанные с представлением бумаг вышестоящему начальству, и на разные издержки с каждой души проводился сбор средств. И *«были безмерно обрадованы, полученным в 1895 г. высочайшему указу о воинской отсрочке на 25 лет для бурят инородцев»* [ЦВРК. М-И-1. Л. 44v].

Тем не менее состоялась реквизиция бурят на тыловые работы [Жалсанова 2007; Жалсанова, Чимитдоржиева 2015; Цыбенков, Гомбоев 2024]. Необходимость отправки мужчин на тыловые работы вызвала общественные волнения. Автор подробно перечисляет происходившие в то время события, как происходили сборы, медицинское освидетельствование, повествует о маршруте следования, о деятельности сопровождавших лиц, и о тех, кто хлопотал о возвращении реквизированных обратно в родные степи. Особо отмечены заслуги Б.-Д. Очирова, благодаря которому представители его партии благополучно вернулись домой.

Р. Санжиев передает страшные события, происходившие в столице при отречении от власти Николая Александровича в марте 1917 г.: *«в начале беспорядков, связанных со смещением императора с престола, произошли бои с армией, защищавшей императора в течении 3–4 суток в столичном городе, на городских улицах подобно течению реки остались тела умерших людей»* [ЦВРК. М-И-1. Л. 146r]. Однако уже 10 марта, после того как были прибраны улицы города, произошли праздничные события, посвященные установлению новой власти *«военных, казаков и солдат»*, называемой *«красной властью»*, а *«все население им-*

перской России стали называться красными ... о чем нас уведомили» [ЦВРК. М-И-1. Л. 146r].

Становление новой власти и решение ряда жизненно важных вопросов описано через выдвижение делегатов и проведение собрания, принятие на них резолюций. Так, в сочинении кратко упомянуты инициативы представителей Японии, Китая, Богдо-гэгэна о создании панмонгольского государства; о всебурятском собрании под председательством Даши Сампилона, состоявшемся 29 октября 1919 г. в г. Чита и принятой на нем резолюции.

В связи со сменой власти поменялись названия должностных лиц и административных единиц: *«вместо военного губернатора в Чите стал Читинский комитет, вместо полиции — милиция. Нам, бурятам-буддистам, инородцам дали право решать, как жить, как называть управленческие единицы зурганы, ямуны и булуки, быть ли нам со степной думой, главными тайшами, вторыми тайшами. После обсуждения вместо думы появились аймаки, вместо волостей — хошуны, вместо булуков — сомоны, цагда вместо десятников, избираемых ежегодно в булуках. В Агинский аймак объединились Цугольский хошун, Агинский хошун, Хори-бурятский хошун и два хамниганских, всего 5, с администрацией Агинского аймака, с отдельным начальником у аймачной милиции, а также с управляющим делами хошунов. В каждом хошуне по 2 засула. В 1917 г. аймачным тайшой избрали вышеупомянутого Гомбожапа Цыбикова из кубдутского рода, вторым тайшой — из шарайтского рода Даши-Дондуб Самданова»* [ЦВРК. М-И-1. Л. 146v]. Помимо описания государственного переустройства в начале XX в., данный эпизод дополняет биографические сведения об известном бурятском ученом, исследователе Центральной Азии, востоковеде Г. Ц. Цыбикове.

Послереволюционные события, период Гражданской войны описаны кратко. Сделан акцент на усилившийся бандитизм и волнения. Завершается сочинение Р. Санжиева о том, что в ноябре 1920 г. атаман Г. М. Семенов, возглавлявший белую власть, бежал, и в том же месяце была установлена красная

власть. В тот же год в г. Чите прошло заседание более 300 делегатов, главным вопросом на котором была организация нового государства — Дальневосточной республики, которая простиралась от Байкала до границ Японии и Китая. На запад от Байкала была организована РСФСР (*orus-un yeke uluyan-i jöblel-ün gürin* досл. ‘Российское великое красное советское государство’). Отмечено, что «мы, буряты, изначально монгольского происхождения, были разделены на землях этих двух государств», были очень обрадованы тем, что буряты в ДВР обрели автономию [ЦВРК. М-И-1. Л. 155v].

4. Заключение

Сочинение Р. Санжиева, являясь продолжением летописи Ш.-Н. Хобитуева и в то же время одним из последних крупных исторических сводов, демонстрирует нам традицию бурятского историописания, характеризующее взаимоотношения с властью, центральными мотивами при этом были назначения и награды чиновникам, высочайшие милости, с акцентом на верноподданническое служение и пр. Особенно ценны описания событий после 1876 г.

Административное подчинение: кто, кем и когда был назначен или утвержден в какой-либо должности, а также к какому ведомству относились хоринские буряты, когда были организованы мирские избы, степные думы, родовые управы и в каком ведомстве состояли (Нерчинском или Верхнеудинском) — все эти вопросы освещены в сочинении Р. Санжиева. Вслед за Ш.-Н. Хобитуевым остались зафиксированными и злоупотребления родовых начальни-

ков, обогащение проверяющих чиновников, но более всего внимания уделено поощрениям за верную службу, за сбор податей без недоимок, за оказание помощи и поддержку инициатив начальства, внесение пожертвований на государственные нужды и пр.

Изменения в общественно-политической сфере сказались и на отборе информации. Начало XX в. в летописи описывается малоинформативно, вероятно, по близости происходящих событий, автор не акцентировал внимание на многие факты. Тем не менее говорится о начале «войны многих государств», о выборах в Государственную думу, приводятся разъяснения о выборах в бурятское собрание. Отсутствие в тексте Р. Санжиева упоминаний о некоторых достаточно важных событиях, имевших место в начале XX в., не говорит о его неосведомленности, а скорее, о том, что автору требовалось время для оценки происходящего и что его работа не простая фиксация данных, не хронологический дневник. Автор, при всей присущей бурятам традиционной толерантности, тем не менее, критически относится к пониманию и описанию событий современной ему истории, о чем свидетельствует, например, такое замечание о работе Государственной думы, как: «хотя нам и не видна польза, вообще, она, наверное, есть» (*busu biden-e ajilaydaqu tusa ügei metü bolbači, yerü-degen bui mayad*). В целом сочинение Р. Санжиева кратко отражает новые страницы из жизни бурятского общества после падения царской власти, происходящие в стране и мире общественно-политические преобразования.

Источники

ЦВРК — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Литература

Аюшеева, Ванчикова 2022 — Аюшеева М. В., Ванчикова Ц. П. Летопись хоринских бурят Рабжи Санжиева: предварительные сведения // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 578–592. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-578-592

Sources

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; Center of Oriental Manuscripts and Xylographs.

References

Ayusheeva M. V., Vanchikova Ts. P. Rabzhi Sanzhiev's History of the Khori Buryats: Preliminary Data. *Mongolian Studies*. 2022. Vol. 14. No. 3. Pp. 578–592. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-578-592

- Бадмаева, Очирова 2018 — *Бадмаева Л. Б., Очирова Г. Н.* Летопись Ш.-Н. Хобитуева как памятник письменной культуры бурят. Улан-Удэ: Бэлиг, 2018. 288 с.
- Бурятский этнос 2020 — Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.) / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Отгиск, 2020. 740 с.
- Ванчикова, Аюшеева 2023 — *Ванчикова Ц. П., Аюшеева М. В.* История буддизма в летописи Р. Санжиева // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 5. С. 1228–1240. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1228-1240
- Жалсанова 2007 — *Жалсанова Б. Ц.* Из истории реквизиции бурят в Архангельскую губернию в годы Первой Мировой войны (1916–1917 гг.) // Мат-лы конф., посвящ. памяти В. Н. Шерстобоева. Иркутск: Иркутский историко-экономический ежегодник, 2007. С. 120–125.
- Жалсанова 2010 — *Жалсанова Б. Ц.* Система поощрений должностных лиц в органах местного самоуправления бурят в XIX в // *Власть*. 2010. № 10. С. 119–121.
- Жалсанова, Курас 2016 — История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.): сб. документов, перечень документов / авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Отгиск, 2016. 592 с.
- Жимбиев, Чимитдоржиев 2000 — *Жимбиев Ц. А., Чимитдоржиев Ш. Б.* Поездка делегации хори-бурят к Петру Первому в 1702–1703 гг. Улан-Удэ: Буряад Үнэн, 2000. 59 с.
- Жалсанова, Чимитдоржиева 2015 — *Жалсанова Б. Ц., Чимитдоржиева Л. Ш.* «... для работ по устройству оборонительных сооружений военных сообщений в районе действующей армии привлечь реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи» (документы о реквизиции бурят в годы Первой мировой войны (1916–1917) // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2015. № 3(19). С. 242–252.
- Badmaeva L. B., Ochirova G. N. The Khobituev Chronicle as a Jewel of Buryat Culture. Ulan-Ude: Belig, 2018. 288 p. (In Russ.)
- Dameshek L. M., Zhalsanova B. Ts., Kuras L. V. Buryat Ethnos in Imperial Administration, Nineteenth to Early Twentieth Centuries. B. Bazarov (ed.). Irkutsk: Ottisk, 2020. 740 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P., Ayusheeva M. V. History of Buddhism in the Chronicle of Rabzha Sanzhiev. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 5. Pp. 1228–1240. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1228-1240
- Zhalsanova B. Ts. Requisitioned Buryat workers in Arkhangelsk Governorate during WWI (1916–1917): How it was. In: Commemorating Vadim N. Sherstoboev. Conference proceedings. Irkutsk: Irkutsk Yearbook of History and Economics, 2007. Pp. 120–125. (In Russ.)
- Zhalsanova B. Ts. System of material and moral rewards of public servants in Buryat self-governing authorities in the 19th century. *Vlast*. 2010. No. 10. Pp. 119–121. (In Russ.)
- Zhalsanova B. Ts., Kuras L. V. (comps.) Khorii Steppe Duma, 1825–1904: Historical Evidence from the State Archive of Buryatia. Collected documents. B. Bazarov (ed.). Irkutsk: Ottisk, 2016. 592 p. (In Russ.)
- Zhimbiev Ts. A., Chimitdorzhiev Sh. B. Travel of the Khorii-Buryat Delegation to Peter the Great's Court in 1702–1703. Ulan-Ude: Buryaad Ünen, 2000. 59 p. (In Russ.)
- Zhalsanova B. Ts., Chimitdorzhieva L. Sh. “...For construction of military defense works at the battleground put in requisition for the duration of the ongoing war indigenous dwellers of the Empire exempt from military service” (Documents on the requisition of Buryats during World War I (1916–1917). *Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS*. 2015. No. 3(19). Pp. 242–252. (In Russ.)

- Казакевич 1935 — *Летописи хоринских бурят*. Вып. 2. Хроника Шираб-Нимбо Хобитуюева / текст издал В. А. Казакевич. Труды Института Востоковедения. IX. М.; Л.: АН СССР, 1935. 125 с.
- Цыбенков, Гомбоев 2024 — *Цыбенков Б. Д., Гомбоев Б. Ц.* К вопросу о реквизиции учащих буддийских духовных школ и монашествующих на военно-тыловые работы в период Первой мировой войны (1916–1917 гг.) (на основе материалов Государственного архива Республики Бурятия) // Монголоведение (Монгол судлал). 2024. Т. 16. № 3. С. 478–489. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-478-489
- Цыбикдоржиев 2014 — *Цыбикдоржиев В. Б.* Путь предков: (грамота-указ Петра Великого от 22 марта 1703 г.). Улан-Удэ: Респ. тип., 2014. 190 с.
- Цыдендамбаев 2001 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Респ. тип., 2001. 256 с.
- Annotated catalogue 2004 — Annotated catalogue of the collection of Mongolian manuscripts and xylographs M I of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences / N. Tsyrempilov; ed. T. Vanchikova. Sendai: 2004. 310 p.: ill.
- Montgomery 2022 — Montgomery R. Bato-Dalai Ochirov: A Buryat Activist at the Turn of the Twentieth Century (= Бато-Далай Очиров: бурятский активист на рубеже XX века) // *Sibirica*. № 21(2). Pp. 30–90. DOI: 10.3167/sib.2022.210203
- Kazakevich V. A. (ed.) *Chronicles of Khoriburyats*. Vol. 2: Chronicle of Shirab-Nimbo Khorbituev (Proceedings of the Institute of Oriental Studies 9). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 125 p. (In Mong. and Russ.)
- Tsybenov B. D., Gomboev B. Ts. On the issue of mobilization of Buddhist theological school students and monastics for military rear work during the First World War (1916–1917) (Based on materials from the State Archives of the Republic of Buryatia). *Mongolian Studies*. 2024. Vol. 16. No. 3. Pp. 478–489. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-478-489
- Tsybikdorzhiev V. B. The Path of Ancestors: Peter the Great's Order of 22 March 1703. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2014. 190 p. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. Buryat Historical Chronicles and Genealogies. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2001. 256 p. (In Russ.)
- Tsyrempilov N. Annotated Catalogue of the Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs M I of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. T. Vanchikova (ed.). Sendai: Tohoku University, 2004. 310 p. (In Eng.)
- Montgomery R. Bato-Dalai Ochirov: A Buryat activist at the turn of the twentieth century. *Sibirica*. 2022. Vol. 21. No. 2. Pp. 30–90. (In Eng.) DOI: 10.3167/sib.2022.210203.

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 2, Pp. 421–432, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.221

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-421-432

Связь акциональных и вербальных кодов в бурятских обрядах для бездетных семей

Людмила Санжибоевна Дампилова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник

0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda[at]rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© Дампилова Л. С., 2025

Аннотация. *Введение.* Актуальность работы обусловлена отсутствием специальных исследований по теме бездетности в монголоведной фольклористике с позиции связи вербального компонента со структурой обрядового действия. Впервые предлагается сравнительное исследование внутри одного обряда в диахронном срезе и с другими региональными обрядами в синхронном аспекте, что позволит выявить взаимосвязь вербальных и акциональных кодов. *Целью* данного исследования является выявление связи акционального и вербального компонентов обряда, *задачи* связаны с определением устойчивых мотивов и символов, сохранившихся в культурных кодах традиционного обряда. *Методы.* Для выявления особенностей архитектоники и семантики обрядового действия используется структурно-семиотический метод анализа совместно с методом типологизации. Исследование проводится с позиции «включенного наблюдения», что способствует выявлению того, как носители этнической культуры понимают и объясняют свои традиционные ритуальные практики. *Результаты.* В статье рассматриваются в сравнительном аспекте во времени и пространстве три обрядовых действия, относящиеся к западным бурятам. Исследуемые баргузинские и кабанские буряты относятся к западным бурятам (верхоленским эхиритским родам, переселившимся с Предбайкалья в Прибайкалье три века назад). Обряд баргузинских бурят для бездетных семей проводился в начале XX в. и тесно связан с их древними мифологическими традициями поклонения огню. В обряде «Суд старух» западных бурят, проводившемся приблизительно в это же время, акциональный код отличается прагматическим аспектом, вербальная часть частично соответствует семантике обрядового действия предыдущего обряда. Третий обряд «Поклонение бабушке Аля» западных бурят, восходящий к шаманским традициям угощения и задабривания гневных и мстящих духов, проводился как в начале XX в., так бытует и в настоящее время. В современном варианте данного обряда актуален только акциональный код, вербальная часть сохранилась в более ранних архивных записях. *Выводы.* Установлено, что в синхронном срезе обряды отличаются по композиции и семантике. В обряде баргузинских

бурят основное значение имеет мифологический компонент: шаманский ритуал просьбы души ребенка у божества огня. В обрядах «Суд старух» и «Поклонение бабушке Аля» более востребован реальный прагматический аспект: просьба у божеств увеличения силы для детородной функции. В диахронном срезе в современных обрядах наблюдается утрата вербального компонента, актуализируется пищевой код. Выявлена взаимозависимость акционального и вербального кодов в ходе обрядового действия.

Ключевые слова: семейные обряды, акциональные и вербальные коды, мифы, шаманизм, душа, огонь, мстящие духи

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона» (номер госрегистрации: 121031000259-6).

Для цитирования: Дампилова Л. С. Традиционные коды в обрядах для бездетных семей // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 2. С. 421–432. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-421-432

The Connection between Actional and Verbal Codes in Buryat Rituals for Childless Families

*Liudmila S. Dampilova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Chief Research Associate

0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda[at]rambler.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Dampilova L. S., 2025

Abstract. Introduction. The work is relevant enough for the issue of childlessness in Mongolic folklores and the connection between verbal and structural elements of the ritual remain understudied. The paper is first to secure a comparative diachronic insight into one rite and synchronic reviews of the other regional rituals, which makes it possible to reveal the relationship between verbal and actional codes. **Goals.** The study aims to identify the connection between actional and verbal components of the rituals. To facilitate this, it shall identify stable motifs and symbols preserved in cultural codes of the traditional rite. **Methods.** Structural-semiotic analysis tools and those of typologization prove instrumental in outlining the features of architectonics and semantics inherent to the ritual action. The study is conducted from the perspective of ‘participant observation’, which helps reveal how bearers of ethnic culture comprehend and explain their traditional ritual practices. **Results.** The article examines — in time and space — three ritual acts characteristic of the western Buryats in a comparative perspective. Ethnically, the Barguzin and Kabansk Buryats under study are western Buryats, namely Ekhirit clans that migrated from the Upper Lena to Transbaikalia three centuries ago. The Barguzin Buryat rite for childless families was held in the early twentieth century, and is closely related to their ancient mythological traditions of fire worship. In the rite referred to as ‘Judgment of Old Women’ and observed among western Buryats around the same time, the actional code differs by its pragmatic aspect, while the verbal part to a certain extent coincides with the semantics of the ritual action in the previous rite. The third rite of ‘worshipping grandmother Alya’ that dates back to the shamanic traditions of treating and appeasing angry and vengeful spirits was also held in the early twentieth century. In the modern version of this rite, only the actional code is relevant, and the verbal part has been preserved in earlier archival records. **Conclusions.** The paper shows the rituals differ compositionally and semantically in a synchronic perspective. In the rite of the Barguzin Buryats, it is the mythological component that retains primary importance: the shamanic ritual articulates a request for a child’s soul from the deity of fire. In the two other rites, it is the actual pragmatic aspect that is in greater demand: those serve to request the deities for increased reproduction strength. In a diachronic perspective, present-day ritual patterns tend to lose the verbal component, which actualizes the food code. So, the interdependence of actional and verbal codes during ritual efforts is revealed.

Keywords: family rituals, actional and verbal codes, myths, shamanism, soul, fire, avenging spirits

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000259-6 'Peoples of the Baikal: Ethnocultural Identity in Architectonics of Folklore and Literary Texts'.

For citation: Dampilova L. S. The Connection between Actional and Verbal Codes in Buryat Rituals for Childless Families. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 421–432. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-421-432

1. Введение

Ритуальные действия, связанные с проблемой рождения детей, можно отнести к одним из наиболее востребованных тем для выявления локальных особенностей обрядов жизненного цикла. Меры по преодолению бездетности в бурятской традиции в первую очередь были связаны с религиозно-обрядовой практикой как сакральным действием. Обряды жизненного цикла имели утилитарную функцию, и их прагматический статус определял ход обрядового действия. Символическая функция обряда полностью подчиняется его утилитарной функции. В ритуале «для каждой этнической культуры характерны свои представления о значимости тех или иных аспектов поведения» [Байбурин 1993: 5], поэтому обряды подобного характера в каждом регионе отличались как по композиции, так и по семантике. И при этом надо иметь в виду, что «в культуре, жизнь которой определяется ритуалом, именно знаковые потребности определяют характер и структуру материальных нужд, а не наоборот» [Топоров 1988: 17].

Целью данного исследования является выявление связи в культурных кодах в обряде для бездетных, объединенных архитектоникой действия и семантикой вербального текста. В работе уделяется внимание двум основным кодам в традиционном обряде: «акциональному (обряд — последовательность определенных ритуальных действий)» и «вербальному (обряд содержит словесные формулы, приговоры, благопожелания¹ и т. п., сюда же относятся терминология и имена)» [Толстой 1995: 167–184]. Отсутствие специальных исследований по теме бездетности в монго-

ловедной фольклористике обуславливает актуальность работы. В этнографических исследованиях достаточно подробно изучены обряды для бездетных семей, ритуалы и гадания для продолжения рода [Хангалов 1960; Балдаев 1961; Басаева 1980; Галданова 1987; Содномпилова и др. 2021; и др.]. В статье новым является разделение описаний обрядов на отдельные элементы и сравнение этих элементов друг с другом внутри одного обряда (диахронно) и между различными обрядами (синхронно), что позволит с фольклористической точки зрения выявить наиболее сохранившиеся мотивы и символы в вербальной и акциональной части обрядов и их взаимосвязь. Работа является продолжением исследований автора работы по теме бездетности [Дампилова 2024: 40–46].

В статье востребован метод сравнительного анализа для выявления особенностей структуры и семантики обрядового действия. Структурно-семиотический метод анализа основных культурных кодов (акциональных и вербальных) совместно с методом типологизации символов позволит сформулировать общие принципы самопорождения вербального составляющего обряда. В работе особое значение имеет описание традиции носителями обряда. Исследование проводится с позиции «включенного наблюдения» (В. Тернер, Б. Малиновский, К. Гирц и др.), что способствует выявлению того, как носители этнической культуры рассказывают и объясняют свои традиционные ритуальные практики и свою систему ценностей. «Любое рассказывание — это ментальный акт ценностной природы. <...> А всякий текст — если не эксплицитно, то, по крайней мере, имплицитно — аксиологичен, он вольно или невольно манифестирует

¹ См. подробнее [Хабунова и др. 2024].

некую систему ценностей» [Тюпа 2021: 17, 18]. Источниками исследования являются современные полевые материалы с разных регионов в сравнении с архивными и изданными материалами по теме.

2. Акциональный код в обрядах для бездетных семей

Обряд для бездетных семей записан автором работы в с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия. Описание обряда информант запомнила от своей бабушки, поэтому можно предположить, что такой ритуал проводился приблизительно в начале XX в. Сегодня обряд не проводится, более востребованы гадания и поклонения на священных местах для просьбы детей. Особенность проведения этого действия в том, что тема бездетности для бурят была запретная, поэтому ритуал старались проводить узким семейным кругом: *Үри хүлээхэн айлда аха дүүнэринь, абганар нагасанар сугларна* 'Семья, ожидающая детей, приглашает братьев, сестер, дядю и тетю с отцовской и материнской стороны' [ПМА: Инф. 1]. Запрещалось об этом говорить, чтобы не навлечь на себя подобный тяжелый грех, а бездетные семьи старались не озвучивать свою проблему. Как отмечают этнографы, у шаманистов бездетность связывали с нарушением запретов, по буддийским традициям может быть расплатой за грехи предыдущих рождений [Содномпилова и др. 2021: 253].

Главным действующим лицом в подобных обрядовых действиях в основном были шаманы или шаманки¹, старики и старухи, относящиеся к шаманским родам, или знатоки традиции. В нашей записи ведущим выступает отец бездетного хозяина дома, он объясняет присутствующим выбор вида проведения обряда: *Дасан ошоожо асуухадамни, аха дүүгээ, абга нагасанараа суглуулжа галаа тайха гэжэ маанарта мэдүүлхэн байна* 'Сходили в дацан и спросили, что нам делать. Лама ответил, что надо собрать родственников и провести обряд поклонения огню' [ПМА: Инф. 1]. В этом эпизоде наблюдается контаминация традиционных и буддийских

мировоззрений. Астролог-лама, следуя исконным традициям бурят эхиритского племени, предлагает обряд, связанный с одним из древних шаманских методов почитания огня. В данном случае реинтерпретируется процесс гадания, в результате чего выявляется, какой метод будет действенным в прагматическом аспекте.

В бурятской традиции семейные и хозяйственные обряды в основном начинаются с поклонения божеству огня. В структуре действия в семантическом аспекте доминирующим в обряде по устранению бездетности является символическая связь с хозяином огня, очага. Для нашего исследования опираемся на наиболее общее определение С. Ю. Неклюдова о роли божества огня: *«Божество огня, покровительствующее семье, деторождению, домашнему очагу; предок всех многочисленных и безымянных духов огня, обитающих в каждом очаге. Вместе со своей женой Санхалан-хатун Сахядай-нойон является весьма почитаемым онгоном — иконическим „вместилищем“ духа и его конкретной персонификацией; в его лице поклоняются духу родового огня, который представляется человеком красного цвета (иногда эта пара именуется Гал-Голыхан и Гули-хатун)»* [Неклюдов 1992–1993: 311–321]. Г. Р. Галданова отмечает, что имена Сахядай-нойон и Сахала-хатан в несколько измененном варианте встречаются в текстах обрядников, где говорится, что огонь *«высекает Хан Сагаадай-дедушка, а разводит его Санхалан-бабушка»* [Галданова 1987: 34].

Для нас важно проследить интерпретацию акционального кода носителями традиции. В ходе действия разыгрываемый гадательный процесс, связанный с огнем, имеет семиотический подтекст, проводящий обряд объясняет значение символов: *Хормойгоо бэлдээд галайнгаа ошыеень хаража, хэнэй эбэртэ унахаб гэжэ хүлээжэ мургэгты. Энэмнай юун гэжэ удхатайб гэхэдэ, хэнэй хормой дээрэ ошон унахаб тэрэ аилайхиhaа үхибүү гуйха, эрихэ болоно. Хэрбээ хүбүүгүй эзэнэй хормой дээрэ унабал, эдэ айл үхибүү үргэжэ абахаяа нэгэ бага хүлээхэ гэхэн удхатай. Юундэб гэхэдэ үри түрэхөөр байна гэшиэ* 'Раскинув подолы дэгэлов, мо-

¹ См. подробнее о функции шаманов в бурятской эпической традиции [Николаева, Дампилова 2023].

литесь и следите за искрой огня, ожидая, на чей подол упадет искра. Смысл этого следующий: кому на подол упадет искра, в той семье должны просить ребенка. Если же искра упадет на подол бездетного хозяина, тогда этой семье следует повременить с усыновлением. Это говорит о вероятности рождения своего ребенка' [ПМА: Инф. 1].

Итак, в первую очередь стоит обратить внимание на традиционный мотив отлетевшей искры от очага, являющийся в бурятских мифах и преданиях одним из распространенных символов. Так, в мифе «Булагат и Эхирит», записанном И. Е. Тугутовым от Е. К. Харламова, 1901 г. р., в с. Бильчир Осинского района Иркутской области в 1961 г., данный мотив является предвестником появления ребенка: «Однажды, когда Асуйхан и Хусуйхан сидели на хойморе, от очага взлетели им на подол тлеющие угольки» [Небесная 1992: 156]. В мифах о первопредках обряд проводят всегда шаманки, что подчеркивает их сверхъестественные способности для связи с божествами. В обрядовом событии востребована мифологическая функция искры как вместилища души ребенка. В данном случае, хотя обряд проводят члены семьи и обращаются за советом к ламе, он восходит к шаманским ритуальным действиям с характерным для традиционных верований акциональным кодом.

В традиционном мотиве отлетевшей искры от огня присутствуют два гадательных процесса: если искра на подоле у бездетного мужчины, то он сам сможет иметь детей, а если искра падает на подол другого, то тогда надо усыновить ребенка. Не менее значим еще один акциональный код в структуре обряда. Если искра от очага прилетает на подол многодетного родственника, он как бы берет эту искру и прячет за пазуху. Возможно, тут символический подтекст, что надо забрать душу своего будущего дитя.

Композиция обрядового действия вписывается в общий контекст семантики вербальной части. На вопрос, согласится ли тот, кому на подол упала искра, отдать своего ребенка, информант отвечает, что с древних времен у бурят была традиция воспитывать детей вместе, брать у своих родственников, и никогда не было бездомных ребят, ибо де-

тей без родителей всегда забирали родственники [ПМА: Инф. 1]. В обряд вставляется прагматический аспект решения проблемы: «Даже замужняя, но бездетная женщина не избавлялась от греха, пока не обрела статус матери. Его она могла получить, усыновляя приемных детей» [Содномпилова и др. 2021: 243]. Существует множество устных рассказов, как после усыновления ребенка в семье появлялись собственные дети.

В архивных и изданных вариантах существуют разные региональные версии проведения обряда «Суд старух» у западных бурят. В материалах М. Н. Хангалова и С. П. Балдаева представлены обряды, записанные в конце XIX – начале XX вв. В некоторых текстах группа старух, а в записях С. П. Балдаева семь старух, проводят обряд для бездетных семей. В акциональном коде обряда основным действием является мотив битья: бьют бездетного мужчину сухожилиями, женскими трусами, шаман бьет женщин тростями. Если в предыдущем обряде символические знаки явно отсылают к шаманским традициям по коммуникативной связи с небожителями и небесными магическими силами, то здесь востребована утилитарная прагматическая функция воздействия. Но и этот обряд может восходить к шаманским традициям более раннего периода: «У идинских бурят шаман, призвав медвежьего онгона, бил девушек тростью по щеке. Кого сильно ударили, у тех могли появиться дети» [Потанин 1883: 154]. Мотив битья связан с символической функцией передачи силы для рождения ребенка, поэтому более сильный удар должен быть эффективнее. Если в одних обрядах только бьют женскими трусами, то другие отличаются «поочередным надеванием на голову женатому, но бездетному мужчине панталон всех участвующих в обряде старух и хлестании этими панталонами по его спине» [Манжигеев 1978: 90]. Подобные нагнетания действий во время обряда должны увеличивать воздействия магической силы.

Материалы наших экспедиций доказывают традиционность и актуальность мотива надевания трусов в акциональных кодах в ходе обрядов жизненного цикла: «На свадьбе почетной гостье бабушке дарили шта-

ны (*үмдэ үмдхүүлхыма*) с пришитой соболиной шкуркой, иногда пришивали копейку. Она должна была надеть, приподнять подол и похлопать себя по животу, как бы хвастаясь: посмотрите, что мне подарили. Это обряд, чтобы было детей много. Вот сейчас тоже бабушкам у нас надевают» [ПМА: Инф. 2]. Символически обряд связан с прибывающей детородной функцией и дарением детей.

Сегодня существуют обряды, посвященные шаманке *Аля төөдэй*, функции которой состоят не только в даровании детей бездетным парам, но и в защите беременных женщин. Стоит обратить внимание, что этот современный обряд состоит только из акционального компонента с ритуалом капания и подношения, чаще являющегося эпилогом обрядового действия. В полевых материалах М. В. Хандагуровой об обряде «бабушке Аля» (*Аля төөдэй*), записанном у кудинских и верхоленских бурят в 1996–1997 гг. в разных селах Иркутской области есть сведения, что Аля прибыла в местность Нагалык из Монголии, вышла замуж, была красавицей, вела разгульный образ жизни, не имела детей. Как и во многих шаманских историях, после смерти выясняются ее шаманские корни [Хандагурова 2008: 159]. К особо жестоким мстящим духам относили шаманок, умерших бездетными, поэтому обряды им посвящали постоянно, если они относились к их роду. Одним из востребованных правил проведения обряда в данном случае становится обращение к гадалке с просьбой узнать, мстит ли ей действительно *Аля төөдэй* [Хандагурова 2008: 159]. В баргузинском обряде у ламы спрашивают вид обряда, современные западные буряты чаще всего узнают необходимость проведения обряда у гадалки, тоже имеющей особые способности.

Обряд «Поклонение бабушке Аля» (*Аля изиидэ мургэл*), записанный в с. Ранжурово Кабанского района, по композиции повторяет обряды, записанные Иркутской области: «Совершение обряда возлагается на особого человека *сагааши*. Таким статусом наделяются мужчины, обычно пожилые, имеющие шаманское происхождение и, скорее всего, родословие „белых“ шаманов. При совершении обряда ему оказывает по-

мощь еще один человек, называемый *тагша баряши* (букв. ‘державший чашу’. — Л. Д.). Им может быть любой мужчина. На обряде обязательно присутствует женица, от имени которой совершается обряд. Для жертвоприношения Аля-изи нужны хвост рыбы, конфеты, печенье, молочная пища (*сагаан шара* в говоре местных бурят. — Л. Д.), спиртное и высушенные тестикулы барана. Следует отметить, что у местных бурят лучшей частью рыбы, пригодной для принесения в жертву божествам, считается именно хвост. Высушенные тестикулы барана предварительно измельчают и отваривают. Само ритуальное действие *сагааши* совершает во дворе. Он приносит в жертву все продукты, подготовленные для обряда. Спиртным совершает жертвоприношение его помощник *тагша баряши*» [ПМ С. Д. Гымпиловой: Инф. 3].

У кабанских бурят ритуал также состоит из акционального кода, и особое внимание обращается пищевому коду, где используется именно хвост рыбы и оговариваются методы подготовки пищи. В обряде баргузинских бурят пищевой код особо не выделяется и связан только с кормлением духа огня молочными продуктами и водкой. В обряде «Суд старух», где актуальны действия сексуального характера для появления детей, мужу подают шулята со словами: «*Кушай шулята, будь, как баран и козел, похотливым*» [ЦВРК. Балдаев, № 347(385)/488(345). Л. 6]. Особенностью обряда иркутских бурят «Поклонение бабушке Аля» является детальное расписывание подносимой пищи мстящему духу: подношение свежей рыбы, с головой и хвостом, цельной, со всеми костями и других современных продуктов [Хандагурова 2008: 159]. В обряде же кабанских бурят при перечислении тех же продуктов требуется хвост рыбы. И что примечательно, в их пищевом коде, как и в обряде «Суд старух», востребованы половые органы барана для увеличения сексуальных способностей бездетных супругов. Так что пищевой код имеет свои символические подтексты, которые сохраняются в ходе обрядовых действий в разных регионах. В синхронном срезе обрядов «Суд старух» и «Поклонение бабушке Аля» в пищевом коде наблюдаются

небольшие различия, в диахронном аспекте выявлено совпадение символа увеличения половых функций в обрядовом действе.

Итак, в акциональном коде в обряде баргузинских бурят необходимо выделить наиболее ранний мотив испрашивания души ребенка от божества огня. Мотив искры от огня восходит к древним мифологическим представлениям монгольских народов и тесно связан с мифами о первопредках племен эхирит. В обряде западных бурят «Суд старух» используется мотив битья как подача силы для увеличения детородных функций, значимыми являются прагматические действия игрового характера с сексуальным подтекстом. Особо обращая внимание на интерпретацию ритуала носителями традиций, выявляем, что символ в акциональном

коде подчиняется расшифровке функционирования необходимой прагматики в структуре обряда. В акциональном коде обрядов для бездетных востребованы магические гадательные функции: разгадка символических знаков, связанных с искрами от огня, лама-астролог или гадалка в роли предсказателя.

3. Вербальные коды в обрядовом действе

Любой традиционный обряд бурят в основном начинается с призвания божеств небесного пантеона с просьбой оказания помощи. В баргузинском обряде отец бездетного сына подносит божеству огня топленое масло, и все начинают молиться, он же произносит призвание:

*Гал ехэ гуламта,
Зол ехэ заяаша,
Гал хотоймо үнэрһөөнь,
Газар хотоймо баянһаань заяагыта,
Урга дааха эрэдэ
Мори үгытэ,
Үгэ дааха эшидэ
Үри үгытэ,
Хүбүүндэмни үри хүлдэ заяагым!
Ута нюргаа нугарса,
Монсогор тархья дохисо,
Гал гуламтадаа мургэнэб.*

Великий очаг огня,
Великая созидательница судьбы
От духа великого огня,
От богатства земли подайте,
Мужчине, держащему аркан,
Коня даруйте,
Женщине, держащей слово,
Ребенка даруйте,
Сыну моему душу ребенка даруйте.
Длинную спину сгибая,
Круглую голову преклоняя,
Огню очага молюсь.

[ПМА: Инф. 1].

По структуре текст особо не отличается от трафаретных образцов подобных обращений к божеству огня в западно-бурятской традиции. Первые две строки как короткое воззвание к хозяину огня совпадают с общепринятыми текстами обращений к огню в любых обрядах. Далее две строки более близки к шаманским текстам заключительной части обряда из «Даланга хуруйлга» («Просьба благодати»), зачастую входящим отрывками в разные шаманские обрядовые материалы, по жанру относятся к заговорам. Следующие строки относятся к основной цели обращения: просьба ребенка, и эпилогом становится преклонение духу огня. Думается, текст складывался непосредственно в рамках данного обряда, вбирая в себя трафаретные тексты из других шаманских обрядов.

Стоит обратить внимание, что в вышеприведенных примерах божество огня называют *заяаша*, т. е. дарующий судьбу. Тэнгри судьбы в мифологии монгольских народов существуют как отдельные божества, и их раздельная ипостась четко прослеживается в следующем примере: Растопленный в очаге огонь наш / От бесчисленных молний небес. / Бренное тело наше / От Заян Саган тэнгрия (*Түлижэ хууһан галнай / Тэнгэрин түмэн сахилгаанһаа юм. / Түнхэлзэжэ хууһан бэемнай / Заян Сагаан тэнгэриһээ*) [Балдаев 1961: 273]. В данном случае бог огня соединяет в себе функции дарителя жизни и судьбы.

Из множества коннотаций образа хозяина огня в вербальном коде озвучивается его роль как хранителя души будущего ребенка: *Хүбүүндэмни үри хүлдэ заяагым!* 'Сыну

моему душу ребенка даруйте'. На вопрос о значении этих строк информант отвечает: *Гал гээшэмнай уг гарбал үргэлжүүлгын, халбаран хүгжөөлгын нүлдэ юм даа* 'Огонь для продолжения и расцветания потомства дарует сульдэ душу ребенка', «С просьбой даровать душу ребенка обращались к Гал Заяши, а Гал Заяши в свою очередь должен обратиться к Эхэ Заяши, которая дарует души детей» [Обряды 2002: 40]. Устойчивость значимого символа *сульдэ* в традиции проведения обряда огню для бездетных у баргузинских бурят подтверждают сведения Г. Р. Галдановой о роли *шибэгишин*: «У баргузинских бурят **шибэгишин** — служитель огня, которого приглашали на свадь-

бы и моления огню при бездетности» [Галданова 1987: 34]. До сих пор на свадьбах у баргузинских бурят служитель огня со стороны жениха обязательно проводит обряд *гал тахиха*, он возжигает огонь в доме новой семьи, «поднимая вверх неугасимый огонь очага» (*унтарагшагуй гал гуламтаяа өөдэнь үргэхэ*).

Если в обряде баргузинских бурят требуется единственное божество огня как даритель души детей, то в вербальном коде обряда «Суд старух» обращаются почти ко всем божествам, имеющим отношение к материнству. Вербальная часть обряда является обращением с просьбой к божествам:

*Хүниие хүн болгоһон,
Хүлэгые морин болгоһон,
Манзан Гүрмэ төөдэй,
Нюргатые морин болгоһон
Нюхатые хүн болгоһон,
Эхэ Юуран төөдэй,
Гал түлэжэ, гадаһа шааһан,
Гэр гэрлүүлһэн,
Гал гуламта байлгаһан,
Сахядай ноён баабай,
Сахала хатан шиби...
Нарайе басаган болгоһон,
Нилсагайе хубүүн болгоһон...
Буха ноёной басаган,
Эрхэ Сүйбэн тайжа!*

Человека человеком сделавшая,
Рысака в коня превратившая,
Бабушка Манзан Гүрмэ,
Имеющих спину в лошадь превратившая,
Сопливых людьми сделавшая
Бабушка Эхэ Юран,
Огонь разведя, колышек вбив,
Юрту поставившие,
Домашний очаг установившие,
Отец Сахядай нойон,
Матушка Сахала хатан...
Новорожденных в девочек превратившие,
Младенцев в мальчиков превратившие...
Дочь Буха-нойона,
Эрхэ Суйбэн тайжа!

[ЦВРК. Балдаев, № 347(385)/428 (385)].

Действо в ритуале начинается с налаживания связи с божествами женского / материнского цикла, начиная с великой бабушки всех божеств светлого западного пантеона Манзан Гүрмэ, затем идет мать Эхэ Юрэн, по иерархии их сыновья, дочери. Все божества подобраны с расчетом на их магическое содействие. Основным адресатом является дочь Буха-нойона Эрхэ Сүйбэн, имеющая в пантеоне божеств функцию хранителя материнства. В структуре подобных обрядовых действий наблюдается четкая ролевая закреплён-

ность действующих персонажей. Думается, что вербальный компонент обряда имеет более древние традиции, и хотя здесь конкретно не упоминается просьба души ребенка у божеств, по шаманской мифологии предполагается этот ритуал. Можно констатировать, что со временем в вербальной части обряда, согласно семантике действия, затушевываются ранее важные символические компоненты.

В вербальном коде после обращения к божествам расписывается ход действий и эпилогом идет просьба:

*Орынь оболзуулхын түлөө,
Хүнжэлынь хүбхэдүүлхын түлөө,
Тэб байсаран тэбэрэлдүүлэгты,
Шаб байсаран озолдуулагты!
Эсэгын мунгэн сэргыень
Абалсуулагты,*

Чтобы кровать качалась,
Чтоб одеяло колыхалось,
Крепко обниматься заставьте,
Пылко целоваться заставьте!
Отцовской серебряной коновязи
Войти помогите,

*Эхын алтан умайень
Эблүүлэгты.*

Вербальный код, поддерживая акциональную часть обряда, также имеет сексуальный акцент и магическую заклинательную функцию. Метафорические обозначения мужского и женского начала, как серебряная коновязь и золотое лоно, восходят к фольклорным трафаретным формулам. Стоит обратить внимание, что эмоциональный и назидательный акцент вербального кода увеличивает прагматическую функцию обряда. Помимо обращений к божеству, обряд также сопровождается прозаическими наставлениями бездетным парам после

*Уутайн шэнээн үтэгэндээ
Ургайн шэнээн озогой бэдэргэ,
Горхо зайжа ябалайш,
Гол шэниэлжэ ошолойш,
Хүбүү харахадаа,
Хүрэнхтэйдэн аһалдалайш,
Дубуун дээрэ дабиралдалайш,
Огтом соон охолдолойш.*

Материнскому золотому лону
Принять помогите.

[ЦВРК. Балдаев, № 347(385)/428 (385)].

подношения угощений божествам: «Будь, наконец, мужчиной, отцом многочисленных детей и т. д.» [Манжигеев 1978: 90].

Если в современных записях обряда «Поклонение бабушке Аля» отсутствует вербальный компонент, то в более ранних архивных записях С. П. Балдаева про «Игровую невестку» («Аляа бэргэн») подтверждается, что она была бездетной великой шаманкой, обижаемой мужем [ЦВРК. Балдаев, № 301 (355a). Л. 157–158]. Вербальная часть обряда раскрывает ее как сексуально одержимую женщину:

На вагину величиной с мешок
В поисках фаллоса величиной с шест
Вдоль реки ходила,
Всю долину обошла,
Увидев парня,
В «достоинство» его ты вцепилась,
На холме ты с ним соединялась,
Силу его исчерпала.

[ЦВРК. Балдаев, № 301 (355a). Л. 157–158].

Если текст с поэтическими намеками в обряде «Суд старух» полностью подчинен задаче воссоединения супругов, то в данном случае гиперболизированные сексуальные возможности почитаемого духа предполагают увеличение детородных функций.

В вербальном коде обряда для бездетных семей участвуют традиционные мифологические персонажи шаманского пантеона божеств, дарующие души детей. Объектами поклонения и просьбы помощи также могут стать мстящие и обиженные бездетные духи шаманского происхождения, которых необходимо задабривать и ублажать, чтобы не препятствовали рождению детей. В ходе анализа выявлено, что в структуре проведения обряда акциональный код каждого обряда соответствует вербальному коду.

4. Заключение

С глубокой древности преодоление проблемы бездетности было одной из основных жизненно важных задач бурятского общества. В работе прослежено изменение сложившейся системы религиозно-обряд-

довой практики. Обряд, первоначально проводимый шаманами, может заменяться стариками из шаманского рода и просто стариками и старухами. В ходе анализа определено, что акциональный код тесно связан с вербальной составляющей обряда и напрямую влияет на понимание и интерпретацию текста. Вербальный код также может мотивировать необходимость тех или иных акциональных ритуальных практик. Проведенный анализ показал, что наличие схожих символов и мотивов в структуре обрядового действия в исследуемых ареалах имеет системный характер. Ритуалы для бездетных коррелируют с общепринятыми символическими кодами других обрядов монгольских народов. Установлено, что перечень адресатов для поклонения отражает традиционный пантеон персонажей шаманской мифологии бурят. Согласно структуре и семантике обряда, в одних вариантах у божества огня просят душу ребенка. В более поздних вариантах напрямую души детей не просят, а просят божества и духов помочь увеличить детородные функции для бездетных

и не препятствовать исполнению желаний. В архитектонике обрядового события установлена значимость семиотической специфичности региональных вариантов обрядов. Нами выявлено, что традиции прощения детей у бурят в разных регионах в синхронном срезе отличаются друг от друга по структуре и семантике. В диахронном срезе некоторые обряды сохранились с потерей

вербального кода, но с акцентом внимания на пищевом коде. В итоге исследования в акциональных кодах выявлена трансляция традиции как с сохранением древней семантики, так и с перекодировкой магических функций в обряде. С прагматической точки зрения наблюдаются процессы реактуализации, забвения и переосмысления традиционных обрядовых символов и мотивов.

Полевые материалы

ПМА: Инф. 1 — Будзанаева Э. Д., 1951 г. р., род бутай шон, с. Баянгол, Баргузинский район, Республика Бурятия, 05.07.2023.

ПМА: Инф. 2 — Богомолова В. И., 1930 г. р., булагат, III готольский род; с. Хо-хорск, Боханский район, Иркутская область. 23.08.2010.

ПМ С. Д. Гымпиловой: Инф. 3 — Коняева Ж. П., 1938 г. р., булагат, III готольский род, с. Хо-хорск, Боханский район, Иркутская область. 23.08.2010.

Field Materials

Informant 1: Budzanaeva E. D., b. 1951, clan Butai Shono. Rec. in Bayangol (Barguzinsky Deistrict, Republic of Buryatia, Russia) on 5 July 2023. (In Russ. and Bur.)

Informants 2: Bogomolova V. I., b. 1930, sub-ethnic Bulagat, Third Gotol clan. Rec. in Khokhorsk (Bokhansky District, Irkutsk Oblast, Russia) on 23 August 2010. (In Russ. and Bur.)

Informants 3: Konyaeva Zh. P., b. 1938, sub-ethnic Bulagat, Third Gotol clan. Rec. in Khokhorsk (Bokhansky District, Irkutsk Oblast, Russia) on 23 August 2010. (In Russ. and Bur.)

Источники

ЦВРК — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBT SB RAS).

Литература

Балдаев 1961 — Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. 256 с.

Байбурин 1993 — Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 238 с.

Басаева 1980 — Басаева К. Д. Семья и брак у бурят: вторая половина XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, СО, 1980. 224 с.

Галданова 1987 — Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 116 с.

Дампилова 2024 — Дампилова Л. С. Мотив бездетности в мифе о первопредках бурят // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 40–46.

Манжигеев 1978 — Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 125 с.

References

Baldaev S. P. Selected Writings. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1961. 256 p. (In Russ.)

Baiburin A. K. Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analyses of East Slavic Observances. St. Petersburg: Nauka, 1993. 238 p. (In Russ.)

Basaeva K. D. Family and Marriage in Buryat Society. Novosibirsk: Nauka, 1991. 180 p. (In Russ.)

Galdanova G. R. Pre-Lamaist Beliefs of Buryats. Novosibirsk: Nauka, 1987. 116 p. (In Russ.)

Dampilova L. S. The motive of childlessness in the myth of the ancestors of the Buryats. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*. 2024. Vol. 83. No. 4. Pp. 40–46. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040048

Manzhigeev I. A. Buryat Shamanic and Pre-Shamanic Terms. Moscow: Nauka, 1978. 125 p. (In Russ.)

- Небесная 1992 — *Небесная дева лебедь*: Бурятские сказки, предания и легенды / сост., запись И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова; пер. и предисл. А. И. Тугутова; коммент. И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова, Л. Н. Нуркаевой. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.
- Неклюдов 1992–1993 — *Неклюдов С. Ю.* Полистадиальный образ духа — хозяина, хранителя и создателя огня в монгольской мифологической традиции // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1992–1993. Т. XLVI (2–3). Р. 311–321.
- Николаева, Дампилова 2023 — *Николаева Н. Н., Дампилова Л. С.* Функции шаманов в бурятской эпической традиции // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 647–659. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-647-659
- Обряды 2002 — Обряды в традиционной культуре бурят / Д. Б. Батоева, Г. Р. Галданова, Д. А. Николаева, Т. Д. Скрынникова. М.: Вост. лит., 2002. 222 с.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. Киршбаума, 1883. 1026 с.
- Содномпилова и др. 2021 — *Содномпилова М. М., Башкуев В. Ю., Нанзатов Б. З.* Человек в традиционной культуре и медицине тюрко-монгольских народов Внутренней Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2021. 310 с.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 167–184.
- Топоров 1988 — *Топоров В. Н.* О ритуале: введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: [б. и.], 1988. С. 5–60.
- Тюпа 2021 — *Тюпа В. И.* Горизонты исторической нарратологии. СПб.: Алетея, 2021. 270 с.
- Хабунова и др. 2024 — *Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Эльбикова Б. В.* Здоровье как главная ценность жизни в благопожеланиях монгольских народов // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 400–412. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-400-41
- Tugutov I. E., Tugutov A. I. (comps.) *The Heavenly Swan Maiden: Buryat Tales, Stories and Legends* [Recorded by I. Tugutov and A. Tugutov]. A. Tugutov (foreword), I. Tugutov, L. Nurkaeva (comments). Irkutsk: East Siberia Book Publ., 1992. 368 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Master spirit, creator and preserver of fire in traditional Mongolic mythology: [Analyzing] the polystadial image. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1992–1993. Vol. XLVI (2–3). Pp. 311–321. (In Russ.)
- Nikolaeva N. N., Dampilova L. S. Functions of Shamans in the Buryat Epic Tradition. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 3. Pp. 647–659. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-647-659
- Batoeva D. B., Galdanova G. R., Nikolaeva D. A., Skrynnikova T. D. Rites in Traditional Buryat Culture. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 222 p. (In Russ.)
- Potaniin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Vol. 4: Ethnographic Materials. St. Petersburg: Kirshbaum, 1883. 1026 p. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M., Bashkuev V. Yu., Nanzatov B. Z. Turko-Mongols of Inner Asia: Man in Traditional Culture and Medicine. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2021. 310 p. (In Russ.)
- Tolstoy N. I. Language and Ethnic Culture: Essays in Slavic Mythology and Ethnolinguistics. Moscow: Indrik, 1995. Pp. 167–184. (In Russ.)
- Toporov V. N. About ritual: An introduction. In: Rozhansky L. Sh. (comp.) *Archaic Ritual in Folklore and Earliest Literary Narratives*. Moscow: Nauka — GRVL, 1988. Pp. 5–60. (In Russ.)
- Tyupa V. I. Horizons of Historical Narratology. St. Petersburg: Aletheia, 2021. 270 p. (In Russ.)
- Khabunova E. E., Dampilova L. S., Elbikova B. V. Health as the Main Value of Life in the Wishes of the Mongolian peoples. *Mongolian Studies*. 2024. Vol. 16. No. 2. Pp. 400–412. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-400-41

Хангалов 1960 — *Хангалов М. Н.* Собр. соч. В 3 тт. Т. 3. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 421 с.

Хандагурова 2008 — *Хандагурова М. В.* Обрядность кудинских и верхоленских бурят во второй половине XX в. (бассейнов верхнего и среднего течения рек: Кудя, Мурино и Каменка). Иркутск: Амтера, 2008. 267 с.

Khangalov M. N. Collected Writings. In 3 vols. Vol. 3. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1960. 421 p. (In Russ.)

Khandagurova M. V. Rites of the Kuda and Upper Lena Buryats, Mid-to-Late Twentieth Century. Irkutsk: Amtera, 2008. 267 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 2, Pp. 433–443, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.141'373.45

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-433-443

Фонетические особенности кодовых переключений в башкирском языке (на материале диалектов)

Линара Камиловна Ишкильдина¹, Лилия Айсовна Бускунбаева²,
 Зулайха Ахметовна Хабибуллина³

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-3376-7721. E-mail: lina86_08@mail.ru

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-3495-3742. E-mail: [buskl\[at\]yandex.ru](mailto:buskl[at]yandex.ru)

³ Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (За, ул. Октябрьской революции, 450077, Уфа, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-7185-3807. E-mail: [zuleyha0701\[at\]mail.ru](mailto:zuleyha0701[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Ишкильдина Л. К., Бускунбаева Л. А., Хабибуллина З. А., 2025

Аннотация. *Введение.* Процесс билингвизма, в нашем случае башкирско-русского, неразрывно связан с явлением кодовых переключений. По К. Майерс-Скоттон, кодовые переключения — первый этап освоения иноязычных лексем в родном (матричном) языке, повторяясь которые могут стать «ядерными» («окказиональными») заимствованиями. Последние в свою очередь дублируют уже существующие в языке слова и не входят в ментальный лексикон матричного языка как «культурные» заимствования. К «ядерным» заимствованиям в башкирском языке мы относим варваризмы, употребляющиеся в простой (живой) речи. Кодовые переключения, как и заимствования, могут претерпевать фонетические изменения в матричном языке. В связи с этим перед нами ставится цель — выявить специфику и основные закономерности фонетических адаптаций кодовых переключений в башкирском языке. *Материалы и методы.* Основным источником анализа стали экспедиционные материалы автора и диалектные тексты, размещенные в информационной системе «Машинный фонд башкирского языка». В ходе

исследования был использован метод сплошной выборки кодовых переключений в текстах в виде отдельных лексем (содержательных и системных) и словосочетаний, с целью их дальнейшего анализа. При описании кодовых переключений мы придерживались рамочной модели матричного языка по К. Майерс-Скоттон. *Результаты.* В статье были рассмотрены фонетические изменения внутрифразовых кодовых переключений в виде собственно вкраплений, пиджинизированных и островных кодовых переключений. Фонетическая адаптация вкраплений в башкирском языке была представлена их подчинением закону сингармонизма, избеганием консонантных кластеров в основе слова, редукцией гласных или согласных, заменой несвойственных башкирскому языку фонем собственными и др.

Ключевые слова: языковые контакты, башкирско-русский билингвизм, переключения кодов, заимствование, варваризм, пиджинизированные переключения

Для цитирования: Ишкильдина Л. К., Бускунбаева Л. А., Хабибуллина З. А. Фонетические особенности кодовых переключений в башкирском языке // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 2. С. 433–443. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-433-443

Phonetic Features of Code-Switching in Bashkir Discourse

Linara K. Ishkildina¹, Liliya A. Buskunbaeva², Zulayha A. Habibullina³

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

0000-0002-3376-7721. E-mail: lina86_08[at]mail.ru

² Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

0000-0003-3495-3742. E-mail: buskl[at]yandex.ru

³ Akmulla Bashkir State Pedagogical University (3A, Oktyabrskoy Revolyutsii St., 450077 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

0000-0002-7185-3807. E-mail: zuleyha0701[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Ishkildina L. K., Buskunbaeva L. A., Habibullina Z. A., 2025

Abstract. Introduction. In terms of process, bilingualism — in our case the Bashkir-Russian one — is inextricably linked with the phenomenon of code-switching. According to K. Myers-Scotton, code-switching is the first stage in mastering foreign language lexemes through the native (matrix) language that — when repeated — may become ‘nuclear’ (‘occasional’) borrowings. The latter, in turn, duplicate words already existing in the language and are not included in the mental lexicon of the matrix language as ‘cultural’ borrowings. So, the work examines barbarisms used in simple (living) speech as ‘nuclear’ borrowings in Bashkir. Just like borrowings, code-switching items may undergo phonetic changes in the matrix language. *Goals.* In this connection, the paper aims to identify somewhat specific and basic patterns of phonetic adaptations inherent to code-switching in Bashkir discourse. *Materials and methods.* The work primarily analyzes the author’s expeditionary materials and dialect texts contained in the Computer-Based Corpus of Bashkir. The study employs the continuous sampling method to examine texts and spot code-switches represented by individual lexemes (substantive and systemic ones) and word combinations for further analysis. When it comes to describe code-switching items, the Matrix Language Frame model by K. Myers-Scotton has proved

instrumental enough. *Results.* The article examines phonetic changes in intraphrase code-switches in the form of inclusions proper, ‘pidginized’ and ‘insular’ code-switches. The phonetic adaptation of inclusions in Bashkir discourse is manifested in their subjection to the law of vowel harmony, avoidance of consonantal clusters within word stems, vowel or consonant reductions, replacements of alien phonemes by Bashkir ones, etc.

Keywords: language contact, Bashkir-Russian bilingualism, code-switching, borrowing, barbarism, pidginized switching

For citation: Ishkildina L. K., Buskunbaeva L. A., Habibullina Z. A. Phonetic Features of Code-Switching in Bashkir Discourse. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 433–443. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-433-443

1. Введение

Многовековые контакты башкирского народа с русским населением, вхождение башкир в состав Русского государства (середина XVI в.), функционирование русского языка как государственного в Республике Башкортостан способствовали проникновению русских заимствований в башкирский язык и развитию башкирско-русского двуязычия.

Иноязычные лексемы не сразу проникают в заимствующий язык. Они должны пройти этапы закрепления. Одним из аспектов освоения иностранных слов является фонетическая адаптация. Произносительным нормам особо подчиняются более древние лексемы, заимствованные через устный язык. Известно, что в башкирском языке ранние русизмы максимально фонетически адаптированы, что их стало сложно отличать от исконных лексем, например, *бревно* > *бүрәнә*, *бочка* > *мискә*, *веник* > *миндек*, *рожь* > *арыш*, *солома* > *һалам* и т. д. Современные заимствования из русского и через русский язык практически сохраняют произносительные нормы языка-источника: *колхоз*, *вагон*, *директор*, *класс*, *компьютер*, *вуз* и т. д.

Заимствования, употребляющиеся в литературном языке, относятся к «культурному» типу, так как они «представляют собой обозначения реалий, объектов и понятий, новых для культуры матричного языка (заимствующего языка)» [Чиршева 2004: 102]. Другой вид представляют «ядерные» заимствования, которые «не заполняют лексические лакуны в матричном языке и часто являются избыточными» [Чиршева

2004: 102]. К ним мы относим варваризмы в башкирском языке [Ишкильдина 2023: 975]. Варваризмы — внедрение в связную речь слов чужого языка. Наиболее простым случаем является внедрение иностранного слова в неизменном виде [Томашевский 1999: 21].

До того как стать «ядерными» заимствованиями, лексемы гостевого языка были переключениями кодов [Myers-Scotton 1997: 175]. Переключения кодов — это использование форм гостевого языка (языков) в высказываниях на матричном языке в пределах одной беседы [Myers-Scotton 1997: 3]. Матричным называется язык, структуры которого предпочтительны в двуязычной речи. Встраиваемым языком (гостевым. — Л. И.) называется язык, морфемы, лексемы и фразы из которого встраиваются в матричную структуру, участвуя в построении высказывания [Майерс-Скоттон 2021: 100–101]. Переключение кодов — явление, связанное с развитием дву- или многоязычия, в нашем случае, башкирско-русского билингвизма.

Если «культурные» заимствования, обозначающие новые реалии и понятия, входят в словарный состав башкирского литературного языка, в особенности ранние русизмы, прошедшие фонетическую адаптацию, то переключение кодов представляет собой избыточное, засоряющее родной язык явление.

Кодовые переключения (далее — КП) не входят в ментальный лексикон матричного языка, так как они появляются в билингвальной речи как единицы гостевого языка. Однако и их заимствующий язык старается адаптировать по законам своего языка. Особенно это касается кодовых пе-

реключений в виде *вкраплений*, представляющих собой одиночные лексические единицы гостевого языка (как и заимствования), которые подчиняются грамматическим правилам матричного (родного, первичного) языка.

2. Цель и материалы исследования

В последние годы проблема переключения кодов является одной из наиболее актуальных в башкирской лингвистике, которая связана с башкирско-русским билингвизмом. Башкирскими учеными были рассмотрены структурно-семантические, морфосинтаксические, прагмалингвистические особенности кодовых переключений, а также вопросы разграничения русизмов и КП в башкирском языке т. д. [Валиева, Бускунбаева 2024; Бускунбаева 2023; Ишкильдина 2023]. Фонетические особенности КП в башкирском языке не были еще предметом специального изучения, что и определяет новизну данной работы.

Фонетическая адаптация КП ярко выражена в тех случаях, когда они встраиваются в систему матричного языка в виде отдельных лексических единиц. Такие виды КП называют внутрифразовыми кодовыми переключениями, осуществляющимися в пределах одного предложения или словосочетания. К. Майерс-Скоттон исследует внутрифразовые / интрасентенциональные (intrasentential) переключения в рамках переключения кодов. П. Муйскен считает КП внутри предложения (интрасентенциональные переключения) *смешением кодов*, однако отмечает, что между ними нет особой разницы [Muysken 2000: 4]. Мы же опираемся на классификацию К. Майерс-Скоттон.

Перед нами ставится *цель* определить фонетические особенности внутрифразовых кодовых переключений в башкирском языке в виде *вкраплений* — лексем, встраиваемых в морфосинтаксическую структуру родного языка. Г. Н. Чиршева выделяет четыре основных вида внутрифразовых *вкраплений*: собственно *вкрапления*, голые формы, острова гостевого языка (далее — ГЯ) и пиджинизированные переключения [Чиршева, Коровушкин 2020: 41].

В нашей работе подробнее остановимся на фонетических особенностях *собственно вкраплений* в башкирском языке, так как они наиболее частотны, подвержены изменениям под влиянием матричного языка и не всегда могут распознаваться как кодовые переключения [Ишкильдина 2023: 976]. «Собственно *вкрапления* — единичные лексемы ГЯ, которые используются в их исходных формах и в тех синтаксических функциях, в которых эта форма меняться не должна (например, существительные в функции подлежащего)» [Чиршева, Коровушкин 2020: 38]. Примеры *вкраплений* в башкирском языке: *только* (нареч. обст.) *пришел* — *тулкә* (нареч. обст.) *килдем* (лит. *яңы / сак килдем*), *обед* (сущ., подл.) *наступил* — *әбит* (сущ., подл.) *етте* (лит. *тәшкә аш вақыты етте*), *полный* (прил., опред.) *человек* — *полный* (прил., опред.) *кеше* (лит. *таза / һимез кеше*) и т. п.

Во втором разделе рассматриваются некоторые фонеморфологические особенности внутрифразовых *вкраплений* (пиджинизированные переключения, голые формы, аналитические конструкции), активно используемых в речи башкир-билингвов.

Источником для анализа стали экспедиционные материалы, собранные автором в 2022–2024 гг., а также материалы по говорам башкирского языка, собранные автором в разные годы. В работе также использованы диалектные тексты башкирского языка, размещенные в «Текстологической базе данных» на платформе «Машинного фонда башкирского языка»¹ [ТБ МФБЯ]. В статье приводятся примеры русских заимствований и варваризмов из «Словаря ранних русских заимствований башкирского языка» [СРРЗБЯ 2021], «Словаря варваризмов башкирского языка» Н. К. Дмитриева [Дмитриев 1930], «Башкирско-русского словаря» [БРС 1996].

В ходе исследования были проанализированы около 200 слов и словосочетаний (здесь мы не учитываем повторы и фонетические варианты), извлеченных методом

¹ Кроме этого подкорпуса, Машинный фонд башкирского языка имеет и диалектологический раздел, который не раз выступал материалом исследования (см., например, [Бускунбаева 2021]).

сплошной выборки из более 50 диалектных текстов. Метод фонетического анализа был использован для определения особенностей адаптации кодовых переключений в башкирском языке. В статье также используется упрощенная запись слов, не фонетическая транскрипция.

3. Вокалические особенности кодовых переключений

3.1. Для агглютинативных языков, каким является башкирский, соблюдение закономерностей в употреблении гласных звуков в структуре слова имеет важное значение. Эти закономерности связаны в основном с явлением сингармонизма. Традиционно считается, что «гласные башкирского языка в соответствии с законами небного сингармонизма разделяются на две последовательно противопоставленные фонематические группы: передние <у>, <и>, <ө>, <э>, <ә> и задние <у>, <о>, <ы> <а>. При этом они образуют корреляты, попарно отличаясь друг от друга главным образом по ряду: /а/ – /ә/, /ы/ – <э>, /о/ – /ө/, /у/ – /ү/» [ГСБЛЯ 1981: 31]. В действительности это условное и упрощенное деление гласных по рядности, так как, согласно современным экспериментальным данным, звукотипы одной фонемы могут выступать в разных рядах, к тому же в существующих классификациях выделяются от трех до восьми артикуляторных рядов. Например, сибирский фонетист-экспериментатор В. М. Наделяев выделял пять рядов гласных: передний, центральный, центральнотзадний, задний и смешанный [Наделяев 1960: 33].

Следует обратить внимание на необходимость отличать функциональные сингармонические ряды от соматических артикуляторных рядов. С точки зрения палатального сингармонизма различаются два ряда: твердый и мягкий; в некоторых языках принято также выделять нейтральный сингармонический ряд [Селютин 2017: 7]. Таким образом, по сингармоническому ряду гласные башкирского языка делятся на: мягкие — <э>, <ө>, <ү>, <и>, <э> и твердые — <а>, <о>, <у>, <ы>, которые образуют мягкорядные и твердорядные словоформы соответственно.

Согласно закону палатального сингармонизма в одном слове несовместимы гласные звуки твердого и мягкого рядов. Нарушение закона гармонии гласных встречается только в иноязычных словах, однако и их стараются максимально фонетически адаптировать в башкирском языке, что особенно заметно в ранних русских заимствованиях: *бүрәнә* < бревно, *бизрә* < ведро, *мунса* < мовница, *кәрлә* < карлик, *мискә* < миска [СРРЗБЯ 2021: 47, 72, 166, 167] и др.

Кодовые переключения в башкирском языке также имеют тенденцию подчинения палатальному (небному, тембровому) сингармонизму, когда происходит выравнивание лексемы с разнорядными гласными по одному из рядов: а) по твердому: *лыжи* > [лыжы / лыжа], *ужин* > [ужын], *уже* > [ужы], *целый* > [сылый], *центральный* > [сынтрал'ный]; б) по мягкому: *совсем* > [сәпсим], *сетка* > [ситке / ситкә], *обед* > [әбит] [ПМА 2022; ПМА 2023; ТБ МФБЯ] и т. п. При этом ассимиляция, как видим из примеров, может быть как прогрессивной, так и регрессивной. Необходимо обратить внимание еще на то, что русские лексемы с палатализованными согласными в башкирском языке воспринимаются как мягкорядные словоформы и произносятся с «мягкими» гласными, так как в последнем отсутствует противопоставление согласных по мягкости-твердости: *только* > [түлкә], *обязательно* > [әбизәтел'нә], *щука* > [шүкә], *прямо* [прамь] > [прәмә / берәмә], *весь* > [в'ис'].

По закону гармонии гласных тюркских языков в основе и при аффиксации должны сочетаться либо только неогубленные (а, ы, и, е, ә), либо только огубленные (ө, о, ү, у) гласные. Последняя представляет собой лабиальную гармонию гласных. Кодовые переключения, в которых отсутствует гармония гласных, адаптируются под законы сингармонизма башкирского языка. Так, лексемы с конечным огубленным гласным делабиализуются под ассимилятивным действием предыдущего неогубленного гласного, образуя тем самым палатальную гармонию: *сразу* > [сразы], *часто* > [часты / шасты], *редко* > [рэткы] [ПМА 2022; ПМА 2023] и др.

Еще один вид гармонии гласных называется компактностный, т. е. уподобление

гласных по подъему, называемый также вертикальным сингармонизмом. Данный тип не характерен для башкирского языка, поскольку в нем уже функционируют палатальный и лабиальный сингармонизмы. Так, в исконных словах могут сочетаться гласные верхнего (узкие) и нижнего (широкие) подъёмов. Например, *килә* ‘идет’, *әсе* ‘кислый’, *түмәр* ‘чурбан’, *сырай* ‘лицо’ и т. п. Однако анализируемый материал позволил выявить тот факт, что при фонетической адаптации некоторых кодовых переключений и варваризмов, где не реализуется ни палатальный, ни лабиальный сингармонизмы, происходит гармония по подъему языка (или отстоянию от твердого неба), т. е. проявляется действие вертикального сингармонизма. В следующих лексемах полуширокий «о» заменяется узким «у» под регрессивным ассимилятивным действием узких «э», «и», «ы»: *тоже* > [тужэ], *может* > [мужэт], *общий* > [убший / убший], *вообще* [ваапшэ] > [вупшы(м)], *область* [обльст'] > [ублас / ублыс], *опыт* > [упыт], *скорая* [ско-райа] > [скурый], *сводка* > [свутка / ысвутка], *очередь* > [учирит / ушэрит/ушэрт], *общеежитие* > [убшижитийе], *город* [горът] > [гурыт] [ТБ МФБЯ]. Хотя здесь, скорее всего, реализуется явление другого порядка — акустическое восприятие. В первом слоге ударный гласный [о] в кодовых переключениях произносится в башкирском языке в виде заднерядного узкого [у], поскольку русский [о] гораздо уже, чем башкирский [о], и на слух у части башкир мог восприниматься как [у]. Что подтверждают следующие примеры, где происходит замена *о* > *у* и в непервом ударном слоге при предыдущем широком гласном «а»: *паек* > [пайук], *расход* > [расхут], *марковь* > [маркуф], *парода* > [парут], *огород* > [агарут], *простой* > [прастуй], *погода* > [пагудъ] [ТБ МФБЯ] и др.

Молодое и среднее поколение башкир-билингвов произносят эти же лексемы с лабиальным [о], уже воспринимающие более узкий русский [о]: [тожы / тожэ, [можыт / можэт], [обший / общий], [скорый] и др.

3.2. Для тюркских языков, в частности для башкирского, не характерно стечение согласных в корне слова и употребление начальных /p/, /л/, поэтому при заимствованиях и кодовых переключениях из русского языка в башкирском языке происходят раз-

ные фонетические явления, способствующие их избеганию.

В кодовых переключениях при консонантном комплексе в начале слова возникает протеза — развитие дополнительного гласного в анлауте: *значит* > [ызнашит], *чтоб / чтобы* > [ыштуп / ыштубы], *стакан* > [ыстакан] (лит. *стакан*), *станок* > [ыстанок] (лит. *станок*), *взвод* > [ывзвод] (лит. *взвод*), *сдавать* > [ыздават'], *скатерть* > [эскэтэр'], *столовая* > [ысталавай]. Протеза наблюдается и в словах, начинающихся на сонорные /p/, /л/: *рама* > [ырам] (лит. *рам*), *решетка* > [эрэшэтка] (лит. *рэшэтка*), *линия* > [элиния] [ПМА 2022; ПМА 2023; ТБ МФБЯ] т. п.

Во избежание консонантного кластера и облегчения произношения происходит добавление неэтимологического гласного также и между двумя согласными слова (эпентеза): *председатель* > [бирсидатэл' / бирсизэтэл'], *кстати* > [кыстати], *рядки* > [гэрэтка], *кекс* > [кыкыс], *центр* > [цэнтыр / сэнтыр], *зря* > [зэрэ], *долг* > [долыг] [ТБ МФБЯ] и др.

3.3. Южнорусское аканье является нормой произношения русского языка: *опять* — [апат'], *один* — [адин], *ответ* — [атвэт], *охотник* — [ахотник] и т. д. Так как Башкортостан заселяли представители южнорусских, среднерусских акающих говоров (из Тамбовской, Рязанской, Курской, Воронежской, Орловской и других губерний), в частности его центральную, южную, юго-западную, юго-восточную часть [Здобнова 2001: 39–44, 100–101], то в республике представлен в основном акающий вариант русского языка. Что подтверждается кодовыми переключениями (и заимствованиями) с анлаутным /a/ в первых безударных слогах: *обед* > [абит / эбит], *огород* > [агарот / агарут], *отдел* > [атдэл], *обещать* > [абэшат'], *обучать* > [абушат], *однолетка* > [адналэтка], *обычай* > [абышай], *обычно* > [абышны(ъ)], *посев* > [пасиф / пасэф] [ТБ МФБЯ] и т. д. Однако и здесь происходит адаптация согласных и последующих гласных.

3.4. По орфоэпии русского языка в первом безударном слоге после мягких (палатализованных) согласных на месте /э/ употре-

бляется узкий /u/. Такое же произношение характерно для «акающих» русских говоров Башкортостана [Здобнова 2001: 34]. Соответственно кодовые переключения в башкирском языке употребляются также с узким /u/, так как усвоение русского языка шло через устный язык, но с фонетическими адаптациями других звуков: *семья* > [сим'я], *экзамен* > [икзамэн], *нефтяной* > [нифтэной], *село* > [сило], *декретный (отпуск)* > [дикретный (отпуск(ы))], *пельмени* > [пилмин] (лит. *белмэн*), *не знаю* > [низнай], *беда* > диал. [биза], *песок* > [писук / писок], *мешок* > [мишук / мишок / мишук], *пекарня* > [пикарн'а], *семена* > [симена / сименэ / симина] и др. [ПМА 2022; ПМА 2023; ТБ МФБЯ; СРРЗБЯ 2021: 47, 169]. В таких кодовых переключениях, как *специалист* > [списэлис / эсписэлис], *специально* > [списэльне / спитсэльне], *сельсовет* > [силсэвит] действуют несколько фонетических законов башкирского языка — переход безударного *e* > *и*, закон гармонии гласных, избегание стечения согласных, замена губно-зубного /v/ на губно-губной /w/ и др.

3.5. В целях экономии речи и облегчения произношения конечный гласный в КП редуцируется до нуля, если это не нарушает слоговой структуры: *больница* > [балнис], *порода* > [парут], *аптека* > [аптек / эптек], *чтобы* > [ыштуп], *столовая* > [(ы)сталауай] [ПМА 2022; ПМА 2023; ТБ МФБЯ] и др.

4. Консонантные особенности кодовых переключений

4.1. Как мы уже отметили выше, для башкирского языка, как и для тюркских языков в общем, не характерно стечение согласных в основе, поэтому в конце слова в кластере *-ст* происходит выпадение конечного согласного: *баянист* > [байанис] (лит. *байансы*), *тракторист* > [трактарис] (лит. *тракторсы*), *машинист* > [машинис] (лит. *машинист*), *программист* > [праграмис] (лит. *программист*), *связист* > [эсвэзис, связис] (лит. *элементэсе*) и т. п.

В середине слова также выпадают смычные /m/, /d/ в сочетаниях *-ст-*, *-тс-*, *-дс-*, *-зд-*, *-тч-* и др.: *детский (сад)* > [деский (сат)], *городской* > [гараской], *участковый* > [уш'асковый], *отчество* > [ош'ество], *праздник* > [празник] [ТБ МФБЯ].

4.2. Для русского языка свойственно ассимилятивное оглушение звонкого согласного под действием последующего глухого. В кодовых переключениях данное произношение сохраняется, так как в башкирском языке парные согласные также стремятся к ассимиляции, однако гласные оформляются, по возможности, согласно закону сингармонизма: *завфермой* [заффермой] > [зафферма], *завклуб* [зафклуп] > [зафклуп], *рожки* [рошки] > [рашки], *пирожки* [пирашки] > [пирашки / пирэшки], *как-будто* [какбутта] > [какбутты], *второй* [фтарой] > [фтарой], *остановка* [астановка] > [астановка / астануфка] [ПМА 2022; ПМА 2023; ТБ МФБЯ] и др.

4.3. По нормам орфоэпии русского языка звонкие смычные и губные согласные в конечной позиции оглушаются. Такое же произношение сохраняется и в кодовых переключениях в башкирском языке, но с адаптацией вокалических и (или) анлаутных согласных фонем: *город* > [горот / гурыт / гурыт], *чтоб* > [штоп / ыштуп], *обед* > [эбит], *ход* > [хут / хут], *детсад* > [дитсат], *плов* > [плоф], *пассив* > [пасиф], *перерыв* > [перерыф / пирырыф] [ПМА 2022; ПМА 2023; ТБ МФБЯ] и др.

4.4. В башкирском языке отсутствуют сложные согласные фонемы, поэтому в русских заимствованиях наблюдается деаффрикатизация фонем /ч/ и /ц/, т. е. они теряют смычный элемент: /ч/ переходит в переднеязычный плоскощелевой /ш'/ либо круглощелевой /ш/, /ц/ — в переднеязычный глухой щелевой сибиллянт /с/: *молодец* > лит. *маладис*, *голубцы* > [галупсы] (лит. *голубцы*), *цирк* > [сырк] (лит. *цирк*), *семечки* > диал. [симешкэ / шимешкэ] (лит. *көнбагыш*), *цемент* > [семент / сиемент] (лит. *цемент*), *цикуль* > [сыркул'] (лит. *цикуль*) и др. То же явление наблюдается в кодовых вкраплениях из русского языка: *черта* > [ширта], *четверг* > [ш'итверк], *чуть* > [шүт], *конечно* > [кэнишнэ], *рабочий* > [рабоший], *холодец* > [халадис], *кузнец* > [кузнис], *дворец* > [дварес], *молодцы* > [малатсы] [ПМА 2022; ПМА 2023]. Подобное облегченное произношение характерно для старшего поколения башкир. В настоящее время аффрикаты /ч/, /ц/ освоены в масштабах общенародного

языка и в речи билингвов среднего и молодого поколения они произносятся по нормам русского языка.

4.5. Инициальный глухой губной смычный /п/ не был характерен для исконной лексики башкирского языка, поэтому в ранних русских заимствованиях он озвончался: *перец* > *борос*, *перчатки* > *бирсәткә*, *поднос* > *батмус*, *пирог* > *бөйөрөк*, *парник* > диал. *барник* (лит. *сәйгүн*), *половик* > диал. *балабик* / *балавик* (лит. *балас*), *пальто* > диал. *бәлтә* (лит. *пальто*) [СРРЗБЯ 2021: 35–74]. Ныне же в иноязычных заимствованиях со всеми характерными для него различительными признаками употребляется в начале слова: *пар* ‘пара, пар’, *пальто*, *папирос*, *парикмахер*, *паркет*, *параход*, *партизан*, *партия*, *патрон*, *пенсия*, *печать*, *пионер*, *плен*, *плац*, *плита*, *поезд*, *полк* и т. п. [ГСБЛЯ 1981: 50]. Однако в речи старшего поколения все еще происходит озвончение *п* > *б* в анлауте, например, в некоторых кодовых переключениях: *помощник* > [бамушник], *посуда* > [басуда], *подпись* > [батпис / патпис], *председатель* > [бреседател / бирсизәтел], *продавец* > [бразавис / быразавис] [ТБ МФБЯ].

4.6. В фонетической системе башкирского языка не существовал губно-зубной консонант /в/. В связи с этим в устной речи башкир чужеродный /в/ в заимствованиях и кодовых переключениях заменяется собственным губно-губным круглощелевым /w/ (в орфографии *у* или *ү*): *вот* > [wәт], *сельсовет* > [силсәwит] (лит. *сельсовет*, *ауыл советы*), *совет* > [сәwит] (лит. *совет*), *виноват* > [винаwат / бинаwат / винаwат], *переводить* > [пириwадит], *столовая* > [сталаwай], *кошевой* > [кашаwай], *кошевар* > [кашаwар] и т. п. [ТБ МФБЯ].

5. Некоторые фономорфологические особенности внутрифразовых КП

Фономорфологические изменения возникают при формообразовании КП, на стыке словосочетаний, компонентов сложных слов и др.

5.1. Внутрифразовые кодовые переключения выступают не только как собственно вкрапления, но и подстраиваются в морфосинтаксическую рамку матричного языка. «Элементы ГЯ в них присутствуют лишь

как *корневые морфемы*, а все грамматически релевантные морфемы обеспечивает матричный язык» [Чиршева, Коровушкин 2020: 42]. Этот вид КП называют *пиджинизированными переключениями*, когда вкрапление состоит из основы гостевого языка и аффиксов матричного языка.

Пиджинизированные КП подчиняются закону сингармонизма в башкирском языке, когда к основе ГЯ присоединяется аффикс МЯ в соответствии с сингармонистическим рядом гласных основы либо предстоящего гласного. Например, окончания множественного числа при твердоядных словоформах оформляются в твердоядной форме: *подруга* > *падруга*+лар ‘подруги’, *посуда* > *пасуда*+лар ‘посуды’, *косилка* > *касилка*+лар ‘косилки’, *книжка* > *книшка*+лар или *книшкә*+ләр ‘книжки’; при мягкорядных — в мягкорядной: *утеплитель* > *утеплител*+дәр ‘утеплители’, *кирпич* > *кирпиш*+тәр ‘кирпичи’, *печенье* > *пишинйә*+ләр ‘печенья’ и т. п. Примеры на падежные окончания: *обед* > *абед*+ка или *әбит*+кә ‘на обед’, *кухня* > *кухня*+ла ‘на кухне’, *погода* > *пагода*+га ‘погоде’, *лыжи* > *лыжы*+га ‘лыжам, на лыжи’, *очередь* > *уширит*+кә ‘в очередь’, *заготовитель* > *заготовител*+дәр+гә ‘заготовителям’ и т. п. [ПМА 2022; ПМА 2023].

Сингармонизму подчиняются и КП с дублированной морфологией, когда в составе одной лексемы встречается дублирование грамматических показателей и ГЯ, и МЯ. Необходимо отметить, что плеоназм аффиксов — явление характерное для тюркских языков в общем, что отражается и в КП. В башкирском языке это в основном существительные ГЯ с показателем множественного числа, который наращивает еще один аффикс множественного числа МЯ: *носки* > *нәски*-ләр / *наски*-лар, *коньки* > *кәнки*-ләр / *канки*-лар, *очки* > *әшки*-ләр / *очки*-лар, *лыжы* > *лыжы*-лар, *пирожки* > *пирашки*-лар / *пирәшки*-ләр и др. Как видим, одни и те же КП могут присоединять и мягкое, и твердое окончание в зависимости от фонетической адаптации лексемы в языке билингва.

5.2. В тюркских языках отсутствует категория рода, функционирующая в русском

языке. В связи с этим кодовые переключения, представленные прилагательными и существительными разных родов, в башкирском языке употребляются в начальной форме — мужском роде: *мороженное* > [мароженный], *молодежная улица* > [маладежный урам], *школьная улица* > [школ'ный урам] и др. Их можно отнести к *голым формам* вкраплений, когда иноязычные лексемы используются без должного оформления грамматическими показателями матричного языка. Это же явление наблюдается и в *островных переключениях*, когда словосочетание ГЯ в женском и среднем родах выступает в начальной форме: *участковая больница* > [участковый балнитса / балнис], *стиральная машинка* > [(ы)стиральная машинка], *газовое отопление* > [газывый атапление], *скорая помощь* > [скорый / скурый помош' / пумыш] [ПМА 2022; ПМА 2023; ТБ МФБЯ] и др.

5.3. Для башкирского языка характерны аналитические конструкции, образованные с помощью инфинитивной формы глагола ГЯ и вспомогательного глагола МЯ *итеу* 'означает какое-либо действие'. При этом вспомогательный глагол *итеу* употребляется в разных грамматических формах. В результате слияния двух слов (инфинитив КП + вспомогательный глагол *итеу* МЯ) возникает редукция начального гласного в слове *ит-*: *заводить* + *итеу* > [завадиттеп] 'заводя, заводив', *заводить* + *итәм* > [зава-

диттәм] 'завожу', *развлекать* + *итеу* > [развекаттеп] 'развлекая', *звонить* + *итеу* > [званиттеп] 'позвонив', *собирать* + *итәбез* > [сабираттәбез] 'собираем', *заниматься* + *итәм* > [заниматсатәм] 'занимаюсь' и т. д.

6. Заключение

В речи билингвов кодовые переключения могут встраиваться в матричный язык как без каких-либо звуковых изменений, так и подвергаться той или иной фонетической и фоморфологической адаптации. В башкирском языке вкрапления подчиняются закону сингармонизма, в основном палатальной гармонии гласных.

КП с консонантными кластерами в основе, противоречащие правилам фонотактики башкирского языка, подвергаются облегчению произношения в виде выпадения одного из согласных (редукция), либо в виде вставки гласной для разъединения их в отдельные слоги (протеза, эпентеза). Фонемы ГЯ, не свойственные башкирскому языку, упрощаются либо заменяются собственными звуками (*n* > *б*, *v* > *w*, *ç* > *ш*, *и'*, *ц* > *с* и др.).

Островные и пиджинизированные переключения также подчиняются фоморфологическим нормам башкирского языка: принимают окончания МЯ в соответствии с законами сингармонизма, образуют аналитические формы глагола и др.

Сокращения

ГЯ — гостевой язык

КП — кодовые переключения

МЯ — матричный язык

нареч. — наречие

обст. — обстоятельство

сущ. — существительное

опред. — определение

прил. — прилагательное

подл. — подлежащее

лит. — литературный

Полевые материалы автора

ПМА 2022 — записи 2022 г., д. Ст. Багазы, Ниж. Балмазы, Нов. Акбуляк, Юлдашево, Халилово Караидельского района Республики Башкортостан.

ПМА 2023 — записи 2023 г., д. Атнаш, Абдуллино, Кантон, Кедесе, Караяр, Мата, Новый Бердяш Караидельского района Республики Башкортостан.

Author's Field Materials

Recordings of 2022 from Staryye Bagazy, Nizhniye Balmazy, Novyi Akbul'yak, Yuldashevo, Khalilovo (Karaidelsky District, Republic of Bashkortostan, Russia). (In Bash.)

Recordings of 2023 from Atnyash, Abdullino, Kanton, Kedese, Karayar, Mata, Novyi Berdyash (Karaidelsky District, Republic of Bashkortostan, Russia). (In Bash.)

Источники

ТБ МФБЯ — Текстологическая база Диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка [электронный ресурс] // URL: <https://mfbl2.ru/mfbl/bashdial>. (дата обращения: 25.02.2024).

Литература

БРС 1996 — Башкирско-русский словарь / ред.: З. Г. Ураксин. М.: Дигора, 1996. 884 с.

Бускунбаева 2021 — Бускунбаева Л. А. Функционирование вербального хезитатива *ни / ней* 'это самое' в устной монологической речи башкир (на материале диалектных текстов башкирского языка) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 1. С. 172–185. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185

Бускунбаева 2023 — Бускунбаева Л. А. Прагматингвистические аспекты кодовых переключений в башкирском языке (на материале устных дискурсов) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 983–993. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-983-993

Валиева, Бускунбаева 2024 — Валиева М. Р., Бускунбаева Л. А. Кодовые переключения и русизмы в караидельском говоре северо-западного диалекта башкирского языка // *Вестник Томского государственного университета*. 2024. № 508. С. 56–64.

ГСБЛЯ 1981 — Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. Юлдашев А. А. М.: Наука, 1981. 495 с.

Дмитриев 1930 — Дмитриев Н. К. Варваризмы в башкирской речи // *Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР*. Т. IV. Л.: АН СССР, 1930. С. 73–105.

Здобнова 2001 — Здобнова З. П. Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии. Уфа: БГУ, 2001. 155 с.

Ишкильдина 2023 — Ишкильдина Л. К. Заимствования и кодовые переключения в башкирском языке (на примере караидельского говора) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 971–982. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-971-982

Майерс-Скоттон 2021 — Майерс-Скоттон К. Рамочная модель матричного языка и переключение кодов в речи билингвов // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. № 7 (453). Филологические науки. Вып. 125. С. 100–109.

Sources

TextDatabase(DialectSub-corpus).On:Computer-Based Corpus of Bashkir (website). Available at: <https://mfbl2.ru/mfbl/bashdial> (accessed: 25 February 2024). (In Bash. and Russ.)

References

Uraksin Z. G. (ed.) *Bashkir-Russian Dictionary*. Moscow: Digora, 1996. 884 p. (In Bash. and Russ.)

Buskunbaeva L. A. The Functioning of the Verbal Hesitation Marker *Ni / Nei* 'Whatchamacallit' in Oral Monologues of Bashkirs: A Case Study of Bashkir Dialectal Texts. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 172–185. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185

Buskunbaeva L. A. Pragmalinguistic aspects of code-switching in Bashkir: A case study of oral discourses. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 4. Pp. 983–993. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-983-993

Valieva M. R., Buskunbaeva L. A. Code switching the Karaidel subdialect of the northwestern dialect of the Bashkir language. *Tomsk State University Journal*. 2024. No. 508. Pp. 56–64. (In Russ.)

Yuldashev A. A. (ed.) *Grammar of Modern Standard Bashkir*. Moscow: Nauka, 1981. 495 p. (In Russ.)

Dmitriev N. K. Barbarisms in Bashkir speech. In: *Notes of the College of Orientalists at the Asian Museum*. Vol. 4. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1930. Pp. 73–105. (In Russ.)

Zdobnova Z. P. A History of Russian Dialects Once Spoken by Resettlers in Bashkiria. Ufa: Bashkir State University, 2001. 155 p. (In Russ.)

Ishkildina L. K. Loanwords and code switches in Bashkir: A case study of the Karaidel dialect. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 4. Pp. 971–982. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-971-982

Myers-Scotton C. The Matrix Language Frame model and code-switching in bilingual speech. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021. No. 7 (453). Philological Sciences. Is. 125. Pp. 100–109. (In Russ.) DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10713

- Наделяев 1960 — *Наделяев В. М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л.: [б. и.], 1960. 68 с.
- Селютина 2017 — *Селютина И. Я.* Принципы организации сингармонических систем в южно-сибирских тюркских языках как индикаторы языковой сложности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15. № 4. С. 5–26.
- СРРЗБЯ 2021 — Словарь ранних русских заимствований башкирского языка / отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. 254 с.
- Томашевский 1999 — *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1999. 334 с.
- Чиршева 2004 — *Чиршева Г. Н.* Двужычная коммуникация. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2004. 189 с.
- Чиршева, Коровушкин 2020 — *Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В.* Структурные характеристики переключений кодов в русских высказываниях детей-билингвов в России и США // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6. № 3. С. 33–47.
- Muysken 2000 — *Muysken P.* Bilingual speech. A Typology of Code-Mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 322 p.
- Myers-Scotton 1997 — *Myers-Scotton C.* Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching. Oxford: Clarendon Press, 1997. 285 p.
- Nadelyaev V. M. Unified Universal Phonetic Transcription Project (UUPhT). Moscow, Leningrad, 1960. 68 p. (In Russ.)
- Selyutina I. Ya. Principles of organization of vowel harmony systems in southern Siberian Turkic languages as indicators of language complexity. NSU vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2017. Vol. 15. No. 4. Pp. 5–26.
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Dictionary of Earliest Russian Loanwords in Bashkir. Ufa: Institute of History, Language and Literature (UFRC RAS), 2021. 254 p. (In Bash. and Russ.)
- Tomashevsky B. V. Theory of Literature. Poetics. Coursebook. Moscow: Aspect Press, 1999. 334 p. (In Russ.)
- Chirsheva G. N. Bilingual Communication. Cherepovets: Cherepovets State University, 2004. 189 p. (In Russ.)
- Chirsheva G. N., Korovushkin P. V. Structural characteristics of code-switching in Russian utterances of bilingual children in Russia and the USA. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2020. Vol. 6. No. 3. Pp. 33–47. (In Russ.) DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-3
- Muysken P. Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 322 p. (In Eng.)
- Myers-Scotton C. Duelling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching. Second edition. Oxford: Clarendon Press, 1997. 285 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 2, Pp. 444–463, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.141.276
 DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-444-463

Названия объектов неживой природы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах

Зарема Назировна Экба¹

¹ Институт языкознания РАН (д. 1/1, Большой Кисловский пер., 109125 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-7300-1392. E-mail: [zaremaekba\[at\]iling-ran.ru](mailto:zaremaekba[at]iling-ran.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025
 © Экба З. Н., 2025

Аннотация. Введение. Статья посвящена всестороннему анализу лексико-тематической группы «Названия объектов неживой природы» арабского и персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах. Впервые представлена классификация этой группы слов, произведен их этимологический и сравнительный анализ с кыпчакскими, огузскими и карлукскими, а также с финно-угорскими языками Поволжья, уточнен источник происхождения для ряда слов. Целью работы является полная систематизация и классификация этих лексем с точки зрения их распространения по языкам и регионам, определение способов и времени их вхождения в тюркские языки. **Материалы и методы.** В статье использованы лексико-семантический и описательный методы, метод структурного анализа, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод диахронического анализа, этимологический метод. Представлены следующие группы слов: «Атмосферные явления и состояния погоды», «Ветер, холод, мороз и связанные с ними природные явления» и «Объекты ландшафта». В отдельную группу выделены редко употребительные, устаревшие и книжные заимствования, которые получили собственную классификацию: 1) названия атмосферных природных явлений; 2) названия небесных тел; 3) объекты ландшафта; 4) названия драгоценных и полудрагоценных камней и металлов. **Результаты и выводы.** Установлено, что заимствования данной лексико-тематической группы имеют как общетюркский, так и узорегиональный и чисто диалектный характер. На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что большая часть проанализированной заимствованной лексики пришла в тюркские языки через книжные источники, значительное число которых так или иначе связано с мусульманством. В очень большой степени она отражает низовые представления об окружающем мире, которые продолжают сохраняться на протяжении многих веков, встраиваясь в мировые религии.

Ключевые слова: языковые контакты, башкирский язык, диалекты и говоры башкирского языка, заимствованная лексика, арабо-персидские заимствования, названия природных явлений, наименования неживой природы

Благодарность. Автор выражает благодарность д-ру филол. наук, профессору, члену-корреспонденту РАН А. В. Дыбо за консультирование при работе над статьей.

Для цитирования: Экба З. Н. Названия объектов неживой природы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 2. С. 444–463. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-444-463

Arab-Persian Loanwords in Bashkir and Its Dialects: Names of Inanimate Objects

Zarema N. Ekba¹

¹ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, 109125 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

0000-0002-7300-1392. E-mail: zaremaekba[at]iling-ran.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Ekba Z. N., 2025

Abstract. Introduction. The article introduces a comprehensive insight into the lexical-thematic group ‘names of inanimate objects’ shaped by Arabic and Persian loanwords to Bashkir and its dialects. The work is the first to classify this group of words, analyze their etymological essentials in comparison to Kipchak, Oghuz, Karluk, and Finno-Ugric languages of the Volga Region, and clarify origins for a number of such words. **Goals.** The paper attempts a complete systemization and classification of the aforementioned lexemes by their distribution across languages and regions. It also seeks to determine the methods and times of their assimilation into the Turkic discourse. **Materials and methods.** The article employs the lexical-semantic, descriptive and etymological methods, those of structural and comparative analyses. The examined lexemes include groups as follows: ‘atmospheric phenomena and weather conditions’, ‘wind, cold, frost and related natural phenomena’, ‘landscape objects’. A separate group includes rarely used, obsolete and bookish borrowings clustered as follows: 1) names of atmospheric natural phenomena, 2) names of celestial bodies, 3) landscape objects, 4) names of precious and semi-precious stones and metals. **Results and conclusions.** It has been established that the borrowings of this lexical-thematic group may be both general Turkic, specifically regional, and purely dialectal. The study resumes the bulk of the analyzed vocabulary was borrowed to the Turkic languages through books, a significant number of the latter having been connected with Islam. To a very large extent, the loanwords reflect somewhat basic ideas about the surrounding world that continue to persist for centuries as part of the world religions.

Keywords: language contacts, Bashkir language, Bashkir dialects, borrowed vocabulary, Arab-Persian loanwords, names of natural phenomena, names of inanimate objects

Acknowledgements. The author expresses gratitude to Dr. Anna V. Dybo, Professor and Corresponding Member of the RAS, for most valuable consultations.

For citation: Ekba Z. N. Arab-Persian Loanwords in Bashkir and Its Dialects: Names of Inanimate Objects. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 444–463. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-444-463

1. Введение

Как отмечено в [СИГТЯ 2006: 352], представители пратюркского этноса, проживая в условиях континентального климата, на протяжении многих веков соприкасались со

всеми природными и атмосферными явлениями данной климатической зоны. Постоянное наблюдение за погодой и тесная взаимосвязь хозяйственной жизнедеятельности с ее состоянием способствовала весьма раз-

витой терминологии, включающей в себя сезоны, месяцы, сутки и части суток, атмосферные явления и различные погодные состояния, а также лексику, обозначающую объекты окружающего ландшафта. Исконная лексика данной лексико-тематической группы в числе других получила системное описание в коллективных монографиях [СИГТЯ 1997: 13–103] и [СИГТЯ 2006: 352–386], а также в работах К. М. Мусаева [Мусаев 2008: 42–67] и И. Г. Добродомова [Добродомов 2008: 101–118], но все эти труды ставили своей задачей описание древнейшего пласта лексики, поэтому практически не затрагивают ориентализмы, которые пришли в тюркские языки позднее.

В данной статье будут рассмотрены заимствования из арабского и персидского языков, охватывающие лексико-тематическую группу «Названия объектов неживой природы», употребляемые в башкирском языке и его диалектах, в сравнении с другими языками кыпчакской группы, а также огузскими и карлукскими при наличии таких соответствий¹. В отдельно взятых случаях проводится сопоставление с финно-угорскими и монгольскими языками, уточняется источник происхождения для ряда слов. Целью работы является полная систематизация и классификация этих лексем с точки зрения их распространения по языкам и регионам, определение способов и времени их вхождения в тюркские языки

2. Материалы и методы исследования

Основными источниками для сбора материала послужили следующие словари: «Башкорт теленең диалекттары һүзлеге» («Диалектологический словарь башкирского языка») [ДСБЯ 2002], «Башкорт теленең академик һүзлеге» («Академический словарь башкирского языка») (в 10 томах) [АСБЯ, I 2011; АСБЯ, II 2011; АСБЯ, III 2012; АСБЯ, IV 2013; АСБЯ, V 2013; АСБЯ, VI 2014; АСБЯ, VII 2015; АСБЯ, VIII 2016; АСБЯ, IX 2017; АСБЯ, X 2018] и «Башкирско-русский словарь слов арабского и персидского происхождения» [Экба 2004]. Методом сплошной выборки были выделе-

ны лексемы, обозначающие названия явлений неживой природы арабо-персидского происхождения, включая книжные и устаревшие слова, а также лексические единицы, которые имеют помету «диалектное» в [АСБЯ, I 2011; АСБЯ, II 2011; АСБЯ, III 2012; АСБЯ, IV 2013; АСБЯ, V 2013; АСБЯ, VI 2014; АСБЯ, VII 2015; АСБЯ, VIII 2016; АСБЯ, IX 2017; АСБЯ, X 2018] или указание на конкретный диалект или говор в [ДСБЯ 2002]. Источник происхождения лексемы и ее арабо-персидское написание приводятся в соответствии с [АСБЯ, I 2011; АСБЯ, II 2011; АСБЯ, III 2012; АСБЯ, IV 2013; АСБЯ, V 2013; АСБЯ, VI 2014; АСБЯ, VII 2015; АСБЯ, VIII 2016; АСБЯ, IX 2017; АСБЯ, X 2018], транслитерация в соответствии с [Ахметьянов 2004; Ахметьянов 2007а; Ахметьянов 2007б; Ахметьянов 2007в].

Поскольку перед нами стояла задача не ограничиваться данными только башкирского языка и его диалектов, в работе широко привлекались данные двуязычных и толковых словарей азербайджанского, казахского, карачаево-балкарского, киргизского, кумыкского, татарского, турецкого и узбекского языков. Для уточнения источника происхождения слов использовались русско-арабский словарь [Борисов 1993] и персидско-русские словари [Гаффаров I, 1976; Гаффаров, II 1976; Рубинчик, I 1983; Рубинчик, II 1983], а также персидско-английский словарь [Fazl-i-Ali 1885].

Для определения относительной хронологии вхождения слов данной группы лексики в ТЯ мы обращались к словарям, содержащим сведения о памятниках древнетюркской письменности: «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда Кашгарского [МК 2005], «Древнетюркский словарь» [ДТС 2016], «Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века» Э. Н. Наджипа [Наджип, I 2017; Наджип, II 2017; Наджип, III 2017; Наджип, IV 2017]; «Kırçak Türkçesi Sözlüğü» («Словарь кыпчакских языков») [KTS 2007], «Osmanlıca Türkçe Sözlük» («Словарь османского турецкого языка») [OTS 2005].

Принимая во внимание общность большей части заимствованной ориентальной лексики для языков Поволжья, в первую

¹ Ранее были рассмотрены зоонимы в башкирском языке и его диалектах [Экба 2023а].

очередь башкирского и татарского языков, с целью этимологического анализа использовались «Этимологический словарь татарского языка» Р. Г. Ахметьянова [Ахметьянов 2004; Ахметьянов 2007а; Ахметьянов 2007б; Ахметьянов 2007в] и «Этимологический словарь чувашского языка» В. Г. Егорова [Егоров 1964], а также «Этимологический словарь тюркских языков» Э. В. Севортяна [ЭСТЯ 1978], «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова [Будагов 1869; Будагов 1871], словари М. Рясенена «Versuch eines Etymologischen Wörterbuchs des Türkischen» [VEWT 1969] и Г. Дёрфера «Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen» [TMEN, I 1965; TMEN, II 1965; TMEN, III 1965]. Помимо этого, в работе привлекались данные «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» [СИГТЯ 1997] и [СИГТЯ 2006]. Для уточнения толкований отдельных слов или их соответствий в башкирском литературном языке использовались толковый словарь «Башкорт телендә йөрөгән гәрәп һәм фарсы һүззәре» («Арабские и персидские слова, употребляемые в башкирском языке») [Бейешев 2009] и переводной «Башкирско-русский словарь слов арабского и персидского происхождения» [Экба 2004].

Научная новизна работы состоит в том, что впервые предложены классификация и подробный анализ данной группы лексики, в том числе отдельная классификация редко-употребительных слов, для ряда лексических единиц уточнен источник происхождения, выявлено отражение низовых религиозных представлений тюркского этноса на языковом уровне через арабо-персидскую лексику, а также общее культурное влияние и новые знания об окружающем мире, которые пришли в тюркский мир с Востока благодаря книжному просвещению.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Атмосферные явления и состояние погоды

3.1.1. баш. лит. *һауа* (ар. هوا *hāwa*) 'воздух; небо; атмосфера, погода'; ряд говоров имеет фон. вариант *ауа* с выпадением фарингального *h* в анлауте: гайн., кызыл., мияс., с.-з., иргиз., ик-сакм. *ауа* 'воздух'; в кызыл.,

ик-сакм. говорах *һауа* имеет семантику 'струящийся воздух' (в теплый солнечный день) — соотв. баш. лит. *һағын* [ДСБЯ 2002: 373]; тат. *һава* 'воздух', *һавалар* 'погода', к.-балк. *хауа* 'воздух; погода; климат; климатические условия' [КБРС 1989: 708–709], в словарях казахского, киргизского, кумыкского, туркменского, чувашского языков не обнаружена, узб. *havo* 'воздух; погода; атмосфера' [УРС 1989: 39], *hava* 'воздух; погода, состояние атмосферы; климат', *havalıq* 'теплая погода; оттепель' [АзРС, II 2006: 342–343]. В арабском языке هوا 'воздух, атмосфера' [Борисов 1993: 106]. Наиболее ранняя фиксация *havā* в значении 'воздух' среди памятников отмечена в «Кодекс Куманикус» [KTS 2007: 94].

Неожиданная этимология этого слова приводится у Р. Г. Ахметьянова с ссылкой на словарь Л. З. Будагова: *һава* [hawa] 'воздух' (*һавалар* 'погода') < ар. *hāwa*, *һава*; *жәңси дәрт*, *инстинкт*; *тәкәбберлек*, *минминлек* 'половое влечение, инстинкт; высокомерие'¹ [Будагов 1871: 316], а также производное от него *һавалы* 'спесивый' [Ахметьянов 2007б: 237]. На наш взгляд, здесь речь идет о двух отдельных заимствованиях из арабского языка, которые происходят от разных основ и получили различную фонетическую адаптацию в ТЯ: *һава* 'воздух' с фарингальным *h* в анлауте (от ар. هوا 'воздух, атмосфера') и *һава* с заднеязычным *h* в анлауте в значении 'влечение, страсть' (от ар. هو 'влечение') [Борисов 1993: 98]. Второе из них имеет фиксацию в памятниках письменности: *hava* 'любовь, страсть, увлечение' в разных списках «Кутатду Билиг», а также имеет производное от него *havadarlıq* 'преданность, привязанность', источником происхождения которого указано персидское слово *havadar*, образованное с помощью тюркского аффикса *-lıq* («Врата истин» А. Югнеского) [ДТС 2016: 210]; *һава* в значении 'воздух' в [ДТС 2016] не отмечена. Приведенный Р. Г. Ахметьяновым дериват для татарского языка *һавалы* 'спесивый' вполне может являться метафоризацией *һава* 'воздух' (ср. тур. перен. *havalı* 'легкомысленный, пустой, ветреный; распущенный, избалованный' [БТРС 1998: 393]).

¹ Здесь и далее перевод словарных статей толковых словарей с башкирского, татарского, казахского и узбекского языков автора.

3.1.2. баш. лит. *лэйсан* ‘первый весенний дождь’, баш. лит. *нисан* ‘апрель’ (перс. نيسن *нисан*); большое разнообразие фонетических вариантов и лексических значений этих слов представлено в башкирских диалектах: сакм. *лэйсэ*, тук-соран. *дайсан*, *зайсан*, *зэйсэн*, дем., с.-з. *гэйсэн*, караид., сакм. *сэйлэн*, средн. *сэйсэн* ‘первый весенний дождь’, сакм. *лэйсэн* ‘первый снег’, с.-з. *лэйсэн* ‘грибной дождь’, диал. *нисан ямгыры* ‘первый весенний дождь’ [ДСБЯ 2002: 77–78, 224, 292–293].

Подробная этимология слова *лэйсан* представлена в словаре Р. Г. Ахметьянова: он предполагает связь между лексемами *лэйсан* ‘первый весенний дождь’ и *сэйлэн* ‘мелкий жемчуг, бисер’, опираясь в том числе на приведенные нами выше примеры из диалектов башкирского языка. Существует также народное поверье о том, что капли первого весеннего дождя, попадая в воду, превращаются в жемчужные бусины, основанное, по всей видимости на том, что этому природному явлению придавалось очень большое значение для благополучия будущего урожая [Ахметьянов 2007а: 159]. Подобное поверье находим и у башкир: *лэйсан ямгыры* ‘первый весенний дождь’ связан с небом и небесными силами, поэтому приносит благополучие, счастье, здоровье, плодородие, плодовитость [Хисамитдинова 2010: 212]. Лексема *сэйлэн* в значении ‘драгоценный камень гранат, алмаздин’ — это старое общетюркское заимствование из арабского, на основании чего слово *лэйсан* Р. Г. Ахметьянов считает производным от *сэйлэн*. Однако этимология слова не столь однозначна: *лэйсан* в значении ‘весенний дождь’ может происходить и от персидского *нисан* ‘апрель’ (перс. نيسن), где словосочетание *Әбри-нисан* ‘апрельские облака’ имеет метафорическое значение, являет собой признак благополучия наступившего года и в целом несет в себе семантику благоденствия и надежды [Ахметьянов 2007а: 159]. В пользу семантической связи лексемы *лэйсан* ‘первый весенний дождь’ и названия месяца апреля *нисан* свидетельствуют и данные огузских языков: в азербайджанском языке *leysan* означает ‘сильный весенний апрельский дождь, ливень’, а *leysan ayı* по азербайджанскому народному календарю —

это название первого месяца весны *апрель*¹ [АзРС, III 2006: 264–265], см. также тур. *Nisan* ‘апрель’ [БТПС 1998: 679].

В словарях казахского, кабардино-балкарского, туркменского, киргизского, узбекского, сибирско-татарского, чувашского, ногайского языков этой лексической единицы нет. Из кыпчакских только в кумыкском языке представлено название месяца *Яйсан* (*Майсан*) ‘апрель’ [КумРС 2007: 390], однако, скорее всего, в этом случае происходит контаминация данной лексемы с другими корневыми основами: мы бы предположили образование кум. *яйсан* от общетюрк. **ja:j* ‘лето’, а *майсан* — от рус. названия месяца ‘май’, оба слова образованы с помощью аффикса *-сан / -сэн*, значение которого Н. К. Дмитриев определяет как ‘повышенная склонность одного предмета к другому’ (по типу *буй-сан* ‘высокий, рослый’, *эш-сэн* ‘работающий’ и др. (см. подробно об этом [Дмитриев 1948: 73]), т. е. *яйсан* буквально может означать ‘склонный, приближенный к лету’ или еще точнее ‘подобный лету’, а *майсан* соответственно ‘подобный месяцу май’.

3.1.3. баш. лит. *шәфәк* (перс. شفق *шәфәк*) ‘вечерняя заря’; в говорах башкирского языка имеет фонетический вариант, отличный от литературного башкирского языка заднерядным вокализмом: арг., дем., тук-соран., ик-сакм. *шафак* ‘вечерняя заря’ [ДСБЯ 2002: 392], тат. *шәфәкь* ‘вечерняя или утренняя заря’, лексема происходит от арабского корня *шфк* ‘рассвет’ [Ахметьянов 2007в: 95]; слово можно отнести к регионализмам, в ТЯ Средней Азии и Кавказа не обнаруживается.

3.1.4. баш. лит. *йәйгөр*² ‘радуга’ в ряде

¹ Как известно, многие народы Средней Азии и Ближнего Востока традиционно придерживались летосчисления, согласно которому начало нового года приходится на день весеннего равноденствия 21 марта.

² Используемое в литературном башкирском языке и некоторых татарских диалектах *йәйгөр / йәйгур / йәйкоро* / тат. лит. *жәйгөр* ‘радуга’ имеет исконное происхождение: оно состоит из баш.-тат. корня *йәй / йак / йай* / тат. лит. *жәйә* ‘лук’ и баш. *кор* < общетюрк. *кур* ‘пояс, круг’ [Ахметьянов 1989: 10]. Л. З. Будагов объясняет слово *йәйгөр* как ‘оружие на поясе, меч’. В некоторых тюркских языках также ‘колчан, стре-

говоров имеет название, представляющее собой изафетную конструкцию, имеющую в составе арабское заимствование *салауат* (ар. صلاة *sālāwat*): тук-соран., средн. *салауат күпере* (ар. صلاة+баш. күпер ‘мост’), т. е. букв. ‘мост Салавата’, сакм. *салауат юлы* (ар. صلاة+баш. юл ‘дорога’) букв. ‘дорога Салавата’ [ДСБЯ 2002: 220, 267]. В словарях башкирского литературного языка *салауат* в значении ‘хвалебная молитва’ указано как устаревшее, однако активно используется в качестве антропонима в башкирском и татарском языках. Этимология слова подробно рассмотрена у Р. Г. Ахметьянова: тат. *салават*, кумык., к.-балк. *салават / салауат*, каз., к.-калп. *салабат* ‘величальная молитва’, кирг. *салабат*, *салават* ‘величие, духовное величие, способность забывать зло’ и др. восходит к ар. صلاة *sālāwat* ‘восхваление бога; осанна’ [Ахметьянов 2007б: 31].

Совершенно очевидно, что диалектные названия радуги в башкирском языке, как и в некоторых вышеупомянутых языках, имеют некое сакральное происхождение, связанное с восприятием ее появления как сверхъестественного явления (ср., например, поверье: *Салалуат күпере күренһә, якшыға була* ‘Если в небе появилась радуга — к добру’ [Хисамитдинова 2010: 257]). Подтверждение этому находим и в трудах Р. Г. Ахметьянова: *Салалуат күпере* означает ‘мост благословения, похвалы богу’ [Ахметьянов 1989: 9]; возможно, это переосмысление какого-либо старого названия радуги (см. чув. *салават / саламат кёпере*, которое В. Г. Егоров считал искаженным от изначального *самават кёпере* ‘мост небес, небесный мост’ (от ар. *сэмават* ‘небеса’) [Егоров 1964: 176]. Сравнение радуги с мостом сохраняется и в других словосочетаниях: баш. рел., мишарск., чагат. *сират күпере* миф. ‘мост сират’, чув. *асамат / асамас / асамат кепере* ‘мост богатыря’ и др. (см. подробнее [Ахметьянов 1989: 9–10]). В среднем говоре южного диалекта башкирского языка по такой же аналогии образовала’ [Будагов 1871: 73–74]. Сравнение радуги с луком имеется и в других тюркских языках: к.-балк. *джанкылыч* ‘радуга’ (*джаң* ‘лук’, *кылыч* ‘оружие, сабля’), узб. диал. *тиркамол* < перс. *тиркаман* ‘радуга’ (перс. *тир* ‘стрела’, *камън* ‘лук’) и др.

но название растения *салауат йемеше* (букв. ‘ягода Салавата’) — лит. баш. *тилебэрэн* ‘белена’ (см. подробнее о диалектных названиях растений [Экба 2023б: 89–104]).

Слово *salavāt* в значении ‘молитва, посвященная пророку Мухаммеду’ встречается во многих письменных памятниках древнекыпчакского языка, являющихся переводами с арабского и объединенных общей тематикой, посвященной исламскому законодательству [KTS 2007: 224].

3.1.5. баш. лит. *селлә* (перс. چله *чилле*) ‘самый жаркий и самый холодный периоды года, продолжительностью по 40 дней’: *йэй селләһе* (или *йэйге селлә*) ‘пора летней жары (период с 25 июня по 5 августа)’, *кыш селләһе* (или *кышкы селлә*) ‘пора зимних холодов (период с 25 декабря по 5 февраля)’ [АСБЯ, VII 2015: 481]; тат. *челлә*, кирг. *чилде*, ног., к.-калп. *шилде*, уйг. *чиллә*, общекыпч. *чиллэ* ‘id’; тат. *челлә* ‘самое крутое место при подъеме на гору’; Р. Г. Ахметьянов возводит слово к перс. *чилле* < *чиһилэ* в значении ‘сорок, сороковина’ [Ахметьянов 2007в: 39]; Л. З. Будагов тоже связывает это слово с первоначальным значением ‘сорок, сороковина’ и пишет, что оно имело сакральное значение, означающее воздержание от половых контактов в период сорока дней до и сорока дней после рождения младенца [Будагов 1869: 486]. Мифологизированное восприятие этого погодного явления находим и в башкирской мифологии: *Селлә бабай* ‘Дух погоды’ [Хисамитдинова 2010: 262]. Через тюркские языки слово распространилось и в финно-угорские языки Поволжья (см. напр. мар. *чеңла* ‘июль’ [Исанбаев 1978: 28]).

3.1.6. баш. лит. *сәхәр* (ар. سحر *sāḥr*) ‘заря, рассвет’; в башкирском языке чаще употребляется во втором значении ‘завтрак на заре (во время мусульманского поста)’, ср. *сәхәргә тороу* ‘вставать на рассвете для совершения завтрака во время поста’ [АСБЯ, VII 2015: 848]; тат. *сәхәр*, каз. *саһар / сәһәр* ‘рассвет, восход солнца’ [ТСКЯ, XIII 2011: 49, 108]; слово происходит от арабского корня *схр* ‘восход, заря, рассвет’ [Ахметьянов 2007б: 48; Будагов 1869: 622]. Параллельных употреблений в других кыпчакских

тюркских языках не найдено, поэтому слово может быть отнесено к регионализмам.

3.2. Ветер, холод, мороз и связанные с ними природные явления

3.2.1. баш. лит. *буран* (перс. (?) *بوران*)¹ ‘метель, буря, буран, вьюга’ [АСБЯ, II 2011: 401]; в диалектах образует большое количество изафетных конструкций, обозначающих различные виды этого природного явления: *айыу бураны* арг. ‘поземка’, ик-сакм., иргиз. ‘буран в начале апреля по старому стилю’; средн. *йылан бураны* ‘поземка’, *карга бураны* ‘буран перед прилетом грачей’, сакм. *ләүән бураны* ‘мартовский буран’, средн. *тыуыл бураны* ‘метель’, арг. *торнатүш бураны* ‘зимний буран, после которого остаются затвердевшие заносы’, сакм. *һепертке буран* ‘поземка’, караид. *йөгөрмә буран*, *йөгөртмә буран* ‘поземка’, средн. *хәмәл*² *бураны* ‘мартовский буран’ [ДСБЯ 2002: 60, 124]. Как можно видеть из приведенных примеров, некоторые диалектные названия бурана являются зооморфными, т. е. производными от названий животных, в том числе мифических: *айыу бураны* (букв. ‘медвежий буран’), *йылан бураны* (букв. ‘змеиный буран’), *карга бураны* (букв. ‘вороний буран’), *торнатүш бураны* (*торна* ‘журавль’ + *түш* ‘грудь’, т. е. букв. ‘грудь журавля’), *ләүән бураны* (от *ләү* ‘дракон’, букв. ‘драконий буран’); кроме того, как в диалектах, так и в литературном языке имеются названия птиц, производных от основы *буран*: дем., кызыл., сакм. *буран тургайы* ‘снегирь’ — лит. баш. *кызылтүш* и кызыл. *буран түрә* ‘белая лазоревка’ — лит. баш. *буран тургайы* [ДСБЯ 2002: 60].

Буран в башкирской мифологии является олицетворением сил природы (ср. *буран котора* ‘буран бесится’, *буран ыжылдай* ‘буран воет’ и др.) и представляется демо-

ническим существом в облике белобородого косматого старика; в башкирской народной культуре почитается также мифологический персонаж *Буран анаһы* (букв. ‘мать бурана’) ‘Дух бурана’ (см. подробнее [Хисамитдинова 2010: 72]).

Р. Г. Ахметьянов приводит следующие параллели для этой лексемы в тюркском и монгольском языках: тат. *буран*, тат. диал., азерб. *бураган* ‘обильно падающий снег’, алт., кирг. *борогон*, монг. *бороон* ‘буран’ или ‘сильный дождь’, тув. *бураң* ‘непогода, ненастье’, тур. диал. *боруқ* ‘туман’, чаг., перс.-тадж. *боран* ‘дождь’, *боридан* ‘выпадение дождя’, а также отмечает, что через татарский язык слово распространилось в другие языки Поволжья: рус., мар., морд. *буран* и другие и производит его от глагола *бура-у* < общекрымч. *бора-* ‘падать волнами, шквалами (о дожде и снеге)’ [Ахметьянов 2004: 155]. Подробную этимологию слова рассматривает Э. В. Севортян, который, ссылаясь на Г. Й. Рамстедта, отмечает, что тюркские формы имеют параллели не только в монгольских (ср. калм. *borān* ‘непогода’, ‘буря с дождем или снегом’, *boragan* < чаг. *boragan* ‘буря, вихрь’, монг. *boroyan* < **burigān* ‘дождь’, *burkan* ‘буран’, ‘метель’, *burku* ‘первый снег’), но и в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *бүргә* ‘пурга’, *бүргә-*, *бургал-* ‘начаться пурге’, ‘мести, заносить снегом (о вьюге)’, нан. *бора* ‘снежинки’, *бора-* ‘порошить, падать (о мелком снеге)’, маньчж. *буран* ‘буран, метель’, *бураша-* ‘мести (о метели)’, ‘подниматься снежному бурану’. Ученый отмечает, что сходство и совпадение многих тюркских и монгольских форм свидетельствует об их гомогенности [ЭСТЯ 1978: 191].

Несмотря на то, что весь ряд параллелей тюркских слов соответствует словообразовательным моделям в этих языках, необходимо было дать объяснение последовательной фиксации производных основ *боран-* и *бораган-* в памятниках древнетюркской письменности и отсутствие в них изначальной производящей глагольной основы *бора-*. Форма *боран-* отмечена в довольно поздних турецких памятниках, начиная примерно с XVII в., а форма *bürγan* имеется только в китайско-уйгурском словаре эпохи Мин, в связи чем Э. В. Севортян подвергает

¹ Источник происхождения слова указан по [АСБЯ, II 2011: 401].

² Первая часть изафета *хәмәл* в башкирском и татарском литературных языках является астрономическим названием ‘созвездие Овна’, баш. лит. уст. *хамал* ‘(название 1-го месяца солнечного года, соответствующее периоду с 22 марта по 21 апреля)’; сиб.-тат. *әмәл* < *хәмәл* ‘праздник начала весны’, слово происходит от ар. *хәмәл* ‘баран’ [Ахметьянов 2007б: 233].

сомнению идею В. В. Радлова возводить тюркско-гагаузское *бора* в значении ‘сильный ветер, буря, ураган; метель, вьюга; резкий, проходящий ветер, несущий ливень’ к греческому языку, а также считает неверным связывать тюркские формы с итал. *бора* ‘северный ветер’, хотя в целом не исключает, что происхождение слова выходит за рамки тюркских языков [ЭСТЯ 1978: 192].

Лексема *буран* имеется и в персидско-русских словарях: перс. نارود ‘метель’, ‘буря, ‘ураган’, ‘гроза’ [Гаффаров, I 1976: 111; Рубинчик, I 1983: 225], но, учитывая приведенные выше этимологические выкладки, мы считаем, что неверно было бы говорить о персидском языке как о непосредственном источнике заимствования для тюркских языков в целом и для башкирского в частности. Более правомерной здесь казалась бы теория так называемого «странствующего характера слова» (см. подробнее об этом [ЭСТЯ 1978: 192]), в пользу которой свидетельствует наличие параллелей из семито-хамитских, индоевропейских и уральских языков, а также надежно восстанавливаемая форма **burV* ‘снежная (песчаная) буря’ [СИГТЯ 2006: 369]). Однако наши сомнения рассеивает Г. Дёрфер, который весьма убедительно доказывает, что и в тюркские, и в персидский язык слово заимствовано из монгольского (см. подробно [TMEN, I 1965: 219–221]).

3.2.2. баш. лит. *ғарәсәт* (ар. عرصات) ‘ураган, буря’; перен. ‘бунт, беспорядок’, караид. *хәрәсәт* ‘буря’; диал. *ғарәсәт* ‘страшный холод’ [АСБЯ, III 2012: 313]; у Р. Г. Ахметьянова и в словарях других тюркских языков не отмечено, в башкирском языке дополнительно используется как религиозный термин ‘место сбора в Судный день’.

3.2.3. баш. миф. *зилзилә эле* ‘ветер Зилзиля’, название происходит от ар. زلزل *зилзилә* ‘землетрясение’ и распространено в этом значении в ряде тюркских языков: баш. лит., тат., сиб.-тат. *зилзилә*; каз. *зилзала* / *зилзала* [ТСКЯ, VII 2011: 181], кирг. *зилзала* [Юдахин, I 1985: 291]; чаг. *силсилә* [Ахметьянов 2004: 212]; в башкирском языке лексема мифологизирована: *зилзилә эле* — это самый страшный ветер, ураган конца света [Хисамитдинова 2010: 97].

3.2.4. баш. уст. *зәмһәрир* (перс. زمهریر *zämhärip*) ‘сильные холода, трескучие морозы’; тат. *зәмһәрир* ‘жгучий мороз, морозы; стужа; студёный ад в религиозной мифологии’; из всех исследуемых тюркских языков параллель обнаруживается только в узбекском: *замҳарир* уст. кн. ‘сильный холод, зима, стужа’ [ТСУЯ, I 1981: 297]. Р. Г. Ахметьянов отмечает, что это слово также есть и в арабском, однако изначальное его происхождение персидское [Ахметьянов 2004: 210], что подтверждается данными персидского словаря: *зәмһәрир* (перс. уст. زمهریر *zämhärip*) в значении ‘сильный мороз, стужа; очень холодное место’ является производным от корня *зам* (перс. уст. زم *zäm*) ‘холод, стужа’, ‘резкий холодный ветер’ [Рубинчик, I 1983: 764–765]. По всей видимости, другим производным от перс. زم *zäm* является регионализм, употребляемый в кирг. тыныш. *зампар* ‘небольшой снегопад в конце зимы’ [Юдахин, I 1985: 288], в башкирском и татарском языках не обнаруживается.

3.2.5. баш. лит. уст. *сарсар* (ар. صرصر) ‘жгучий мороз’, сакм. *сарсар* ‘февральский буран’, иргиз. *сарсар* ‘жгучий мороз’ [ДСБЯ 2002: 270]; у Р. Г. Ахметьянова и в словарях других тюркских языков не отмечено. В чалканском диалекте алтайского языка отмечается термин *šarša* ‘пороша’ [Баскаков 1985: 225]. Этимология данного слова не ясна. Возможно, существует генетическая связь с термином *sarsan* ‘февральский буран’ в одном из диалектов башкирского языка [Левитская 2001: 49].

3.2.6. баш. лит. *сил* / *сәил* / *һил* (ар. سيل) ‘сель, селевой поток’, ‘паводок, наводнение’ [АСБЯ, VII 2015: 522], тат. *сил* ‘сель, горный поток; наносы; островок в реке; осадок’, ст.-тюрк., ст.-монг. *sel*, госм., кирг., уйг. *сил*, туркм. *сил*; кум. *сел* ‘поток, потоп’, ‘разлив’, перен. ‘лава, масса’ [КумРС 2007: 261]; Р. Г. Ахметьянов, вслед за М. Рясняном, считает, что слово происходит от ар. сайл ‘течение, поток’ [Ахметьянов, I 2007б: 52; VEWT 1969: 408].

3.2.7. баш. лит. *туфан* (ар. طوفان *туфан*) ‘буря, ураган, тайфун, шторм’, ‘песчаная или снежная буря’, перен. ‘сильное наводнение, потоп’, *туфан һыуы* ‘всемирный

потоп' [АСБЯ, VIII 2016: 618]; тат. диал. *ту-фан* 'песчаная буря, вихрь' [БДСТЯ 2009: 662]; в других языках кыпчакской группы не обнаружено. В башкирской мифологической системе с использованием этой лексемы воспроизводится библейский сюжет о том, как пророк Нух в своем ковчеге спас от всемирного потопа каждой твари по паре (см. подробнее [Хисамитдинова 2010: 311]).

3.2.8. дем. *хут ҫыуығы* (ар. *حوت хут* + баш. диал. *ҫыуык* 'холод') 'морозы в середине января', лит. астр. *хут* 'созвездие Рыб', лит. уст. *хут* 'название 12-го месяца солнечного года, соответствующее периоду с 22 февраля по 21 марта'; тат. минз. говор *хут* 'февраль', дуб., мам. *хут сузығы* 'холода в период с 25 января по 6 марта', чаг. *хут чыгу* дуб. 'наступление весеннего равноденствия в марте' [БДСТЯ 2009: 703]; узб. *хут* 'одно из двенадцати зодиакальных созвездий; название 12-го месяца солнечного года, соответствующее периоду с 22 февраля по 21 марта' [ТСУЯ, II 1981: 713]; у Р. Г. Ахметьянова для татарского языка приводится *хут* 'созвездие Кита', а также 'название зодиакального созвездия Рыбы'; изначально лексема происходит из греческого, но в тюркские языки пришла через арабский [Ахметьянов 2007б: 237].

3.2.9. баш. диал. *һыкыу* 'мерзлый; мокрый (о снеге); густая, тяжелая пороша, которая бывает в особенно холодные и безветренные дни', арг., сакм., ай. *һыка, һыкы* 'снежные заносы', ср.-урал. *һыка*, караид., ср.-урал. *закы* 'липкий снег; иней', *зәһеу* 'липкий снег; мороз' [ДСБЯ 2002: 289, 384]; в Академическом словаре приводятся следующие значения слова *һыка* в качестве диалектных: 'сугроб', 'иней', 'пушистый снег', 'липкий снег' [АСБЯ, IX 2017: 660]; тат. *сыкы*, тат. диал. *зыкы* 'липкий снег', 'иней на деревьях'; мар. *зыке* 'изморозь', чув. *сәк, сәкә, сәхә* 'изморозь; мелкий снег; иней; небольшая (о зимней дороге)'; тат. диал. *зык салкын*, каз. *зыкы салкын* 'сильный мороз' [БДСТЯ 2009: 203]. Р. Г. Ахметьянов возводит его к общекипчакскому слову, которое происходит от перс.-тадж. *зах, заһи, зәһу* 'изморозь', 'грязь' [Ахметьянов 1989: 11], через тюркские языки заимствовано в другие языки (ср., например, абаз. *сыха* 'пуши-

стый снег') [Ахметьянов 2007б: 75], однако в словарях персидского языка [Гаффаров, I 1976; Гаффаров, II 1976; Рубинчик, I 1983; Рубинчик, II 1983] и [Fazl-i-Ali 1885] такой лексемы не найдено. Поэтому пока ее происхождение оставляет сомнение. Возможна некоторая семантическая связь с башкирской лексемой арабского происхождения *зәһеу* (ар. *زهو zehū*) 'блестящий; сверкающий' [Бейешев 2009: 47], во всяком случае отдаленно можно предположить развитие такого переносного значения по отношению к словам 'иней', 'снег' и 'сугроб', однако скорее всего здесь мы имеем дело с омонимией.

3.3. Объекты ландшафта

3.3.1. баш. лит. *зәмзам* 'святая вода' (ар. *زمزم zāzmām*), происходит от названия святого источника у храма Каабы в Мекке, во многих языках означает воду из этого источника, имеющую, согласно поверьям, целительную силу [Будагов 1869: 606]. Помимо основного, во многих тюркских языках и диалектах представлены значения, основанные на метафорическом переносе и несколько отличные от литературного языка: башкирский миасский говор в составе изафета *зәмзам ямгыры* 'первый весенний дождь' [ДСБЯ 2002: 93], тат. диал. *зәмзам* 'вино' [Ахметьянов 2004: 210], баш. разг. *зәмзам һыуы* 'вино', тур. *zemzet* 'очень вкусная вода' [БТРС 1998: 945], кирг. *зәмзам* 'целительная влага, бальзам', шутил. 'водка' [Юдахин, I 1985: 288], кум. *земзем* 'очень вкусная вода' [КумРС 2007: 125], каз., к.-балк. *земзем* 'целебная вода', этническое 'святая вода' [КБРС 1989: 289].

Как и у многих других народов, принявших ислам, у башкир бытует поверье, что вода из священного источника *зәмзам* способна избавить от болезней и недугов, нечистой силы и неудач [Хисамитдинова 2010: 98]. Очевидно, это одно из старых заимствований, пришедших в тюркские языки вместе с исламской религией, имеет фиксацию в памятнике «İrşādü'l Mülûk Ve's-Selâtin», который представляет собой религиозный трактат в переводе с арабского на среднекипчакский [KTS 2007: 336]. Возможно, это слово правильнее было бы отнести к ре-

лигиозной терминологии, однако здесь мы учитываем факт существования реального природного источника с таким названием.

3.3.2. баш. лит. уст. *мәғарә* (ар. مغارة *mā'arā*) 'пещера, грот; подземелье', кызыл. *мәғарә* 'пещера' [ДСБЯ 2002: 240], тат. *мәғарә* / *мәғарә* 'пещера, грот'; баш. лит. уст. *мәмерйә* / *мәмерйә* / *мәмерек* (ар. ممر *māmurrīyā*) 'пещера', 'яма, котловина', средн. говор *мәмерйә* 'котловина' [ДСБЯ 2002: 241], тат. *мәмержә* 'пещера, грот; подземные ходы, лабиринт'; Р. Г. Ахметьянов возводит слово к арабскому трехбуквенному корню *mrr* со значением 'обтекать, скручиваться' [Ахметьянов 2007а: 180]. Помимо башкирского и татарского, первая есть и в турецком языке, где она имеет весьма активное употребление: *mağara* 'пещера, грот' [БТРС 1998: 595].

Несмотря на то, что обе лексемы считаются устаревшими в башкирском литературном языке, они весьма актуальны для народной мифологии: *мәмерйә* 'пещера' связана с нижним миром, *мәмерйә аузы* 'вход в пещеру' (название является антропоморфным и означает букв. 'рот пещеры'); согласно поверьям, пещера является местом сближения нижнего и среднего миров, а в ней проживает *мәмерйә эйәһе* (вариант для кызыльского говора *мәғарә эйәһе*) 'дух пещеры', являющийся людям в облике лисы, змеи, птицы или лошади (см. подробнее об этом [Хисамитдинова 2010: 226–228]).

3.3.3. баш. лит. *сәхрә* (ар. صحراء *sāḥrā*) 'поле, степь', перен. 'природа; красивая, живописная местность' [АСБЯ, VII 2015: 847]; тат. *сәхрә* / *сахра* 'простор, лоно природы', каз. уст. кн. *сахра* 'пустыня Сахара' [ТСКЯ, XIII 2011: 48], в словарях других сопоставляемых языков не обнаруживается. Р. Г. Ахметьянов пишет, что первоначальным значением в арабском языке является 'камни, скалы', от него же происходит название пустыни Сахара [Ахметьянов 2007б: 48]. В башкирской обрядовой традиции есть описание обычая *сәхрәгә сығыу* — обряд выхода молодоженов на природу, направленный на проецирование плодovitости, благополучия и счастливой семейной жизни, во время которого произносятся определенные благопожелания [Хисамитдинова

2010: 278], в связи с чем так же, как и в предыдущем случае, можно говорить о мифологизированном восприятии этого ландшафтного объекта.

3.3.4. баш. лит. *шишмә* (перс. چشم *chāsh-mā*) 'родник, ключ', дем., ср.-урал. *шишмә* 'полынья', с.-з. *шишмә күз* 'исток родника; полынья'; тат. диал. *чишмә* 'речка, ручей' [БДСТЯ 2009: 756], тур. *çeşme* 'источник; фонтан; водоем', тур. диал. 'кран' [БТРС 1998: 182], осм. *çeşme* 'родник, ручей', *çeşmesar* поэт. 'место, изобилующее источниками' [OTS 2005: 144]. Р. Г. Ахметьянов проводит следующие параллели: тат. *чишмә* 'родник, ключ', удм. *чэшимэ*, кирг. *чечме*, туркм. *чешме*, к.-калп. *шешме*, госм. *чәшмә* и со ссылкой на Л. З. Будагова, возводит слово к перс. *чәшмә* < *чәшм*, *чаим* 'күз' ('глаз') [Будагов 1869: 476; Ахметьянов 2007в: 103].

Такая этимология хорошо объясняет, почему в мифологическом восприятии башкир *шишмә* 'родник, ключ' — это 'глаза земли', он связывает подземный и земной миры, является объектом почитания и местом совершения многих обрядов; объектом поклонения является также *шишмә эйәһе* 'дух родника' (см. подробнее об этом [Хисамитдинова 2010: 361]). Нужно заметить, что в целом перенос частей тела на ландшафтные объекты является весьма универсальным явлением для тюркских языков, в частности, метафорический перенос 'глаз' — 'родник' характерен и для исконного слова **göz*, начиная с древнейших времен: в таком переносном значении оно употреблялось в средне-уйгурском, хорезмско-тюркском, средне-кыпчакском, чагатайском и продолжает употребляться во многих современных языках и диалектах; метафора характерна и для тюркских языков, подвергшихся иранскому культурному влиянию — тадж. *чаши-ма*, перс. *çaşt sar*, которые, скорее всего, могли возникнуть под воздействием арабского языка (*саун* 'глаз, источник' — общесемитская многозначность) [СИГТЯ 2006: 656].

3.3.5. баш. лит. уст. кн. *шур* (перс. شور *shor*) 'соль; насыщенная соленая вода; минеральная вода; минеральный источник' [АСБЯ, IX 2017: 869], иргиз. *шур* 'соль' [ДСБЯ 2002: 396]; тат. *шур* 'соленый, соль'

[TPC 1966: 718], тат. диал. *шур* ‘соленая вода; сок мяса’ [БДСТЯ 2009: 790], каз. *сүр* ‘вяленый’ [Бектаев 2007: 425]. Р. Г. Ахметьянов указывает на родство тат. диал. *шур* ‘пересоленный, соленый’ с другим диалектизмом *шур* (*ut*) ‘копченое (мясо)’, а также производных от них *шүрә* и сиб.-тат. *шөрә*, *шөйрө* ‘сушеная рыба (вобла)’¹. Кроме того, он приводит башкирско-татарскую поговорку *Бар чагында бүредәй, юк чагында шүредәй* ‘Всегда как волк, но иногда как шпудля’, где *шүредәй* возможно могло быть образовано не от *шүре* ‘шпудля’, а от *шүрә* ‘вобла’ (?) [Ахметьянов 2007в: 103]². В башкирском языке есть еще один вариант такой поговорки: *Аш янында бүре кеүек, эш янында шүре кеүек* ‘Ест как волк, а работает как шпудля’ [Ахтямов 2008: 591].

В словаре Р. Г. Ахметьянова проводится сопоставление тат. *шур* ‘соль из степных озер; солонец, солончак; чахлый кустарник у солончаков’, уст. ‘рассол’, а также тат. диал. *шүр* ‘соленый, пересоленный’ с кирг. и монг. *шор* ‘тоз, тозлак’ (‘соль, солончак’), узб. *шўр* ‘тозлы, артыкча тозланган’ (‘соленый, пересоленный’), к.-калп. *сор* > рус. диал. *сор*, и даже с рус. *шор* — *Себер һәм Казахстан якларындагы чукрак күлләрдән алынган тоз* ‘Соль, добываемая из глубины озер Сибири и Казахстана’ [Ахметьянов 2007в: 102]. Следы заимствования прослеживаются и в огузском языке: слово *şūr*, одним из нескольких значений которого является ‘соль, соленый’, находим в словаре османского языка с указанием на персидский источник [OTS 2005: 431].

Кроме фиксации слов *замзам* ‘святая вода’ и *чишмә* / *шишмә* ‘ключ, родник;

речка, ручей’, остальные лексемы группы «Объекты ландшафта» в словарях письменных памятников [ДТС 2016; KTS 2007; Наджип, I 2017; Наджип, II 2017; Наджип, III 2017; Наджип, IV 2017] и [МК 2005] нам обнаружить не удалось, в связи с чем, по всей видимости, их можно отнести к относительно поздним заимствованиям.

Промежуточные выводы

По данным анализа заимствованной лексики этих подгрупп можно сделать вывод о том, что часть ее отражает исламские религиозные представления, а другая несет в себе отражение низовых религиозных верований; третья часть названий природных явлений может быть отнесена к нейтральным:

1) мусульманские: *замзам* (ар. زمزم *zāzmām*) ‘название святого источника в Мекке; святая вода’; *ғарәсәт* / *хәрәсәт* (ар. عرصات *‘urāsāt*) ‘ураган, буря’; перен. ‘бунт, беспорядок’; рел. ‘место сбора в Судный день’; *зилзилә елө* (ар. زلزل *zilzilä*) ‘ветер Зилзиля; ураган конца света’; *замһарир* (перс. زمهریر *zāmhārip*) ‘сильные холода, трескучие морозы; студеный ад в религиозной мифологии’; *сәхәр* (ар. سحر *sāḥār*) ‘заря, рассвет; завтрак на заре (во время мусульманского поста)’; *туфан* (ар. طوفان *tuḥfān*) ‘буря, ураган, тайфун, шторм; песчаная или снежная буря’, перен. ‘сильное наводнение, потоп’; *туфан һыуы* ‘всемирный потоп’;

2) связанные с низовыми верованиями: *буран* ‘метель, буря, буран, вьюга’ (см. выше — монголизм); *ләйсән* ‘первый весенний дождь’ (перс. نيسن *nisān*), *салауат күпере* и *салауат* юлы (ар. صلوٰة *sālāwat*) радуга; *селлә* (перс. چله *chille*) ‘самый жаркий и самый холодный периоды года, продолжительностью по 40 дней’; *мәғарә* (ар. مغارة *mā‘arä*) ‘пещера, грот; подземелье’; *мәмерйә* / *мәмәйә* / *мәмерек* (ар. ممر *mā-murriyā*) ‘пещера; яма, котловина’; *сәхрә* (ар. صحراء *sāḥrā*) ‘поле, степь’, перен. ‘природа’, ‘красивая, живописная местность’; *шишмә* (перс. چشم *chāshimā*) ‘родник, ключ’;

3) нейтральные: *һауа* (ар. هوا *hāwa*) ‘воздух; небо; атмосфера, погода’; *шәфәк* (перс. شفق *shāfāq*) ‘вечерняя заря’; *сарсар* (ар. صرصر *ṣarṣar*) ‘жгучий мороз; февральский

¹ В словаре Д. Г. Тумашевой *шур* ‘соленая вода’ и *шуру* ‘вобла’ [Тумашева 1992: 251].

² На наш взгляд, альтернативное толкование этой поговорки, предложенное Р. Г. Ахметьяновым, выглядит вполне убедительным, учитывая, что, во-первых, для паремии более логично противопоставление двух животных (*бүре* ‘волк’ ~ *шүрә* ‘вобла’), нежели сравнение волка со шпудлей, а во-вторых, следует принять во внимание тот факт, что пословицы и поговорки являются достаточно древними языковыми образованиями, в то время как шпудля — предмет, вошедший в человеческий обиход относительно недавно, если говорить в масштабе развития цивилизации. — Прим. авт.

буран'; *сил* / *сәил* / *һил* (ар. سيل) 'сель, селевой поток; паводок, наводнение'; *хут* *сыуығы* (ар. حوت *хут* + баш. диал. *сыуык* 'холод') 'морозы в середине января'; *һыкыу* 'мерзлый; мокрый (о снеге)'; *шур* (перс. شور *шор*) 'соль; насыщенная соленая вода; минеральная вода; минеральный источник'.

3.4. Редко употребительные книжные заимствования

В самостоятельный раздел мы определили литературные заимствования, которые характеризуются тем, что практически не встречаются в повседневной речи и фиксируются в словарях как «устаревшие книжные». Среди таких, редко употребительных, заимствованных арабо-персидских названий объектов неживой природы в башкирском языке можно выделить следующие группы слов:

1) названия атмосферных природных явлений: *асман* / *эсман* 'небо, небосвод' (в отличие от башкирского языка, у юго-восточных казахов *асман* — основное название неба, заимствуется в южно-монгольские языки), *нәүзә* 'воздух, атмосфера', *саба* (от ар. *сабах* 'утро') в сочетании *саба эле* 'легкий утренний ветерок, зефир', *сәма* / *сәмә* 'небо, небеса', *сәраб* 'мираж, марево', *сәрди* 'холод, стужа; прохлада', *хар* 'жар, пекло, зной', *хәришит* 'солнечный свет';

2) названия небесных тел: *бөрөж* 'созвездие; зодиак, знак зодиака', *Ғәкрәп* 'созвездие Скорпиона', *Зөхрә* 'Венера', *Зөхәл* 'Сатурн', *Жәди* 'созвездие Козерога', *кәмәр* 'луна', *кәүкәп* 'звезда', *Кәүес* 'созвездие Стрельца', *Маррих* 'Марс', *Мизан* 'созвездие Весы', *нөжүм* собир. 'звезды', *Отарид* 'Меркурий', *Сәмбәлә* / *Сөнбәлә* 'созвездие Девы', диал. 'сентябрь', *Сөрәйә* 'созвездие Большой Медведицы', *сәйярә* 'планета', *Сәүер* 'созвездие Тельца', *талиғ* 'звезда', *Хәмәл* 'созвездие Овна', *һиләл* 'молодой месяц', 'народившаяся луна', *Һәүер* 'созвездие Тельца', *шәмсе* 'солнце', *әжрам* / *әжрәм* 'небесное тело; светило', *Әсәд* (*Әсәд нәжүме*) 'созвездие Льва';

3) объекты ландшафта: *бәхр* 'море', *вәһә* 'оазис, долина', *ғәйсәр* поэт. 'гейзер, вулкан', *гүәер* 'глубоководье', *даръя* 'большая

река; море' (в казахских диалектах является основным названием реки); *нәһер* 'река; арык, ручей', *рах* 'дорога', *сахил* 'берег, побережье', *әбхәр* собир. 'моря; большая река', *әнһар* 'река, ручей', *әрыз* 'суша', в сочетании *көррәи әрыз* 'Земной шар; территория, местность';

4) названия драгоценных и полудрагоценных камней и металлов: *акык* 'сердолик', диал. 'камень перстня, халцедон', *гәрәбә* 'янтарь', *гәүһәр* / *йәүһәр* 'драгоценный камень; самоцвет; бриллиант', *дәр* 'жемчуг', *дөррә* 'жемчуг' в сочетании *дөррә йәтим* 'редкий сорт жемчуга', *зөбәржәт* 'оливин, хризолит, изумруд', *зәр* 'золото', *йәшмә* 'яшма', *зәркән* / *зәргәр* 'циркон, гиацинт (минерал)', *ләл* 'драгоценный камень красного или алого цвета', *ләгил* 'драгоценный камень красного цвета; красящее вещество'; *мәрийен* 'коралл; ярко-красный, розовый или белый камень, известковое отложение', *мәрмәр* 'мрамор; алебастр', *мәрүәрид* 'жемчуг; мрамор', *мәрүәт* 'жемчуг; перламутр', *сим* 'серебро', *сәдәф* 'перламутр, раковина', *тутыя* 'цинк, окись цинка; купорос', *фирүзә* 'бирюза'.

Все эти слова являются книжными заимствованиями, в устной речи встречаются только некоторые лексемы четвертой подгруппы «Названия драгоценных и полудрагоценных камней и металлов». Слова из второй группы «Названия небесных тел» относятся к узкоупотребительной астрономической терминологии, а содержимое первой и третьей групп «Названия атмосферных природных явлений» и «Объекты ландшафта» в словарях отмечены как устаревшие и в живой речи, за редким исключением, практически не употребляются.

4. Общие выводы

Как можно видеть из приведенного материала, заимствования данной лексико-тематической группы имеют как общетюркский, так и узко-региональный и чисто диалектный характер. По месту распространения по языкам и регионам их можно разделить на следующие группы.

1) общетюркские: *һауа* / *һава* (ар. هوا *һәуә*) 'воздух; небо; атмосфера, погода'; *селлә* / *чиллә* (перс. چله *чилле*) 'самый жаркий и

самый холодный периоды года, продолжительностью по 40 дней'; *сил / сәил / һил* (ар. سيل) 'сель, селевой поток; паводок, наводнение'; *зәмзәм* (ар. زمزم *zāmzām*) 'святая вода'; *ишишмә / чишмә* (перс. چشم *chāshma*) 'родник, ключ'; *шур / шор* (перс. شور *shor*) 'соль; насыщенная соленая вода; солончак'.

2) регионализмы:

а) башкирско-татарские: баш. лит. *шәфәк / шафак*, тат. *шәфәк* (перс. شفق *shāfāq*) 'вечерняя или утренняя заря'; баш. лит. уст. *мәмерйә / мәмәрийә / мәмерек* (ар. ممر *māmuriyyā*) 'пещера, яма, котловина', средн. говор *мәмерйә* 'котловина', тат. *мәмержә* 'пещера, грот; подземные ходы, лабиринт'; баш. лит. *туфан* (ар. طوفان *tuufan*) 'буря, ураган, тайфун, шторм, песчаная или снежная буря', перен. 'сильное наводнение, потоп', *туфан һыуы* 'всемирный потоп', тат. диал. *туфан* 'песчаная буря, вихрь';

б) башкирско-татарские плюс единично в других тюркских языках: баш. лит. уст. *мәмерйә / мәмәрийә / мәмерек* (ар. ممر *māmuriyyā*) 'пещера', 'яма, котловина', средн. говор *мәмерйә* 'котловина', тат. *мәмержә* 'пещера, грот; подземные ходы, лабиринт', тур. *mağara* 'пещера, грот'; баш. лит. *сәхәр*, тат. *сәхәр*, каз. *saħar / сәһәр* (ар. سحر *sāħar*) 'заря, рассвет; восход солнца'; баш. уст. *зәмһәрир* (перс. زمهریر *zāmħārīr*) 'сильные холода, трескучие морозы'; тат. *зәмһәрир* 'жгучий мороз, морозы; стужа; студеный ад в религиозной мифологии', узб. *замҳарир* уст. кн. 'сильный холод, зима, стужа'; баш. лит. *сәхрә* (ар. صحراء *sāħrā*) 'поле, степь', перен. 'природа', 'красивая, живописная местность', тат. *сәхрә / сахра* 'простор, лоно природы', каз. уст. кн. *сахра* 'пустыня Сахара'; баш., тат. *ләйсән* 'первый весенний дождь', аз. *leysan* 'сильный весенний апрельский дождь; ливень'; баш. лит. *нисан* (перс. نيسن *nisan*), тур. *Nisan* 'апрель';

в) поволжские: баш. диал. *һыкыу* 'мерзлый; мокрый (о снеге); густая, тяжелая пороша, которая бывает в особенно холодные и безветренные дни', арг., сакм., ай. *һыка, һыкы* 'снежные заносы', ср.-урал. *һыка*, караид., ср.-урал. *закы* 'липкий

снег, иней', *зәһеу* 'липкий снег; мороз', тат. *сыкы*, тат. диал. *зыкы* 'липкий снег, иней на деревьях'; мар. *зыке* 'изморозь', чув. *сәк, сәкә, сәхә* 'изморозь, мелкий снег; иней; нескользящая (о зимней дороге)'; тат. диал. *зык салкын*, каз. *зыкы салкын* 'сильный мороз';

3) диалектизмы: тук.-соран., средн. *салауат күпере* (ар. صلوة+баш. күпер 'мост'), сакм. *салауат юлы* (ар. صلوة+баш. юл 'дорога') 'радуга'; баш. *ғәрәсәт* (ар. عرصات *arṣat*) 'ураган, буря'; перен. 'бунт, беспорядок', караид. *хәрәсәт* 'буря'; диал. *ғәрәсәт* 'страшный холод'; баш. лит. уст. *сарсар* (ар. صرصر *ṣarṣar*) 'жгучий мороз', сакм. *сарсар* 'февральский буран', иргиз. *сарсар* 'жгучий мороз'; диал. употребление дем. *хут сыуығы* (ар. تود *hut* + баш. диал. *сыуык* 'холод') в зн. 'морозы в середине января' и тат. минз. говор *хут* 'февраль', дуб., мам. *хут сузығы* 'холода в период с 25 января по 6 марта' при общем значении в башкирском литературном языке и многих других тюркских языках 'созвездие Рыб', а также 'название 12-го месяца солнечного года, соответствующее периоду с 22 февраля по 21 марта'; сюда же можно отнести диал. употр. баш. миф. *зилзилә еле* (ар. زلزل *zilzilā*) 'ветер Зилзиля', при общекипчакском значении 'землетрясение' (баш. лит., тат., сиб.-тат. *зилзилә*; каз. *зилзала / зілзала*, кирг. *зилзала*);

4) отдельно от всех отстоит баш. лит. и диал. *буран* 'метель, буря, буран, вьюга', имеющее монгольское происхождение и соответствия не только в близкородственных монгольских и уральских, но и тунгусо-маньчжурских, семито-хамитских и индоевропейских языках¹.

Самостоятельный раздел представляют собой редко употребительные, устаревшие и книжные заимствования названий объектов неживой природы, среди которых для башкирского языка выделены следующие группы слов:

- 1) названия атмосферных природных явлений;
- 2) названия небесных тел;

¹ Подробный этимологический разбор и дистрибуция этого слова в монгольских языках и диалектах, а также возможные алтайские соответствия рассмотрены в [Дыбо и др. 2024: 1379–1381].

- 3) объекты ландшафта;
- 4) названия драгоценных и полудрагоценных камней и металлов.

Что касается хронологии, то безусловно, исконная терминология, связанная с явлениями природы, погодными условиями и объектами ландшафта, является наиболее древней. Она в полной мере отражает представление пратюркского этноса об окружающем мире, в основе которого лежат древние языческие верования. Если охватить общее число арабо-персидской заимствованной лексики этой тематической группы, включая устаревшие и книжные слова, то можно наблюдать не столько влияние исламской религии, сколько наслоение значительного общего культурного пласта знаний об окружающем мире, который пришел в тюркский мир благодаря книжному просвещению. Это и названия не известных тюркам природных и погодных явлений, не характерных той климатической зоне, в которой они проживали, и астрономическая терминология, и названия драгоценных камней и металлов,

распространенных в странах Востока, и заимствованные тюрками от арабов и персов системы летосчисления согласно лунному и солнечному календарю.

Обращает на себя внимание и тот факт, что практически вся рассматриваемая заимствованная лексика данной лексико-тематической группы в башкирском языке очень сильно мифологизирована и отражает как низовые, так и исламские представления о природных явлениях и объектах ландшафта. Это приводит нас к важному выводу о том, что в языке нашло отражение постоянное, самопроизводящееся состояние низовой религии, которая подстраивается под влияние вновь приходящих религий, в данном случае, под ислам: несмотря на то, что большая часть проанализированной заимствованной лексики пришла в тюркские языки через книжные источники, значительное число которых так или иначе связана с мусульманством, в очень большой степени она отражает низовые представления об окружающем мире, которые продолжают сохраняться на протяжении многих веков.

Сокращения *Языки и диалекты*

абаз. — абазинский
азер. — азербайджанский
алт. — алтайский
ар. — арабский
баш. — башкирский
греч. — греческий
госм. — османский
дуб. — дубязский говор среднего диалекта татарского языка
итал. — итальянский
каз. — казахский
к.-балк. — карачаево-балкарский
калм. — калмыцкий
к.-калп. — каракалпакский
кирг. — киргизский
кирг. тяньш. — тяньшаньский диалект киргизского языка
кум. — кумыкский
мам. — мамадышский говор среднего диалекта татарского языка
ман. — маньчжурский
мар. — марийский
минз. — минзелинский говор татарского языка
монг. — монгольский
морд. — мордовский

нан. — нанайский
ног. — ногайский
обще-тюрк. — общетюркский
осм. — османский
перс. — персидский
перс.-тадж. — персидско-таджикский
рус. — русский
сиб.-тат. — сибирско-татарский
ст.-монг. — старомонгольский
тадж. — таджикский
тат. — татарский
тув. — тувинский
тур. — турецкий
туркм. — туркменский
тюрк. — тюркский
узб. — узбекский
уйг. — уйгурский
чаг. — чагатайский
чув. — чувашский
эвенк. — эвенкийский
юго-вост. каз. — юго-восточный диалект казахского языка

Диалекты и говоры башкирского языка

Восточный диалект

ай. — айский говор

арг. — аргаяшский говор
кызыл. — кызыльский говор
миас. — миасский говор
сал. — сальютский (сальзигутский) говор

Южный диалект

дем. — демский говор
ик-сакм. — ик-сакмарский говор
иргиз. — иргизский говор
сакм. — сакмарский говор

средн. — средний говор
тук-соран. — тук-соранский говор

Северо-Западный диалект

гайн. — гайнинский говор
караид. — караидельский говор
нижебельск. — нижебельский говор
с.-з. — северо-западный диалект
ср.-урал. — среднеуральский говор
танып. — таныпский говор

Источники

- АзРС, II 2006 – Azərbaycanca-Rusca Lüğət (= Азербайджанско-русский словарь): в 4 тт. / под ред. Т. М. Таджиева. Т. II (Е–К). Баку: Изд-во SƏRQ-QƏRB, 2006. 848 с.
- АзРС, III 2006 – Azərbaycanca-Rusca Lüğət (= Азербайджанско-русский словарь): в 4 тт. / под ред. Т. М. Таджиева. Т. III (Q–R). Баку: Изд-во SƏRQ-QƏRB, 2006. 840 с.
- АСБЯ, I 2011 — Башкорт теленең академик һүзлеге (= Академический словарь башкирского языка): в 10 тт. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. I. Уфа: Китап, 2011. 432 с.
- АСБЯ, II 2011 — Башкорт теленең академик һүзлеге (= Академический словарь башкирского языка): в 10 тт. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. II. Уфа: Китап, 2011. 568 с.
- АСБЯ, III 2012 — Башкорт теленең академик һүзлеге (= Академический словарь башкирского языка): в 10 тт. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. III. Уфа: Китап, 2012. 864 с.
- АСБЯ, IV 2013 — Башкорт теленең академик һүзлеге (= Академический словарь башкирского языка): в 10 тт. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. IV. Уфа: Китап, 2013. 944 с.
- АСБЯ, V 2013 — Башкорт теленең академик һүзлеге (= Академический словарь башкирского языка): в 10 тт. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. V. Уфа: Китап, 2013. 888 с.
- АСБЯ, VI 2015 — Башкорт теленең академик һүзлеге (= Академический словарь башкирского языка): в 10 тт. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. VI. Уфа: Китап, 2015. 944 с.
- АСБЯ, VII 2015 — Башкорт теленең академик һүзлеге (= Академический словарь башкирского языка): в 10 тт. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. VII. Уфа: Китап, 2015. 872 с.

Sources

- Тағйев М. Т. (ed.) Azerbaijani-Russian Dictionary. In 4 vols. Baku: Şərq-Qərb, 2006. Vol. 2: E–K. 848 p. (In Az. and Russ.)
- Тағйев М. Т. (ed.) Azerbaijani-Russian Dictionary. In 4 vols. Baku: Şərq-Qərb, 2006. Vol. 3: Q–R. 840 p. (In Az. and Russ.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 1: A. Ufa: Kitap, 2011. 432 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 2: B. Ufa: Kitap, 2011. 568 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 3: B–I. Ufa: Kitap, 2012. 864 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 4: Й–К. Ufa: Kitap, 2013. 944 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 5: К. Ufa: Kitap, 2014. 888 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 6: Л–Ө. Ufa: Kitap, 2015. 944 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 7: П–С. Ufa: Kitap, 2015. 872 p. (In Bash.)

- АСБЯ, VIII 2016 — Башкорт теленең академик һүзлеге (= Академический словарь башкирского языка): в 10 тт. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. VIII. Уфа: Китап, 2016. 832 с.
- АСБЯ, IX 2017 — Башкорт теленең академик һүзлеге (= Академический словарь башкирского языка): в 10 тт. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. IX. Уфа: Китап, 2017. 980 с.
- АСБЯ, X 2018 — Башкорт теленең академик һүзлеге (= Академический словарь башкирского языка): в 10 тт. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. X. Уфа: Китап, 2018. 980 с.
- Ахметьянов 2004 — *Ахметьянов Р. А.* Этимологический словарь татарского языка: в 4 тт. Т. I. Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2004. 258 с.
- Ахметьянов 2007а — *Ахметьянов Р. А.* Этимологический словарь татарского языка: в 4 тт. Т. II. Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2007. 258 с.
- Ахметьянов 2007б — *Ахметьянов Р. А.* Этимологический словарь татарского языка: в 4 тт. Т. III. Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2007. 240 с.
- Ахметьянов 2007в — *Ахметьянов Р. А.* Этимологический словарь татарского языка: в 4 тт. Т. IV. Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2007. 174 с.
- Ахтямов 2008 — *Ахтямов М. Х.* Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. (= Словарь башкирских народных пословиц и поговорок). Уфа: Китап, 2008. 776 с.
- Баскаков 1985 — Баскаков Н. А. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи): грамматический очерк, тексты, переводы, словарь. М.: Наука, 1985. 233 с.
- Бектаев 2007 — *Бектаев К.* Қазақша-Орысша Сөздік (= Казахско-русский словарь). Алматы: Алтын Қазына, 2007. 709 с.
- Бейешев 2009 — *Бейешев Ә. Ф.* Башкорт телендә йөрөгән ғәрәп һәм фарсы һүзләре (= Арабские и персидские слова, употребляемые в башкирском языке). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. 140 с.
- БДСТЯ 2009 — Татар теленең зур диалектологик сүзлеге (= Большой диалектологический словарь татарского языка) / сост.: Баязитова Ф. С., Рамазанова Д. Б., Садыкова З. Р., Хайретдинова Т. Х. Казань: Татарск. кн. изд-во, 2009. 839 с.
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 8: T. Ufa: Kitap, 2016. 832 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 9: У–Щ. Ufa: Kitap, 2017. 980 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 10: Ы–Я. Ufa: Kitap, 2018. 980 p. (In Bash.)
- Akhmetyanov R. G. Etymological Dictionary of the Tatar Language. In 4 vols. Vol. 1. Birsik: Birsik State Pedagogical Institute, 2004. 258 p. (In Tat.)
- Akhmetyanov R. G. Etymological Dictionary of the Tatar Language. In 4 vols. Vol. 2. Birsik: Birsik State Pedagogical Institute, 2007. 258 p. (In Tat.)
- Akhmetyanov R. G. Etymological Dictionary of the Tatar Language. In 4 vols. Vol. 3. Birsik: Birsik State Pedagogical Institute, 2007. 240 p. (In Tat.)
- Akhmetyanov R. G. Etymological Dictionary of the Tatar Language. In 4 vols. Vol. 4. Birsik: Birsik State Pedagogical Institute, 2007. 174 p. (In Tat.)
- Akhtyamov M. Kh. A Dictionary of Bashkir Proverbs and Sayings. Ufa: Kitap, 2008. 776 p. (In Bash.)
- Baskakov N. A. Lebed Chalkan (Kuu Kizhi) Tatar: Grammatical Essay, Texts, Translations, and Dictionary. Moscow: Nauka, 1985. 233 p. (In Russ. and Tat.)
- Bektaev K. Kazakh-Russian Dictionary. Almaty: Altyn Qazyna, 2007. 709 p. (In Kaz. and Russ.)
- Biishev A. G. Arabic and Persian Loanwords in Bashkir. Ufa: Institute of History, Language and Literature (USC RAS), 2009. 140 p. (In Bash.)
- Bayazitova F. S., Ramazanova D. B., Sadykova Z. R., Khayretdinova T. Kh. (comps.) Unabridged Dictionary of Tatar Dialects. Kazan: Tatarstan Book Publ., 2009. 839 p. (In Tat.)

- Борисов 1993 — *Борисов В. М.* Русско-арабский словарь / под ред. В. М. Белкина. М.: Сам Интернешнл, 1993. 1120 с.
- БТРС 1998 — Большой турецко-русский словарь (= *Büyük Türkçe-Rusça sözlük*). А. Н. Баскаков [и др.]; ред.: Э. М.-Э. Мустафаев, Л. Н. Старостов. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1998. 966 с.
- Будагов 1869 — *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарский наречий. Т. I. СПб.: Тип. Акад. наук, 1869. 820 с.
- Будагов 1871 — *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарский наречий. Т. II. СПб.: Тип. Акад. наук, 1871. 417 с.
- Гаффаров, I 1976 — *Гаффаров М. А.* Персидско-русский словарь: в 2 тт. Т. I / под ред. Ф. Е. Корша. М.: Наука. ГРВЛ, 1976. 946 с.
- Гаффаров, II 1976 — *Гаффаров М. А.* Персидско-русский словарь: в 2 тт. Т. II / под ред. Л. И. Жиркова. М.: Наука. ГРВЛ, 1976. 965 с.
- ДСБЯ 2002 — Башкорт теленең диалекттары һүзлеге (= Диалектологический словарь башкирского языка) / сост.: М. И. Дильмухаметов, У. Ф. Надергулов, С. Г. Сабирьянова, Г. Г. Гаряева. Уфа: Китап, 2002. 432 с.
- ДТС 2016 — Древнетюркский словарь / под ред. Д. М. Насилова, И. В. Кормушина и др.; сост.: Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин, И. В. Кормушин и др. Изд. 2-е, пересмотр. Астана: Ғылым, 2016. 760 с.
- Егоров 1964 — *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1964. 356 с.
- КБРС 1989 — Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Рус. яз., 1989. 832 с.
- КумРС 2007 — Къумукъча-орусча сѣзлюк (= Кумыкско-русский словарь) / сост.: Бамматов З. З., Оразаева Г. М. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007. 1733 с.
- МК 2005 — *Махмуд ал-Кашгари.* Диван Лугат ат-Турк / пер., предисл. и коммент. З.-А. М. Ауэзовой, индексы сост. Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
- Borisov V. M. Russian-Arabic Dictionary. V. Belkin (ed.). Moscow: Sam International, 1993. 1120 p. (In Russ. and Arab.)
- Baskakov A. N. et al. Unabridged Turkish-Russian Dictionary. E. Mustafaev, L. Starostov (eds.). Second edition. Moscow: Russkiy Yazyk, 1998. 966 p. (In Turk. and Russ.)
- Budagov L. Z. A Comparative Dictionary of Turkic-Tatar Dialects. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1869. 820 p. (In Tat., Russ., etc.)
- Budagov L. Z. A Comparative Dictionary of Turkic-Tatar Dialects. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1871. 417 p. (In Tat., Russ., etc.)
- Gaffarov M. A. Persian-Russian Dictionary. In 2 vols. Moscow: Nauka — GRVL, 1976. Vol. 1. F. Korsh (ed.). 946 p. (In Pers. and Russ.)
- Gaffarov M. A. Persian-Russian Dictionary. In 2 vols. Moscow: Nauka — GRVL, 1976. Vol. 2. L. Zhirkov (ed.). 965 p. (In Pers. and Russ.)
- Dilmukhametov M. I., Nadergulov U. F., Sabiryanova S. G., Garyaeva G. G. (comps.) Dictionary of Bashkir Dialects. Ufa: Kitap, 2002. 432 p. (In Bash.)
- Borovkova T. A., Dmitrieva L. V., Zyrin A. A., Kormushin I. V. et al. (comps.) Dictionary of Old Turkic. D. Nasilov, I. Kormushin et al. (eds.). Second edition, rev. Astana: Gylm, 2016. 760 p. (In Old Turk. and Russ.)
- Egorov V. G. Etymological Dictionary of the Chuvash Language. Cheboksary: Chuvashia Book Publ., 1964. 356 p. (In Chuv. and Russ.)
- Tenishev E. R., Suyunchev Kh. I. (eds.) Karachay-Balkar – Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1989. 832 p. (In Kar.-Bal. and Russ.)
- Bammatov Z. Z., Orzaeva G. M. (comps.) Kumyk-Russian Dictionary. Makhachkala: Institute of Language, Literature and History (DSC RAS), 2007. 1733 p. (In Kum. and Russ.)
- Al-Kashgari M. *Dīwān Lughāt al-Turk*. Z.-A. Auezova (transl., foreword, etc.); R. Ermers (indices). Almaty: Daik-Press, 2005. 1288 + 2 p. (In Turk., Russ., etc.)

- Наджип, I 2017 — *Наджип Э. Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века (на материале «Хосроу и Ширин» Кутба): в 4 кн. Кн. I. Астана: Гылым, 2017. 366 с.
- Наджип, II 2017 — *Наджип Э. Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века (на материале «Хосроу и Ширин» Кутба): в 4 кн. Кн. II. Астана: Гылым, 2017. Кн. II. 372 с.
- Наджип, III 2017 — *Наджип Э. Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века (на материале «Хосроу и Ширин» Кутба): в 4 кн. Кн. III. Астана: Гылым, 2017. 452 с.
- Наджип, IV 2017 — *Наджип Э. Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века (на материале «Хосроу и Ширин» Кутба): в 4 кн. Кн. IV. Астана: Гылым, 2017. 620 с.
- Рубинчик, I 1983 — *Рубинчик Ю. А.* Персидско-русский словарь: в 2 тт. Т. 1. М.: Русский язык, 1983. 800 с.
- Рубинчик, II 1983 — *Рубинчик Ю. А.* Персидско-русский словарь: в 2 тт. Т. 2. М.: Русский язык, 1983. 864 с.
- ТРС 1966 — Татарско-русский словарь / под ред. М. М. Османова. М.: Советская энциклопедия, 1966. 864 с.
- ТСКЯ, VII 2011 — Қазақ әдеби тілінің сөздігі (= Толковый словарь казахского языка): в 15 тт. / под ред. А. Удербаетова, О. Накысбекова, Ж. Кобыратбаева и др. Т. 7. Ж–К. Алматы: Казахская энциклопедия, 2011. 752 с.
- ТСКЯ, XIII 2011 — Қазақ әдеби тілінің сөздігі (= Толковый словарь казахского языка): в 15 тт. / под ред. А. Удербаетова, О. Накысбекова, Ж. Кобыратбаева и др. Т. 13. С–Т. Алматы: Казахская энциклопедия, 2011. 752 с.
- ТСУЯ, I 1981 — Ўзбек тилининг изоҳли луғати (Толковый словарь узбекского языка): в 2 тт. / под ред. З. М. Магруфова. Т. 1. А–Р. М.: Рус. яз., 1981. 632 с.
- ТСУЯ, II 1981 — Ўзбек тилининг изоҳли луғати (Толковый словарь узбекского языка): в 2 тт. / под ред. З. М. Магруфова. Т. 2. С–Х. М.: Русский язык, 1981. 715 с.
- Тумашева 1992 — *Тумашева Д. С.* Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Казанск. ун-т, 1992. 356 с.
- Najip E. N. Comparative-Historical Dictionary of Fourteenth-Century Turkic Languages: Analyzing Qutb's Khosrow and Shirin. In 4 vols. Astana: Gylym, 2017. Vol. 1. 366 p. (In Turk., Russ., etc.)
- Najip E. N. Comparative-Historical Dictionary of Fourteenth-Century Turkic Languages: Analyzing Qutb's Khosrow and Shirin. In 4 vols. Astana: Gylym, 2017. Vol. 2. 372 p. (In Turk., Russ., etc.)
- Najip E. N. Comparative-Historical Dictionary of Fourteenth-Century Turkic Languages: Analyzing Qutb's Khosrow and Shirin. In 4 vols. Astana: Gylym, 2017. Vol. 3. 452 p. (In Turk., Russ., etc.)
- Najip E. N. Comparative-Historical Dictionary of Fourteenth-Century Turkic Languages: Analyzing Qutb's Khosrow and Shirin. In 4 vols. Astana: Gylym, 2017. Vol. 4. 620 p. (In Turk., Russ., etc.)
- Rubinchik Yu. A. Persian-Russian Dictionary. In 2 vols. Moscow: Russkiy Yazyk, 1983. Vol. 1. 800 p. (In Pers. and Russ.)
- Rubinchik Yu. A. Persian-Russian Dictionary. In 2 vols. Moscow: Russkiy Yazyk, 1983. Vol. 2. 864 p. (In Pers. and Russ.)
- Osmanov M. M. (ed.) Tatar-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1966. 864 p. (In Tat. and Russ.)
- Uderbayev A., Nakysbekov O., Konyratbayev Zh. Et al. (eds.) Explanatory Dictionary of the Kazakh Language. In 15 vols. Almaty: Kazakh Encyclopedia, 2011. Vol. 7: Ж–К. 752 p. (In Kaz.)
- Uderbayev A., Nakysbekov O., Konyratbayev Zh. Et al. (eds.) Explanatory Dictionary of the Kazakh Language. In 15 vols. Almaty: Kazakh Encyclopedia, 2011. Vol. 13: С–Т. 752 p. (In Kaz.)
- Magrufov Z. M. (ed.) Explanatory Dictionary of the Uzbek Language. In 2 vols. Moscow: Russkiy Yazyk, 1981. Vol. 1: A–P. 632 p. (In Uzb.)
- Magrufov Z. M. (ed.) Explanatory Dictionary of the Uzbek Language. In 2 vols. Moscow: Russkiy Yazyk, 1981. Vol. 2: С–Х. 715 p. (In Uzb.)
- Tumasheva D. S. Dictionary of Siberian Tatar Dialects. Kazan: Kazan State University, 1992. 356 p. (In Tat. and Russ.)

- УРС 1989 — Узбекско-русский словарь / сост.: О. Азизов, В. Ризаева; под ред. И. Хайрулаева. Ташкент: Укитувчи, 1989. 185 с.
- Хисамитдинова 2010 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 456 с.
- Экба 2004 — *Экба З. Н.* Башкирско-русский словарь слов арабского и персидского происхождения. Уфа: Китап, 2004. 208 с.
- ЭСТЯ 1978 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.
- Юдахин, I 1985 — *Юдахин К. К.* Кыргызча-орусча сөздүк (Киргизско-русский словарь): в 2 тт. Т. I (А–К). Фрунзе: Гл. редакция киргизской советской энциклопедии, 1985. 504 с.
- Fazl-i-Ali 1885 — *Fazl-i-Ali M.* Dictionary of Persian and English Language. Maulawi: Education Society's Press, Byculla, 1885. 688 p.
- KTS 2007 — *Kıpçak Türkçesi Sözlüğü* (Словарь кыпчакских языков) / R. Toparlı, H. Vural, R. Karaatlı. 2 Baskı. 2nd ed. Ankara: Öncü Basımevi, 2007. 338 с.
- OTS 2005 – *Osmanlıca Türkçe Sözlük* (Словарь османского языка) / М. N. Özön. 9 Baskı. 9 ed. Istanbul: İnkılap, 2005. 928 с.
- TMEN, I 1965 — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. B. I. Wiesbaden: Steiner, 1963. 557 p.
- TMEN, II 1965 — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. B. II Wiesbaden: Steiner, 1965. 671 p.
- TMEN, III 1965 — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. B. III, Wiesbaden: Steiner, 1967. 670 p.
- VEWT 1969 — *Räsänen M.* Versuch eines Etymologischen Wörterbuchs des Türksprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. 533 s.
- Azizov O., Rizaeva V. (comps.) Uzbek-Russian Dictionary. I. Khairulaev (ed.). Tashkent: Ukituvchi, 1989. 185 p. (In Uzb. and Russ.)
- Khisamitdinova F. G. Dictionary of Bashkir Mythology. Moscow: Nauka, 2010. 456 p. (In Russ.)
- Ekba Z. N. Bashkir-Russian Dictionary of Arabic and Persian Loanwords. Ufa: Kitap, 2004. 208 p. (In Bash., Russ., etc.)
- Sevortyan E. V. Etymological Dictionary of the Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with the Letter 'B'. Moscow: Nauka, 1978. 349 p. (In Russ., Turk., etc.)
- Yudakhin K. K. Kyrgyz-Russian Dictionary. In 2 vols. Frunze: Sovetskaya Entsiklopediya (Kyrgyz SSR), 1985. Vol. 1: A–K. 504 p. (In Kyrg. and Russ.)
- Fazl-i-Ali M. Dictionary of the Persian and English Languages. Byculla, Bombay: Education Society's Press, 1885. 688 p. (In Pers. and Eng.)
- Toparlı R., Vural H., Karaatlı R. Kıpçak Türkçesi Sözlüğü. Second edition. Ankara: Öncü, 2007. 338 p. (In Turk.)
- Özön M. N. Osmanlıca Türkçe Sözlük. Ninth edition. Istanbul: İnkılap, 2005. 928 p. (In Turk.)
- Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Vol. 1. Wiesbaden: F. Steiner, 1963. XLVIII + 557 p. (In Germ., Pers., etc.)
- Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Vol. 2. Wiesbaden: F. Steiner, 1965. 671 p. (In Germ., Pers., etc.)
- Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Vol. 3. Wiesbaden: F. Steiner, 1967. I + 670 p. (In Germ., Pers., etc.)
- Räsänen M. Versuch eines Etymologischen Wörterbuchs des Türksprachen. Helsinki: Finn-Ugric Society, 1969. 533 p. (In Turk. and Germ.)

Литература

- Ахметьянов 1989 — *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука. 1989. 200 с.
- Дмитриев 1948 — *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л.: АН СССР, 1948. 276 с.
- Добродомов 2008 — *Добродомов И. Г.* Ландшафтная терминология в пратюркском // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М.: Вост. лит., 2008. С. 101–118.
- Дыбо и др. 2024 — *Дыбо А. В., Куканова В. В., Лиджиева Л. А., Бембеев Е. В., Голубева Е. В.* Названия ветра в монгольских языках: этимология и семантика. *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. №6. С. 1369–1399. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1369-1399
- Исанбаев 1978 — *Исанбаев Н. И.* Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 3–50.
- Левитская 2001 — *Левитская Л. С.* Метеорология // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М.: Наука, 2001. С. 13–40.
- Мусаев 2008 — *Мусаев К. М.* Представления тюрков о климате // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М.: Вост. лит., 2008. С. 42–67.
- СИГТЯ 1997 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т. 1: Лексика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1997. 800 с.
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т. 6: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
- Экба 2023а — *Экба З. Н.* Зоонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах // *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. № 5. С. 1325–1342. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1325-1342
- Экба 2023б — *Экба З. Н.* Фитонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 2(43). С. 89–103.

References

- Akhmetyanov R. G. Peoples of the Middle Volga: Common Vocabulary Related to Material Culture. Moscow: Nauka. 1989. 200 p. (In Russ.)
- Dmitriev N. K. Bashkir Grammar. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1948. 276 p. (In Russ.)
- Dobrodomov I. G. Landscape terms in Proto-Turkic. In: Natural Environment and Material Culture of Proto-Turks. Moscow: Vostochnaya Literatura (RAS), 2008. Pp. 101–118. (In Russ.)
- Dybo A. V., Kukanova V. V., Lidzhieva L. A., Bembeev E. V., Golubeva E. V. Wind-related terms in Mongolic languages: Etymology and semantics. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. No. 6. Pp. 1369–1399. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1369-1399
- Isanbayev N. I. Tatar loanwords in Mari: A lexical-semantic classification. In: Issues of the Mari Language. Yoshkar-Ola: Mari [El] Research Institute, 1978. Pp. 3–50. (In Russ.)
- Levitskaya, L. S. Meteorology. In: Comparative and Historical Grammar of Turkic Languages. Vocabulary. Moscow: Nauka, 2001. Pp. 13–40. (In Russ.)
- Musaev K. M. Turks and their representations of climate. In: Natural Environment and Material Culture of Proto-Turks. Moscow: Vostochnaya Literatura (RAS), 2008. Pp. 42–67. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages. Vol. 1: Vocabulary. Moscow: Nauka, 1997. 800 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R., Dybo A. V. (eds.) Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages. Vol. 6: Proto-Turkic. Linguistic Worldview of Proto-Turks. Moscow: Nauka, 2006. 908 p. (In Russ.)
- Ekba Z. N. Zoonyms of Arab-Persian Origin in the Bashkir Language and Its Dialects. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 5. Pp. 1325–1342. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1325-1342
- Ekba Z. N. Phytonyms of Arab-Persian origin in the Bashkir language and its dialects. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2023. No. 2(43). Pp. 89–103. (In Russ.) DOI: 10.25693/SVG.2023.43.2.007

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 2, Pp. 464–482, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.51

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-464-482

Маторский язык ближе к ненецкому или к камасинскому?

Юлия Викторовна Норманская^{1,2}

¹ Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (д. 25, ул. Александра Солженицына, 109004 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, главный научный сотрудник

² Институт языкознания РАН (д. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2769-9187. E-mail: [julianor\[at\]mail.ru](mailto:julianor[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Норманская Ю. В., 2025

Аннотация. *Введение.* Наиболее сложным вопросом в классификации самодийских языков является место маторского языка. Традиционно его объединяют в одну группу с камасинским языком. Но в последние годы появились точки зрения, что он наиболее близок к тундровому ненецкому языку, другие авторы считают маторский наиболее рано отделившимся языком. В настоящей статье будет проанализирована близость маторского языка к камасинскому или ненецкому с точки зрения глоттохронологии, фонетических и морфологических соответствий. *Материалы и методы.* На платформе ЛингвоДок собраны словари 16 лексических самодийских языков и диалектов и 3 морфологических словаря маторского, камасинского и тундрового ненецкого языка. Эти словари были обработаны с помощью авторских программ, оценивающих близость языков с точки зрения глоттохронологии, фонетических и морфологических соответствий. *Результаты.* С точки зрения глоттохронологии подтверждается традиционная классификация: самый высокий процент совпадений в базисной лексике наблюдается между маторским и камасинским языком — 76 %. С тундровым ненецким языком процент несколько ниже: 58–67 % в зависимости от словаря. С точки зрения фонетических соответствий не было выявлено надежных свидетельств длительного существования маторско-камасинской общности. Почти все выявленные фонетические изоглоссы являются характерными процессами и для тюркских языков Сибири. С точки зрения морфологии в большинстве случаев аффиксы общие в маторском с тундровым ненецким и камасинским являются архаичными. *Выводы.* Можно предположить, что общие фонетические и лексические инновации маторского и камасинского возникли в результате языковых контактов. Генетически маторский язык не имеет значимых фонетических или морфологических инноваций с другими самодийскими языками. **Ключевые слова:** самодийские языки, ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский, маторский, камасинский, фонетические соответствия, морфология, глоттохронология, классификация, полевые исследования, архивные данные

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Возможности искусственного интеллекта для сравнительно-исторического изучения малоресурсных языков народов РФ» (№ 25-78-20002).

Для цитирования: Норманская Ю. В. Маторский язык ближе к ненецкому или к камасинскому? // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 2. С. 464–482. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-464-482

Is Mator Closer to Nenets or to Kamas?

Julia V. Normanskaja^{1,2}

¹ Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (25, A. Solzhenitsyn St., 109004 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

² Institute of Linguistics of the RAS (1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-2769-9187. E-mail: julianor[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Normanskaja J. V., 2025

Abstract. *Introduction.* A most challenging question in Samoyedic classifications is the position of Mator. Traditionally, it has been grouped with Kamas. However, in recent years, some scholars have argued that it is most closely related to Tundra Nenets, while others consider Mator to be an earliest branch to have separated from Proto-Samoyedic. *Goals.* The article attempts an analysis into the relationship of Mator to Kamas and Nenets from the perspectives of glottochronology, phonetic correspondences, and morphological similarities. *Materials and methods.* The LingvoDoc platform contains dictionaries of 16 Samoyedic languages and dialects, as well as 3 morphological dictionaries for Mator, Kamas, and Tundra Nenets. The dictionaries have been processed by original LingvoDoc-based programs designed to assess linguistic proximities based on glottochronology, phonetics, and morphology. *Results.* The glottochronological insights tend to confirm the traditional classification: Mator and Kamas do prove to share most of their basic vocabularies (76 %), while common basic lexemes between Mator and Tundra Nenets are somewhat fewer (from 58 % to 67 % depending on a certain dictionary). However, as for phonetic correspondences, no sound evidence for any long-term existence of a Mator-Kamas branch has been traced. Almost all identified phonetic isoglosses are characteristic for Turkic languages of Siberia as well. In terms of morphology, most shared affixes in Mator, Tundra Nenets and Kamas appear to be essentially archaic. *Conclusions.* It can be assumed that the phonetic and lexical innovations shared by Mator and Kamas have arisen as a result of language contacts. Genetically, the Mator language exhibits no significant phonetic or morphological innovations shared with other Samoyedic languages.

Keywords: Samoyedic languages, Nenets, Enets, Nganasan, Selkup, Mator, Kamas, phonetic correspondences, morphology, glottochronology, classification, field studies, archival data

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 25-78-20002 ‘Artificial Intelligence Opportunities for Comparative Historical Studies of Russia’s Under-Resourced Languages’.

For citation: Normanskaja J. V. Is Mator Closer to Nenets or to Kamas? *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 464–482. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-464-482

1. Введение. История вопроса

Как было показано в статье [Норманская 2023], вопрос о классификации самодийских языков является одним из наиболее спорных в уралистике. Начиная с 1982 г., исследователи: Е. А. Хелимский, С. А. Старостин, В. Блажек, Ю. Янхунен, Х. Катц, А. Урманчиева предложили 6 различных классификаций самодийских языков. Большинство из них базировались на результатах глоттохронологических подсчетов, но авторы применяли разные методы выбора и анализа синонимов. Одним из наиболее спорных в этих классификациях является место маторского языка: по «традиционной» классификации, которая была общепринятой до работ Е. А. Хелимского и взята в качестве наиболее надежной в [Oxford guide 2022]. Маторский генетически наиболее близок камасинскому языку, а они вместе с селькупским образуют южносамодийскую подгруппу. В следующей по времени классификации, предложенной Е. А. Хелимским в [Хелимский 1982], на основании анализа малого списка М. Сводеша, состоящего из 92 слов базисной лексики¹ по 6 самодийским языкам, он приходит к выводу о том, что южносамодийские языки не образовывали группу, а независимо отделились при распаде прасамодийского языка. В 1987 г. Х. Катц высказал мнение, что все-таки селькупский и камасинский следует объединять в одну группу, а маторский является наиболее рано отделившимся самодийским языком. В 1991 г. Ю. Янхунен предложил другую классификацию. По его мнению, от прасамодийского языка первым отделился нганасанский язык, затем маторский, и лишь потом произошел постепенный распад других дочерних языков (ср. [Janhunen 1998: 457–479]). Другими словами, по мнению Е. А. Хелимского, Х. Катца и Ю. Янхунена, маторско-камасинского и маторского-камасинского-селькупского единства не существовало, при этом гипотезы

Х. Катца и Ю. Янхунена не были последовательно эксплицитно доказаны ни обсчетами глоттохронологии, ни разбором количества фонетических или морфологических инноваций.

В 2004 г. С. А. Старостин на основе об-счета списков базисной лексики Е. А. Хелимского с помощью специальной формулы, позволяющей определить время распада языков (см. подробнее [Starostin 2004]), получает результат о существовании маторско-камасинской и южносамодийской общности, его классификация совпадает с «традиционной». Аналогичный результат в 2016 г. получает и В. Блажек на основе расширенных глоттохронологических списков, в которые для каждого языка были включены все синонимы из разных диалектов.

Таким образом, существовали две основные точки зрения о классификационной принадлежности маторского языка. С точки зрения авторов, которые пользовались методикой глоттохронологии, получен результат, совпадающий с традиционной классификацией, по которой маторский и камасинский языки образуют генетическое единство. С точки зрения ведущих исследователей самодийских языков Е. А. Хелимского, Ю. Янхунена, Х. Катца маторский язык отделился от прасамодийского языка независимо и единства ни с камасинским, ни с селькупским не образовывал.

Но в 1997 г. Е. А. Хелимский после завершения работы над этимологическим словарем маторского языка [Helimski 1997] в докладе, сделанном на заседании Финно-угорского общества в Хельсинки, отмечает, что маторский язык следует объединять в одну группу с ненецким и энецким языком, поскольку на материале анализа всех доступных ему списков по маторскому языку он выявил, что наибольшее количество лексических изоглосс объединяет маторский язык с энецким и ненецким. Учитывая результаты, которые он ранее получил при анализе 92-словных списков, Е. А. Хелимский склоняется к тому, что классификация самодийских языков менялась с течением

¹ Е. А. Хелимский отмечает, что слова 'идти', 'плавать', 'тот', 'этот' могут быть переданы большим количеством различных слов, из которых было сложно без личного опроса выбрать одно слово для стословного списка. Слово 'семя' не имело во многих языках специального выражения (см. [Хелимский 1982: 38]).

времени из-за миграций и ареальных контактов. В последующие годы этот доклад опубликован не был.

В 2023 г. А. Ю. Урманчиева в своей докторской диссертации [Урманчиева 2023], поддерживая эту гипотезу, постулирует еще большую общность маторского языка с ненецким, которая, по ее мнению, была даже ближе, чем ненецко-энецкая, но потом в результате контактов носителей маторского языка с камасинцами, ненцев с энцами стала не столь очевидной за счет более поздних контактных явлений. К этим результатам А. Ю. Урманчиева пришла, используя при анализе стословного списка маторского языка иной подход выбора слов для обсчетов. В частности *«при наличии синонимов для выражения одного и того же значения отмечается, есть ли когнат маторского слова в другом самодийском языке, но не отмечается отсутствие когната одного из синонимов в маторском»* (см. подробнее: [Урманчиева 2023: 70–71]). Она указывает, что этот метод дает *«более высокие проценты соответствия в столбце маторского языка, поэтому эти данные могут сопоставляться только с другими данными внутри этого столбца, но не с данными других столбцов»* [Урманчиева 2023: 71]. Но возникает вопрос, как тогда соотносить цифры близости между тундровым ненецким и тундровым энцким, и тундровым ненецким и маторским? Можно ли на основании результатов, полученных разными методами, постулировать существование особой ненецко-маторской группы? В статье [Норманская 2023] также подробно рассмотрены проблемы выбора слов базисной лексики, которые по-разному решили А. Ю. Урманчиева, В. Блажек, что привело к столь разным результатам.

Безусловно, в такой сложной ситуации как наличие больших словарей с многочисленными синонимами, но без легкодоступных корпусов или литературной нормы, для получения более надежного выбора слова стословника необходим опрос носителей. При этом только в работе [Коряков 2018] есть указания, что списки базисной лексики не собраны по существующим словарям, а строились на данных опроса носителей, которые

проводили для ненецкого языка М. К. Амелина, для энцкого А. Б. Шлуинский и О. В. Ханина, для нарымского селькупского Н. Л. Федотова. Безусловно, Е. А. Хелимский и А. Ю. Урманчиева опирались на собственные полевые материалы, но не всегда понятно, когда они взяты из словарей, а когда из реального опроса носителей.

В статье [Норманская 2023] мы проанализировали данные, полученные из опроса носителей ненецких, энцкого, нганасанского, селькупских языков. Для этих языков были привлечены и материалы архивных диалектных словарей и первых книг. Для маторского и камасинского, носителей которых уже нет, эти данные взяты из существующих словарей. Для этих обсчетов на ЛингвоДоке (<https://lingvodoc.ispras.ru/>) доступны списки базисной лексики для:

1) тундрового ненецкого, созданные на основе словаря [Терещенко 1965] и опроса носителей из ямальской тундры, проведенного М. К. Амелиной в 2017 г.¹;

2) лесного ненецкого, созданные на основе опроса, проведенного М. К. Амелиной в с. Халясавей, 2015 г.²;

3) ненецкого, созданные по словарю А. А. Дунина-Горкавича, 1910 г.³;

4) тундрового энцкого, созданные в 2015 г. на основе опроса в г. Дудинка О. В. Ханиной⁴;

5) лесного энцкого, созданные в 2011 г. на основе опроса в г. Дудинка О. В. Ханиной⁵;

¹ Словарь тундрового ненецкого языка [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ru/dictionary/3420/1/perspective/3420/2/view> (дата обращения: 25.03.2025).

² Словарь лесного ненецкого языка [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ru/dictionary/3104/11/perspective/3104/12/view> (дата обращения: 25.03.2025).

³ Словарь ненецкого языка [электронный ресурс] // <http://lingvodoc.ru/dictionary/339/4/perspective/339/5/view> (дата обращения: 25.03.2025).

⁴ Словарь тундрового энцкого языка [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ru/dictionary/330/3/perspective/330/4/view> (дата обращения: 25.03.2025).

⁵ Словарь лесного энцкого языка [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ru/dictionary/694/4/perspective/694/5/view> (дата обращения: 25.03.2025).

6–7) тазовского селькупского, созданные на основе словаря рукописи Е. А. Хелимского¹ и опроса носителей, проведенного О. А. Казакевич в с. Быстринка в 2011 г.²;

8) сургутского (тазовского) селькупского, собранные П. С. Палласом в XVIII в.³;

9–10) нарымского, созданные на основе записей Ю. А. Морева, сделанных в с. Ласкино в 1967–1970 гг.⁴ и записанные в 2009 г. в с. Парабель⁵;

11) кетского селькупского, записанные Е. М. Будянской и О. А. Казакевич в с. Кайтага в 2010 г.⁶;

12) кетского (нарымского округа) селькупский, собранные П. С. Палласом в XVIII в.⁷;

13) нижнечаинского селькупского, созданные на основе книг Н. П. Григоровского, созданных в 1879 г.⁸;

14) маторского, созданные на основе словаря [Helimski 1997]⁹;

¹ Словарь тазовского селькупского языка [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ru/dictionary/7270/1/perspective/7270/2/view> (дата обращения: 25.03.2025).

² Словарь тазовского селькупского языка [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ru/dictionary/1723/8454/perspective/1723/8455/view> (дата обращения: 25.03.2025).

³ Словарь сургутского (тазовского) селькупского языка [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ru/dictionary/2639/1283/perspective/2639/1287/view> (дата обращения: 25.03.2025).

⁴ Словарь нарымского языка [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ru/dictionary/6807/2/perspective/6918/2/view> (дата обращения: 25.03.2025).

⁵ Словарь нарымского языка [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ru/dictionary/334/3/perspective/334/4/view> (дата обращения: 25.03.2025).

⁶ Словарь кетского селькупского языка [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ru/dictionary/1723/7/perspective/1723/8/view> (дата обращения: 25.03.2025).

⁷ Словарь кетского (нарымского округа) селькупского языка [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ru/dictionary/2639/4179/perspective/2639/4183/view> (дата обращения: 25.03.2025).

⁸ Словарь нижнечаинского селькупского языка [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ru/dictionary/3853/121809/perspective/3853/121810/view> (дата обращения: 25.03.2025).

⁹ Словарь маторского языка [электрон-

15) камасинского, созданные на основе словаря [Donner 1944]¹⁰;

16) нганасанского, созданные на основе словаря Е. А. Хелимского¹¹.

В результате их анализа был получен следующий график степени близости с точки зрения времени распада самодийских языков и диалектов в 3D-формате, см. рис. 1.

В цифровом формате полученные результаты выглядят следующим образом (см. табл. 1). Первая цифра в таблице обозначает время в тысячелетиях, прошедшее со времени распада двух языков или диалектов. Вторая цифра отражает процент совпадающих этимологически родственных слов.

Из табл. 1 видно, что самый высокий процент совпадений в базисной лексике наблюдается между маторским и камасинскими языками (76 %). Довольно близкий процент (64–72 %) наблюдается у маторского с диалектами селькупского языка. С ненецким процент несколько ниже (58–67 %) и зависит от словаря. Таким образом, наша классификация совпала с «традиционной».

Но, очевидно, только данные глоттохронологии не могут быть убедительными, особенно когда речь идет о таких незначительных различиях, при которых степень близости маторского с верхнетолькинским селькупским ниже, чем с лесным ненецким. Можно ли в этом случае надежно постулировать южно-самодийскую группу? А камасинско-маторскую на основании 4 слов, которых у маторского с камасинским больше, чем с чаинским (южным) селькупским? Представляется, что это не вполне надежно.

Для верификации места маторского языка в настоящей статье мы решили обратиться к анализу наличия общих фонетических и морфологических инноваций в маторском, камасинском и тундровом ненецком языках. [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ru/dictionary/7271/1/perspective/7271/2/view> (дата обращения: 25.03.2025).

¹⁰ Словарь камасинского языка [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ru/dictionary/7272/1/perspective/7272/2/view> (дата обращения: 25.03.2025).

¹¹ Словарь нганасанского языка [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ru/dictionary/7269/1/perspective/7269/2/view> (дата обращения: 25.03.2025).

Минимальное связующее дерево (встраивание относительного расстояния в 3d)

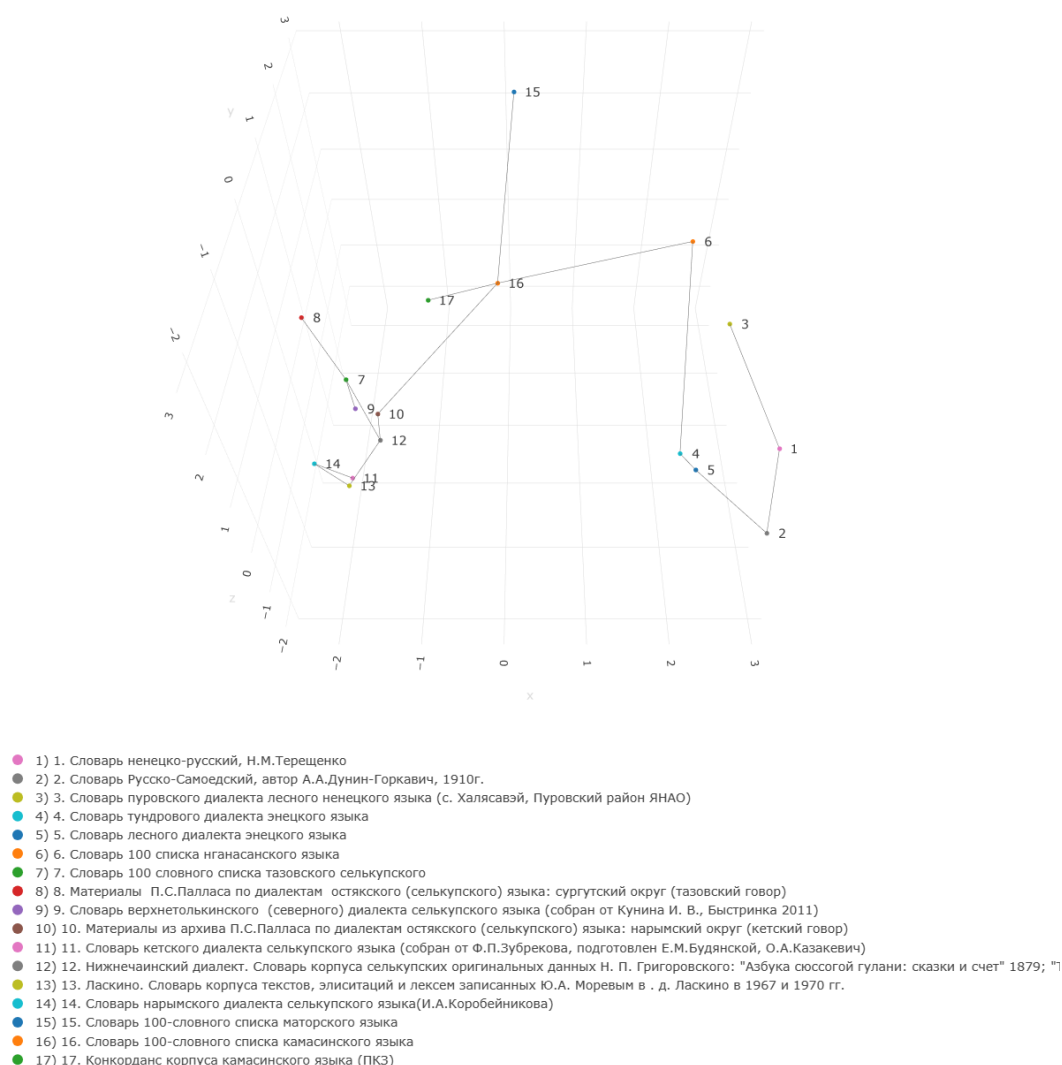

Рис. 1. График степени близости в зависимости от времени распада самодийских языков
 [Fig. 1. Proximity degrees depending on the time of divergence of Samoyedic languages]

Эти языки были выбраны, поскольку существуют теории:

1) о большей близости маторского к камасинскому (она является «традиционной», подтверждающие ее результаты были получены С. А. Старостиным, В. Блажеком и автором настоящей статьи);

2) о близости маторского к ненецкому (неопубликованный доклад Н. А. Хелимского, докторская диссертация А. Ю. Урманчиевой);

3) о том, что маторский язык не имеет особой близости ни с одним самодийским

языком (Ю. Янхунен, Х. Катц, опубликованные работы Е. А. Хелимского).

В I части статьи мы рассмотрим фонетические инновации в этих языках, во II части статьи — морфологические.

2. Основная часть

2.1. Данные фонетики

Для выявления инновационных изоглосс нами была создана полная база данных исконной лексики маторского языка по словарю [Helimski 1997], она доступна он-

Таблица 1. Время распада и процент общих слов в самодийских языках
 [Table 1. Time of divergence and percentage of common words in the Samoyedic languages]

1. Тунд. Нен.	2. Нен. 1910 г.	3. Лесн. Нен.	4. Тунд. энц.	5. Лесн. энц.	6. Нган.	7. Таз. сел.	8. Тазов сург. XVIII в.	9. Вер.-тольк Сел.	10. Кет. XVIII в.	11. Кет. Сел.	12. Ниж. чан. 1879 г.	13. Лас кино 1967 и 1970 гг.	14. Нарым. Сел.	15. Камас.	16. Магор.
1 n/a	1,17 (87 %)	1,32 (85 %)	1,89 (73 %)	1,61 (79 %)	2,40 (63 %)	2,53 (60 %)	2,61 (59 %)	2,71 (57 %)	2,39 (63 %)	2,54 (60 %)	2,39 (63 %)	2,61 (59 %)	2,59 (59 %)	2,54 (60 %)	2,29 (65 %)
2 1,17 (87 %)	n/a	1,79 (75 %)	1,92 (73 %)	1,67 (78 %)	2,50 (61 %)	2,72 (57 %)	2,67 (58 %)	2,71 (57 %)	2,78 (56 %)	2,83 (55 %)	2,29 (65 %)	2,84 (54 %)	2,75 (56 %)	2,55 (60 %)	2,67 (58 %)
3 1,32 (85 %)	1,79 (75 %)	n/a	2,10 (69 %)	1,82 (75 %)	2,23 (66 %)	2,53 (60 %)	2,51 (61 %)	2,48 (61 %)	2,45 (62 %)	2,48 (61 %)	2,39 (63 %)	2,44 (62 %)	2,53 (60 %)	2,21 (67 %)	2,21 (67 %)
4 1,89 (73 %)	1,92 (73 %)	2,10 (69 %)	n/a	0,92 (92 %)	1,82 (75 %)	2,34 (64 %)	2,26 (66 %)	2,51 (61 %)	1,85 (74 %)	2,50 (61 %)	2,23 (66 %)	2,49 (61 %)	2,49 (61 %)	2,19 (67 %)	2,15 (68 %)
5 1,61 (79 %)	1,67 (78 %)	1,82 (75 %)	0,92 (92 %)	n/a	1,93 (72 %)	2,46 (62 %)	2,51 (61 %)	2,60 (59 %)	2,20 (67 %)	2,61 (59 %)	2,30 (65 %)	2,51 (61 %)	2,59 (59 %)	2,25 (66 %)	2,25 (66 %)
6 2,40 (63 %)	2,50 (61 %)	2,23 (66 %)	1,82 (75 %)	1,93 (72 %)	n/a	2,44 (62 %)	2,39 (63 %)	2,66 (58 %)	2,16 (68 %)	2,80 (55 %)	2,60 (59 %)	2,84 (55 %)	2,78 (56 %)	2,21 (67 %)	2,17 (67 %)
7 2,53 (60 %)	2,72 (57 %)	2,53 (60 %)	2,34 (64 %)	2,46 (62 %)	2,44 (62 %)	n/a	1,23 (86 %)	0,89 (92 %)	1,04 (90 %)	1,13 (88 %)	1,14 (88 %)	1,29 (85 %)	1,31 (85 %)	2,19 (67 %)	2,21 (67 %)
8 2,61 (59 %)	2,67 (58 %)	2,51 (61 %)	2,26 (66 %)	2,51 (61 %)	2,39 (63 %)	1,23 (86 %)	n/a	1,47 (82 %)	1,71 (77 %)	1,75 (76 %)	1,64 (78 %)	1,66 (78 %)	1,85 (74 %)	1,77 (76 %)	1,94 (72 %)
9 2,71 (57 %)	2,71 (57 %)	2,48 (61 %)	2,51 (61 %)	2,60 (59 %)	2,66 (58 %)	0,89 (92 %)	1,47 (82 %)	n/a	1,74 (76 %)	1,41 (83 %)	1,10 (89 %)	1,33 (85 %)	1,43 (83 %)	2,13 (68 %)	2,36 (64 %)

10	2,39 (63 %)	2,78 (56 %)	2,45 (62 %)	1,85 (74 %)	2,20 (67 %)	2,16 (68 %)	1,04 (90 %)	1,71 (77 %)	1,74 (76 %)	n/a	1,18 (87 %)	0,99 (91 %)	1,37 (84 %)	1,18 (87 %)	1,82 (75 %)	1,80 (75 %)
11	2,54 (60 %)	2,83 (55 %)	2,48 (61 %)	2,50 (61 %)	2,61 (59 %)	2,80 (55 %)	1,13 (88 %)	1,75 (76 %)	1,41 (83 %)	1,18 (87 %)	n/a	1,11 (89 %)	0,98 (91 %)	0,91 (92 %)	2,38 (63 %)	2,00 (71 %)
12	2,39 (63 %)	2,29 (65 %)	2,39 (63 %)	2,23 (66 %)	2,30 (65 %)	2,60 (59 %)	1,14 (88 %)	1,64 (78 %)	1,10 (89 %)	0,99 (91 %)	1,11 (89 %)	n/a	0,95 (91 %)	1,06 (89 %)	2,01 (71 %)	1,95 (72 %)
13	2,61 (59 %)	2,84 (54 %)	2,44 (62 %)	2,49 (61 %)	2,51 (61 %)	2,84 (55 %)	1,29 (85 %)	1,66 (78 %)	1,33 (85 %)	1,37 (84 %)	0,98 (91 %)	0,95 (91 %)	n/a	0,97 (91 %)	2,33 (64 %)	2,10 (69 %)
14	2,59 (59 %)	2,75 (56 %)	2,53 (60 %)	2,49 (61 %)	2,59 (59 %)	2,78 (56 %)	1,31 (85 %)	1,85 (74 %)	1,43 (83 %)	1,18 (87 %)	0,91 (92 %)	1,06 (89 %)	0,97 (91 %)	n/a	2,33 (64 %)	2,17 (67 %)
15	2,54 (60 %)	2,55 (60 %)	2,21 (67 %)	2,19 (67 %)	2,25 (66 %)	2,21 (67 %)	2,19 (67 %)	1,77 (76 %)	2,13 (68 %)	1,82 (75 %)	2,38 (63 %)	2,01 (71 %)	2,33 (64 %)	2,33 (64 %)	n/a	1,74 (76 %)
16	2,29 (65 %)	2,67 (58 %)	2,21 (67 %)	2,15 (68 %)	2,25 (66 %)	2,17 (67 %)	2,21 (67 %)	1,94 (72 %)	2,36 (64 %)	1,80 (75 %)	2,00 (71 %)	1,95 (72 %)	2,10 (69 %)	2,17 (67 %)	1,74 (76 %)	n/a

лайн на платформе ЛингвоДок¹. Были созданы словари когнатов маторского языка в ненецком² и в камасинском³.

Ниже для выявления инновационных изоглосс мы рассматриваем только те случаи, когда инновация присутствует в одних и тех же лексемах. Ниже мы рассмотрим две группы изоглосс:

I группа. Инновационные по сравнению с прасамодийским изоглоссы, которые совпадают в ненецком и маторском и отсутствуют в камасинском.

II группа. Инновационные по сравнению с прасамодийским изоглоссы, которые совпадают в камасинском и маторском и отсутствуют в ненецком.

Прасамодийская реконструкция приводится по [Helimski 1997], она уточнена по сравнению с [Janhunen 1977] с учетом маторских данных. Описанные ниже изоглоссы были автоматически выявлены с помощью программы ЛингвоДока «Анализ когнатов», которая строит ряды соответствий (более подробное описание принципов работы этой программы см. в [Норманская 2020]). Так, в списки попали только те изоглоссы, которые имеют более 3 примеров. Случаи редких кластеров, например, ПС **-ms-* > мат., кам., селькуп. *-ps-*, что является инновацией, но зафиксированной только в одном слове ПС **âmsa* 'мясо, еда' в настоящей работе не рассматриваются, поскольку мы считаем, что только процессы, которые имеют доказанную регулярность, могут быть классифицирующими. Ниже для экономии места в подавляющем большинстве случаев приводится не весь список примеров, иллюстрирующих ту или иную изоглоссу. Но для того, чтобы отличить частотные процессы от редких, для

¹ Словарь маторского языка [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11204/1/perspective/11204/2/view> (дата обращения: 25.03.2025).

² Словарь ненецкого языка [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11216/1/perspective/11216/2/view> (дата обращения: 25.03.2025).

³ Словарь камасинского языка [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11217/1/perspective/11217/2/view> (дата обращения: 25.03.2025).

последних мы приводим 2 иллюстрирующих примера, для частотных 3 и более.

I группа. Инновации в маторском и ненецком: 3 совпадающие инновации

Все инновации, совпадающие в ненецком и маторском, касаются развития кластеров «носовой плюс смычный» (см. табл. 2). В таблице приведены только те кластеры, которые в рассмотренном материале встречаются достаточно часто. Но, как показано в работах [Helimski 1997; Mikola 2004], аналогичный тип развития встречается во всех кластерах носового и смычного согласных. В тундровом ненецком и маторском языках смычный озвончается, а в камасинском он выпадает. Считать это общей инновацией для тундрового ненецкого и маторского было бы неправильно, поскольку она не затронула лесной ненецкий, в котором сохраняется прасамодийский вид кластера, и, очевидно, что этот переход в тундровом ненецком, маторском, для некоторых кластеров (см. ниже) также в части центральных и южных селькупских диалектах произошел независимо, являясь фонетически частотным развитием, как показано в статье [Князев 2021].

II группа. Инновация в маторском и камасинском:

12 совпадающих инноваций

Инновации, характерные для многих самодийских языков (4 процесса):

1. Первая инновация ПС **w-* > *b-* затронула не только маторский и камасинский, но и нганасанский, энецкий, лесной ненецкий. В более ранних записях она отмечалась и для тундрового ненецкого (см. [Janhunen 1977: 168–177]), (см. табл. 3).

2. Этот переход ПС **i* > *i* произошел не только в камасинском и маторском, но также и в нганасанском и частично в селькупском (см. табл. 4).

3. ПС **a*, которое Ю. Янхунен обозначает как **â*, во многих самодийских языках окказионально переходит в *o*, *u* (см. табл. 5).

4. Переход ПС **ə* > *i* переходит в камасинском, маторском и иногда в нганасанском (см. табл. 6).

Эти 4 изоглоссы, очевидно, не являются аргументом для выделения маторского и камасинского в отдельную группу.

Таблица 2. Инновации в ненецком и маторском языках
[Table 2. Innovations in Nenets and Mator]

Тундров. ненецкий	Камасин.	Маторск.	ПС	Лесной ненецкий	Энецкий	Нганасан.	Селькуп.
-md-	-mn-	-md-	*-mt-	-mt-	-d-	-mt-	-mt-
Тундровый ненецкий		Камасинский		Маторский		ПС	
намдăсь	‘сидеть’	amnām	‘сидеть’	amdā	‘сидеть’	*amtā	
нямд	‘рог’	āmno	‘рог’	āmdā	‘рог’	*āmtā	
сямдăсь	‘сажа’	kamni	‘сажа’	kāmdā	‘сажа’	*kāmtā	
тумдась	‘примечать’	thümnām	‘примечать’	tumdā	‘примечать’	*t'umt'ā	
Тундров. ненецкий	Камасин.	Маторск.	ПС	Лесной ненецкий	Энецкий	Нганасан.	Селькуп.
-mb-	-m-	-mb-	*-mp-	-mp-	-b-	-ḡx-	-mp-
Тундровый ненецкий		Камасинский		Маторский		ПС	
нямба	‘голова’	netā	‘голова’	ḡamba, namba	‘голова’	*ḡampa	
ямб	‘длинный, высокий’	nito	‘длинный, высокий’	ḡambuh, nambuh	‘длинный, высокий’	*jampri	
юмб	‘мох’	nēti	‘мох’	ḡumbu, numbu	‘мох’	*juprā	
Тундров. ненецкий	Камасин.	Маторск.	ПС	Лесной ненецкий	Энецкий	Нганасан.	Селькуп.
-ḡḡ-	-ḡ-	-ḡḡ-	*-ḡk-	-ḡk-	-gg-	-ḡk- / -nk-	-qq- / -ḡḡ-
Тундровый ненецкий		Камасинский		Маторский		ПС	
пăḡ	‘стрела’	p'āḡa	‘стрела’	haḡga	‘стрела’	*pāḡkā	
иḡней	‘россомаха’	mūḡni	‘россомаха’	hōḡg(ə)r(i)tā	‘россомаха’	*wiḡkance	
поḡă	‘рыбная сеть’	p'āḡă	‘рыбная сеть’	hoḡgo, hoḡga	‘рыбная сеть’	*poḡka	

Таблица 3. Инновация ПС *w- > b-
[Table 3. Innovation to PS *w- > b-]

Тундров. ненецкий	Камасин.	Маторск.	ПС	Лесной ненецкий	Энецкий	Нганасан	Селькуп.
w- / 0(i)	b-	b-	*w-	β-	b-	b-	k-
Тундровый ненецкий		Камасинский		Маторский		ПС	
вадась	‘кормлю’	budəl'ām	‘кормлю’	badā	‘кормлю’	*wata	
вабтась	‘опрокидываю’	ba'ptəl'ām	‘опрокидываю’	bahtā	‘опрокидываю’	*wapta	
вăерăсь	‘переправляюсь’	bēḡāl	‘переправляюсь’	baj	‘переправляюсь’	*wāj	
вăруэ	‘ворона’	bāri	‘ворона’	bErE	‘ворона’	*wār	
ик	‘шея’	baḡ'gə	‘шея’	bājkā, bōjkō	‘шея’	*wājkkā	
и''	‘вода’	bū	‘вода’	bū	‘вода’	*wit	
и''	‘жаждать’	bū	‘жаждать’	būdün- žūh	‘жаждать’	*wit	

Таблица 4. Инновация ПС $*i > i$
[Table 4. Innovation to PS $*i > i$]

Тундров. ненецкий	Камасин.	Маторск.	ПС	Лесной ненецкий	Энецкий	Нганасан	Селькуп.
<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>*i</i>	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>i</i>	<i>u / i</i>
Тундровый ненецкий		Камасинский		Маторский		ПС	
<i>пыя</i>	‘нос’	<i>phîjā</i>	‘нос’	<i>hijā</i>	‘нос’	<i>*pija, *puja</i>	
<i>хырась</i>	‘сдирать’	<i>khirl'im</i>	‘сдирать’	<i>k(i)rā</i>	‘сдирать’	<i>*kîra</i>	

Таблица 5. Инновация ПС $*a > o, u$
[Table 5. Innovation to PS $*a > o, u$]

Тундров. ненецкий	Камасин.	Маторск.	ПС	Лесной ненецкий	Энецкий	Нганасан	Селькуп.
<i>a</i>	<i>o / u</i>	<i>o</i>	<i>*a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a / uo / o</i>	<i>e / o / u</i>
Тундровый ненецкий		Камасинский		Маторский		ПС	
		<i>ko'BDō</i>	‘девушка, дочка’	<i>kobtoḥ</i>	‘девушка, дочка’	<i>*kapt'o¹</i>	
<i>хаесь</i>	‘оставаться’	<i>kojōl'-</i>	‘оставаться’	<i>kojo</i>	‘оставаться’	<i>*kajo</i>	
<i>вано</i>	‘корень’	<i>mona (F), tûna (C)</i>	‘корень’	<i>mondo(h)</i>	‘корень’	<i>*wanco</i>	
<i>тароць</i>	‘бороться’			<i>toro</i>	‘бороться’	<i>*t¹aro</i>	
<i>паду</i>	‘щека’	<i>pû'ma</i>	‘щека’	<i>hoʔlo</i>	‘щека’	<i>*pat</i>	

Таблица 6. Инновация ПС $*ə > i$
[Table 6. Innovation to PS $*ə > i$]

Тундров. ненецкий	Камасин.	Маторск.	ПС	Лесной ненецкий	Энецкий	Нганасан	Селькуп.
<i>ă</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>*ə</i>	<i>ă / e</i>	<i>o / e</i>	<i>o / ə / e / i</i>	<i>a</i>

Тундровый ненецкий		Камасинский		Маторский		ПС
		<i>mija</i>	‘гора’	<i>bijā</i>	‘гора’	<i>*māja</i>
<i>пасы</i>	‘женский детородный орган’			<i>bisigā, biskā</i>	‘женский детородный орган’	<i>*pəsī</i>
<i>яхъсь</i>	‘стрелять, пускать стрелу’	<i>d’žīall-</i>	‘стрелять, пускать стрелу’	<i>čidā</i>	‘стрелять, пускать стрелу’	<i>*jāsa</i>

Инновации, характерные для камасинского, маторского и селькупского (4 процесса):

5. Камасинско-маторская-селькупская и сибирско-тюркская инновация

Эта инновация ПС $*-k- > -g-$ характерна не только для камасинского и маторского, но частично и для селькупского языка. Этот переход также характерен и для сибирских тюркских языков (см. [EDAL 2003: 151]). Вероятно, в камасинском, маторском, сель-

купском и сибирских тюркских языках он имеет контактную природу (см. табл. 7).

6. Камасинско-маторская-селькупская инновация

Переход $*ə > u$ в позиции рядом с $-m-$ переходит в камасинском, маторском и иногда в селькупском языках (см. табл. 8).

7. Камасинско-маторская-селькупская инновация

Как видно из таблиц ниже, развитие ПС $*i > ū$ рядом с прасамодийским $*-w-$ затрону-

Таблица 7. Инновация ПС *-k- > -g-
[Table 7. Innovation to PS *-k- > -g-]

Тундров. ненецкий	Камасин.	Маторск.	ПС	Лесной ненецкий	Энецкий	Нганасан	Селькуп.
-x-	-g-	-g-	*-k-	x-	-h- / -x-	-k-	-γ- / -g- / -q-

Тундровый ненецкий	Камасинский		Маторский		ПС	
exэлць	‘топтать’		čigil		‘топтать’	
exэра	‘не мочь’		čugunžuh		‘не мочь’	
лохома	‘готовить’		logom		‘готовить’	
тохо	‘глодать’		togə		‘глодать’	
нухуџ	‘нос’		ugudu		‘нос’	
маха	‘спина’	bēgəñ	‘спина’	baga	‘спина’	*maka
яхъсь	‘крою’	d’žəgār	‘крою’	čagə	‘крою’	*jəkə
няхър	‘три’	nāgur	‘три’	nagur	‘три’	*nākur

Таблица 8. Инновация ПС *ə > u
[Table 8. Innovation to PS *ə > u]

Тундров. ненецкий	Камасин.	Маторск.	ПС	Лесной ненецкий	Энецкий	Нганасан	Селькуп.
ă	u (_ m _)	u / ū (_ m _)	*ə	ă	o	ə	u / o

Тундровый ненецкий	Камасинский		Маторский		ПС	
мат”	‘шесть’		muktut		‘шесть’	
сăмлянџ	‘пять’		sümb(ü)lä		‘пять’	

ло языки, которые традиционно называются южно-самодийскими. Этот переход произошел, очевидно, еще до перехода ПС *w > θ в камасинском, маторском и селькупском языках, что указывает на его достаточно раннее время (см. табл. 9).

[8. Камасинско-маторская-селькупская и сибирско-тюркская инновация]

Эта инновация взята в квадратные скобки, потому что рефлекс в камасинском полностью не совпадает с маторским и селькупским, однако их можно объединить общим понятием «аффрикативизация» *j-. Этот же процесс характерен и для сибирских тюркских языков ПТю *j- > *č- в тувинском, тофаларском, хакасском и шорском (см. [EDAL 2003: 151]). Очевидно, этот переход также является ареальным явлением (см. табл. 10).

Обращает на себя внимание наличие 4 южносамодийских инноваций. При этом 2 из них являются общими с сибирскими тюркскими языками. Можно предполагать, что они возникли в селькупском, камасинском и маторском независимо друг от друга, тем более, что рефлекс в камасинском (в

№ 8) и в селькупском (№ 5) не полностью совпадают с селькупским. Инновации (№ 6, 7) затрагивают лишь несколько слов. Однако интересно, что инновация № 7 происходит рядом с ПС *-w-, поэтому можно предполагать, что этот переход произошел довольно рано. Но, безусловно, крайне маленькое количество инноваций, которые затрагивают лишь несколько слов, свидетельствуют о том, что существование южносамодийской группы, если она вообще существовала, не было продолжительным.

Инновации, характерные для камасинского и маторского языков (4 процесса):

9. Камасинско-маторская и тюркская инновация

Эта инновация присутствует только в камасинском и маторском языках. Характерно, что этот переход присутствует только в словах, в которых в прасамодийском языке есть носовой согласный. Таким образом, можно предполагать, что этот переход произошел до изменений ПС *ñ > j, которое произошло во всех самодийских языках, кроме селькупского. Интересно, что и в тюркских

Таблица 9. Инновация ПС *i > ü
[Table 9. Innovation to PS *i > ü]

Тундров. ненецкий	Камасин.	Маторск.	ПС	Лесной ненецкий	Энецкий	Нганасан	Селькуп.
i	ü	ü	*i (-w-)	i	i	i/e/ä	ü

Тундровый ненецкий	Камасинский	Маторский	ПС
u''	‘вода’	bü	‘вода’
u''	‘жаждать’	bü	‘жаждать’
t'iwu	‘легкое’	t'u	‘легкое’

Таблица 10. Аффрикативизация *j-
[Table 10. Affricativization of *j-]

Тундров. ненецкий	Камасин.	Маторск.	ПС	Лесной ненецкий	Энецкий	Нганасан	Селькуп.
j-	t', dʒ-	č-	*j-	j-	j-	d'-	č-

Тундровый ненецкий	Камасинский	Маторский	ПС
я	‘земля’	t'u	‘земля’
ябц	‘жарю’	t'apsel-	‘жарю’
ер''	‘середина’	t'ēr	‘середина’
ева	‘вдова’	t'o	‘вдова’
юсь	‘теплый’	t'üläm	‘теплый’
яхсь	‘стрелять, пускать стрелу’	d'ziäll-	‘стрелять, пускать стрелу’
екась	‘отпрягать’	d'žikk-	‘отпрягать’
епсь	‘горячий, горящий’	d'žib-	‘горячий, горящий’

языках происходит переход Птю *b- > m- в словах с ПТю *-h- (см. [EDAL 2003: 154]). Вероятно, что в камасинском и маторском такое развитие произошло под влиянием тюркских языков (см. табл. 11).

10. Камасинско-маторская и тюркская инновация

Эта инновация также из самодийских присутствует только в камасинском и маторском языках. Она характерна также для всех тюркских языков за исключением турецкого и гагаузского (см. [EDAL 2003: 154]). Можно предположить, что в камасинском и маторском языке она возникла под влиянием контактов с носителями тюркских языков (см. табл. 12).

11. Камасинско-маторская и сибирско-тюркская инновация

Эта инновация также из самодийских встречается только в камасинском и маторском языках. Аналогичный переход встре-

чается также в хакасском и шорских языках (см. [EDAL 2003: 154]). Вероятно, он также имеет контактную природу (см. табл. 13).

12. Камасинско-маторская инновация

Этот переход *p- > b- в позиции перед -s- происходит только в камасинском и маторском языках, видимо, является общей инновацией (см. табл. 14).

Интересно, что выявляется только 4 инновации, которые отличают камасинский и маторский от других самодийских языков. При этом 3 из них (№ 9–11) характерны и для тюркских языков, в частности, для тех, носители которых ассимилировали камасинцев и маторцев. Поэтому нельзя исключать, что это ареальные процессы, которые могли происходить в камасинском и маторском независимо, уже после их разделения в результате контактов с носителями сибирских тюркских языков. Лишь последний процесс (№ 12) характерен только для

Таблица 11. Инновация ПС **ñ* > *j*
 [Table 11. Innovation to PS **ñ* > *j*]

Тундров. ненецкий	Камасин.	Маторск.	ПС	Лесной ненецкий	Энецкий	Нганасан	Селькуп.
<i>0- / v- / β-</i>	<i>m-(*N)</i>	<i>m-(*N)</i>	<i>*w-</i>	<i>β-</i>	<i>b-</i>	<i>b-</i>	<i>k- / q- / 0-</i>
Тундровый ненецкий		Камасинский		Маторский		ПС	
<i>βŭji</i>	‘уха’	<i>mijä</i>	‘уха’	<i>mejz</i>	‘уха’	<i>*weñz</i>	
<i>euga</i>	‘шагать’			<i>meŋgəl</i>	‘шагать’	<i>*weŋka</i>	
<i>иня</i>	‘ремень’	<i>minä</i>	‘ремень’	<i>minE</i>	‘ремень’	<i>*wine</i>	
<i>вано</i>	‘корень’	<i>tuna</i>	‘корень’	<i>mondo(h)</i>	‘корень’	<i>*wanco</i>	
<i>выебта</i>	‘загибаю’			<i>mujubtä</i>	‘загибаю’	<i>*wiñz</i>	

Таблица 12. Камасинско-маторская и тюркская инновация
 [Table 12. Kamas-Mator and Turkic innovation]

Тундров. ненецкий	Камасин.	Маторск.	ПС	Лесной ненецкий	Энецкий	Нганасан	Селькуп.
<i>m-</i>	<i>b-</i>	<i>b-</i>	<i>*m-</i>	<i>m-</i>	<i>m-</i>	<i>m-</i>	<i>m-</i>
Тундровый ненецкий		Камасинский		Маторский		ПС	
<i>маха</i>	‘спина’	<i>bēgəñ</i>	‘спина’	<i>baga</i>	‘спина’	<i>*məka</i>	
<i>мӓлясь</i>	‘кусать’	<i>биллат</i>	‘кусать’	<i>balə</i>	‘кусать’	<i>*məłz</i>	

Таблица 13. Камасинско-маторская и сибирско-тюркская инновация
 [Table 13. Kamas-Mator and Siberian Turkic innovation]

Тундров. ненецкий	Камасин.	Маторск.	ПС	Лесной ненецкий	Энецкий	Нганасан	Селькуп.
<i>j-</i>	<i>n-(N)</i>	<i>nʲ-(N)</i>	<i>*j-</i>	<i>j-</i>	<i>j-</i>	<i>j-</i>	č-
Тундровый ненецкий		Камасинский		Маторский		ПС	
<i>ямб</i>	‘длинный, высокий’	<i>пито</i> ’	‘длинный, высокий’	<i>ñambuh, nambuh</i>	‘длинный, высокий’	<i>*jampru</i>	
<i>яугось</i>	‘ничего’	<i>nāḡā</i>	‘ничего’	<i>ñāngüh</i>	‘ничего’	<i>*jäŋko</i>	
<i>юмб</i>	‘мох’	<i>pəti</i>	‘мох’	<i>ñumbu, numbu</i>	‘мох’	<i>*jumpə</i>	
<i>юнрась</i>	‘слышу’	<i>пийñ-</i>	‘слышу’	<i>ñündə, nündə</i>	‘слышу’	<i>*jünti</i>	
<i>юн</i>	‘весть’	<i>пийñ-</i>	‘весть’	<i>ñündü, nündü</i>	‘весть’	<i>*jüntə</i>	
<i>яңгэрць</i>	‘пою’			<i>ñangər, nangər</i>	‘пою’	<i>*jaŋker</i>	

Таблица 14. Камасинско-маторская инновация
 [Table 14. Kamas-Mator innovation]

Тундров. ненецкий	Камасин.	Маторск.	ПС	Лесной ненецкий	Энецкий	Нганасан	Селькуп.
<i>p-</i>	<i>b-(s)</i>	<i>b-(s)</i>	<i>*p-</i>	<i>p-</i>	<i>p- / f-</i>	<i>f- / h-</i>	<i>p-</i>
Тундровый ненецкий		Камасинский		Маторский		ПС	
<i>писяңзь</i>	‘смеяться’	<i>bištel’äm</i>	‘смеяться’	<i>bisin</i>	‘смеяться’	<i>*pisin</i>	
<i>посава</i>	‘гнилой’			<i>bosama, bosomo</i>	‘гнилой’	<i>*posama</i>	

камасинского и маторского и, насколько нам известно, не засвидетельствован в контактных тюркских языках, но он касается лишь нескольких слов.

Таким образом, у нас нет надежных свидетельств длительного существования маторско-камасинской общности. Почти все изоглоссы (№ 5, 8, 9, 10, 11) являются характерными процессами для тюркских языков Сибири. В этой ситуации очевидно, что маторский и камасинский языки вместе с хакасским, шорским, тувинским и тофаларским образовывали в определенный период времени языковой союз. Позже носители маторского и камасинского были ассимилированы тюрками. Но свидетельств генетического единства маторского и камасинского языка с точки зрения фонетики слишком мало, чтобы надежно постулировать их общность. Фонетических данных, свидетельствующих о генетической близости ненецкого и маторского языков, нами вообще не было выявлено.

2.2. Данные морфологии

Для сравнительного анализа морфологии были созданы словари словоизменительных морфем, которые доступны онлайн на платформе ЛингвоДок:

- словарь маторского языка по [Helimski 1997]¹;
- словарь камасинского языка по [Klumpp 2016]²;
- словарь тундрового ненецкого языка по [Burkova 2022]³.

Далее родственные морфемы в этих словарях были соединены между собой этимологическими связями. Эти словари были проанализированы с помощью программы ЛингвоДока «Степень морфологической близости между языками», которая опре-

деляет количество аффиксов с одинаковым значением родственных и не родственных.

В табл. 15 ниже виден неожиданный результат, по которому в маторском и ненецком языках больше совпадающих словоизменительных морфем, чем в маторском и камасинском.

В табл. 16 приводится полный список словоизменительных морфем, которые имеют одинаковое значение в маторском vs. тундровом ненецком или камасинском и являются родственными:

В табл. 16 полужирным шрифтом выделены морфемы, которые являются родственными и совпадают по значению в маторском и тундровом ненецком и отсутствуют в камасинском языке: 1) показатель отглагольного имени: мат. *-kma* / *-kmä* / *-ŋma* / *-ŋmä*, тундр. ненец. *-zma*, 2) показатель отглагольного имени: мат. *-ma* / *-mä*, тундр. ненец. *-ma* / *-mä* / *-wa-* / *ba*, 3) пролатив: мат. *-mäna/-mäna*, тундр. ненец. *-m(ä)n(i)a*, 4) прошедшее время: мат. *-s-* (*-z-*), тундр. ненец. *-s^j-* (*-ts^j-*), 5) множественное число: мат. *-t-*, тундр. ненец. *-z-*. Рассмотрим для каждой морфемы, когда речь идет о прасамодийском архаизме, а в каких случаях об инновации. По [Helimski 1997: 171–172] 1 и 2 (показатели отглагольных имен) представлены в северно-самодийских языках и в маторском, по [Mikola 2004: 101, 102, 115] 3 (пролатив), 4 (прошедшее время), 5 (множественное число) — общесамодийские показатели, сохранившиеся не только во всех самодийских языках за исключением камасинского, но и во многих уральских языках.

Курсивом в таблице выделены два случая, когда морфемы имеют одинаковое значение и общее происхождение в камасинском и маторском, но отсутствуют в тундровом ненецком. Это показатель будущего времени мат. *-l-*, камас. *-LA* / *-Lä*, *-Lji*. Эта форма как раз является южной изоглоссой, которая присутствует также и в селькупском в значении опплатива, см. [Helimski 1997: 162]. Второй изоглоссой является значение латива в мат. *-ndä* и камас. *-Ntä* в отличие от тундрового ненецкого, где показатель *-n²/-t²* имеет значение датива. Значение латива по [Mikola 2004: 98] является прасамодий-

¹ Словарь маторского языка [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11228/1/perspective/11228/2/view> (дата обращения: 25.03.2025).

² Словарь камасинского языка [электронный ресурс] // URL: https://lingvodoc.ispras.ru/dictionaries_all?language=1552%2C652 (дата обращения: 25.03.2025).

³ Словарь тундрового ненецкого языка [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11232/1/perspective/11232/2/view> (дата обращения: 25.03.2025).

Таблица 15. Словоизменятельные морфемы в маторском, камасинском, ненецком языках

[Table 15. Inflectional morphemes in Mator, Kamas, Nenets]

	1. Маторский морфологический словарь	2. Камасинский морфологический словарь	3. Тундровый ненецкий морфологический словарь
1	n/a	1,22 (86 %)	1,14 (88 %)
2	1,22 (86 %)	n/a	1,46 (82 %)
3	1,14 (88 %)	1,66 (78 %)	n/a

Таблица 16. Полный список словоизменятельных морфем в маторском, камасинском, ненецком языках, являющиеся родственными

[Table 16. Complete list of inflectional morphemes in cognate Mator, Kamas, Nenets]

МАТОРСКИЙ	КАМАСИНСКИЙ	ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ
-0 (3SG.CONNEG.SUB; 3SG. PRES)	0 (2SG.IMP.SUB; 2PL.IMP. SUB; 3SG.PRES.SUB)	0 (3SG.PRES) -ʔ (2SG.IMP.SUB)
-gəna / -kəna (LOC)	-Kən (LOC)	xən(ʔ)a; -xən(ʔ)a (LOC)
-kma / -kmä / -ɣma / -ɣmä (VERBNOM)		-ʔma (VERBNOM)
-kz (DU)	-Gəj (DU)	-xʔ (DU) -xʔ (ACC.DU; GEN.DU; NOM. DU)
-l- (FUT)	-LA/-Lə (FUT) -Lji (FUT)	
-m (ACC)	-əmə (ACC)	-m (ACC)
-m, -ma / -mä, -jma / -jmä (PARTC.PERF)	-Bi (PARTC) -MA (PARTC.PERF)	-mi / -wi (PARTC.PERF)
-m / -ma / -mä (1SG.POSS) -am / -äm (1SG.PRES)	-m (1SG.POSS; 1SG.PRES)	-mʔi / -mʔiʔ / -wʔb (NOM.1SG. POSS; 1SG.POSS) -mʔi / -mʔiʔ / -wʔ (ACC.1SG.POSS) -wʔ (1SG.PRES)
-ma / -mä (1PL.POSS)	-baʔ (1PL.PRES; 1PL.POSS)	-maʔ (1PL.POSS; ACC.1PL.POSS; NOM.1PL.POSS)
-ma / -mä (VERBNOM)		-ma / -há / -wa- / bá (VERBNOM)
-məna / -mäna (PROLAT)		-m(a)n(ʔ)a (PROLAT)
-n (GEN)	-ən (GEN)	-ʔ (GEN)
-nda / -ndä (PARTC.PRES)	-NTA (PARTC.PRES)	-na / -ta (PARTC.PRES)
-ndə (LAT)	-Ntə (LAT)	-nʔ / -tʔ (DAT)
-r (2SG.POSS)	-l (2SG.POSS; 2SG.PRES)	-rʔ (2SG.POSS; NOM.2SG.POSS) -rʔ (2SG.PRES)
-ra / -rä (2PL.POSS)	-laʔ (2PL.POSS; 2PL.PRES)	-raʔ (2PL.POSS; NOM.2PL.POSS)
-s; -s- / -z- (INTERROG; PRAET)		-sʔ (-tsʔ) (PRAET)
-su / -zu / -sü / -zü / -si / -zi (INF)	-Šət / -Tʔət (INF)	-sʔ / -zʔ / -cʔ (INF)
-t (IMP.OB)	-t, -Tə (IMP.OB)	-dʔ (IMP.OB; 2SG.IMP.OB.1SUB; 2SG.PRES.MULTOB)
-t (PL)		-ʔ (PL)

-ta / -da / -tä / -dä (3SG.POSS)	-t (3SG.PRES.OB; 3SG.POSS)	-ta (ACC.3SG.POSS; NOM.3SG.POSS; 3SG.POSS)
0 (CONNEG)	-ʔ (CONNEG)	-ʔ (CONNEG)
0 (IMP)	-Kə / -ʔ (IMP)	-x° (IMP)
0 (NOM)	0 (NOM)	0 (NOM)
i- (NEG)	e- (NEG.PRES) i- (NEG)	n'i: (NEG)
	-Kəʔ (ABL)	-xʌd° (ABL)
	-Kaj (3DU.PRES.SUB)	-x°ʔ (3DU.PRES.REFL; 3DU.PRES.SUB)
	-bə (3SG.IMP)	-m-ta (3SG.IMP)
	-bəj (3DU.IMP)	-m-t'iʔ (3DU.IMP)
	-bəj (1DU.PRES; 1DU.POSS)	-m'iʔ (1DU.PRES)
	-dəj (3DU.POSS; 3DU.PRES.OB)	-d'iʔ (3DU.PRES.MULTOB; 3DU.IMP.MULTOB; 3DU.PRES.OB)
	-dən (3PL.POSS; 3PL.PRES.OB)	-doʔ (3PL.PRES.MULTOB; 3PL.IMP.MULTOB; 3PL.PRES.OB)
	-ləj (2DU.POSS)	-r'iʔ (2DU.POSS)
	-Ləj (2DU.PRES)	-r'iʔ (2DU.PRES)

ским, а значение показателя в тундровом ненецком — инновационным.

Как видно из табл. 16, довольно много общих аффиксов у камасинского и тундрового ненецкого. Но это связано с тем, что многие общесамодийские показатели отсутствуют в маторском из-за небольшого объема текстов, поэтому процент сходства в морфологии тундрового ненецкого и маторского языка выше, чем с камасинским.

3. Заключение

Из этого обзора видно, что в большинстве случаев аффиксы, общие в маторском с тундровым ненецким и камасинским, являются архаичными. Лишь в двух случаях есть общие инновации: отглагольные имена, которые есть в маторском и северно-самодийских языках, будущее время или оптатив, характерное для маторского и южно-селькупских языков.

Остальные инновационные показатели, в частности, заимствованные из тюркских языков, например, -ča- — показатель настоящего времени, -ŋ- — показатель 2 лица единственного числа настоящего времени субъектного спряжения, есть только в маторском языке, и они не объединяют его с ни с тундровым ненецким, ни с камасинским. Это подтверждает вывод, сделанный выше в первой части, что у маторского языка нет значимых инноваций с другими самодийскими языками, видимо, южносамодийской (маторской, камасинской, селькупской) или ненецко-маторской группы не существовало. Сходство на фонетическом уровне с камасинским языком связано с ареальным влиянием сибирских тюркских языков, а на морфологическом уровне с тундровым ненецким с сохранением архаических прасамодийских морфем в этих языках.

Сокращения

нен. — ненецкий

тундр. ненец. — тундровый ненецкий

1DU — первое лицо двойственное число

1PL — первое лицо множественное число

1SG — первое лицо единственное число

2DU — второе лицо двойственное число

2PL — второе лицо множественное число

2SG — второе лицо единственное число

3DU — третье лицо двойственное число

3PL — третье лицо множественное число

3SG — третье лицо единственное число
 ABL — аблатив
 ACC — аккузатив
 ACT — действительный залог
 CAR — каритив
 COM — комитатив
 COND — условное наклонение
 CONJ — сослагательное наклонение
 CONNEG — коннегатив
 D — парадигма двойственного числа
 DAT — датив
 FUT — будущее время
 GEN — генитив
 IMP — повелительное наклонение
 IND — изъявительное наклонение
 INF — инфинитив
 INSTR — инструменталис

INTERROG — интеррогатив
 LAT — латив
 LOC — локатив
 MULTOB — мультиобъектное спряжение
 NEG — негатив
 NOM — номинатив
 OB — объектное спряжение
 PL — парадигма множественного числа
 POSS — притяжательное наклонение
 PRES — настоящее время
 PRAET — прошедшее время
 PROLAT — пролатив
 REFL — рефлексив
 SUB — субъектное спряжение
 TRANSL — транслатив
 VERBNOM — отглагольное имя

Литература

- Князев 2021 — Князев С. В. О взаимодействии фонетических параметров, реализующих фонологический контраст по голосу в русском языке // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 137–153.
- Коряков 2018 — Коряков Ю. Б. Проблема «язык или диалект» или самодийские языки // Урало-алтайские исследования. 2018. № 4(31). С. 156–217.
- Норманская 2020 — Норманская Ю. В. Коми-язвинский — диалект коми-пермяцкого или отдельный язык? // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. № 4. С. 628–641.
- Норманская 2023 — Норманская Ю. В. Новые полевые и архивные данные к глоттохронологической классификации самодийских языков // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 5. С. 1343–1366. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1343-1366
- Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 942 с.
- Урманчиева 2023 — Урманчиева А. Ю. Реконструкция лингвистического ландшафта Западной Сибири (на материале самодийских языков): дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2023. 280 с.
- Хелимский 1982 — Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М.: Наука, 1982. 164 с.

References

- Knyazev S. V. On the interaction of phonetic parameters implementing the voiced / voiceless phonological opposition in standard modern Russian. *Siberian Journal of Philology*. 2021. No.4. Pp. 137–153. (In Russ.) DOI: 10.17223/18137083/77/11
- Koryakov Yu. B. Language vs. dialect question and Samoyedic languages. *Ural-Altaic Studies*. 2018. No. 4 (31). Pp. 156–217. (In Russ.)
- Normanskaya J. V. Is Komi-Yazva separate language or Komi-Permian's dialect? *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2020. Vol. 14. No. 4. Pp. 628–641. (In Eng.) DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-628-641
- Normanskaya J. V. More on the glottochronological classification of the Samoyedic languages: New field and archival data. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 5. Pp. 1343–1366. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1343-1366
- Tereshchenko N. M. Nenets-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965. 942 p. (In Russ.)
- Urmanchieva A. Yu. Reconstructing the Linguistic Landscape of Western Siberia: A Study of the Samoyedic Languages. Dr. Sc. (Philology) thesis. Moscow, 2023. 280 p. (In Russ.)
- Helimski E. A. Earliest Hungarian-Samoyedic Parallels: Linguistic and Ethnogenetic Interpretations. Moscow: Nauka, 1982. 164 p. (In Russ.)

- Burkova 2022 — *Burkova S. Nenets // Oxford guide / ed. by M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik. Oxford: Oxford University Press, 2022. Pp. 674–709.*
- Donner 1944 — Donner K. Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und hauptzügen der Grammatik, bearbeitet und herausgegeben von A. J. Joki. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1944. 216 p.
- EDAL 2003 — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p.*
- Helimski 1997 — *Helimski E. Die matorische Sprache: Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. (Studia uralo-altaica 41). Szeged, 1997. 475 p.*
- Janhunen 1977 — *Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: gemeinsamojedische Etymologien. (Castrenianumin toimitteita, Band 17). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1977. 186 p.*
- Janhunen 1998 — *Janhunen J. Samoyedic / The Uralic Languages, ed. by Abondolo D., Daniel Routledge. London, 1998. Pp. 457–479.*
- Klumpp 2016 — *Klumpp G. Kamas [электронный ресурс] // Erasmus Plus InFUSE, eE-learning course spring 2016. URL: https://www.infuse.finnougristik.uni-muenchen.de/e-learning/kamas/o1_kamas.pdf (дата обращения: 15.03.2025).*
- Mikola 2004 — *Mikola T. Studien zur Geschichte der samojedischen Sprachen. (Aus dem Nachlass hrsg. Beáta Wagner-Nagy.) Szeged: SzTE Finnisch-Ugrisches Institut, 2004. 175 p.*
- Oxford guide 2022 — *The Oxford Guide to the Uralic Languages / ed. by M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik. Oxford: Oxford University Press, 2022. 1184 p.*
- Starostin 2004 — *Starostin S. Preliminary results of application of ‘recalibrated’ glottochronology to classification of Eurasian language families. Paper presented at Workshop on Prehistoric Chronology: Language, Genes and Migrations being held at the Santa Fe Institute, March 2004.*
- Burkova S. Nenets. In: Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (eds.) *The Oxford Guide to the Uralic Languages. Oxford: Oxford University Press, 2022. Pp. 674–709. (In Eng.)*
- Donner K. Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und hauptzügen der Grammatik. A. J. Joki (ed.). Helsinki: Finno-Ugric Society, 1944. 216 p. (In Kam. and Germ.)
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden, Boston: Brill, 2003. 2096 p. (In Eng., Turk., Mong., etc.)*
- Helimski E. *Die matorische Sprache: Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte (Studia Uralo-Altaica 41). Szeged: University of Szeged, 1997. 475 p. (In Germ.)*
- Janhunen J. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianumin Toimitteita 17). Helsinki: Finno-Ugric Society, 1977. 186 p. (In Germ.)*
- Janhunen J. Samoyedic. In: Abondolo D. (ed.) *The Uralic Languages. London, New York: Routledge, 1998. Pp. 457–479. (In Eng.)*
- Klumpp G. Kamas. On: Ludwig Maximilian University of Munich (Faculty of Languages and Literatures, Finno-Ugric and Uralic Studies), Erasmus Plus InFUSE (eE-learning course spring 2016). Available at: https://www.infuse.finnougristik.uni-muenchen.de/e-learning/kamas/o1_kamas.pdf (accessed: 15.03.2025). (In Eng.)
- Mikola T. *Studien zur Geschichte der samojedischen Sprachen (Studia Uralo-Altaica 45). B. Wagner-Nagy (ed.). Szeged: University of Szeged (Department of Finno-Ugric Studies), 2004. 175 p. (In Germ.)*
- Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (eds.) *The Oxford Guide to the Uralic Languages. Oxford: Oxford University Press, 2022. 1184 p. (In Eng.)*
- Starostin S. Preliminary results of application of ‘recalibrated’ glottochronology to classification of Eurasian language families. In: *Workshop on Prehistoric Chronology: Language, Genes and Migrations. Proceedings (Santa Fe, 1–5 March 2004). Santa Fe: Santa Fe Institute, 2004. (In Eng.)*

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 2, Pp. 483–498, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81`3

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-483-498

Моделирование вариативности языковой картины мира русского и арабского языков на основе параллельных корпусных данных (на примере сказок «Тысяча и одна ночь»)

Джаафар Аль Дауд¹, Елена Борисовна Козеренко^{2, 3}

¹ Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

аспирант, младший научный сотрудник

0009-0000-7991-7740. E-mail: [jaafardawood1993\[at\]gmail.com](mailto:jaafardawood1993[at]gmail.com)

² Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

³ Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН (д. 44, корп. 2, ул. Вавилова, 119333 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

0000-0001-7170-6383. E-mail: [kozerenko\[at\]mail.ru](mailto:kozerenko[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Аль Дауд Д., Козеренко Е. Б., 2025

Аннотация. *Введение.* Данная статья посвящена исследованию языковой картины мира носителей русского и арабского языков. *Цель исследования* — построить двуязычную русско-арабскую модель языковой картины мира как единой концептосферы и исследовать ее вариативность, учитывая семантические и статистические характеристики ключевых концептов и их связей. Для этого решаются задачи по определению лексико-семантических средств, методов создания и анализа параллельных текстовых корпусов, а также по выбору и обработке культурно-значимых текстов на русском и арабском языках. *Материалы и методы.* Основными материалами исследований являются сказки «Тысяча и одна ночь» в оригинале и их переводы на русский язык, выполненные М. А. Салье, — единственный полный перевод этого памятника арабской культуры, осуществленный на русский язык с языка оригинала. Исследование, представленное в данной статье, опирается на структурно-лингвистические и когнитивные модели, такие как фреймы, лексико-семантические поля, частотно-статистические методы для сравнительного анализа лингвистических явлений в русском и арабском языках, конвейерную обработку естественного языка (с помощью инструментов Intelligent Statistical Verbalizer ISV

и Leferent 0.3.0.). В *результате* работы построена двуязычная русско-арабская модель языковой картины мира как единая концептосфера, проведено исследование ее вариативности с учетом семантических и статистических характеристик ключевых концептов (сущностей) и связей (действий). *Выводы.* В работе показано, что лингвистическая модель мира отражает субъективное восприятие объективной реальности, а вариативность языковой картины мира обусловлена многозначностью и неоднозначностью языковых знаков, где контекст определяет выбор конкретного значения.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептосфера, русский язык, арабский язык, параллельные корпуса, культурно-значимые тексты, фреймы, лингвистические модели, частотные словари

Благодарность. Выражаем благодарность Российскому университету дружбы народов за поддержку в реализации научных инициатив и содействие активности студентов в публикационной деятельности.

Для цитирования: Аль Дауд Д., Козеренко Е. Б. Моделирование вариативности языковой картины мира русского и арабского языков на основе параллельных корпусных данных (на примере сказок «Тысяча и одна ночь») // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 2. С. 483–498. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-483-498

Parallel Corpus Data in Variability Modeling of Russian and Arabic Linguistic Worldviews: Analyzing Texts of One Thousand and One Nights

Jaafar Al Dawood¹, Elena B. Kozerenko^{2, 3}

- ¹ RUDN University (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)
Postgraduate Student, Junior Research Associate

 0009-0000-7991-7740. E-mail: jaafardawood1993[at]gmail.com

- ² RUDN University (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

- ³ Federal Research Center 'Computer Science and Control' of the RAS (Bldg. 2, 44, Vavilov St., 119333 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate
 0000-0001-7170-6383. E-mail: kozerenko[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Al Dawood J., Kozerenko E. B., 2025

Abstract. Introduction. The paper examines linguistic pictures of the world (LPW) characteristic of native Russian and Arabic speakers. **Goals.** The study attempts a bilingual Russian-Arabic LPW model as an integral conceptual framework — to explore its variability, particular attention be paid to semantic and statistical properties of key concepts and their connections. To facilitate this, the work shall define lexical and semantic means, methods to create and analyze parallel text corpora, as well as ones to select and process culture-significant texts in Russian and Arabic. **Materials and methods.** The work focuses on One Thousand and One Nights (The Arabian Nights) — the original text and its Russian translation by M. Salje who is the one and only to have authored a complete Arabic-to-Russian translation of the literary monument. The study employs structural linguistic and cognitive models, such as frames, lexical-semantic fields. It also addresses statistical methods for comparative analysis of linguistic phenomena in Russian and Arabic, involves pipeline processing of natural language (with the aid of Intelligent Statistical Verbalizer ISV and Leferent 0.3.0.). **Results.** The efforts have yielded a bilingual Russian-Arabic LPW model as an integral conceptual framework,

its variability duly investigated with consideration to semantic and statistical characteristics of key concepts (entities) and connections (actions). *Conclusions.* As is shown, the linguistic model of the world reflects subjective perceptions of objective reality, and the variability of the linguistic picture of the world is rooted in polysemy and ambiguity of linguistic signs where it is the context that specifies the meaning.

Keywords: linguistic worldview, conceptual framework, Russian, Arabic, parallel corpora, culture-significant texts, frames, linguistic models, frequency dictionaries

Acknowledgements. The authors express gratitude to RUDN University for support of scientific initiatives and promotion of student publication activity.

For citation: Al Dawood J., Kozerenko E. B. Parallel Corpus Data in Variability Modeling of Russian and Arabic Linguistic Worldviews: Analyzing Texts of One Thousand and One Nights. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 483–498. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-483-498

1. Введение

Данная статья посвящена исследованию языковой картины мира (далее — ЯКМ) носителей русского и арабского языков, моделированию вариативности языковой картины мира на основе параллельных лингвистических корпусов текстов и построению *концептосферы* (или ментального пространства исследуемых текстов). Исследование ментальности этнической группы и ее отражение в речевой деятельности носителей рассматриваемого языка является на сегодняшний день одной из самых актуальных проблем в области гуманитарных наук, включая лингвистику и множество филологических дисциплин.

Актуальность данного исследования вытекает из необходимости сопоставительного исследования способов языкового выражения референтной ситуации носителями русского и арабского языков, выявления сходства и различия этих способов и систематического описания языковых средств, наиболее адекватно выражающих ключевые понятия языковой картины мира, используемые носителями этих языков для выражения многоплановой картины мира как проекции ментального пространства. Для русско-арабской языковой пары недостаточно представлены параллельные текстовые корпуса. В результате наших исследований был построен лингвистический ресурс, включающий в себя параллельные тексты, частотные словари и единую концептосферу пространства текстов всех сказок «Тысячи и одной ночи».

Исследуя разнообразные языки, один из основателей современного языкознания В. фон Гумбольдт в своих работах предложил идею, что каждый язык создает у его носителей уникальное видение мира, формируя для своего народа уникальное восприятие реальности [[Гумбольдт 1985: 370](#)].

По мнению В. И. Постоваловой, «картина мира» (далее — КМ) представляет собой внутреннее восприятие, а «модель мира» — внешний образ. Модель мира формируется через анализ КМ и отражает осознанное восприятие, тогда как КМ может быть нечеткой и неосознанной [[Серебренников и др. 1988: 23](#)]. КМ не просто отображает, но и интерпретирует реальность. Метафора «картина мира» показывает, что как художник создает свою версию реальности, так и человек представляет реальность через язык [[Санцевич 2003: 36](#)]. А. Глаз предполагает, что концепция языковой картины мира имеет много общего с лингвистической относительностью [[Glaz 2022: 14](#)].

Лингвистические модели исследуют такие вопросы, как определяющие атрибуты концепций, как концепции связаны друг с другом и какие отношения между концепциями являются необходимыми, допустимыми или обязательными [[Mansourov, Campara 2011: 233](#)]. А. Эйнштейн отмечал, что человек стремится к понятной и ясной картине мира [[Эйнштейн 1967: 153](#)]. В свою очередь О. А. Корнилов определяет КМ как упрощенную модель реального мира, создаваемую человеком [[Корнилов 2000: 14](#)].

Предметом данного исследования является языковая картина мира (*концептосфера*), представленная в культурно-значимых текстах как отражение этнической ментальности, а также ее вариативность, т. е. различные способы, которыми языки отображают и интерпретируют реальность, при этом в фокусе внимания данного исследования находятся лексические средства исследуемых языков, их семантические и статистические характеристики.

В процессе исследования была подтверждена *гипотеза* о том, что анализ параллельных лингвистических корпусов позволяет выявить общие и уникальные черты языковой картины мира между различными языковыми системами. Анализ параллельных текстов на русском и арабском языках позволил понять, какие лингвистические феномены и структуры имеются в каждом из языков, а также как эти феномены взаимодействуют и пересекаются в процессе межкультурной коммуникации.

В данной работе мы используем термины «ментальное пространство», «концептуальное пространство», «концептосфера» в значении концептуальной (ментальной) модели как отражения сознания носителей некоторого языка и соответствующей языковой картины мира. Термин «концептосфера» имеет конкретного автора — Д. С. Лихачева: «*В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем назвать концептосферами*» [Лихачев 1997: 282].

Языковая картина мира носителей некоторого естественного языка формируется на основе текстов, спонтанно порождаемых носителями языка, а также культурно-значимых текстов. В данной работе мы используем термин «культурно-значимые тексты», под которым понимаем авторские или фольклорные тексты, которые, с одной стороны, отражают существенные черты языковой картины мира носителей языка, а, с другой стороны, сами выступают активными факторами, формирующими эту картину, особенно ее лексическую составляющую, поскольку концепты, фразы, устойчивые выражения из культурно-значимых текстов

становятся частью порождающих механизмов языковой системы.

2. Материалы и методы исследования

Выбор культурно значимых арабских текстов включает в себя рассмотрение нескольких факторов для обеспечения всестороннего представления и актуальности. «Тысяча и одна ночь» выделяется как грандиозное литературное достижение, глубоко влияющее на письменность на протяжении различных исторических эпох. Оно служит культурным мостом между Востоком и Западом и имеет огромное влияние на различные литературные жанры [Jweid 2020: 11].

Для получения лексико-частотных характеристик текстов в наших исследованиях мы используем систему Intelligent Statistical Verbalizer (ISV). Эта система анализа текста выполняет три основные функции: (1) лексический анализ для определения категориальных характеристик лексем; (2) морфологический анализ, позволяющий получить каноническую форму каждого слова (лемму); и (3) подсчет частоты встречаемости слов после получения их канонической формы [АТСИОНД 2020: 113–120]¹.

В анализе текста определенные слова, такие как предлоги, местоимения, союзы и другие лексические единицы, часто называемые «стоп-словами», как правило, являются наиболее частотными и появляются в верхних строках файла встречаемости. Эти слова, несмотря на их частотность, не имеют существенного лексико-семантического значения и могут быть не важны для конкретного исследования, проводимого в наших целях. Таким образом, один из подходов в анализе текста — это отделение этих стоп-слов в специальную категорию при

¹ Простой подсчет количества словоупотреблений может ввести в заблуждение. Это происходит потому, что одно и то же слово может иметь множество различных форм (спряжений по лицам и числам) таких, например, как *читаю*, *читал*, *читать* и т. д. Более правильным подходом является объединение всех этих вариаций под одной «базовой» формой, называемой леммой. Этот процесс нахождения леммы для каждого слова называется лемматизацией [Toporkov, Agerri 2024: 157]. Используя леммы, мы можем получить более четкое представление о том, как часто слова действительно встречаются в тексте.

анализе текстов или полное их удаление вообще [Большаков 2024: 46].

Для моделирования ментального пространства носителей языковой картины мира мы обращаемся к методам и технологиям компьютерной обработки естественного языка. В нашем случае целью моделирования является *ментальное пространство* текста, или *концептосфера*, *концептуальная структура*. Такая концептуальная структура предполагает выявление ключевых сущностей и связей (действий) и установление отношений между ними.

В исследованиях текстов сказок «Тысяча и одна ночь» была применена новая версия семантически-ориентированного процессора (СОЛП) [АТСИОНД 2020: 113–120] — Стенд Leferent 0.3.0. Методы конвейерной обработки естественного языка, включающей морфологический, синтаксический, семантический анализ, организованные в структурированный технологический каркас, способствуют более эффективному анализу текстов, помогая в задачах, таких как разработка онтологий и более глубокое понимание лингвистических данных, построение семантического представления текста как концептосферы. С помощью лингвистического процессора Стенд Leferent 0.3.0 мы получаем также структурированное концептуальное пространство текста сказок «Тысяча и одна ночь» в виде XML-кода.

При исследовании параллельных текстов на русском и арабском языках точкой входа в концептуальное пространство текста для нас являются тексты на русском языке. Им приводятся в соответствие тексты на арабском языке, вначале выравниваемые по предложениям, затем по ключевым и опорным словам, выделяемым сущностям и связям. Стенд Leferent 0.3.0 пока работает для русского и английского языков. Разработка модуля для арабского языка находится в ближайшей перспективе. Поэтому эксперименты в данной работе проведены в смешанном режиме — автоматизированном для русского языка и в ручном для выравнивания с арабскими соответствиями.

Для моделирования и сопоставления семантической структуры лексем, выражающих ключевые концепты языковой картины

мира, используется фреймовый подход. Полученные концептуальные представления текстов в виде опорных концептов и ключевых слов, ключевых действий и связей, частотных словарей, а также структурированных представлений пространства текстов служат материальной основой для создания двуязычных русско-арабских лингвистических ресурсов, предназначенных для многофункционального применения в исследованиях, создания программного обеспечения для систем обработки естественного языка, разработки учебных материалов по различным лингвистическим специальностям, переводу и переводоведению. Двуязычный лингвистический ресурс параллельных культурно-значимых текстов и структурно-семантических описаний ключевых концептов и опорных слов русского и арабского языков реализует *концептосферу* как языковую модель мира.

Полученные концептуальные представления текстов в виде опорных концептов и ключевых слов, ключевых действий и связей, частотных словарей, а также структурированных представлений пространства текстов служат материальной основой для создания двуязычных русско-арабских лингвистических ресурсов, предназначенных для многофункционального применения в исследованиях, создания программного обеспечения для систем обработки естественного языка, разработки учебных материалов по различным лингвистическим специальностям, переводу и переводоведению. Подобный ресурс создается впервые для русско-арабской языковой пары, что обуславливает высокую степень новизны данного исследования.

3. Структурно-семантические модели некоторых ключевых концептов языковой картины мира для русско-арабской языковой пары

А. Вежицкая утверждает, что в русской культуре есть некоторые ключевые концепты, которые занимают особенно важное место [Вежицкая 1999: 282]. Она рассматривает ключевые концепты через призму лексики, подчеркивая, что лексика является чувствительным индикатором культуры

народа [Вежбицкая 2001: 61]. Основываясь на методе выделения «ключевых слов», А. Вежбицкая выделяет три фундаментальных концепта: «судьба», «душа» и «тоска» [Вежбицкая 2001: 36]. На лингвоспецифичность этих концептов для русской языковой картины мира указывает А. А. Зализняк [Зализняк 2006: 207].

Для сопоставительного исследования семантической структуры некоторых ключевых макроконцептов: «судьба», «душа», «тоска», — выделяемых различными авто-

рами для русской языковой картины мира, мы обратились к их аналогам в арабском языке.

В таблице 1 представлена семантическая структура концепта «судьба» — قدر [qadar] на арабском языке. Как можно увидеть из представленных примеров, قدر имеет весьма обширное пространство возможных значений, в отличие от русского эквивалента *судьба*, что очень наглядно иллюстрирует явление асимметрии языкового знака.

Таблица 1. Семантическая структура концепта قدر [qadar] ('судьба') для арабского языка
[Table 1. Semantic structure of the concept قدر [qadar] 'fate' in the Arabic language]

№	قدر	Судьба
1	قدر ثمن سلعة بين مقداره	Определил свою стоимость.
2	أعطاه ما يستحق من عناية أو تعظيم	Он даровал ему заслуженный уход или почитание.
3	دبره وفكر في تسويته	Размышлял и планировал его улаживание.
4	تمكن منه وقوي عليه. قدر على النهوض وحده	Справился с ним и укрепился на нем. смог подняться самостоятельно.
5	ضيقه	Сузил его.
6	قاسه به وجعله على مقداره	Оценил его по его заслугам.
7	طبخه في القدر	Приготовил его в кастрюле.
8	قصر. قدر الرجل	Был сокращен. Приговорил мужчину.
9	كفاءة انسان او صفاته الأخلاقية او الأدبية او جدارته، شأن. فنان كبير القدر	Квалификация человека или его моральные, литературные качества или его достоинство, дело. Выдающийся художник.
10	مساوي الشيء من غير زيادة ولا نقصان. هذا قدر ذاك	Это равное, без увеличения или уменьшения. Это равняется тому.
11	مقدار. قدر عمل	Количество. Рабочий объем.
12	ما يعادل ويساوي، بحسب. أسهم بقدر وسائله	То, что равно и соответствует, в зависимости от. Вложил в соответствии с его возможностями.
13	ما يبلغه شيء من أهمية. خطأ بحذر يكلف غالبا	То, что имеет значение. Ошибка в этом может быть дорогой.
14	توزيع موسيقي إلى وحدات زمنية متساوية هي الفواصل. خفف القدر	Распределение музыки на равные временные единицы является перерывом. Снизил громкость.
15	إناء يطبخ فيه الطعام، مرجل، طنجرة، كفت. قدر من نحاس	Емкость, в которой готовится пища, котел, кастрюля, кастрюля, чашка. Медная кастрюля.
16	ما يقدره الله، قضاء يقضي به الله على عباده. ضحية القدر	То, что Бог определяет, решение, которым Бог судит Своих рабов. Жертва судьбы.
17	مبلغ الشيء. بلغ في العلم قدرا	Сумма чего-либо. Достиг в знании определенного уровня.
18	حسب بالتقريب مستعينا بخبرته وبما لديه من معطيات. قدر نفقات	Оценил приблизительно, опираясь на свой опыт и имеющиеся у него данные. Определить расходы.
19	وزن بين احتمالات واختار منها ما يتوقعه. قدر حظوظ النجاح	Взвесил вероятности и выбрал то, что ожидал. Оценил шансы на успех.

20	عين الأهمية والمدى. قدر الأخطار	Определил важность и масштаб. Определил опасности.
21	حكم وفق المقتضى. قدر كتابا حق قدرهم	Судил в соответствии с обстоятельствами. Оценил писателей по достоинству.
22	عرف القيمة الثقافية والأخلاقية أو القدرة على القيام بعمل ما. قدر بنظرة طالب وظيفة	Оценил культурную и моральную ценность или способность выполнить определенную работу. Оценил взглядом кандидата на должность.
23	ظن، افترض. قدر ثروة كبيرة لفلان	Подумал, предположил. Он оценил большое состояние для кого-то.
24	أضمر. قدر في جملة جوابا إيجابيا	Скрыл. Он оценил положительный ответ в предложении.
25	ضيق. قدر على عياله	Сузил. Смог обеспечить свою семью.
26	احترم. قدر التلميذ معلمه	Уважал. Ученик уважительно относился к своему учителю
27	فلان. فكر في تسوية أمره وتدبيره	Такой-то. Размышлял об урегулировании своего дела и его организации.
28	قضى وحكم به	Он вынес решение.

Как мы видим, сфера употребления концепта *قدر* [qadar] 'судьба' в арабском языке весьма многообразна. Проведем сопоставление с системой значений концепта *судьба* в русском языке.

Для русского языка выделяют следующие основные значения:

Судьба — существительное.

1. Стечение обстоятельств: *Судьба столкнула нас с тобой.*

2. Доля, участь: *ничего не знаю о судьбе брата.*

3. Условия дальнейшего существования, будущность: *заботиться о судьбах государства.*

Семантическая структура концепта «душа» для арабского языка приведена в табл. 2. Семантическая структура концепта «душа» для русского языка также представлена в виде табл. 3. Структура значений ключевого концепта русской языковой картины мира «тоска» в сопоставлении с его соответствиями на арабском языке приведена в табл. 4.

Таблица 2. Семантическая структура концепта *روح* 'душа' для арабского языка

[Table 2. Semantic structure of the concept *روح* 'soul' in the Arabic language]

Вещество, извлеченное путем дистилляции и концентрации (дух цветка).	مادة مستخرجة بالتقطير ومركزة (روح الزهر).
Душа и то, что составляет ее жизнь. У вещей нет духа.	ليس للأشياء روح. النفس وما به حياتها.
Призрак, фантом, образ умершего человека.	شبح، طيف، خيال شخص ميت

Таблица 3. Семантическая структура концепта *душа* для русского языка

[Table 3. Semantic structure of the concept *душа* 'soul' in the Russian language]

Душа (имя существительное) Определения	Примеры
Внутренний, психический мир человека, его сознание.	<i>Предан душой и телом своему делу</i>
То или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами.	<i>Добрая душа</i>
Вдохновитель чего-н., главное лицо. (ПЕРЕНОСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ)	<i>Душа всего дела</i>

О человеке (обычно в устойчивых сочетаниях; разг.).	В доме ни души
В старину: крепостной крестьянин.	Ревизская душа

Таблица 4. Ключевой концепт русской языковой картины мира *Тоска* и соответствия на арабском языке

[Table 4. *Toska* as a key Russian LPW concept and its Arabic equivalents]

Тоска и ностальгия. Желание вернуться в родной дом.	شوق وحنين. توق إلى مسقط الرأس
Сильная тоска. Желание бесконечности.	شوق شديد. توق إلى اللانهاية

Рассмотрим толкования концептов словаре живого великорусского языка» «судьба», «душа», «тоска» в «Толковом В. И. Даля [ТСДО 2008–2024] (табл. 5).

Таблица 5. Концепты *судьба*, *душа*, *тоска* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля

[Table 5. Concepts of fate, soul, and longing in The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V. I. Dahl]

Слово	Значение	Контекст / Примечания
Судьба	Суд, судилище, правосудие, расправа.	Означает как судьбу, так и форму высшего правосудия или неизбежный исход.
	Участь, жребий, доля, рок, счастье, предопределение.	Включает понятия предназначения, счастья и роли провидения.
Душа	Бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волей.	Олицетворение сущности жизни, совмещающее и духовное, и телесное начало.
	Человек, личность (может относиться к людям обоего пола, либо только к мужскому полу).	Понятие «душа» часто употребляется в смысле «человек», особенно в ревизской и податной документации.
	Совость, духовные качества, внутреннее чувство.	Отражает внутренние, моральные качества человека.
Тоска	Стеснение духа, мучительная грусть, ностальгия, томление.	Глубокая печаль, тоска по родине, иногда приводящая к физическому недомоганию.
	Душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, скорбь.	Выражает чувство внутреннего беспокойства, от лёгкой грусти до сильного горя.

Метод рассмотрения ключевых концептов языковой картины мира в сопоставительном ключе для русско-арабской языковой пары приводит к эффекту выявления дополнительных значений, которые не были бы проявлены в одноязычной ситуации. А. А. Зализняк указывает на этот эффект как на возможный источник многозначности в языке [Зализняк 2006: 206].

Хотя сопоставление языковых картин мира затрудняется различиями в этих картинах, отраженными в языке, однако при конструировании единой концептосферы

для двуязычного текста (оригинала и его перевода) продуктивным оказывается подход, основанный на унификации структур значений для рассматриваемых ключевых концептов и концептосферы текста в целом.

4. Определение семантической структуры и контекстного употребления наиболее частотных «сущностей» и «связей»

Семантические объекты, получившие наименование «сущностей», в естественном языке выражены именами существительными и именными фразами, а глагольная лек-

сика выполняет роль «связей» (между сущностями).

В ходе исследований были выявлены ключевые и наиболее часто встречающиеся концепты из текстов сказок «Тысяча и одна ночь» на русском и арабском. Для русскоязычных текстов был использован метод создания частотного словаря лемм с помощью программного инструмента ISV. Далее

этим концептам на русском языке подбирались эквиваленты в арабских текстах. Частотные словари были сформированы для всех текстов сказок. В таблице 6 приведен фрагмент двуязычного частотного словаря наиболее значимых концептов по текстам сказки о Синдбаде-мореходе. Наиболее частотные глагольные лексемы представлены в табл. 7.

Таблица 6. Наиболее частотные концепты в текстах сказки о Синдбаде-Мореходе
[Table 6. Most frequent concepts in The Tale of Sinbad the Sailor]

№	Частота	Русский язык	Частота	Арабский язык
1	166	остров	166	جزيرة
2	138	человек	138	شخصا
3	132	корабль	132	سفينة
4	116	Синдбад	116	سندباد
5	108	ночь	108	ليلة
6	105	город	105	مدينة
7	100	Аллах	100	الله
8	100	царь	100	ملك
9	71	море	71	البحر
10	68	мореход	68	بحار

Таблица 7. Наиболее частотные «связи» (глагольные лексемы)
в текстах сказки о Синдбаде-мореходе

[Table 7. Most frequent 'connections' (verbal lexemes) in The Tale of Sinbad the Sailor]

№	Частота	Русский язык	Частота	Арабский язык
1	159	быть	159	يكون
2	149	сказать	149	يقول
3	111	стать	111	أصبح
4	90	увидеть	90	انظر
5	59	взять	59	خذ
6	56	знать	56	أعرف
7	54	прийти	54	تأتي
8	52	подняться	52	ارتفاع
9	48	говорить	48	الحديث
10	46	сделать	46	افعل

Таким образом, результаты анализа текста с помощью Интеллектуального статистического вербалайзера (ISV) дают нам частотное представление системы сущностей и связей, образующих ментальное пространство текста, вербализуемое через именные и глагольные лексемы. Проце-

дура концептуального анализа с опорой на отображение сильных позиций лексических единиц в матрице частот словоупотреблений может быть применена в реконструкции ключевых элементов системы смысла при исследовании любого текста. При сопоставлении русского и арабского текстов

на лексико-семантическом уровне мы получаем дополнительное осмысление каждого элемента концептуальной схемы.

5. Двухязычный лингвистический ресурс параллельных культурно-значимых текстов и структурно-семантических описаний ключевых концептов и опорных слов русского и арабского языков

В результате исследований была построена лингвистическая база знаний как новый лингвистический ресурс параллельных культурно-значимых текстов и структурно-семантических описаний ключевых концептов и опорных слов русского и арабского языков, которому было дано имя — АРЛинКор — *أرلينكور* — Арабско-Русский Лингвистический Корпус — *المجموعة* — *اللغوية العربية الروسية*. В данном разделе мы приводим несколько фрагментов АРЛинКор, иллюстрирующих организацию и способы представления лингвистических знаний в этом ресурсе. На рис. 1 приведен фрагмент концептосферы Предисловия к книге сказок «Тысяча и одна ночь» в переводе М. А. Салье и рамочного сюжета — о Шахразаде (*Шехерезаде*) и царе Шахрияре.

Структура текста сказки о Синдбаде-мореходе и ее семантическая структура (*концептосфера*, модель ментального пространства) получены с помощью лингвистического процессора Стенд Leferent 0.3.0.

Сюжет сказки о Синдбаде-мореходе развивается на протяжении 30 ночей, которые были посвящены его семи путешествиям (ночи 536–566). Пространство текста, выстроенное с помощью Leferent 0.3.0, позволяет совершать навигацию по каждой ночи и каждому рассказу об очередном путешествии по гиперссылкам, при этом отображается концептосфера соответствующего раздела сказки.

На следующих рис. 2, 3 представлены фрагменты семантического представления сказки о Синдбаде-мореходе как *концептосферы* в виде графической схемы и XML-кода.

Рассмотрим более подробно ключевые концепты и связи (действия), выделенные лингвистическим процессором, и их соответствия на арабском языке (с транскрипци-

ей), а также *концептосферу*, представленную в виде XML-кода.

Ключевые слова:

ШИРОКАЯ СКАМЕЙКА, СИЛЬНАЯ ЖАРА, ТЯЖЕЛАЯ НОША, ТЯЖЕСТЬ, ЗНОЙ, НОША, ПОВЕЛИТЕЛЬ, ВОРОТ, ВОЗДУХ, СКАМЕЙКА, ХАРУН, ХАЛИФА, АР-РАШИД, ЧЕЛОВЕК, ПЛАТ, СКАЗКА, ГОЛОВА, РЕЧЬ, УТРО, ВРЕМЯ, ДЕНЬ, КУПЕЦ

الكلمات المفتاحية:

مقعد واسع، حرارة شديدة، عبء ثقيل، ثقيل، حرارة، عبء، رب، بوابة، هواء، مقعد، هارون، خليفة، الرشيد، رجل، بلات حكاية، رأس، كلام، صباح، وقت، نهار، تاجر

[alkalimat aldaalatu:

maqead wasie, hararat shadidatun, eib' thaqila, thaqilun, hararatu, eib', raba, bawaabati, hawa'i, maqead, harun, khalifat, alrashida, rajulu, blat, hikayata, rasa, kalami, sabahi, waqat, nahar, tajir]

Ключевые действия:

ПОДМЕСТИ, ВСПОТЕТЬ, ПОЛИТЬ, БЫТЬ, УТОМИТЬСЯ, ПОДЫШАТЬ, НОСИТЬ, НЕСТИ, УСИЛИТЬСЯ, ЗВАТЬ, ПРОХОДИТЬ, ПОЛОЖИТЬ, СТОЯТЬ, ОТДОХНУТЬ, ДОЗВОЛИТЬ, ПРЕКРАТИТЬ, ЗАСТИГНУТЬ, ЖИТЬ, СЛУЧИТЬСЯ

الأفعال الأساسية:

اكتساح، عرق، ماء، كن، متعب، تنفس، احمّل، احمّل، عزز، اتصل، مرر، اللعب، قف، استرح، اسمح، توقف، التقت، حي يحدث

[al'ijra'at alrayiysiatu:

aktisahu, earqa, ma', kun, muteabi, tanafasu, ahmil, ahmil, eazaza, atasala, marra, aleab, qaf, astarha, asmah, tawaquf, altaqatu, hayi, yahduth]

Таким образом представление концептуальной структуры двухязычного пространства текста является синтезом лексико-семантических свойств и контекстного употребления наиболее частотных «сущностей», выраженных именами существительными и именными фразами, и наиболее частотных «связей», представленных глагольной лексикой. Результатом работы семантического лингвистического процессора Стенд Leferent 0.3.0 является графическая, концептуальная, частотная экспликация текста, образ концептосферы как единого ментального пространства текста, выраженного в ключевых и опорных словах и фразах, наиболее частотных лексемах и их структурных связях.

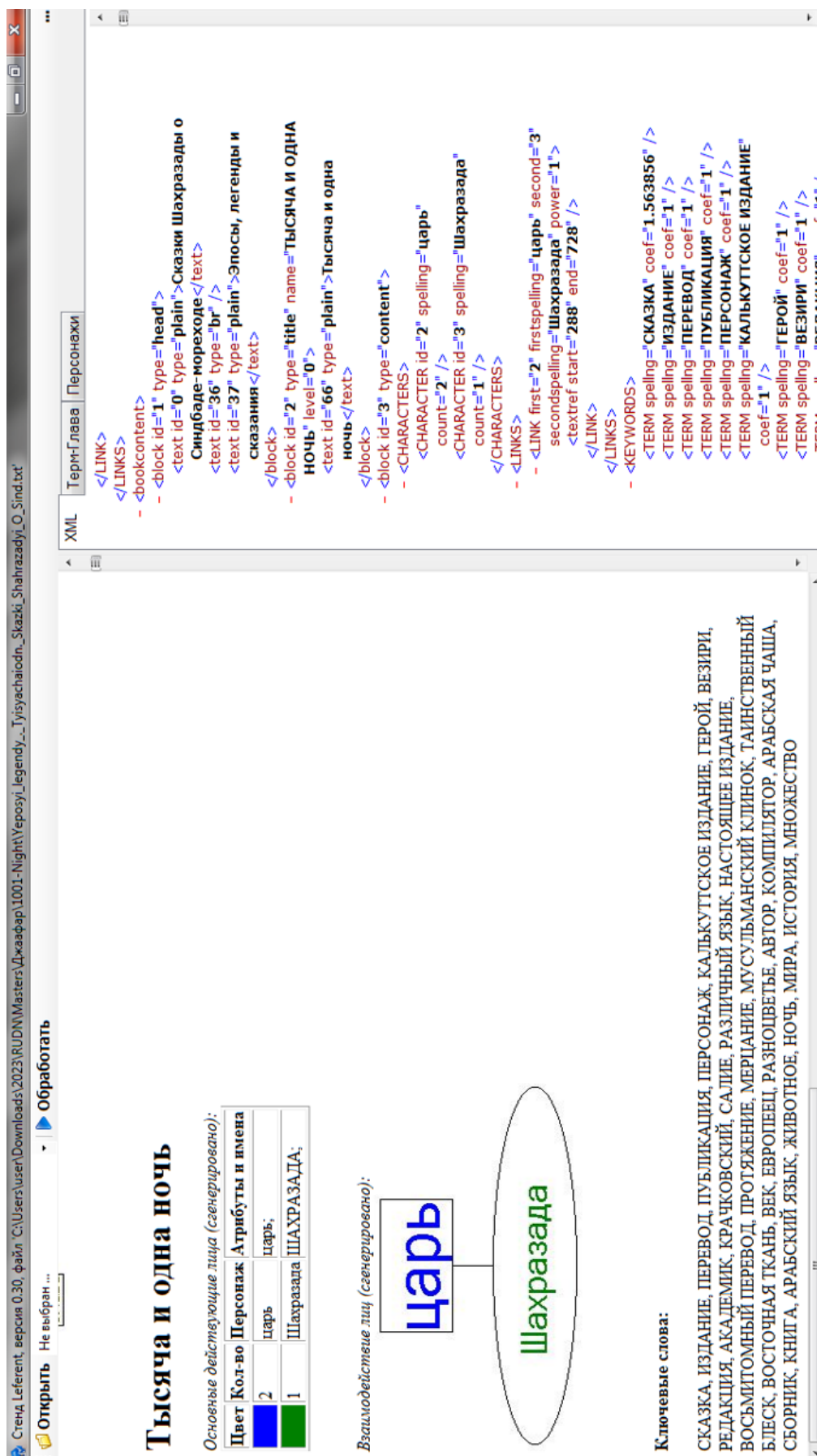

Рис. 1. Фрагмент концептосферы предисловия к книге сказок «Тысяча и одна ночь» и рамочного сюжета о Шахразаде и царе Шахрияре [Fig. 1. Fragment of the conceptual framework in the preface to One Thousand and One Nights and the framing narrative about Shahrazad and King Shahriyar]

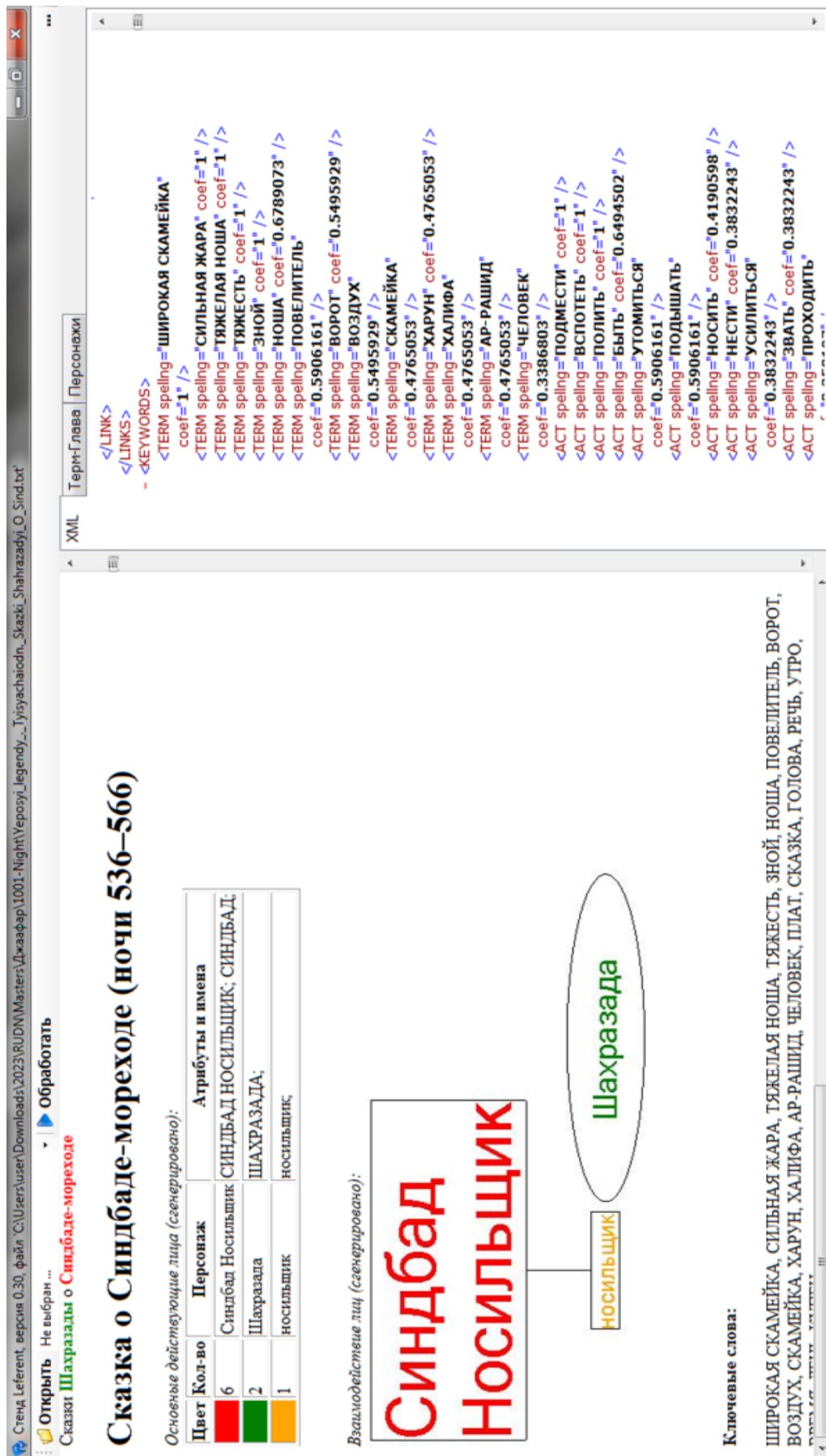

Рис. 2. Семантическое представление фрагмента сказки о Синдбаде-мореходе — концептосфера в виде графической схемы и XML-кода [Fig. 2. Semantic representation of a fragment of The Tale of Sinbad the Sailor — conceptual framework in the form of a graphic diagram and an XML Code]

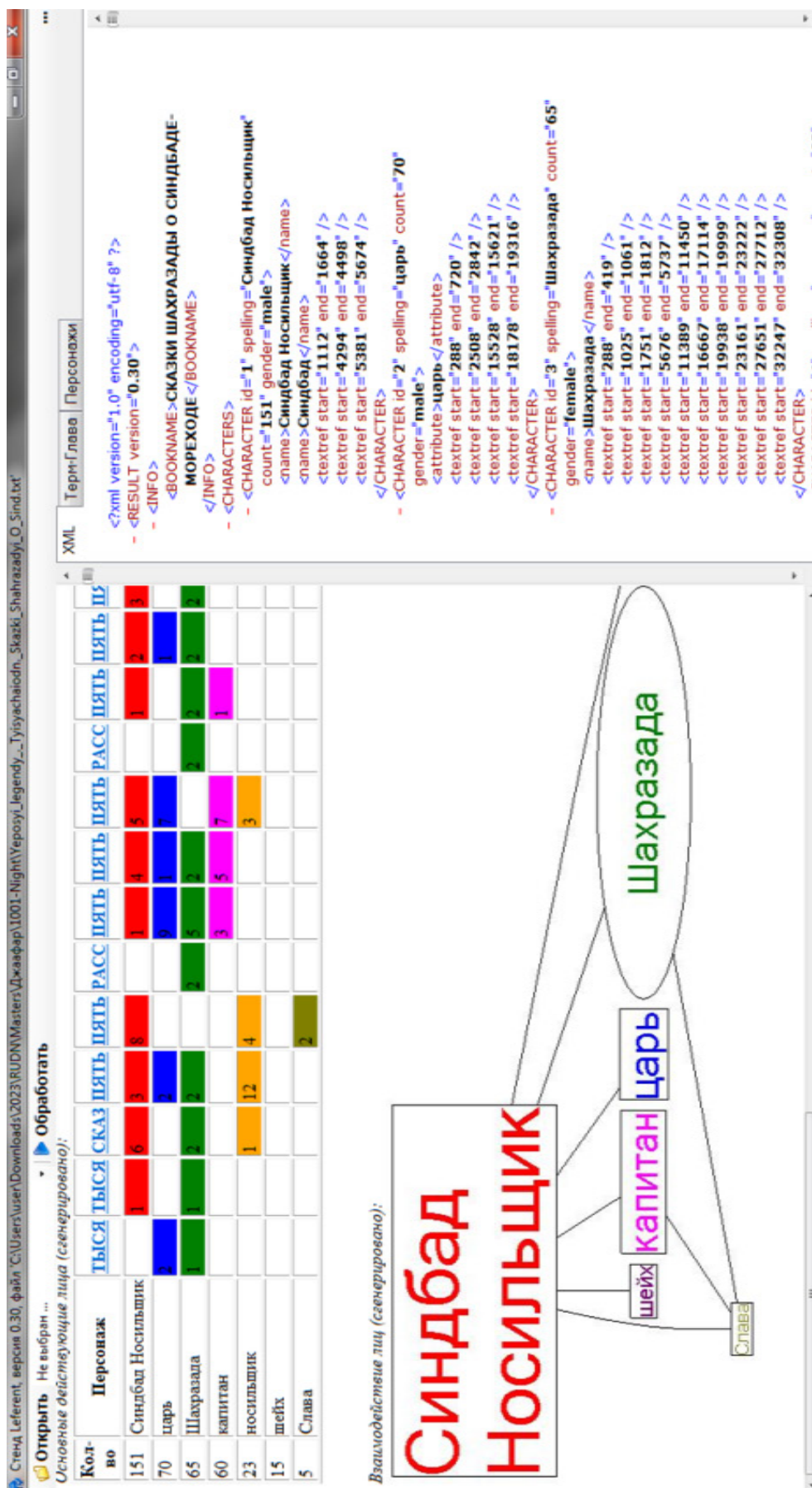

Рис. 3. Семантическое представление фрагмента сказки о Синбаде-мореходе (ночи 536–566) — *концептосфера* в виде графической схемы и XML-кода [Fig. 3. Semantic representation of a fragment of The Tale of Sinbad the Sailor (nights 536–566) — conceptual framework in the form of a graphic diagram and an XML Code]

6. Заключение

Вариативность языковой картины мира обусловлена такими имманентными свойствами естественного языка, как многозначность и неоднозначность языковых знаков. Эти свойства проявляются в устных и письменных текстах, где контекст играет ключевую роль в выборе конкретного значения из всех возможных вариантов языкового знака.

Сопоставление семантической структуры ключевых концептов русского и арабского языков наглядно иллюстрирует явление асимметрии языкового знака и вариативности языковой картины мира.

Культурно-значимые тексты включают авторские или народные произведения, которые, с одной стороны, отражают ключевые аспекты языковой картины мира носителей языка, а с другой стороны, сами оказывают влияние на ее формирование, особенно на лексическую часть. Концепты, выражения и устойчивые фразы из таких текстов становятся частью языковой системы и присутствуют в сознании носителей языка [Mirzoeva, Syurmen 2020: 659]. Таким образом, происходит формирование ментального пространства носителей языка.

В ходе исследований были определены наиболее важные и часто встречающиеся концепты в текстах сказок «Тысяча и одна ночь» на русском и арабском. Для русско-

язычных текстов использовался метод создания частотного словаря лемм с помощью программного инструмента ISV. Затем для выявленных концептов на русском языке подбирались их эквиваленты в арабских текстах. Такие частотные словари были составлены для всех текстов сказок.

Построен двуязычный лингвистический ресурс параллельных культурно-значимых текстов и структурно-семантических описаний ключевых концептов и опорных слов русского и арабского языков. Этот ресурс является новым, ему присвоено название АР-ЛинКор — ارلينكور (англ. ARLinCor) — Арабско-русский лингвистический корпус — الروسية العربية اللغوية المجموعة أرلينكور.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что разработанные методы, модели и лингвистический ресурс будут востребованной основой для создания и отладки систем машинного перевода, создания *датасетов* (специальных наборов данных) для обучения нейронных сетей и других систем с модулем машинного обучения, для улучшения точности и качества переводов. Полученные результаты могут использоваться в обучении языкам, помогая студентам лучше понять языковую картину мира, ее вариативность и культурные особенности носителей русского и арабского языков.

Литература

- АТСИОНД 2020 — Козеренко Е. Б., Михеев М. Ю., Сомин Н. В. [и др.]. Аналитическая текстология в системах интеллектуальной обработки неструктурированных данных / // Информатика и ее применения. 2020. Т. 14. № 1. С. 113–120. DOI: 10.14357/19922264200115
- Большаков 2024 — Большаков С. С. Анализ записей пользователей социальных сетей для выявления актуальных проблем // Интерактивная наука. 2024. № 1(87). С. 45–50. DOI 10.21661/r-561564.
- Вежбицкая 1999 — Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 345 с.
- Вежбицкая 2001 — Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 287 с.

References

- Kozerenko E. B., Mikheev M. Yu., Somin N. V. et al. Analytical textology in intelligent processing systems for unstructured data. *Informatics and Applications*. 2020. Vol. 14. No. 1. Pp. 113–120. (In Russ.) DOI: 10.14357/19922264200115
- Bolshakov S. S. Social network users' posts' analysis for actual problems' detection. *Interactive Science*. 2024. No. 1(87). Pp. 45–50. (In Russ.) DOI 10.21661/r-561564.
- Wierzbicka A. Semantic Universals and Language Description. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1999. 345 p. (In Russ.)
- Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2001. 287 p. (In Russ.)

- Гумбольдт 1985 — *Гумбольдт В. Ф.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
- Корнилов 2000 — *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов: дисс. ... д-ра культурологии. М., 2000. 460 с.
- Зализняк 2006 — *Зализняк А. А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
- Лихачев 1997 — *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // *Русская словесность: антология* / под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
- Санцевич 2003 — *Санцевич Н. А.* Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (Метафоры и семантические оппозиции): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 268 с.
- Серебренников и др. 1988 — Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова и др. М.: Наука, 1988. 216 с.
- ТСДО 2008–2024 — Толковый словарь Даля онлайн [электронный ресурс] // URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=7657> (дата обращения: 24.09.2024).
- Эйнштейн 1967 — *Эйнштейн А.* Собрание научных трудов. В 4 тт. / под ред. И. Е. Тамма, Я. А. Смородинского, Б. Г. Кузнецова. М.: Наука, 1965. 630 с.
- Glaz 2022 — *Glaz A.* Linguistic worldview(s): approaches and applications. New York London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2022. 240 с.
- Jweid 2020 — *Jweid A. N. A.* The reception of The Arabian Nights in world literature // *Studies in Literature and Language*. 2020. Vol. 22. № 1. Pp. 10–15.
- Mansourov, Campara 2011 — *Mansourov N., Campara D.* System assurance: beyond detecting vulnerabilities. Campara: Elsevier, 2011. 346 с.
- Mirzoeva, Syurmen 2020 — *Mirzoeva L., Syurmen O.* Precedent Text as a Special Kind of Code in the Internet Communication // *Communication Trends in the Post-Literacy*
- Humboldt W. von. Language and Philosophy of Culture. Moscow: Progress, 1985. 452 p. (In Russ.)
- Kornilov O. A. Linguistic Worldview and Manifested National Mentality. Dr. Sc. (culturology) thesis. Moscow, 2000. 460 p. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A. Polysemy and Its Representation Means. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kultur, 2006. 672 p. (In Russ.)
- Likhachev D. S. Conceptosphere of the Russian language. In: Neroznak V. P. (ed.) The Russian Word: An Anthology. Moscow: Academia, 1997. Pp. 280–287. (In Russ.)
- Santsevich N. A. Using a Bilingual Journalistic Corpus for Variability Modeling of a Linguistic Worldview: Metaphors and Semantic Oppositions. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2003. 268 p. (In Russ.)
- Serebrennikov B. A., Kubryakova E. S., Postovalova V. I. et al. Human Factor in Language: Language and Worldview. Moscow: Nauka, 1988. 216 p. (In Russ.)
- Душа [Soul]. On: [Dal V. I.] ONLINE Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Available at: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=7657> (accessed: 24 September 2024). (In Russ.)
- Einstein A. Collected Scientific Writings. In 4 vols. I. Tamm, Ya. Smorodinsky, B. Kuznetsov (eds.). Moscow: Nauka, 1965. 630 p. (In Russ.)
- Glaz A. Linguistic Worldview(s): Approaches and Applications. New York, London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2022. 240 p. (In Eng.)
- Jweid A. N. A. The reception of The Arabian Nights in world literature. *Studies in Literature and Language*. 2020. Vol. 22. No. 1. Pp. 10–15. (In Eng.) DOI: 10.3968/12025
- Mansourov N., Campara D. System Assurance: Beyond Detecting Vulnerabilities. Amsterdam: Elsevier, 2011. 346 p. (In Russ.)
- Mirzoeva L., Syurmen O. Precedent text as a special kind of code in the Internet communication. In: Simpson R. et al. (eds.) *Communication Trends in the Post-Literacy Era*:

Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism As Preconditions for New Creativity. Ekaterinburg: Ural University Press, 2020. C. 648–660.

Toporkov, Agerri 2024 — *Toporkov O., Agerri R.* On the Role of Morphological Information for Contextual Lemmatization // *Computational Linguistics*. 2024. T. 50. № 1. C. 157–191.

Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity. Yekaterinburg: Ural University Press, 2020. Pp. 648–660. (In Eng.)

Toporkov O., Agerri R. On the role of morphological information for contextual lemmatization. *Computational Linguistics*. 2024. Vol. 50. No. 1. Pp. 157–191. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 2, Pp. 499–509, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 39. 398.5

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-499-509

Междисциплинарность в эдиционной практике (на примере томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»)

Евгения Николаевна Кузьмина¹

¹ Институт филологии СО РАН (д. 8, Николаева, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий

0000-0002-7389-7811. E-mail: kuzmina.evgenia2010@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© Кузьмина Е. Н., 2025

Аннотация. Цель настоящей статьи — осмысление опыта использования в многотомной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» комплексного междисциплинарного подхода при публикации томов серии и исследовании фольклорного материала. На основе *метода* включенного наблюдения автор статьи рассматривает положительные результаты создания коллаборации ученых смежных гуманитарных областей, деятельность которых направлена на представление такого полифункционального явления, как фольклор. *Результаты.* Выработка стратегии изучения и последующего издания высокохудожественных фольклорных произведений воплощена на научных принципах, единых для всех авторских коллективов, занятых в подготовке к изданию разноязычного материала. Немаловажное значение в представлении материала имеет его отбор с целью презентации высокохудожественных образцов, претендующих на звание памятников духовного наследия народа. Сибирская серия включает все крупные фольклорные жанры. Образцы представлены с параллельным фольклористическим переводом и снабжены обстоятельным научно-справочным аппаратом, призванным раскрыть для иноязычного читателя весь спектр национального колорита без ущерба его образного смысла. В этом отношении особая функциональная роль отводится комментариям к русскому переводу, которые поясняют все «темные» места в текстах. Основная направленность серии — дать представление о «живом» фольклоре, бытующем у народов сибирско-дальневосточного региона. В связи с этим большое значение придается аудиозаписям и нотной расшифровке звучащих музыкальных образцов, которые составляют обязательную часть в томах и представлены в виде приложения на грампластинках, компакт-дисках (CD) и USB-носителях (USB flash drives (SDs)). Таким образом, междисциплинарность проявляется в активном использовании современных мультимедийных технологий, неизмеримо расширяющих возможности научных исследований в области фольклористики и этномузыкознания. Особое внимание уделяется в томах серии текстологической проработке материала, при этом

неукоснительно соблюдение принципа невмешательства в текст. Диалектизмы, архаизмы, различные исполнительские особенности сохраняются в текстах без изменений, что создает достоверную документальную базу для последующего изучения языковых процессов у того или иного народа.

Ключевые слова: издание фольклора, академическая серия, междисциплинарность, научная концепция, фольклористический перевод, аудиозаписи, нотная запись фольклора, мультимедийные технологии в фольклористике

Для цитирования: Кузьмина Е. Н. Междисциплинарность в эдиционной практике (на примере томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока») // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 2. С. 499–509. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-499-509

Folklore Jewels of Siberia and Russia's Far East: Interdisciplinarity in Editorial Practices of One Publication Series

Evgeniya N. Kuzmina¹

¹ Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS(8, Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Chief Research Associate, Head of Department

 0000-0002-7389-7811. E-mail: kuzmina.evgenia2010[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Kuzmina E. N., 2025

Abstract. *Goals.* The article examines some challenges and outcomes of integrating comprehensive and interdisciplinary approaches during the preparation and publication of collections representing over thirty ethnic folklore traditions of Siberia and Russia's Far East. *Methods.* The paper addresses participant observation tools to trace the progress and effects of this integration. A substantial body of folklore patterns accumulated through the efforts of generations of scholars and collectors have shaped the monumental humanitarian project — *Folklore Jewels of Siberia and Russia's Far East*. *Results.* The sixty-volume work provides a complete representation of major genres, such as epic poetry, fairy tales, myths, legends, lore, ritual poetry, and folk songs. The project team of humanitarians has included folklorists, linguists, ethnomusicologists, and ethnographers. So far, a total of thirty four volumes have been published, with two more on the way. Artistic merits of the volumes are exceptional, since the latter vividly represent the Altaian, Belarusian, Buryat, Dolgan, Mansi, Nanai, Nenets, Russian, Tuvan, Udege, Khakass, Shor, Evenk, and Yakut folklore traditions. Published in accordance with universal scholarly guidelines, the editions encompass quite a diversity of genres and languages. Original-language texts are paralleled by folklore translations that preserve the former's figurative language. The text corpus is accompanied by comments elucidating phraseological expressions, ethnographic and historical contexts, and mythological or worldview elements that might be unclear ('opaque') to non-native speakers. Textual processing of the published samples primarily involves punctuation correction, with dialectal, archaic, performance-related, and orthographic features left unaltered. Linguists are thus granted opportunities to analyze linguistic processes diachronically. The series successfully integrates contributions of both folklorists and ethnomusicologists. Ethnomusicologists have provided the first complete musical notation of heroic tales in Volumes 17 and 29. The evolution of music applications has mirrored technological progress, a transition encompassing — gramophone records, compact discs (CDs), and USB flash drives (SDs). The book design also bears certain semantic essentials. The volumes are uniformly bound in blue, a color symbolizing the sacred sky in Siberian traditions, and each protective packaging features a unique, unrepeated ornament to exemplify most sophisticated ornamental traditions of Siberian cultures. It should be noted that the series includes contemporary field notes alongside archival materials. Insights into various texts illuminate the lifespan of folklore — from its peak to the contemporary period. The paper asserts the efficiency of integrated interdisciplinary methodologies in the study and publication of folklore.

Keywords: folklore publications, academic series, interdisciplinarity, scholarly concept, translation of folklore, audio recordings, musical notation, multimedia technologies

For citation: Kuzmina E. N. *Folklore Jewels of Siberia and Russia's Far East: Interdisciplinarity in Editorial Practices of One Publication Series. Oriental Studies*. 2025; 18(2): 499–509. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-499-509

1. Введение

Фольклор народов Сибири разнообразен в жанровом воплощении и представлен как крупными произведениями эпоса, так и малыми жанрами в прозаическом и музыкально-поэтическом исполнении. Начиная с XIX в., поколениями ученых и собирателей создана огромная коллекция фольклорных материалов, большая часть которых ждет своего опубликования. Задача раскрытия всего этого богатства стоит перед ставшей известной в научном мире академической многотомной серией «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», подготовка и издание которой осуществляются в Институте филологии СО РАН с 1990 г.

На сегодня опубликованы 34 книги, следующие, 35-й том «Народные песни алтайцев» и 36-й «Бурятские героические сказания», находятся в редакционной работе издательства. В академической серии представлен фольклор в развитии: от его классических форм, которые были зафиксированы в период их активного бытования, до современных записей, сделанных в ходе фольклорных экспедиций сотрудниками сектора фольклора народов Сибири и авторскими коллективами готовящихся к изданию томов. В настоящей статье с применением метода включенного наблюдения представлено осмысление опыта внедрения в эдиционную практику комплексных междисциплинарных подходов публикации разноречных и многожанровых фольклорных произведений.

2. Материалы и научная концепция серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»

Создание серии было инициировано сибирскими учеными. Идея масштабной публикации произведений устной поэзии сибирских народов оформилась к 70-м гг.

XX в., когда ученые осознали, что располагают фундаментальной базой фольклорного материала, формирование которой началось еще с конца XVIII в. и активно стало пополняться в результате деятельности величайших ученых, как В. В. Радлов, Г. Н. Потанин, И. А. Худяков и др. Огромный вклад в собирание фольклорного и этнографического материала внесли высокообразованные представители национальной интеллигенции Н. Ф. Катанов, Ц. Ж. Жамцарано, А. Е. Кулаковский, А. А. Саввин и многие другие. Открытие в 40-х гг. XX в. научно-исследовательских учреждений в Сибири положило начало планомерному сбору и фиксации фольклорных произведений. Например, как пишет В. В. Миндибекова, в 1944 г. в г. Абакане был создан научно-исследовательский институт, в котором «сформировалась национальная интеллигенция, являющаяся преемницей лучших традиций дореволюционной и советской науки. В число своих первоочередных целей институт поставил собирание материалов по всем жанрам и видам хакасского фольклора, пропаганду среди населения задач собирания и сохранения устного творчества» [Миндибекова 2021: 85]. Такая же картина сложилась повсеместно по всей Сибири. К собирательской работе были привлечены ученые, писатели, учителя, краеведы, грамотные знатоки и носители родного фольклора. В результате такой деятельности было собрано огромное количество фольклорных коллекций, которые пополнили архивы и рукописные фонды, превращаясь в недвижимое богатство. Лишь мизерная часть из этих собраний увидела свет в виде публикаций и практического материала в исследованиях ученых.

В 1970 г. на Всесоюзной научной конференции в г. Улан-Удэ учеными Сибири был поднят вопрос о необходимости создания на-

учного журнала по фольклористике и настоятельной необходимости публикации фольклорных образцов, собранных поколениями собирателей и хранящихся в архивах страны. После подготовительной проработки идеи, проведенной бурятскими и якутскими учеными, она получила в 1981 г. реальное подтверждение в виде решения Президиума Сибирского отделения АН СССР и Бюро РИСО АН СССР об издании 60-томной научной двуязычной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Практическая реализация проекта была возложена на д-ра филол. наук А. Б. Соктоева и сектор фольклора народов Сибири, созданный под его руководством, который был призван стать научно-координационным центром для авторских коллективов томов.

Стало очевидно, что для успешной публикации разножанрового материала была необходима выработка нового подхода, который мог бы продемонстрировать «живое» бытование фольклора во всей его совокупности. Поскольку в российской гуманитарной науке не было еще примера таких изданий, требовалось продумать методологическую базу, научную концепцию всего издания и единые научно-издательские требования, которые объединили бы в одной серии многоязычный специфический и уникальный в своем воплощении фольклор разных этносов, у которых он был зафиксирован в неодинаковой степени своей сохранности. В серии планировалось представить фольклор более тридцати этносов Сибири и Дальнего Востока, из которых не все до сих пор имеют свою устоявшуюся письменность. Эту проблему необходимо было решать по мере подготовки соответствующих томов к печати. Для авторских коллективов томов организаторами Серии была озвучена ее научная концепция, которая заложила в своей основе главный постулат — представить для публикации из всего массива произведений высокохудожественные образцы живого бытующего фольклора и исходить в своей работе из следующих основных принципов:

- представлять оригинальные тексты без искажений, с сохранением аутентичности народной речи и диалектных особенностей;
- дать параллельный перевод фольклорных текстов на русский язык;

- проводить комплексное изучение фольклорного материала;

- проводить регулярные экспедиционные исследования с применением методов фольклористики, лингвистики, этнографии, этномузыкознания;

- проследить эволюцию фольклора через сочетание классических архивных материалов и современных записей;

- давать жанровую классификацию с использованием национальной терминологии;

- подбирать варианты фольклорных произведений, что будет свидетельствовать об устной природе фольклора;

- для систематизации материала создавать различные указатели.

3. Организация комплексного подхода к освещению сибирского фольклора

Для начала реализации проекта «Научная подготовка и издание томов Серии» был разработан проспект издания, в котором фольклор сибирско-дальневосточного региона, включая переселенческие народы, был сформирован в национальные корпуса, включающие в себя от однотомника до 7 томов в зависимости от наличия полноценных коллекций и сохранности фольклора у определенных народов. Минимальный объем книги ограничивался 20 печатными листами. Для репрезентативности было решено по возможности каждый жанр представлять в отдельной книге, а при наличии более объемного корпуса публиковать произведения в двух томах, как, например, бурятский и якутский эпос, русский и белорусский обрядовый фольклор.

Большую роль в разработке стратегии Серии сыграло учреждение Главной редколлегии, в первый состав которой вошли видные ученые страны: Э. Е. Алексеев, В. М. Гацак, А. П. Деревянко, Н. В. Емельянов, И. И. Земцовский, Х. Г. Короглы, Е. Н. Кузьмина, Б. Н. Путилов, Ю. И. Смирнов, А. Б. Соктоев, М. И. Тулохонов, Е. И. Убрятова, Ю. И. Шейкин, которые представляли такие области гуманитарной науки, как фольклористика, лингвистика, археология, этнография, этномузыкология.

Исходя из глубокого понимания природы фольклора, его многокомпонентности и

полифункциональности, а главное, полноценного бытования на сибирско-дальневосточной территории, учеными была выработана научная концепция серии, основанная на комплексном междисциплинарном подходе к осмыслению и освещению «живого» фольклора народов Сибири, о которой говорилось выше. Но для успешной реализации проекта необходимы были и организационные мероприятия, учитывающие характер научной концепции. Ключом к решению этой глобальной задачи тогда стало формирование коллаборации представителей из всех научных и вузовских институтов Сибири, ведущих ученых Москвы, Санкт-Петербурга, отдельных носителей-энтузиастов, интересующихся родной культурой и фольклором.

Философы-эпистемологи считают, что *«одна из главных черт современной науки переднего края и интеллектуальной деятельности вообще выражается понятием междисциплинарности. В отличие от дисциплины, которая символизирует синхронный срез развития науки как социального института, междисциплинарное взаимодействие — диахронный и эмерджентный момент, характеризующий выраженную динамику и ведущий к новым формам организации научного знания»* [Междисциплинарность в науках 2010: 10].

Действительно, работа по подготовке к изданию томов Серии была продумана иначе, по сравнению с тем, как это было принято у гуманитариев прежде. Был сформирован огромный авторский коллектив Серии, объединенный единой задачей и способный предложить разные методы с точки зрения смежных научных областей. В гуманитарной науке Сибири такой мультидисциплинарный подход к публикации фольклора был предложен тогда, в 80-е гг. XX в., впервые. Новизна проекта проявилась и в том, что Серия представляла фольклор в его живом звучании, объединяя в себе и слово, и музыку, и действие. Слово было представлено в томах корпусом текстов, слово и музыка звучат в аудиоприложениях к книгам, действие зафиксировано в видеозаписях обрядов сибирских и дальневосточных народов, которые можно будет увидеть в то-

мах обрядового фольклора алтайцев, бурят, коряков, хантов, рукописи которых находятся в редакционной подготовке в секторе фольклора народов Сибири.

Счастливым обстоятельством для Серии стало сотрудничество с Новосибирской государственной консерваторией им. М. И. Глинки, руководство которой глубоко прониклось идеей фольклористов о совместной работе над крупным гуманитарным проектом XX в. Консерватория стала опорным учреждением для Института филологии СО РАН, кузницей научных кадров для сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, где создана музыковедческая группа. Этномузыковеды стали активными участниками в экспедиционной работе, в научной подготовке томов Серии, внося свой неоценимый вклад в развитие Серии. Таким образом, Институт филологии СО РАН стал единственным научным учреждением страны, в котором в дружном единении работают в одном крупномасштабном проекте фольклористы и этномузыкологи.

Серия воплотила на практике комплексный междисциплинарный подход, объединивший научные методы фольклористики, этномузыкознания, лингвистики, исторических наук, но при этом текстовый подход остался основным. Скрупулезная текстологическая подготовка, включающая бережную сохранность языкового материала, ориентирована на последующее лингвистическое изучение процессов, происходящих в языке. Глубокое исследование музыкальной составляющей фольклора на примере конкретных образцов дает возможность раскрытия и сопоставления уникального интонирования музыкальных произведений многих этносов, относящихся к разным языковым семьям. Таким образом, серия предложила в 80-е гг. XX в. новый подход к постижению фольклорного феномена.

Поскольку Серия шла непроторенными путями, в преддверии работы над томами необходимо было снабдить авторские коллективы методическими рекомендациями с целью объединения их усилий, оказания методологической помощи и обеспечения единства в подаче разноязычного фоль-

клорного материала. Следовало в полноте и объеме представить распространенность жанрового, сюжетно-мотивного состава фольклорных образцов с учетом временного развития, от периода былого активного состояния фольклора, зафиксированного поколениями собирателей XIX и XX вв., до угасания традиции в наши дни.

Для четких ориентиров многочисленных авторских коллективов Главная редакционная коллегия серии разработала и утвердила на Бюро Научного совета по фольклору АН СССР в 1982 г. «Принципы и порядок подготовки томов серии „Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока“», которые впоследствии в 2003 г. претерпели изменения и дополнения, исходя из опыта, накопленного сотрудниками сектора фольклора народов Сибири в ходе научной подготовки опубликованных томов [Принципы и порядок 2003]. Эта небольшая брошюра лаконично, но емко и поэтапно изложила процедуру и концепцию подготовки рукописей, ход работы над томами, начиная с отбора и подачи текстов, особенностей расшифровки аудиозаписей, характера научных статей и научно-справочного аппарата, включая сведения о текстологической работе, проведенной по отношению к публикуемым образцам. Отдельное внимание уделялось характеру русского перевода, который параллельно сопровождал каждый оригинальный образец, подчеркивалась необходимость точной расшифровки каждого музыкального произведения, публикуемого в томе.

Для создания печатного издания в самом начале требовалось решить шрифтовую проблему. На момент организации Серии во всех публикациях того времени, где помещался текст, национальные буквы вписывались вручную тушью. По ходу работы над рукописями томов решались проблемы шрифтов с национальными символами, текстологические задачи, вопросы презентации в печатном издании устного слова в его живом звучании. Сибирские ученые глубоко погрузились в работу. Весь огромный коллектив, заряженный идеей открытия миру фольклорного богатства Сибири и состоящий из представителей научного со-

общества и национальной интеллигенции, хорошо понимал суть родного фольклора и поэтому стремился как можно полнее раскрыть фольклорное разнообразие и поэтическую полноту в отобранных для издания высокохудожественных произведениях.

От Главной редакционной коллегии Серии в первом ее томе «Эвенкийские героические сказания» была опубликована программная статья «Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока: истоки и традиции», написанная главным редактором Серии акад. А. П. Деревянко и его заместителями — чл.-корр. В. М. Гацаком и А. Б. Соктоевым [Гацак и др. 1990: 10–71]. На основе анализа уникальных археологических находок, первых фольклорных и этнографических открытий сибирских экспедиций петровского времени и последующих веков, обзора собирательской работы, проведенной М. А. Кастреном, А. Ф. Миддендорфом, венгерскими учеными Б. Мункачи, И. Папай, фундаментальных изданий, осуществленных В. В. Радловым, Э. К. Пекарским, Н. Ф. Катановым, Ц. Ж. Жамцарано, в статье была дана широкая панорама культурной самобытности сибирских народов от палеолита до наших дней. Была установлена связь времен, традиций и народов, живущих на обширной сибирско-дальневосточной земле и обладающих уникальным духовным богатством.

Особое внимание было обращено на дальнейшее продолжение собирательской деятельности по сбору фольклорного материала. С созданием сектора фольклора народов Сибири, выполняющего роль научно-координационного центра подготовки рукописей томов, началась активная экспедиционная работа по всей обширной сибирско-дальневосточной территории. Так был переброшен мост между коллекциями, накопленными в течение XIX–XX вв., и современными фиксациями, начиная с 1984 г. по настоящее время. Благодаря такому диахроническому подходу исследователям была предоставлена возможность проследить у сибирских народов развитие фольклора во времени, выявить трансформационные процессы и отражение печати времени на жизни фольклорных мотивов.

Изучение фольклорных традиций народов Сибири и подготовка к изданию томов

60-томной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» приобрели особую значимость и актуальность в условиях глобализации и быстрой утраты традиционной культуры. Всестороннее и достоверное представление богатого фольклорного наследия народов Сибири и Дальнего Востока стало основной научной задачей перед авторскими коллективами и составителями томов. Сибирская Серия — это единственное в мире издание, освещающее все крупные жанры фольклора более чем на тридцати языках коренных и переселенческих народов Сибири и Дальнего Востока в диахронном и синхронном представлении. Такой подход обеспечивает всестороннее и достоверное представление богатого фольклорного наследия народов Сибири и Дальнего Востока.

4. От тома к тому. Развитие Серии во времени

Предпринимаемая сибирская фольклорная Серия призвана представить миру духовное наследие сибирских народов в его широте, глубине, сохранности во времени и в неразрывной связи с истоками и в живом звучании. Каждый очередной том Серии ожидается научным сообществом с нетерпением. Несмотря на объективные и субъективные сложности, возникающие в ходе работы, 34 тома Серии дают возможность видеть ее поступательное развитие в ногу со временем и технологическим развитием в стране. Технический прогресс способствует успешной реализации новшеств в Серии, поэтому она не может оставаться в стороне от возможностей мультимедийной технологии.

Это проявилось в подготовке музыкально-ведческого раздела в каждой книге. Оцифровка всего массива фольклорных текстов, объединение слова и его звучания на грампластинках, впоследствии на компакт-дисках, а теперь на иных носителях в виде карты (USB flash drives) и QR-кодах, стало обязательным этапом подготовки томов Серии.

Кроме этого, в Серии показано разнообразие и богатство национального орнаментального искусства, проявившегося в оформлении футляр-упаковки, куда вкладывается книга. И футляр, и обложка книг

своим характерным колоритом несут семантическую нагрузку, синим цветом символизируя голубое небо-тэнгри, священное для всех народов Сибири. Кроме этого, каждый футляр-упаковка имеет не повторяющийся орнамент на других томах Серии, т. е. если национальный фольклорный корпус включает 7 томов (как бурятский и русский) или 6 томов (якутский), то ни одна книга из них не дублирует орнамент на футляре. Таким образом, каждый этап в подготовке Серии продумывался и был направлен на полное раскрытие уникального фольклора каждого этноса. При всем единообразии оформления и подачи материала по параметрам Серии каждый том содержит свою «изюминку», характеризующую национальные особенности, мировоззренческие аспекты, этническое разнообразие своих носителей.

Еще один из важнейших принципов Серии — параллельный перевод фольклорных текстов на русский язык требует обязательного соблюдения в томах. Это наиболее сложный и трудоемкий этап в подготовке текстов к публикации, так как приходится иметь дело с переводом произведений из одной языковой системы в другую, кардинально отличающихся по своему грамматическому строю. Кроме этого, как правильно заметила Ю. В. Лиморенко, вслед за В. Я. Проппом и с учетом своего многолетнего опыта работы над томами, что большое значение имеет первичная обработка текста. Поскольку в томах приоритетом пользуются полевые записи фольклорного материала, то упущения и неверная расшифровка образцов могут привести к неточностям в переводе [Лиморенко 2021: 10].

При работе составителей над переводами в томах Серии учитывается предостережение В. Я. Проппа о том, что *«обработка особенностей словоизменения, словообразования и пр. недопустима. Вмешательство редактора в этих случаях представляло бы собой уже не только языковую, но и литературную правку и обработку. В большинстве случаев так называемая „литературная обработка“ должна квалифицироваться как варварство, если речь идет об издании памятников народного творчества»* [Пропп 1956: 204].

В переводческом процессе возникает ряд текстологических аспектов, связанных, по-

мимо расшифровок аудиозаписей и сверок с оригиналами, с разными графическими системами и алфавитами, пониманием диалектных слов и архаизмов, характером заимствованных слов, встречающихся в текстах. Принципиальные моменты, относящиеся к переводу, нашли четкое изложение в методологическом документе Серии [Принципы и порядок 2003: 9–10].

В философии науки установлено, что «Научная и социальная актуальность понятия междисциплинарности определяется не в последнюю очередь его связью со столь же популярным понятием инновации. Так, по мнению Дэна Спербера, м-исследования¹ как раз оказываются вызовами — иной раз радикальными — для участвующих дисциплин, поскольку часто приводят к возникновению инноваций» [Междисциплинарность в науках 2010: 10].

Междисциплинарность в серии «Памятники фольклора...» привела к инновационному прорыву, особенно ярко заметному в томах героического эпоса. В ходе полевой работы собиратели замечали, что в хакасском и особенно в шорском эпосе наблюдается двойная трансляция, когда сказитель пропевает, а затем пересказывает пропетый эпизод. Эта особенность никак и нигде не отражалась, и поэтому исследователи не акцентировали свое внимание на этой характерной черте. К тому же сложилась такая практика, когда сбор материала осуществлялся порознь: фольклористы записывали вербальные тексты, музыковеды — музыкальные образцы, при этом часто в публикациях приводились фрагментарные нотные записи. И только в 1998 г., когда в серии «Памятники фольклора...» был опубликован том «Шорские героические сказания» [Шорские героические сказания 1998], впервые на примере сказания «Кан Перген» была продемонстрирована вокальная и речевая манеры исполнения. Фольклорист А. И. Чудояков и этномузыковед Р. Б. Назаренко выявили 102 вокальные тирады, которые были полностью нотированы и проанализированы с музыковедческой точки зрения [Шорские героические сказания 1998].

¹ Здесь в тексте сокращение «м-исследования» означает «междисциплинарные исследования». — Е. К.

Опыт нотирования героического эпоса был продолжен этномузыковедом Г. Б. Сыченко в следующем томе «Фольклор шорцев», куда вошли сказание «Ак Кан», сказки, мифы, легенды, предания, шаманское камлание, заклинания, плачи-сыгыт (сыгыт), колыбельные песни, песни (сарын). В этом томе наряду с героическим сказанием «Ак Кан», полностью нотированным, была представлена нотная запись к другим музыкальным образцам, таким, как шаманское камлание, плачи, колыбельные песни, собственно песни [Фольклор шорцев 2010].

Конечно, нотная запись образцов возможна при наличии аудиозаписей. К сожалению, в сибирских коллекциях можно насчитать незначительное количество фонозаписей из-за отсутствия технических звукозаписывающих устройств в пору активного бытования фольклора. Только с появлением магнитофонов фольклорные произведения стали фиксироваться на пленку, но из-за дефицита самой пленки во время полевых записей собиратели часто переписывали аудиозаписи, перекладывая их на бумагу, для того, чтобы продолжить во время экспедиции дальнейшую фиксацию произведений.

Подобная картина наблюдалась и у бурятских собирателей. По счастливому стечению обстоятельств, благодаря стараниям ученого-фольклориста М. П. Хомонова, в архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее — ЦВРК ИМБТ СО РАН) сохранились магнитофонные аудиозаписи репертуара сказителя-улигершина Буры / Бууры Барнакова. На основе этих фонозаписей к настоящему времени подготовлен к печати том «Бурятские героические сказания». В текстовый корпус вошло одно из сказаний, которое является расшифровкой магнитофонной записи. Качество записи оставляет желать лучшего, но все же наличие аудиозаписи позволило нотировать весь текст сказания от начала до конца. Такая публикация героического эпоса в нотной записи явится новым словом в бурятском эпосоведении и продолжением опыта нотирования героического эпоса в Серии.

Открытая к инновациям, Серия не могла в своем развитии не использовать новые

мультимедийные технологии. Если в первых томах в качестве фоноприложения предлагалась грампластинка лишь с фрагментами образцов публикуемых вариантов произведений (из-за малого объема виниловой пластинки), то в последующих томах 11, 18, 20 и далее идет в комплекте компакт-диск. Начиная с тома 35, аудиоприложение будет доступно по QR-коду (в разделе «Содержание аудиоприложения» и на третьей странице обложки) и дублируется на прилагаемой USB-карте, прилагаемой к тому.

Дополнительный источник информации, сопровождающий публикацию текстов, представляют собой фотоиллюстрации как в черно-белом исполнении, так и цветном, которые дают визуальное представление о реалиях материальной культуры и народно-прикладном творчестве народов сибирско-дальневосточного региона (одежда, украшения, вышивка, орнаменты).

5. Заключение

На основе итогов работы и опыта внедрения комплексных междисциплинарных подходов к публикации фольклора более тридцати народов сибирско-дальневосточной территории можно констатировать, что идея поколений сибирских ученых успешно реализуется, опыт междисциплинарности в эдиционной практике полностью отвечает устной природе фольклора, раскрывая его полифункциональную суть, проявляющуюся в слове, музыке и действии. Большим подспорьем в исследовании и публикации такого уникального явления как фольклор является применение современных мульти-

медийных технологий. В серии одним из научных принципов публикации фольклорного материала является демонстрация живой традиции. Это возможно путем включения звучащих текстов, записанных в ходе реального исполнения. Помимо эстетического интереса, звукозаписи ценны тем, что являются достоверным источником, дающим представление о бытовании фольклорного текста, о его естественном звучании, индивидуальной манере исполнителя [Кузьмина 2022: 10]. Научные принципы, принятые в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», оптимальны для всех, кто занимается публикацией фольклорного материала. Серия стала признанным в научном сообществе крупным гуманитарным проектом, соответствующим мировому научному уровню. Тома Серии получили свое практическое воплощение. По структуре и принципам, принятым в томах, публикуются фольклорные произведения в Бурятии и Якутии. Об этом свидетельствуют издания последних лет, подготовленные Н. Н. Николаевой [Бурятский героический эпос 2022] и под руководством М. Т. Сатанар [Кёр Буурай 2022; Дугуйа Бөгө 2023]. Кроме этого, книги с соответствующим содержанием пользуются читательским интересом в национальных регионах, некоторые из них, как например, опубликованное в томе якутское сказание-олонхо «Кыыс Дэбилэйэ» получило сценическую жизнь и включено в репертуар Якутского драматического театра и студенческих театральных коллективов. Тома песенной и обрядовой поэзии русского народа пользуются интересом фольклорных групп.

Литература

- Бурятский героический эпос 2022 — Бурятский героический эпос «Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хүбүүн». «Хүхэрдэй мэргэн» / науч. перев., предисл., коммент., примеч., словарь неперевед. слов Н. Н. Николаевой. Корректурa бурятского текста, ред. перевода Б.-Х. Б. Цыбиковой. Улан-Удэ: Респ. тип., 2022. 360 с.
- Гацак и др. 1990 — Гацак В. М., Деревянко А. П., Соктоев А. Б. Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока: истоки и

References

- Khüilen Khükhe Moritoi Khükheldei Mergen Khübüün. Khükherdei Mergen: A Buryat Heroic Epic. N. Nikolaeva (transl., foreword, etc.); B.-Kh. Tsybikova (Bur. text, ed.). Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2022. 360 p. (In Bur. and Russ.)
- Gatsak V. M., Derevyanko A. P., Soktoev A. B. Folklore of Siberia and Russia's Far East: Origins and traditions. In: Myreeva A. N.

- традиции // Эвенкийские героические сказания / сост. А. Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, СО, 1990. С. 10–70.
- Дугуйа Бёгё 2023 — Дугуйа Бёгё: олонхо / М. Ф. Аммосов; сост. М. Т. Сатанар, А. А. Борисова, перевод А. Е. Шапошникова; отв. ред. М. Т. Сатанар. Якутск: Алаас, 2023. 248 с.
- Кёр Буурай 2022 — Кёр Буурай: олонхо / Н. С. Александров-Ынта Никиитэ; сост. В. В. Илларионов, М. Т. Сатанар, А. А. Борисова; отв. ред. М. Т. Сатанар. Якутск: Дани-Алмас, 2022. 620 с.
- Кузьмина 2022 — Кузьмина Е. Н. Поэтика бурятских сказаний на стадии угасания эпической традиции // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 9–20. DOI: 10.17223/18137083/81/1
- Лиморенко 2021 — Лиморенко Ю. В. Эдиционная текстология фольклора и практика фольклористического перевода // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 9–17. DOI 10.17223/18137083/75/1
- Междисциплинарность в науках 2010 — Междисциплинарность в науках и философии / отв. ред. И. Т. Касавин. М.: ИФ РАН, 2010. 205 с.
- Миндибекова 2021 — Миндибекова В. В. Невеселенная проза хакасов в материалах Рукописного фонда Хакаского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (1945–2000-е гг.) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 83–93. DOI: 10.25205/2312-6337-2021-2-83-93
- Принципы и порядок 2003 — Принципы и порядок подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Изд. 2-е, перераб. и дополн. Новосибирск: АРТА, 2003. 20 с.
- Пропп 1956 — Пропп В. Я. Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1956. С. 195–205.
- Фольклор шорцев 2010 — Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 годов / сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. 608 с.; ил.+ компакт-диск.
- (comp.) Evenki Heroic Tales. Novosibirsk: Nauka, 1990. Pp. 10–70. (In Russ.)
- Duguya Bögö: An Olonkho Recorded from M. Ammosov. M. Satanar, A. Borisova (comps.); A. Shaposhnikov (transl.), etc. Yakutsk: Alaas, 2023. 248 p. (In Yak. and Russ.)
- Ker Buurai: An Olonkho Recorded from N. Aleksandrov-Ynta Nikiite. V. Illarionov, M. Satanar, A. Borisova (comps.); M. Satanar (ed.). Yakutsk: Dani-Almas, 2022. 620 p. (In Yak. and Russ.)
- Kuzmina E. N. Poetics of the Buryat epics at the decline stage of the epic tradition. *Siberian Journal of Philology*. 2022. No. 4. Pp. 9–20. (In Russ.) DOI 10.17223/18137083/81/1
- Limorenko Yu. V. Editorial textual studies of folklore and practice of folkloristic translation. *Siberian Journal of Philology*. 2021. No. 2. Pp. 9–17. (In Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/1
- Kasavin I. T. (ed.) Interdisciplinarity in Science and Philosophy. Moscow: Institute of Philosophy (RAS), 2010. 205 p. (In Russ.)
- Mindibekova V. V. Khakass non-fairytale prose in the materials of the Manuscript Fund of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History (1945–2000s). *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2021. No. 2 (42). Pp. 83–93. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-83-93
- Alekseev N. A., Gatsak V. M., Kuzmina E. N. et al. (eds.) Compiling Volumes of the Series ‘Folklore Jewels of Siberia and Russia’s Far East’: Essentials and Schemes. Second edition, rev. and suppl. Novosibirsk: ARTA, 2003. 20 p. (In Russ.)
- Propp V. Ya. Editing texts of recorded folklore narratives. In: Skripil M. O. (ed.) Russian Folklore: Materials and Studies. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1956. Vol. 1. Pp. 195–205. (In Russ.)
- Arbachakova L. N. (comp.) Shor Folklore: Recordings of 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 (Folklore Jewels of Siberia and Russia’s Far East 29). Novosibirsk: Nauka, 2010. 608 p. (In Shor and Russ.)

Шорские героические сказания 1998 — Шорские героические сказания / вступит. ст., подгот. поэтич. текста, пер., коммент. А. И. Чудоякова; музыковед. ст. и подгот. нотного текста Р. Б. Назаренко. М.; Новосибирск: Наука, 1998. 463 с.

Chudoyakov A. I., Nazarenko R. B. (comps.) Shor Heroic Tales (Folklore Jewels of Siberia and Russia's Far East 17). Moscow, Novosibirsk: Nauka, 1998. 463 p. (In Shor and Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ORIENTAL STUDIES

2025. Т. 18. № 2

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 27.10.2025.

Формат бумаги 60х84¹/₈. Усл. печ. л. 27.67.

Тираж 100 экз. Заказ 25-25.

Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

Сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:

Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8